

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микроэлектроника*
Агрохимия	Мировая экономика и международные отношения
Азия и Африка сегодня	Молекулярная биология*
Акустический журнал*	Наука в России
Алгебра и анализ	Научное приборостроение
Астрономический вестник*	Нейрохимия*
Астрономический журнал*	Неорганические материалы*
Биологические мембраны*	Нефтехимия*
Биология внутренних вод*	Новая и новейшая история
Биология моря*	Общественные науки и современность
Биоорганическая химия*	Общество и экономика
Биофизика*	Океанология*
Биохимия*	Онтогенез*
Ботанический журнал	Оптика и спектроскопия*
Вестник РАН*	Палеонтологический журнал*
Вестник древней истории	Паразитология
Вестник ЮНЦ	Петрология*
Водные ресурсы*	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы философии	Поверхность*
Вопросы языкознания	Почвоведение*
Восток	Приборы и техника эксперимента*
Вулканология и сейсмология*	Прикладная биохимия и микробиология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная математика и механика
Генетика*	Природа
Геология рудных месторождений*	Проблемы Дальнего Востока
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геоморфология	Проблемы передачи информации*
Геотектоника*	Программирование*
Геохимия*	Психологический журнал
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Радиационная биология. Радиозэкология
Государство и право	Радиотехника и электроника*
Дефектоскопия*	Радиохимия*
Дискретная математика	Расплавы
Дифференциальные уравнения*	Растительные ресурсы
Доклады Академии наук*	Российская археология
Журнал аналитической химии*	Российская история
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российский иммунологический журнал
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал неорганической химии*	Русская литература
Журнал общей биологии	Русская речь
Журнал общей химии*	Сенсорные системы
Журнал органической химии*	Славяноведение
Журнал прикладной химии*	Социологические исследования
Журнал технической физики*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал физической химии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	Теоретическая и математическая физика
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретические основы химической технологии*
Записки Российского минералогического общества	Теория вероятностей и ее применение
Земля и Вселенная	Теплофизика высоких температур*
Зоологический журнал	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Успехи математических наук
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия географическая	Физика Земли*
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика плазмы*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика твердого тела*
Известия РАН. Энергетика	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Известия русского географического общества	Физиология растений*
Исследование Земли из космоса	Физиология человека*
Кинетика и катализ*	Функциональный анализ и его применение
Коллоидный журнал*	Химическая физика*
Координационная химия*	Химия высоких энергий*
Космические исследования*	Химия твердого топлива*
Кристаллография*	Цитология*
Латинская Америка	Человек
Лесоведение	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
Микробиология*	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2013, № 4

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 4 • 2013

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2013

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2013
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2013

Сдано в набор 15.07.2013 г.	Подписано в печать 24.09.2013 г.	Дата выхода в свет 27 кв.	Формат 60 × 88 ¹ / ₈
Офсетная печать	Усл.печ.л. 24.0	Усл.кр.-отт. 9.9 тыс.	Уч.-изд.л. 25.6
	Тираж 406 экз.	Зак. 1680	Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2013

Журнал и охрана археологического наследия <i>Макаров Н. А., Мунчаев Р. М., Энговатова А.В., Беляев Л. А.</i>	5
Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения <i>Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В.</i>	7
Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья <i>Борзунов В. А.</i>	20
Костяные булавки бронзового века: результаты радиоуглеродного датирования <i>Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э. П.</i>	35
Сельская территория Массалия в VI–III вв. до н.э.: по данным археологии <i>Супренков А. А.</i>	45
Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме <i>Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.</i>	58
Древнерусское “платье” из Изяславля: новая атрибуция <i>Орфинская О. В., Михайлов К. А.</i>	75
Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда) <i>Успенский П. С.</i>	86
Погребение патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре: исследования 2012 г. <i>Беляев Л. А., Капитонова М. А.</i>	99
Алебастровый саркофаг патриарха Никона: состав и возможные источники <i>Алексеев А. С., Завьялов С.М.</i>	109

Публикации

Раннесредневековый зооморфный керамический сосуд из могильника Едыс <i>Дзаттиаты Р. Г.</i>	113
Новые данные о древнерусских мечях типа А-местный <i>Беговаткин А. А.</i>	119

Дискуссии

Об этическом кодексе профессиональных археологов (зарубежный опыт) <i>Коренько В. А.</i>	125
---	-----

История науки

“Силоамский монолит” и “Верхотура”: археология русских участков в граде Давидовом <i>Чехановец Я.</i>	143
Гордон Рандольф Уилли – основоположник “поселенческой археологии” в США <i>Гуляев В. И.</i>	153
Археологические исследования в Чечне во второй половине 40-х – первой половине 50-х годов XX в. <i>Мамаев Х. М., Мамаев Р. Х.</i>	159

Критика и библиография

Population Dynamics in Prehistory and Early History. New approaches using stable isotopes and genetics / Eds E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin; Boston, 2012 <i>Добровольская М. В.</i>	168
Грузинская археология: обзор публикаций 2003–2006 гг. <i>Чхаидзе В. Н.</i>	172

Хроника

О выставке “Искусство ледниковой эпохи: появление современного мышления” в Британском музее <i>Дэвлет Е. Г.</i>	178
Конференция в честь 80-летия открытия памятника археологии “Древнее святилище Усть-Полуй” (Салехард, 2012 г.) <i>Федорова Н. В.</i>	180
II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей <i>Ситдииков А. Г., Тишкин А. А., Хузин Ф. Ш.</i>	181
К юбилею Наталии Николаевны Тереховой <i>Завьялов В. И.</i>	183
К 80-летию Светланы Викторовны Ошибкиной <i>Зимина М. П., Сорокин А. Н., Студзицкая С. В.</i>	184
Памяти Александра Васильевича Матвеева <i>Троицкая Т. Н., Деревянко А. П., Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Матвеева Н. П.</i>	186
Правила для авторов	188
Список сокращений	189
Авторский указатель за 2013 г.	190

Contents

Number 4, 2013

The ethics in archaeology and the policy of the journal <i>Makarov N. A., Munchaev R. M., Engovatova A. V., Belyaev L. A.</i>	5
The Oldowan site Mukhkai II: paleontological data for dating and reconstruction of the natural environment <i>Sablin M. V., Amirkhanov Ch. A., Ozherelyev D. V.</i>	7
The neolithic fortified settlements of the Western Siberia and Trans Urals <i>Borzunov V. A.</i>	20
Bone pins of the bronze age: the results of the radiocarbon dating <i>Shishlina N.I., van der Plicht J., Zazovskaya E.P.</i>	35
The village territory Massalia in the 6 th –3 rd cc. B.C.: the main problems <i>Suprenkov A. A.</i>	45
The land and the city: medieval ancient settlement in the surrounding of Vladimir-upon-Klyazma <i>Makarov N. A., Fedorina A. N., Shpolyanskij S. V.</i>	58
The Old Russian “dress” from Izjaslavl: new attribution <i>Orphinskaya O. V., Mikhailov K. A.</i>	75
Burial grounds with burnt corpses of the 8 th –13 th cc. in the North Western Caucasus (the dynamics of the grave ritual) <i>Uspenskiy P. S.</i>	86
The patriarch’s Nikon burial in the Resurrection New Jerusalem monastery: the investigations of 2012 <i>Belyaev L. A., Kapitonova M. A.</i>	99
The alabastr sarcophagus of patriarch Nikon: the composition and the possible sources <i>Alekseev A. S., Zavjalov S. M.</i>	109

Publications

The early middle-ages zoomorphic pottery vessel from the burial Edis <i>Dzattiaty R. G.</i>	113
The new data about Old Russian swords of A-handle type <i>Begovatkin A. A.</i>	119

Discussions

The legislation in the protection of archaeological heritage (the foreign experience) <i>Korenyako V.A.</i>	125
--	-----

History of Science

The “Siloam monolith” and “Verkhotur”: the archaeology of Russian parts in the City of David <i>Chekhanovets Y.</i>	143
Gordon Randolph Willey, the founder of the “settlement archaeology” in the USA <i>Gulayev V. I.</i>	153

Critics and Bibliography

Population Dynamics in Prehistory and Early History. New approaches using stable isotopes and genetics / Eds Elke Kaiser, Joachim Burger, Wolfram Schier. Berlin; Boston, 2012

Dobrovolskaya M. V.

168

Georgian archaeology: review of publications of 2003–2006

Chkhaidze V. N.

172

Chronicle

On the exhibition “The Ice Age art: arrival of the modern mind” (The British Museum)

Devlet E. G.

178

The conference in the honor of the 80th anniversary of the archaeological monument
“The ancient sanctuary Ust-Poluj” (Salekhard, 2012)

Fedorova N. V.

180

The second International congress of the medieval archaeology of the Eurasian steppes

Sitdikov A. G., Tishkin A. A., Khuzin F. Sh.

181

On the anniversary of Natalia Nikolaevna Terekhova

Zavjalov V. I.

183

On the 80th birthday of Svetlana Viktorovna Oshibkina

Zimina M. P., Sorokin A. N., Studzitskaya S. V.

184

On the memory of Alexander Vasiljevich Matveev

Troitskaya T. N., Derevyanko A. P., Molodin V. I., Polos'mak N. V., Matveeva N. P.

186

Rules for the authors

188

List of abbreviations

189

Author index, 2013

190

ЖУРНАЛ И ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В первых числах июля, в атмосфере острых дискуссий о будущем РАН, вызванных внесением в Государственную Думу закона “О Российской академии наук...”, прошел незамеченным серьезный и долгожданный сдвиг в вопросе охраны археологического наследия России: Законодательным Собранием был принят Федеральный Закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии”. Появился новый, более совершенный инструмент охраны наследия, благодаря которому его защита станет более строгой, а если понадобится – и более жесткой. Таким образом, мы немного продвинулись на обширном фронте борьбы за право на прошлое, его исследование и использование. Есть повод поздравить друг друга и поблагодарить всех, кто принял участие в дискуссии.

Дело не только в принятии нового ФЗ, хотя его значение трудно переоценить. Важно, что в обществе обозначилось понимание проблемы охраны своего прошлого, материализованного в археологических памятниках. Заинтересованные в развитии отечественной науки и культуры общественные группы научились находить друг друга в обширном пространстве современного социума, причем в самых разных стратах – среди ученых и в правительстве страны, в органах охраны правопорядка и в сфере деятелей искусства, в Думе и в молодежных клубах “по интересам”.

Работа по совершенствованию законодательства, связанного с защитой объектов археологии от разрушения и оформлением права на их исследования, идет, по меньшей мере, десятилетие, и позиция, которую занимает сегодня научное сообщество, сложилась не сразу. В 1980-х, 1990-х, даже в начале 2000-х годов были опробованы самые разные методы работы с любителями истории, теми, кто, казалось, искренне заинтересован в развитии методов полевых исследований и расширении поля деятельности археологов. Мы искали пути для включения находок, сделанных вне легальных раскопок, в общий комплекс научных материалов и готовы были вводить вещи в научный оборот, включать их в государственный музейный фонд, проводить экспертизы.

Однако оказалось, что ввести деятельность по добыче из земли находок в легальное русло

можно только при строгом, совершенном законодательстве. Попустительство разграблению мирового наследия (а памятники России, конечно, его часть) идет вразрез с Европейской конвенцией об охране археологического наследия, с писаными и неписаными представлениями об этике в науке. Мало того, следуя этим путем, мы были бы вынуждены мириться с невероятным информационным шумом, бесчисленными подделками и иными формами фальсификации истории, потоки которых давно размывают археологию. Не даром же по “Сети” и в печатных СМИ прокатилась мощная волна обвинений в адрес “профессионалов”, вызвавшая адекватную и достаточно громкую реакцию как на “Демократоре”, так и на других сайтах.

В ответ прозвучали голоса известнейших, уважаемых и в России, и в окружающем мире людей (см., например, убедительную своей сдержанной твердостью статью Льва Клейна “Археологи против черных” (газета “Троицкий вариант”. 26.02.2013. № 123. С. 12). Действительно, невозможно молчаливо терпеть разрушение основ культуры, невозможно допустить смещения целых пластов в сознании, определяющих “что такое хорошо и что такое плохо”. Сознание, однако, невозможно выстроить, опираясь только на закон – его определяют миллионы мелких сосудов, связывающих жизнь каждого человека с его страной и народом. Поэтому чрезвычайно важны не только слова, но и действия.

Позиция “Российской археологии” как фундаментального научного журнала в вопросах охраны археологического наследия давно заявлена и последовательно проводится. Именно в журнале прошла одна из первых дискуссий, публично обозначившая самостоятельное собирание древностей как нелегальную деятельность (РА. 2002. № 4. С. 70–89); журнал участвует в обсуждениях в Общественной палате и выступил соорганизатором одного из Круглых столов, посвященных вопросам фальсификации прошлого (РА. 2012. № 2. С. 181, 182); в нем публиковались отдельные выступления в ходе борьбы за принятие поправок к закону (РА. 2013. № 2. С. 191, 192). “Российская археология” ведет и менее заметную, но действительно работу, предотвращая публикацию нелегально добытых материалов, которые постоянно

пытаются пристроить в журнал то открыто, то в завуалированном виде (вместе с вещами из вполне легальных сборов). В основном их удастся выявить, но на первых порах они просачивались на страницы.

Лагерь браконьеров “от археологии” исключительно активен не только в поиске и коммерции – на наших глазах он превращается в хорошо организованное, вполне управляемое, владеющее приемами работы со СМИ, юридически грамотное, всеми силами пытающееся занять позицию в научном мире движение. Оно не жалеет денег на собственные книги и серийные издания, сайты и слеты. Оно стремится к тому, чтобы его деятельность была признана частью современной культуры и науки, чуть ли не альтернативным направлением в охране памятников и “альтернативной историей”. Понятны возможные выгоды: публикация находок в научных изданиях не только поднимает им цену, но и “отмывает” их, а кроме того, обеспечивает видимость законной деятельности для тех, кто их добыл.

В сложившихся обстоятельствах представляется необходимым сформулировать и ввести в состав требований журнала новое правило, согласно которому к публикации не будут приниматься статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (Открытого листа) и не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (ГМФ). Это ограничение, до сих пор действовавшее “по умолчанию”, мы включаем в новую редакцию “Правил для авторов” и просим всех наших читателей с ними ознакомиться (там есть и ряд других новых требований, технических).

Принимая эти правила, мы апеллируем не только к законодательным нормам, а, скорее, к научной этике и здравому смыслу. Это интуитивно ясные внутренние нормы, без которых не существует ни одно сообщество и ни один род коллективной деятельности. Лет 20–30 назад будущий археолог усваивал главные правила поведения в науке (и, что еще важнее, понимание ее целей) из популярных книг и первых экспедиций, опыта работы в музейном хранилище и архиве. Простейшее из правил музейных работников (они давно кодифицированы) – не собирать личную коллекцию предметов – было вполне понятно и археологу. О том, чтобы провести раскопки без Открытого листа или не сдать в музей находки, невозможно было и думать.

Всего этого, конечно, профессиональное сообщество не принимает и сегодня. Но появились промежуточные, на чей-то взгляд даже извини-

тельные формы работы с незаконно добытыми вещами. Например, атрибуция (подписанная или неподписанная – бывает по-разному) коллекции, составленной из нелегальных предметов, ее подготовка к публикации, экспонированию и даже (например, в форме реставрации) продаже. Это ведь большой соблазн и для ученого, которому до боли обидно пропускать плывущий в руки материал (часто очень яркий, просто взрывной), и для музейного сотрудника (с его вечной отговоркой “иначе продадут за границу”), да и просто для малообеспеченного специалиста (за атрибуцию, реставрацию, возможность выставить вещи или представить их закупочной комиссии обычно платят и, в зависимости от ситуации, довольно щедро).

Есть много вопросов для обсуждения всем археологическим сообществом. Например, ни нам, ни нашим коллегам на Западе не ясно, что все-таки делать с тем полководцем уже добытых вещей, которое растекается по антикварным рынкам и оседает в частных коллекциях. Предлагаются разные модели поведения: создавать в сводах особые разделы, где и публиковать, со многими знаками вопроса, подозрительные находки; учитывать их в работе, но не публиковать и не ссылаться на них. Все это стоит обдумать и обсудить в ходе дискуссии – сейчас же важно включить вопрос в повестку дня.

Археолог **обязан** быть “без страха и упрека” – слишком много ему доверено. Добиться этого – внутреннее дело сообщества, никто его не делает за нас. Приходится признать, что сегодня образ археолога – бескорыстного исследователя прошлого, преданного исключительно интересам науки – уже неочевиден и небесспорен для многих. Видимо, не избежать обсуждения и принятия “кодекса поведения профессионального археолога” (или, как его стали называть, этического кодекса). Начать имеет смысл с анализа уже существующих текстов (их все больше). В этом номере мы предлагаем вниманию коллег подборку этических норм современных ученых-археологов, принятых в Европе, США и Канаде. Мы готовы рассмотреть отзывы на них и проекты соответствующих текстов в разделе “Дискуссии”. Живое обсуждение, как представляется, может пройти на Археологическом съезде.

От имени редколлегии,
редакции журнала “Российская археология”
и коллектива Института археологии РАН
академик РАН *Н.А. Макаров*,
член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
зам. директора Института археологии РАН
А.В. Энговатова,
главн. ред. журнала *Л.А. Беляев*

СТОЯНКА ЭПОХИ ОЛДОВАНА МУХКАЙ II: ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ДАТИРОВКЕ И РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ

© 2013 г. М.В. Саблин*, Х.А. Амирханов**, Д.В. Ожерельев**

* Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург

** Институт археологии РАН, Москва (dim_as_oj@mail.ru)

Ключевые слова: *ранний плейстоцен, стоянка Мухкай II, Дагестан, фауна, датировка, палеоландшафт.*

The results of the studies of the unique for the North Caucasus fauna materials originated from the layer 80 of the Oldowan site Mukhkaï II are published in the article. The twenty six animal units of the four predatory mammals and six species of the graminivorous mammals were identified on the basis of these materials. The existing time of this animals' complex is considered in Europe to be in the range of 2.1–1.76 million years ago. Respectively the dating of the layer 80, Mukhkaï II, is close to the age of the site Dmanisi in the south Caucasus where the same range of big mammals is represented. The materials give the opportunity to reconstruct the open landscapes of savanna with the fields of the forest flora on the studied territory in the specified time.

Многослойная стоянка раннеплейстоценового времени Мухкай II была открыта Х.А. Амирхановым в центральной, среднегорной части Дагестана в 2006 г. (2007а–в). С момента открытия и до настоящего времени на стоянке осуществляются планомерные полевые исследования экспедиции Института археологии РАН и Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. К 2012 г. раскопкой траншеей почти полностью вскрыт разрез памятника общей мощностью около 80 м. Изучению археологической коллекции многослойной стоянки Мухкай II из разных слоев посвящен ряд специальных исследований (Амирханов, 2007а; 2008; 2010; 2012а, б; 2013). Параллельно этому несколько литологических слоев, содержащих археологические остатки, вскрыты на относительно широкой площади. Наиболее важен с точки зрения многочисленности и разнообразия археологического материала, а также степени сохранности культурных отложений *in situ* слой 80. Данный слой залегает на глубине 33.5–34 м от современной дневной поверхности. Он раскопан на площади 44 м² (Амирханов и др., 2012; Ожерельев, 2010; 2012).

Палеонтологический материал, представленный в данной работе, происходит из раскопок стоянки Мухкай II в 2009–2012 гг. (научный руководитель экспедиции Х.А. Амирханов; начальник экспедиции Д.В. Ожерельев). Для изучения

и хранения коллекция фаунистических останков передана в Зоологический институт РАН, где ее исследовал М.В. Саблин.

Деятельность древних обитателей стоянки, оставивших культурный слой 80, проходила на берегу небольшой естественной запруды или озера. Здесь отмечаются следы и производственной, и бытовой деятельности. Особую ценность памятнику придает чрезвычайно редкая возможность изучить реальную поверхность обитания древнейших людей с находками в первоначальном залегании, а не набор каменных артефактов, которые были сосредоточены в слое и рассеяны в нем под воздействием различных случайных факторов. Мощность культурного слоя за пределами границ древнего водоема с учетом его постпозиционных изменений не превышает 10 см.

Археологический материал слоя 80 состоит из кремневого инвентаря и фаунистических остатков. Количество находок кремневых изделий (без учета отмытых при промывке грунта чешуек обивки и ретуши) приближается на раскопанной площади к 900 экз. Коллекция костей крупных млекопитающих насчитывает более 300 находок (Амирханов, Ожерельев, 2011). Помимо костей крупных млекопитающих обнаружены остатки скелетов амфибий, рептилий, грызунов, раковины мелких сухопутных моллюсков, а также кости пресноводной рыбы. Очень интересная категория

находок – остатки мелких позвоночных – заслуживает специальной публикации после завершения ее детального исследования.

Палеонтологические находки рассматриваемого слоя были сосредоточены в глинистых отложениях, заполнявших некое углубление, от которого сохранилась лишь небольшая часть, исследованная раскопом практически полностью. Наличие на большинстве костей “рубашки” тонкого глинистого материала, составляющего собой заполнение данного углубления и не распространяющегося за его пределы, указывает на способ захоронения фаунистических остатков. Судя по наблюдаемой картине, кости попадали в некий неглубокий (не глубже 0.5 м на данном участке) пересыхающий и сильно заиленный водоем. После полного пересыхания водоема палеонтологический материал оказался “запечатанным” в глинистой массе, а последняя сама была захоронена в ходе дальнейших геологических процессов.

Комплекс палеонтологических находок данного слоя достаточен для довольно подробной реконструкции палеогеографической ситуации в период функционирования стоянки. Как будет видно из дальнейшего рассмотрения, эта картина предстает в виде саванновой степи с водоемами озерного типа и островками лесной растительности. Климат при этом был теплым и влажным, а высота над уровнем моря здесь составляла примерно 500 м (в настоящее время – 1600).

Рассматриваемый материал имеет существенное значение и с точки зрения его возможностей для датировки изучаемого отрезка культурных отложений памятника. Большое значение имеет тот факт, что эта датировка может быть верифицирована и конкретизирована данными по происходящим отсюда костным останкам мелких млекопитающих и, что особенно важно, результатами палеомагнитного анализа (Амирханов и др., 2012).

Итак, коллекция остатков крупных млекопитающих слоя 80 стоянки Мухкай II включает 301 кость (табл. 1): 181 определимых и 120 (39.9% от общего количества) неопределимых. Неопределимые кости в своем большинстве представлены фрагментами трубчатых.

Погрызы от зубов животных, следы от корней растений на костях не зафиксированы. Все находки (кости и эмаль зубов) белого цвета, степень их фоссилизации одинакова. Наблюдается сходство с ситуацией на стоянке Дманиси, где останки животных и людей также слабо прокрашены. Это достаточно необычно и может свидетельствовать

Таблица 1. Фауна млекопитающих стоянки Мухкай II

Вид	Кости, шт.	Особи
<i>Canis etruscus</i>	5	1
<i>Vulpes alopecoides</i>	8	1
<i>Pliocrocuta perrieri</i>	5	2
<i>Megantereon cultridens</i>	2	1
<i>Archidiskodon meridionalis</i>	1	1
<i>Equus (Allohippus) stenonis</i>	70	6
<i>Palaeotragus priasovicus</i>	3	1
<i>Eucladoceros senezensis</i>	51	9
<i>Gazellospira torticornis</i>	18	2
<i>Gallogoral meneghinii</i>	18	2
Всего определимых	181	26
Всего неопределимых	120	
	Копролиты	
<i>hyaenidae</i> gen.	4	

либо о чрезмерной концентрации карбоната кальция в древнем водоеме, либо о минимальном участии воды в захоронении костей.

В изученном материале нет целых скелетов, т.е. стоянка Мухкай II – не место массовой гибели животных от селя, наводнения. В то же время зафиксированы кости в сочленениях или анатомических связках. К таковым относятся (табл. 2): блок 1 – отдел задней конечности сложнорогого оленя *Eucladoceros senezensis*, состоящий из плюсны, центральной кости заплюсны, таранной, дистального эпифиза большой берцовой кости; блок 5 – отдел передней конечности горалоподобной антилопы *Gallogoral meneghinii*, состоящий из пясти, костей запястья, лучевой, дистального эпифиза плечевой (рис. 1, 1); блок 103 – отдел задней конечности лошади Стенона *Equus (Allohippus) stenonis*, состоящий из плюсны, пяточной, таранной, большой берцовой костей; блок 115 – отдел передней конечности лошади Стенона, состоящий из локтевой, лучевой, плечевой костей.

Из приведенных примеров следует, что погребались не только отдельные кости, но и фрагменты конечностей животных с мышцами и сухожилиями. После того, как фрагменты конечностей заносились илом, их части уже не перемещались друг относительно друга. В материале присутствует череп с рогами горалоподобной антилопы (блок 20а) в сочленении с нижней челюстью. Известно, что у трупов копытных в водной среде в первую очередь отделяется нижняя челюсть, при этом на суше расчленение скелета чаще всего происходит без отделения нижней челюсти. Предполагается, что голова антилопы с рогами была относительно быстро (до разрушения мышц и связок) захоронена на мелководье. Также в материале присутствуют

Таблица 2. Палеонтологический материал со стоянки Мухкай II

№ блока	Вид	Кость	Правая /левая	Уточнения	Шт.	Примечания
–	<i>Canis etruscus</i>	Обломок плечевой	Левая	Дистальный эпифиз	1	
–	<i>Canis etruscus</i>	Обломок задней метаподии V	Левая		1	
69	»	Первая задняя фаланга			1	
69	»	Вторая задняя фаланга			1	
140	»	Обломок второй фаланги			1	
40	<i>Vulpes alopecoides</i>	Обломок нижней челюсти	Правая	Дентале + зубной ряд C1+P2-M1	1	Одна особь
22	»	Зуб нижней челюсти	Левая	C1	1	
139	»	Зуб нижней челюсти	Правая	I2	1	
47	»	Запястье	Правая	Целая ладьевидная	1	
49	»	Целая передняя метаподия V	Левая		1	
137	»	Целая передняя метаподия I	Правая		1	
55	»	Первая фаланга			2	
142	<i>Pliocrocuta perrieri</i>	Обломок верхней челюсти	Левая	Максилла + C-P4	1	Одна особь
142	»	Обломок верхней челюсти	Правая	Максилла + I1-P4	1	
142	»	Обломок нижней челюсти	Левая	Дентале + зубной ряд I3-M1	1	
142	»	Обломок нижней челюсти	Правая	Дентале	1	
51	»	Зуб нижней челюсти	»	D3	1	Молодой
4	Hyaenidae gen.	Копролит			1	
52p	Hyaenidae gen.	Копролит			3	
68	<i>Megantereon cultridens</i>	Заплюсна	Правая	Первая клиновидная	1	
126	<i>Megantereon cultridens</i>	Обломок передней метаподии V	Левая	Проксимальный эпифиз	1	
52a	<i>Archidiskodon meridionalis</i>	Обломок бедренной	»	Проксимальный эпифиз	1	Молодой
–	<i>Equus (Allohippus) stenonis</i>	Зуб верхней челюсти	»	M1	1	Одна особь
–	»	»	»	P4	1	
–	»	»	»	P3	1	
–	»	»	»	M3	1	Одна особь
–	»	»	Правая	M2	1	
–	»	»	Левая	P2	1	

Таблица 2 (продолжение)

№ блока	Вид	Кость	Правая /левая	Уточнения	Шт.	Примечания
122a	»	»	Правая	M1	1	Одна особь
122a	»	»	»	M3	1	
122б	»	»	»	P4	1	
122б	»	»	»	M2	1	
48	»	Обломок нижней челюсти	Левая	Дентале + зубной ряд P3-M3	1	
119г	»	Обломок нижней челюсти	Правая	Дентале + зубной ряд D2-D4+M1	1	Молодой
–	»	Зуб нижней челюсти	Левая	P2	1	
–	»	Обломок зуба			10	
–	»	»			1	Молодой
–	»	»			1	Молодой
118	»	Целая лопатка	Правая		1	
78	»	Обломок плечевой	Правая	Дистальный эпифиз + диафиз	1	
115и	»	Целая плечевая	Левая		1	Одна особь
115л	»	Целая лучевая	»		1	
115л	»	Целая локтевая	»		1	
85б	»	Целая лучевая	»		1	Одна особь
85б	»	Целая локтевая	»		1	
115з	»	Целая лучевая	Правая		1	
131б	»	Обломок лучевой	Левая	Дистальный эпифиз	1	
15	»	Целая передняя метаподия	Правая		1	
3б	»	Целая передняя метаподия	Правая		1	
11	»	Обломок передней метаподии	Левая	Диафиз	1	
–	»	Обломок передней метаподии	Левая	Проксимальный эпифиз	1	
92	»	Целая передняя метаподия	Правая		1	Одна особь
92	»	Целая грифельная			2	
107a	»	Целая передняя метаподия	Правая		1	Одна особь
107a	»	Целая грифельная			2	
117	»	Целая передняя метаподия	Правая		1	Одна особь
117	»	Целая грифельная	Правая		2	

Таблица 2 (продолжение)

№ блока	Вид	Кость	Правая /левая	Уточнения	Шт.	Примечания
119a	»	Первая передняя фаланга	Правая		1	
110	»	Целая тазовая	Левая		1	Одна особь
110	»	Целая тазовая	Правая		1	
7	»	Обломок бедренной	Правая	Диафиз	1	
–	»	Обломок бедренной	Левая	Проксимальный эпифиз	1	
103a	»	Целая большая берцовая	Правая		1	Одна особь
103a	»	Целая пяточная	»		1	
103a	»	Целая таранная	»		1	
103a	»	Целая задняя метаподия	»		1	
20б	»	Целая задняя метаподия	Левая		1	
–	»	Обломок задней метаподии	Правая	Дистальный эпифиз + диафиз	1	
–	»	Обломок задней метаподии		Диафиз	1	
131a	»	Целая таранная	Левая		1	
85в	»	Целая таранная	Левая		1	
119б	»	Целая таранная	Правая		1	
107б	»	Целая пяточная	Правая		1	
127	»	Обломок пяточной	Левая		1	
52к	»	Целая задняя метаподия	Правая		1	
20г	»	Обломок первой задней фаланги	Правая	Диафиз	1	
133a	»	Вторая задняя фаланга	Левая		1	
41	»	Вторая задняя фаланга	Правая		1	
11б	»	Третья задняя фаланга	Правая		1	
–	»	Обломок фаланги			1	
60	<i>Palaeotragus priasovicus</i>	Запястье	Левая	Целая ладьевидная	1	
104б	»	Обломок передней метаподии	Левая	Проксимальный эпифиз	1	Одна особь
104б	»	Обломок передней метаподии	Левая	Дистальный эпифиз	1	
34	<i>Eucladoceros senezensis</i>	Обломок верхней челюсти	Правая	Максилла + D2-M1	1	Молодой
108a	»	»	Правая	Максилла + D2-M1	1	Молодой
108a	»	»	Левая	Максилла + D2-M1	1	Одна особь

Таблица 2 (продолжение)

№ блока	Вид	Кость	Правая /левая	Уточнения	Шт.	Примечания
115е	»	»	Правая	Максилла + P2-M3	1	Одна особь
115е	»	»	Левая	Максилла + P2-M3	1	
110	»	»	Правая	Максилла + M1-M3	1	
12а	»	Обломок нижней челюсти	Правая	Дентале + зубной ряд P2-M3	1	Одна особь
12б	»	Зуб верхней челюсти	»	M2	1	
21	»	Зуб нижней челюсти	»	I1	1	
21	»	»	Левая	I1	1	
21	»	»	»	I2	1	
21	»	»	»	I3	1	
125	»	Зуб верхней челюсти	»	M2	1	
104г	»	Зуб верхней челюсти	Правая	M1	1	Одна особь
104г	»	Зуб верхней челюсти	Правая	M2	1	
52г	»	Обломок нижней челюсти	Левая	Дентале + зубной ряд P3-M2	1	
88	»	»	Правая	Дентале + зубной ряд D2-D4+M1	1	Молодой
94б	»	»	Левая	Дентале + зубной ряд D4+M1	1	»
93	»	»	Правая	Дентале + зубной ряд D2-D4+M1	1	»
95	»	»	Правая	Дентале + зубной ряд D2-D4	1	»
114а	»	»	Левая	Дентале + зубной ряд D2-D4+M1	1	»
103б	»	»	Правая	Дентале + зубной ряд D2-D4	1	»
112	»	»	Левая	Дентале + зубной ряд D2-D4+M1	1	»
—	»	»	Правая	Дентале + зубной ряд D2-D3	1	»
115м	»	»	Правая	Дентале + зубной ряд I1-C1	1	Одна особь
115м	»	»	Левая	Дентале + зубной ряд I1-C1	1	
136	»	»	Левая	Дентале + зуб D4	1	Молодой
138	<i>Eucladoceros senezensis</i>	Зуб нижней челюсти	Левая	D2	1	Одна особь
31	»	»	Правая	D11	1	Молодой
27	»	»	Левая	D11	1	Одна особь

Таблица 2 (продолжение)

№ блока	Вид	Кость	Правая /левая	Уточнения	Шт.	Примечания
30	»	»	Левая	D13	1	Молодой
64	»	»	Правая	I1	1	
66	»	»	Правая	D2	1	Молодой
66	»	»	Правая	D3	1	Одна особь
73	»	»	Правая	Резец I1	1	
54	»	»	Правая	P2	1	
62	»	Обломок зуба		Молочный	1	Молодой
13	»	Обломок лучевой	Левая	Дистальный эпифиз + диафиз	1	Одна особь
13	»	Целое запястье	Левая		6	
13	»	Целая передняя метаподия	Левая		1	
3а	»	Обломок передней метаподии	Правая	Проксимальный эпифиз + диафиз	1	
1	»	Обломок большой берцовой	»	Дистальный эпифиз	1	Одна особь
1	»	Заплюсна	»	Целая таранная	1	
1	»	Заплюсна	»	Целая центральная	1	
1	»	Обломок задней метаподии	»	Проксимальный эпифиз + диафиз	1	
17	»	Обломок метаподии		Диафиз	1	
5	<i>Gazellospira torticornis</i>	Зуб верхней челюсти	Правая	P2	1	
71	»	Зуб верхней челюсти	»	P1	1	
132	»	Обломок нижней челюсти	Левая	Дентале + зубной ряд M2-M3	1	
166	»	Обломок нижней челюсти	Правая	Дентале + зубной ряд P4-M3	1	
26	»	Зуб нижней челюсти	Левая	C1	1	Одна особь
28	»	Зуб нижней челюсти	Правая	I2	1	
29	»	Обломок зуба нижней челюсти		Резец	1	
52ж+е	»	Обломок лучевой	Правая	Диафиз	1	
52в	»	Запястье	»	Трехгранная	1	Одна особь
52в	»	Запястье	»	Гороховидная	1	
23	»	Целая передняя метаподия	»		1	
6	»	Обломок большой берцовой	»	Диафиз	1	

Таблица 2 (окончание)

№ блока	Вид	Кость	Правая /левая	Уточнения	Шт.	Примечания
12	»	Обломок большой берцовой	»	Дистальный эпифиз	1	
119в	»	Обломок большой берцовой	»	Дистальный эпифиз + диафиз	1	
119ж	»	Целая задняя метаподия	Левая		1	Одна особь
119ж	»	Заплюсна	Левая	Целая лодыжковая	1	
119е	»	Обломок задней метаподии	Правая	Диафиз	1	
120	»	Заплюсна	Правая	Сесамовидная	1	
20а	<i>Galogoral meneghinii</i>	Череп с рогом		Краниум + зубной ряд М1-М3	1	Одна особь
20а	»	Обломок нижней челюсти	Правая	Дентале	1	
20в	»	Обломок нижней челюсти	Левая	Дентале + зубной ряд I2+P2-M3	1	
–	<i>Galogoral meneghinii</i>	Обломок верхней челюсти	Правая	Максилла + D3-D4	1	
–	»	Зуб нижней челюсти	Левая	D13	1	Молодой
–	»	»	Левая	DC	1	Одна особь
108в	»	»	Правая	I1	1	
59	»	»	»	I2	1	
5	»	Обломок плечевой	»	Дистальный эпифиз	1	Одна особь
5	»	Целая лучевая	»		1	
5	»	Целое запястье	»		6	
5	»	Обломок передней метаподии	»	Проксимальный эпифиз	1	
37	»	Обломок задней метаподии	»	Диафиз	1	

верхние челюсти древней гиены *Pliocrocota perrieri* (блок 142) в сочленении с нижними челюстями (рис. 1, 2). Для ряда находок отмечалась характерная продольная ориентация в слое, свойственная костям, захороненным водными потоками. Так в блоке 3 параллельно лежали передняя метаподия сложнорогвого оленя и передняя же метаподия лошади Стенона. Следует отметить, что в большинстве случаев в костеносном слое остатки разных видов животных располагались попеременно.

Палеонтологический материал со стоянки Мухай II подробно представлен в табл. 2. Приведем ниже его краткое описание.

Canis etruscus Forsyth-Major, 1877. ЗИН 36768. Одна взрослая особь: две кости передней конечности; три кости дистального отдела задней конечности. Наибольшая ширина дистального эпифиза плечевой кости – 33.1 мм; длина первой задней фаланги – 26.7; длина второй задней фаланги – 12.7 (рис. 2, 1).

Vulpes alopecoides Forsyth-Major, 1877. ЗИН 36769. Одна взрослая особь: фрагмент нижней челюсти с частично сохранившимся зубным рядом, два изолированных зуба нижней челюсти, пять костей дистального отдела передней конечности. Длина зубного ряда P/2-P/4 – 25.8 мм; передне-задний поперечник и наибольшая ширина

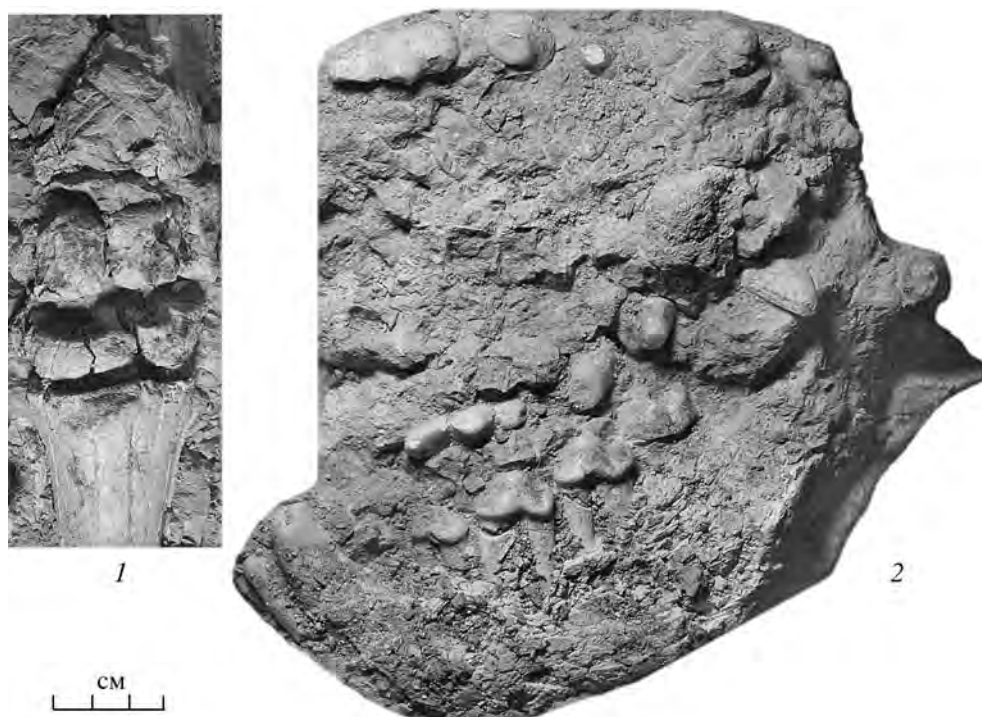

Рис. 1. Кости млекопитающих в сочленениях – анатомические связи. 1 – кости запястья *Gallogoral meneghinii* в сочленении с пястью, лучевой костью; 2 – верхние челюсти *Pliocrocota perrieri* в сочленении с нижними челюстями.

ладьевидной кости – 8.3 и 6.4 соответственно; длина передней пятой метаподии – 34.1 (рис. 2, 2).

Pliocrocota perrieri Croizet et Jobert, 1928. ЗИН 36770. Одна взрослая, одна молодая особи: два фрагмента верхней и два фрагмента нижней челюстей взрослой особи с частично сохранившимися зубными рядами; молочный зуб нижней челюсти. Длина зубного ряда C/-P4/ – 120.6 мм; длина зубного ряда P2/-P4 – 66.7; длина P2/ – 18.8; длина P3/ – 25.5; длина P4/ – 37.1; длина P2 – 16.8; длина P3 – 22.1; длина P4 – 23.8; длина и ширина D/3 – 17.6 и 8.4 соответственно (рис. 2, 3).

Ньяениды gen. Четыре копролита, которые могут быть соотнесены либо с видом *Pliocrocota perrieri*, либо с видом *Pachycrocota brevirostris*. Похожие фоссилии известны из Дманиси (*Vekua*, 1995). Размеры копролита из блока 4 составили 44.6 x 38.9 мм (рис. 2, 5).

Megantereon cultridens Cuvier, 1824. ЗИН 36771. Одна взрослая особь: две кости дистального отдела задней и передней конечностей. Передне-задний поперечник и наибольшая ширина первой клиновидной кости – 16.3 и 9.7 соответственно (рис. 2, 4).

Archidiskodon meridionalis Nesti, 1825. ЗИН 36772. Одна молодая особь: фрагмент бедренной кости.

Equus (Allohippus) stenonis Cocchi, 1867. ЗИН 36773. 5 взрослых, 1 молодая особи: 2 фрагмента нижней челюсти с частично сохранившимися зубными рядами; 11 изолированных целых зубов и 12 фрагментов зубов; 2 тазовые кости; 43 кости конечностей. Промеры зубов лошади брались по складкам эмали. Длина и ширина M1/ – 31.4 и 29.5 мм соответственно, длина протокона – 7.5; длина и ширина M2/ от этой же особи – по 27.2, длина протокона – 8.4; длина и ширина M3/ от этой же особи – 29.8 и 24.5 соответственно, длина протокона – 9.5. Длина и ширина M2/ от другой особи – 26.6 и 28.5 мм соответственно, длина протокона – 8.5. Длина и ширина P4 – 30.5 и 18.1 мм соответственно, длина двойной петли – 18.7, задней долилки – 10. Длина и ширина P2 – 37.1 и 15.8 мм соответственно, длина двойной петли – 16.9. Строение зубов типичное для лошади Стенона (рис. 3, 1, 2, 4). Протокон очень короткий – всего 23.9% длины M1/, 30.9 и 32% длины M2/, 31.9% длины M3/. Для нижних зубов характерна V-образная выемка двойной петли, метаконид крупный, овально-удлиненный. Наружная долилка – без шпоры, узкая, длинная, глубоко вдающаяся в шейку двойной петли. Длина задней долилки для P4 составила всего 32.8% длины зуба. Ширина лопатки через лопаточный бугор – 96.1 мм; ширина дистального эпифиза

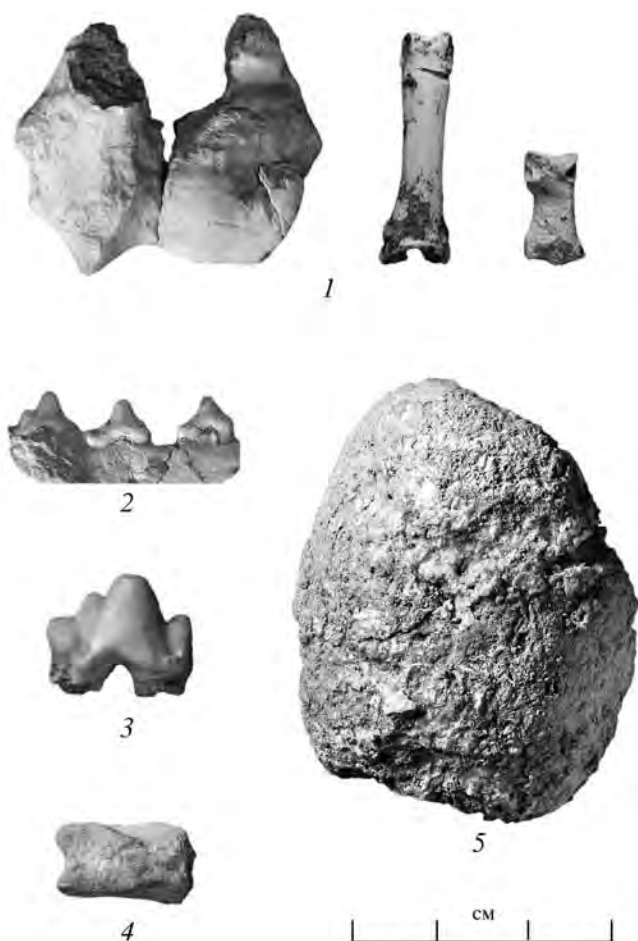

Рис. 2. Остатки хищных млекопитающих. 1 – дистальный эпифиз плечевой кости, первая и вторая задние фаланги *Canis etruscus*; 2 – фрагмент нижней челюсти *Vulpes alopecoides*; 3 – молочный зуб D/3 *Pliocrocota perrieri*; 4 – первая клиновидная кость *Megantereon cultridens*; 5 – копролит *hyaenidae* gen.

плечевой кости – 78.5; длина лучевой кости – 335; длина передней метаподии – 225, ширина ее диафиза и дистального эпифиза – 34.1 и 49.5 соответственно; длина таранной кости и ширина ее нижней суставной поверхности – 63.3 и 51.5 соответственно; длина задней метаподии – 250, ширина ее проксимального эпифиза, диафиза и дистального эпифиза – 52.5, 35.2 и 48 мм соответственно. Ширина суставной поверхности таранной кости составила всего 81.4% ее длины, что характерно для лошади Стенона.

Palaeotragus priasovicus Godina et Baigusheva, 1985. ЗИН 36777. Одна взрослая особь: три кости дистального отдела передней конечности. Наибольшая ширина ладьевидной кости – 68.5 мм; наибольшая ширина дистального эпифиза передней метаподии – 78.9.

Eucladoceros senezensis Deperet, 1910. ЗИН 36774. 3 взрослых, 6 молодых особей: 6 фрагментов верхней и 13 нижней челюстей с частично сохранившимися зубными рядами; 17 изолированных целых зубов и 1 фрагмент зуба; 14 костей конечностей. Длина зубного ряда P2/-M3/ – 133.6 мм; длина зубного ряда P2-M/3 – 130.8; длина зубного ряда P2-P/4 – 50.7; длина зубного ряда M/1-M/3 – 83.2; длина P/2 – 13; длина P/3 – 17.8; длина P/4 – 19; длина M/1 – 22.1; длина M/2 – 27.5; длина M/3 – 36.2 (рис. 4, 1).

Gazellospira torticornis Aymard, 1854. ЗИН 36775. 2 взрослых особи: 2 фрагмента нижней челюсти с частично сохранившимися зубными рядами; 4 изолированных целых зуба и 1 фрагмент зуба; 11 костей конечностей. Длина P/4 – 15.4 мм; длина M/1 – 17.3; длина двух M/2 – 20.7 и 20.8; длина M/3 – 26.2 (рис. 3, 3). Длина передней метаподии – 194.8 мм; передне-задний поперечник и наибольшая ширина трехгранной кости – 22.8 и 9.3 соответственно; наибольшая ширина дистального эпифиза большой берцовой кости – 39.9; передне-задний поперечник и наибольшая ширина лодыжковой кости – 21.4 и 11.9 соответственно.

Gallogoral meneghinii Rutimeyer, 1878. ЗИН 36776. 1 взрослая, 1 молодая особи; целый

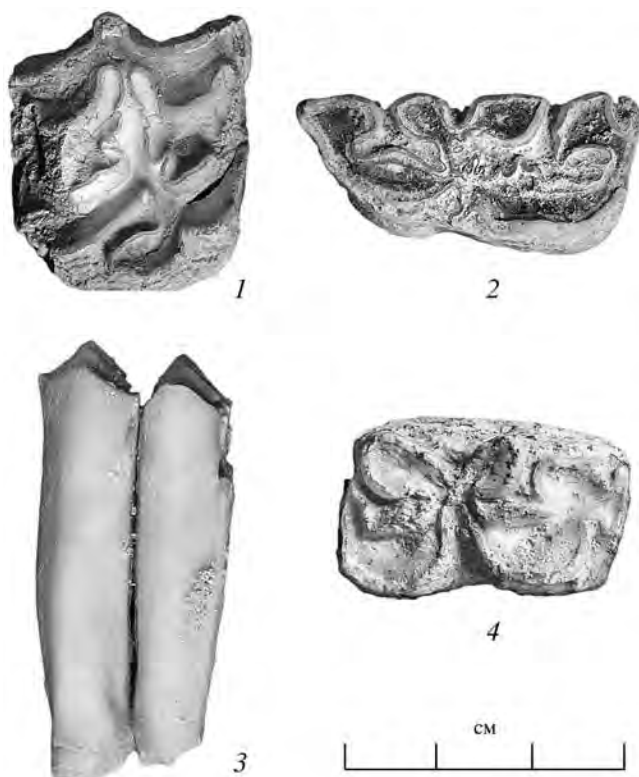

Рис. 3. Зубы копытных млекопитающих. 1 – M2/ *Equus (Allohippus) stenonis*; 2 – P/2 *Equus (Allohippus) stenonis*; 3 – M/2 *Gazellospira torticornis*; 4 – P/4 *Equus (Allohippus) stenonis*.

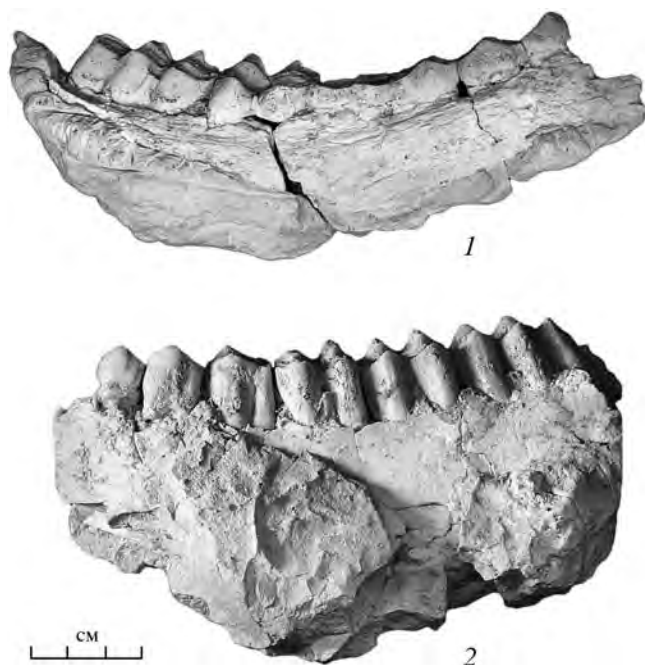

Рис. 4. Фрагменты нижних челюстей копытных млекопитающих. 1 – фрагмент нижней челюсти *Eucladoceros senezensis*; 2 – фрагмент нижней челюсти *Gallogoral meneghinii*.

краниум с сохранившимися роговыми отростками и верхней челюстью; фрагмент верхней и 2 фрагмента нижней челюстей с частично сохранившимися зубными рядами; 4 изолированных целых зуба; 10 костей конечностей. Длина зубного ряда М1/-М3/ – 76.8 мм; длина М3/ – 29.5; длина зубного ряда Р/2-М/3 – 129.2; длина зубного ряда Р/2-Р/4 – 48.3; длина зубного ряда М/1-М/3 – 79.5; длина Р/2 – 13.4; длина Р/3 – 15.4; длина Р/4 – 17.9; длина М/1 – 21.5; длина М/2 – 24.3; длина М/3 – 33.4 (рис. 4, 2).

В целом в палеонтологическом материале со стоянки Мухкай II преобладают кости конечностей (56.4%), изолированные зубы (27.2%) и фрагменты челюстей (14%) млекопитающих. Многочисленны фрагменты нижних челюстей с частично сохранившимися зубными рядами, которые принадлежали сложнороговому оленю (10 шт.), винторогой антилопе *Gazellospira torticornis* (2 шт.), лошади Стенона (2 шт.), горалоподобной антилопе (2 шт.), мелкой лисице *Vulpes alopecoides* (1 шт.). По ним и по другим костным остаткам было установлено, что 10 из 26 особей млекопитающих были на момент гибели молодыми животными – в большинстве своем от полугода до года от роду. Вместе с тем следует отметить, что основная масса (85.6%) определимых костей со стоянки принадлежала все же вполне сформировавшимся зрелым животным со средне-

стертыми зубами и приросшими эпифизами. Так, взрослая лошадь Стенона имела вес 330 кг при росте в холке 137 см (вычислено по передней метаподии № 15) или 304 кг при росте в холке 131 см (вычислено по задней метаподии № 206). Эти параметры соответствуют современной саванновой зебре. Для памятника установлено также присутствие не крупного этрусского волка *Canis etruscus*, размером с западноевропейскую лайку. Крайне немногочисленны кости гигантских травоядных: южного слона *Archidiskodon meridionalis* и древнего жирафа *Palaeotragus priasovicus* (табл. 1). В целом в изученном материале преобладают остатки животных среднего размерного класса. Остатков животных мелкого размерного класса мало – только кости лисицы *Vulpes alopecoides*, которая была не крупнее современного корсака.

Всего из Мухкай II на настоящий момент определено 26 особей 4 видов хищных и 6 видов травоядных млекопитающих (рис. 5), среди которых доминируют обитатели открытых и полукрытых пространств. В палеонтологическом материале преобладают кости лошади Стенона (38.7%) и сложнорогов оленя (28.2%), составив в сумме 66.9% от общего числа определенных костей на памятнике (табл. 1). Оба вида копытных обычны для ландшафтов саваннового типа (Kaiser, Croitor, 2004). Очевидно, что представители собственно лесных сообществ в фауне Мухкай II отсутствуют, но есть обитатель предгорий – горалоподобная антилопа. Следует особо отметить, что древний человек был вынужден конкурировать за биоресурсы (мясо копытных) с обитавшими по соседству крупными хищниками саванны: древней гиеной *Pliocrocota perrieri* и саблезубой кошкой *Megantereon cultridens*.

Остатки горалоподобной антилопы не фиксируются в Европе в отложениях моложе 1.76 млн лет (Cregut-Bonnoure, 2007), лошади Стенона, сложнорогов оленя – в отложениях моложе 1.6 млн лет (Kotsakis et al., 2008), а остатки мелкой лисицы – в отложениях моложе 1.5 млн лет (Martínez-Navarro et al., 2009; Petrucci et al., 2009). В целом фауна млекопитающих из Мухкай II близка к фауне из местонахождений Пуэбло де Вальверде (Испания), Сен-Валье и Сенез (Франция), Коста С. Джакомо и Оливола (Италия), Ливенцовка (Россия), Палан-Тюкан и Дманиси (Закавказье), которые существовали во временном интервале 2.1–1.76 млн л.н. (Саблин, 1990; 2011; Саблин, Гиря, 2010; Саблин, 2011; Roger et al., 2000; Guerin et al., 2004; Sinusia et al., 2004;

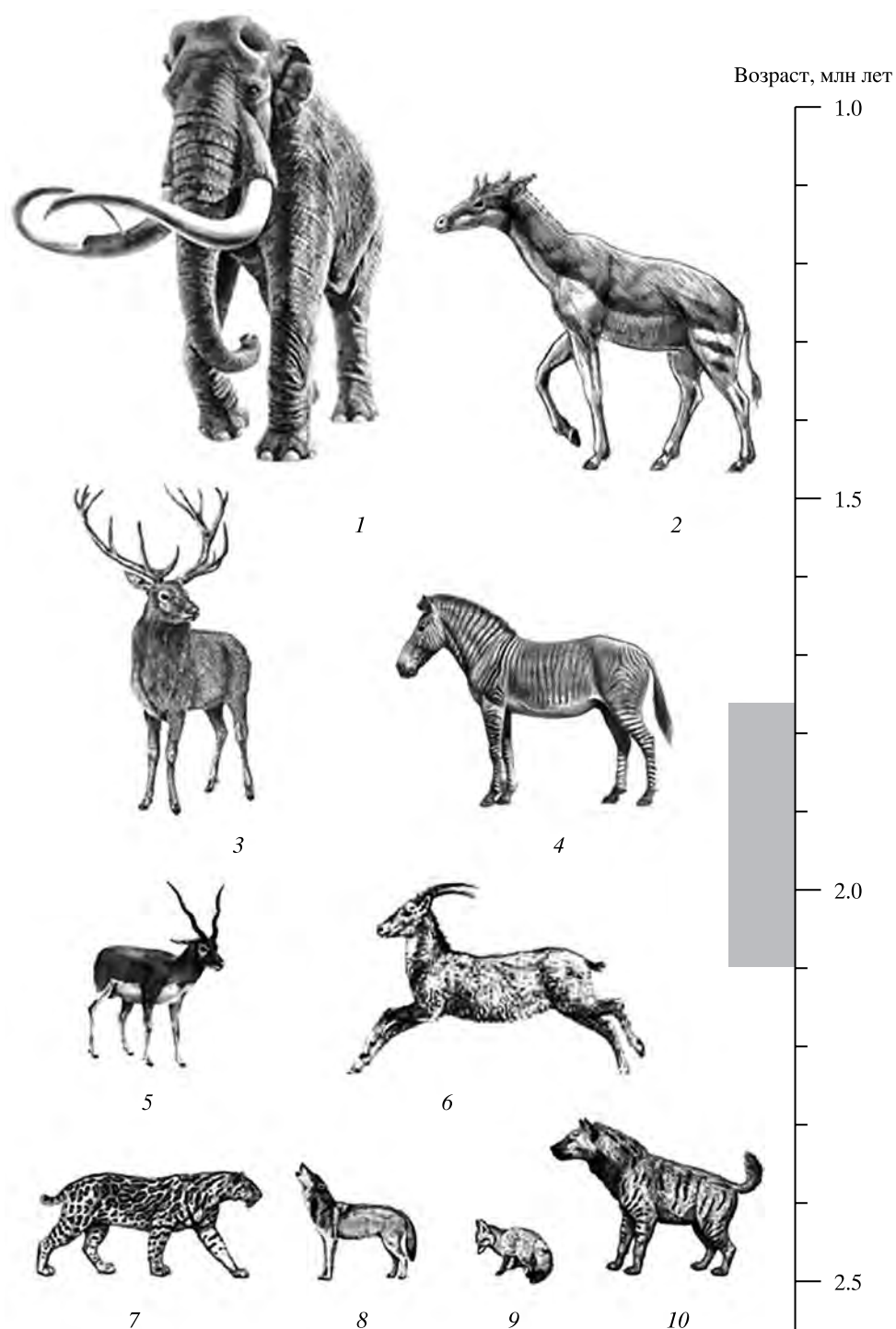

Рис. 5. Фауна млекопитающих стоянки Мухкай II, относимая к временному интервалу 2.1–1.76 млн л.н. 1 – *Archidiskodon meridionalis*; 2 – *Palaeotragus priasovicus*; 3 – *Eucladoceros senezensis*; 4 – *Equus (Allohippus) stenonis*; 5 – *Gazellospira torticornis*; 6 – *Gallogoral meneghinii*; 7 – *Megantereon cultridens*; 8 – *Canis etruscus*; 9 – *Vulpes alopecoides*; 10 – *Pliocrocuta perrieri*.

Lordkipanidze et al., 2007; Palombo, Sardella, 2007). По мнению авторов, слой 80 стоянки Мухкай II также можно предварительно датировать этим временным интервалом (Амирханов и др., 2012).

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ и Российского фонда фундаментальных исследований (гранты РФФИ № 11–06–00293-а, 11–06–10004-к, 12–06–10008-к).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М., 2007а.
- Амирханов Х.А. Памятники олдована в Центральном Дагестане // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Матер. междунар. конф. Махачкала, 2007б.
- Амирханов Х.А. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение Старого Света. СПб., 2007в.
- Амирханов Х.А. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Матер. междунар. конф. Ростов-н/Д., 2008.
- Амирханов Х.А. Пики трехгранного поперечного сечения в коллекциях памятников олдована Центрального Дагестана // Карабах в каменном веке: Матер. междунар. конф. Баку, 2010.
- Амирханов Х.А. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. 2012а. № 2.
- Амирханов Х.А. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск, 2012б.
- Амирханов Х.А. К проблеме становления ашеля на Северном Кавказе // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск, 2013.
- Амирханов Х.А., Грибченко Ю.Н., Ожерельев Д.В. и др. Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008–2011 гг.) // 1150 лет российской государственности и культуры. М., 2012.
- Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб; Великий Новгород; Старая Русса, 2011.
- Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В., Саблин М.В. Фауна млекопитающих стоянки Мухкай II (по результатам раскопок 2009–2010 гг.). // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Матер. междунар. конф. Махачкала, 2012.
- Ожерельев Д.В. Предварительные итоги исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай II (Дагестан, Россия) // Карабах в каменном веке: Матер. междунар. конф. Баку, 2010.
- Ожерельев Д.В. Изучение многослойного памятника раннего палеолита Мухкай II в 2008–2011 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Матер. междунар. конф. Махачкала, 2012.
- Саблин М.В. Остатки хищных и копытных из нижнеапшеронских отложений Азербайджана // Тр. Зоологического ин-та АН СССР. 1990. № 213.
- Саблин М.В. Раннеантропогеновые фауны и расселение рода *Homo* // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 1. СПб; Великий Новгород; Старая Русса, 2011.
- Саблин М.В., Гиря Е.Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на Юге Восточной Европы (Россия) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010. № 2 (42).
- Cregut-Bonnoure E. Apport des Caprinae et Antilopinae (Mammalia, Bovidae) à la biostratigraphie du Pliocène terminal et du Pléistocène d'Europe // Quaternaire. 2007. № 18 (1).
- Guérin C., Faure M., Argant A. et al. The Late Pliocene site of Saint-Vallier (Drome, France): synthesis of biostratigraphic and palaeoecological conclusions // Geobios. 2004. № 37.
- Kaiser T.M., Croitor R. Ecological interpretations of early Pleistocene deer (Mammalia, Cervidae) from Ceyssaguet (Haute-Loire, France) // Geodiversitas. 2004. № 26 (4).
- Kotsakis A., Petronio C., Angelone C. et al. Changes in the late villafranchian mammal assemblages (from Farneta – 1.6 Ma to Pirro FUs – 1.5 Ma, Early Pleistocene) of Italy // 33 Internat. Geological Congress: Abstracts. Oslo, 2008.
- Lordkipanidze D., Jashashvili T., Vekua A. et al. Postcranial evidence from early *Homo* from Dmanisi, Georgia // Nature. 2007. № 449.
- Martínez-Navarro B., Espigares Ortiz M.P., Ros-Montoya S., Palmqvist P. The Early Pleistocene large mammal assemblages from Venta Micena, Fuente Nueva-3 and Barranco León-5 (Orce, Spain) // Abstracts of annual meeting SEQS (Spain). Orce; Lucena, 2009.
- Palombo M.R., Sardella R. Biochronology and biochron boundaries: A real dilemma or a false problem? An example based on the Pleistocene large mammalian faunas from Italy // Quaternary International. 2007. № 160.
- Petrucchi M., Cipullo A., Martínez-Navarro B. et al. The Early Pleistocene (Late Villafranchian) carnivores (Mammalia) from Pirro Nord (Apulia, Italy) // Abstracts of annual meeting SEQS (Spain). Orce; Lucena, 2009.
- Roger S., Coulon C., Thouveny N. et al. ⁴⁰Ar/³⁹Ar dating of a tephra layer in the Pliocene Senezé maar lacustrine sequence (French Massif Central): constraint on the age of the Reunion-Matuyama transition and implications for paleoenvironmental archives // Earth and Planetary Science Letters. 2000. № 183.
- Sinusia C., Pueyo E.L., Azanza B., Pocovi A. Datación magnetoestratigráfica del yacimiento paleontológico de la Puebla de Valverde (Teruel) // Geo-Temas. 2004. № 6 (4).
- Vekua A. Die Wirbeltierfauna des Villafranchium von Dmanisi und ihre biostratigraphische Bedeutung // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 1995. № 42 (1).

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЗАУРАЛЬЯ

© 2013 г. В.А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург (victor.borzunov@usu.ru)

Ключевые слова: укрепленное поселение, неолит, Западная Сибирь, Зауралье.

Six stages of the expansion of the fortified settlements in the Old World in the 7th millennium B.C. – 3rd c. A.D. are proposed in the article. The general characteristics of the Neolithic sites and their prototypes of the 6th–4th millennium B.C., which were founded in the taiga of the Western Siberia and Trans Urals, is given. The reasons of their formation are also viewed in the article. The Neolithic forest forts are situated on the promontories, on the edges of terraces and in the depth of the bank. They are protected by pale fences, log walls and ditches. They were built and probably invented by the primitive groups of the taiga fishermen and hunters. The main reason of their invention is separation and consolidation of the relatively free trade zones in the conditions of the influx of immigrants from the south in the period of climatic optimum and fierce competition among the communities.

Этапы распространения древних укреплений в Евразии. Одним из последствий неолитической революции, обусловленной зарождением производящего хозяйства, стал генезис укрепленных поселений и их прототипов – селищ на высоких естественно защищенных местах, башенных жилищ, городищ и протогородов, окруженных подпорными, обводными и оборонительными стенами, водоотводными канавами и рвами. Первые укрепления были построены в VIII–VI тыс. до н.э. ранними земледельцами-скотоводами Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (Иерихон А, Б, Телль Магзалия, Телль Эс-Савван, Хаджилар II, Чатал-Хююк, Хирокития и др.). В V–IV тыс. до н.э. ареал строительства укрепленных объектов включал Переднюю Азию, отдельные области Европы (юг Италии, запад Франции, Западное и Северное Причерноморье, возможно, Кавказ) и Средней Азии (юг Туркмении). В конце IV – III тыс. до н.э. укрепленные городские и культовые центры появились также в долинах Инда, Нила и Хуанхэ, в Северо-Восточном Иране и Северном Афганистане. В конце III – середине II тыс. до н.э. более простые типы укрепленных поселков стали сооружаться на большей части Западной Европы, исключая ее северные территории, а также в степях и лесостепях Евразии. Следующие три волны распространения укрепленных поселений приходится на конец эпохи бронзы (XII–IX/VIII вв. до н.э.), первую (VIII/VII–IV вв. до н.э.) и вторую половину (IV/III вв. до н.э. – III в. н.э.) раннего железного века.

Расширение зоны производящей экономики в VI–IV тыс. до н.э. связывают с культурной диффузией, интенсификацией межэтнических общений, в том числе обменных операций, а также с переселениями групп земледельцев-скотоводов из Передней Азии и Восточного Средиземноморья на окружающие территории. По всей вероятности, в системе неолитических новшеств (производящая экономика, глиняная посуда, мелкая пластика, крашенный декор, усовершенствованный орудийный комплекс, оригинальная планировка и архитектура поселений, земледельческие культы) идея укрепленного поселения охватывала новые регионы. Строительство оборонительных сооружений вокруг поселков в очагах раннего земледелия и скотоводства было обусловлено комплексом причин: необходимостью эффективной защиты общинных земель и произведенного на них сельскохозяйственного продукта от соседей и варваров, демографическим взрывом, увеличением плотности населения, как следствием – резко возросшей военной активностью.

Неолитические таежные укрепления и их прототипы. Существовал еще один – самый северный в Евразии и на планете – ареал строительства неолитических укрепленных поселений и их предшествующих форм (Борзунов, 2011). Он охватывал западные области таежного Приобья и горнолесного Зауралья между 56°40' и 64°14' с.ш. (рис. 1). В пределах его известно не менее десятка объектов нового типа: городища Амня I, Имньеган 2.1, Каюково 2, Большая Умытья 9 и 57, Полудёнка I (рис. 2–6), укрепленные жилища Микишкино 5, Усть-

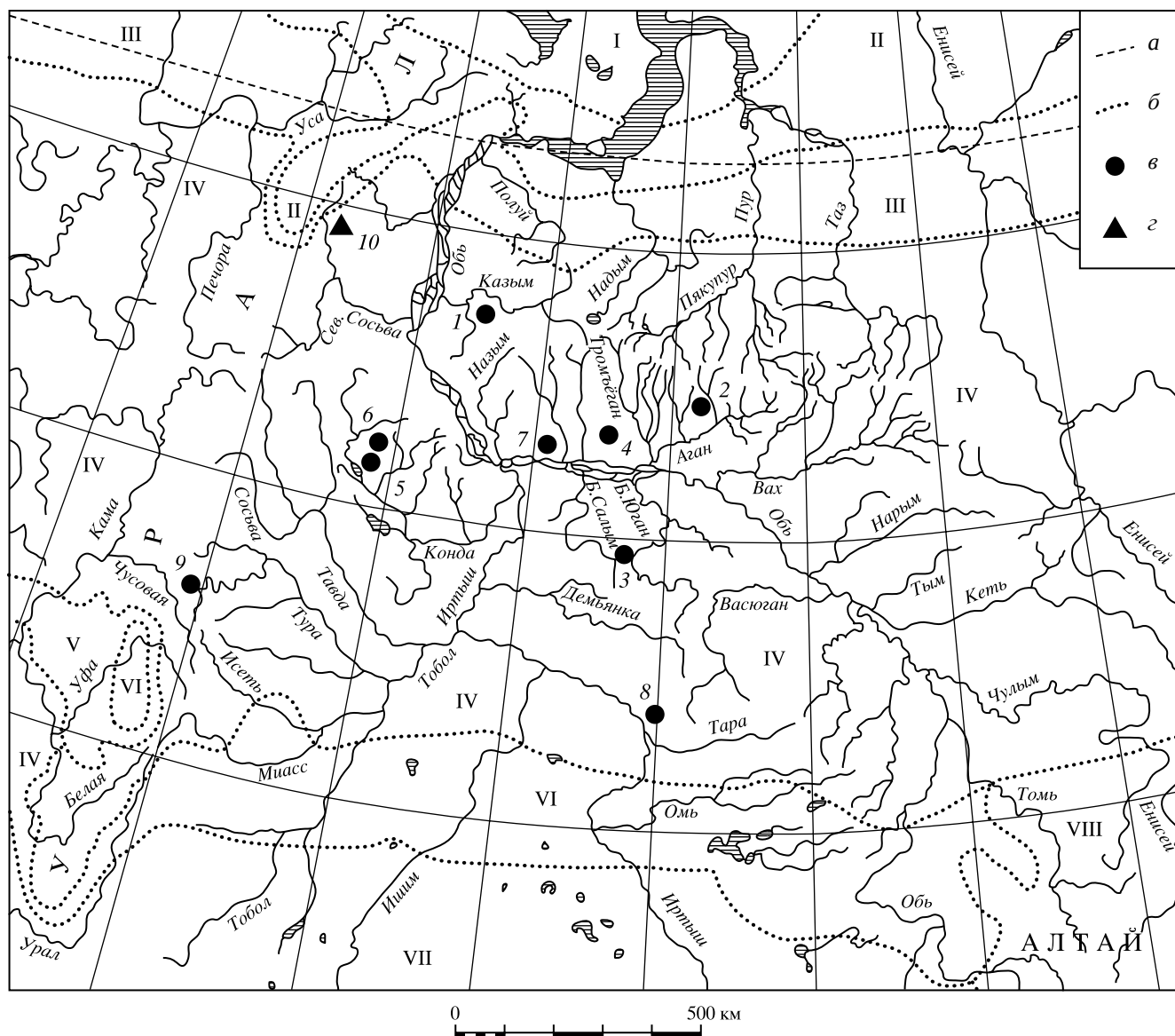

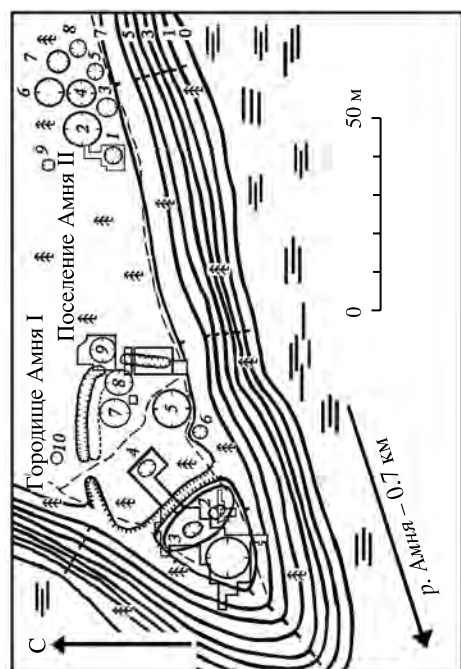
Рис. 1. Карта неолитических укрепленных поселений и их прототипов Западной Сибири и Зауралья. 1 – городище Амня I; 2 – городище Имньёган 2.1; 3 – городище Каюково 2; 4 – поселение Быстрый Кульёган 66; 5 – поселение Большая Умытъя 9; 6 – поселение Большая Умытъя 57; 7 – поселение Микишкино 5; 8 – поселение Усть-Тара XXVIII; 9 – поселение Полудёнка I; 10 – поселение Чэс-Тый-Яг. Условные обозначения: а – Северный полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – поселения с остатками фортификаций и дренажных систем; г – поселение на острове среди болот.

Тара XXVIII, поселения Быстрый Кульёган 66 (рис. 7) и Чэс-Тый-Яг. На девяти памятниках проведены стационарные исследования, на городище Имньёган 2.1 – рекогносцировочные раскопки¹.

Возможно, к этим же укрепленным объектам относится городище Нёх-урий 3.3 в бассейне р. Аган, исследованное только шурфами. На других северных территориях Старого и Нового Света городища эпохи камня не обнаружены.

Укрепления каменного века на севере Азии – это не миф, а реальность. Неолитический возраст перечисленных выше поселений, за исключением последнего, не вызывает сомнений. На большинстве их, включая Амню I, Каюково 2, Имньёган 2.1,

¹ Авторы раскопок и разведок: В.Н. Чернецов, О.Н. Бадер, В.М. Раушенбах, В.Ф. Старков, Е.А. Васильев, В.Н. Широков, В.М. Морозов, В.И. Стефанов, В.А. Борзунов, Л.Л. Косинская, Е.Н. Дубовцева, А.А. Погодин, П.В. Миронов, Л.В. Ивасько, О.В. Кардаш, Т.А. Горбунова, И.В. Толпеко, А.Н. Бессмертных, К.Г. Карачаров, Я.А. Яковлев и др.

Б

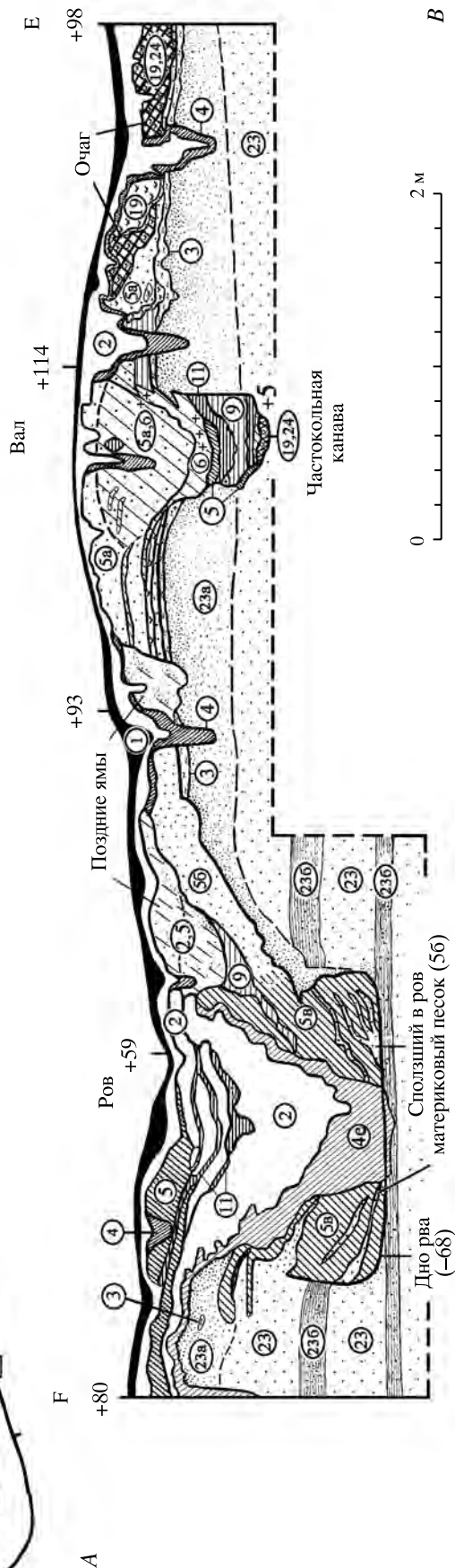
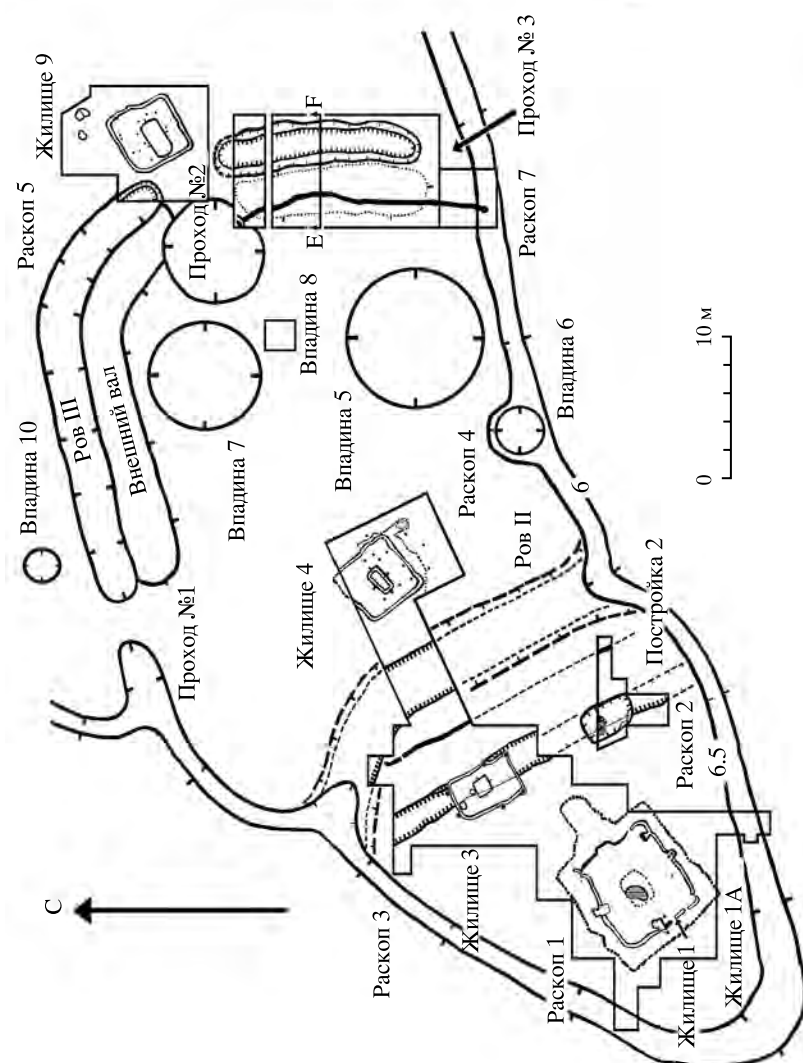
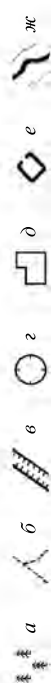

Рис. 2. Городище Амня I. Раскопки В.М. Морозова 1987–1989 гг., В.И. Стефанова 1988, 1989, 1993, 2000 гг., В.А. Борзунова 1993, 2000 гг. *А* – план городища; *Б* – городище неолита Амня I и поселение энеолита Амня II (сечение горизонталей – 1 м); *В* – разрез внешней оборонительной системы городища Амня I (южная стенка). 1 – лесная подстилка; 2 – черный и пепельно-серый подзол; 3 – серый и темно-серый погребенный подзол (древняя почва); 4 – ржаво-коричневый оргзанд; 4е – коричневый оргзанд; 5а – светло-желтый переотложенный песок; 5б – желтый переотложенный песок; 5в – темно-серый углистый песок; 6 – желто-коричневый оргзанд; 9 – серо-желтый переотложенный песок; 11 – темно-серый и черный углистый песок; 19 – розоватый охристый песок; 23 – белый материковый песок; 23б – яично-желтый слоистый материковый песок; 24 – оранжево-розовый прокаленный песок. Условные обозначения: *а* – лес; *б* – тропа; *в* – ров; *г* – жилищная впадина; *д* – раскоп; *е* – котлован жилища; *жс* – частоточная канавка под валом.

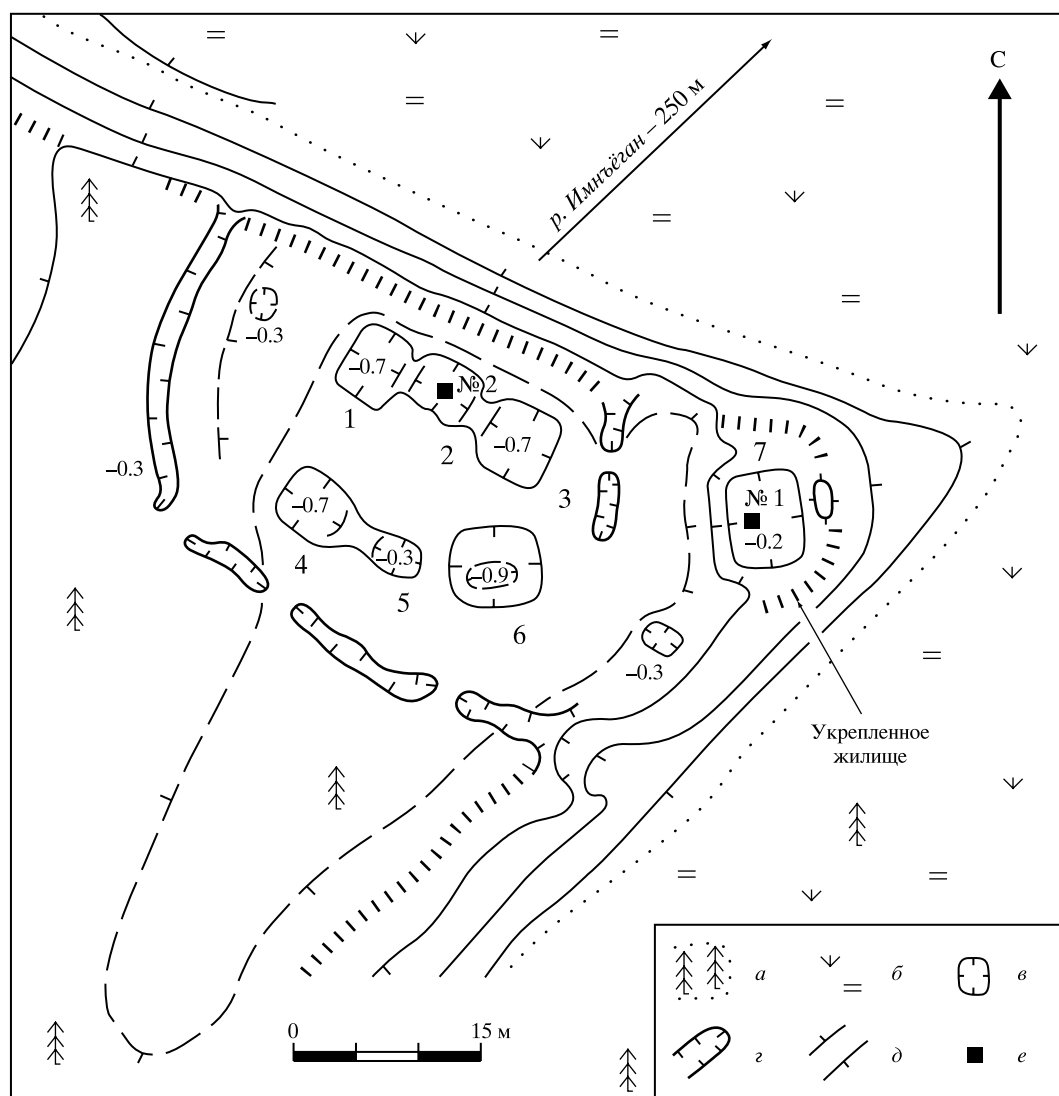

Рис. 3. Городище Имнѣган 2.1. Разведка А.Н. Бессмертных и К.Г. Карачарова 1995 г. Общий план (сечение основных горизонталей – 1 м). Условные обозначения: *а* – лес; *б* – заболоченная пойма; *в* – жилищная впадина; *г* – ров; *д* – вал; *е* – шурф.

Мишкино 5, Быстрый Кульѣган 66, Усть-Тару XXVIII, Чэс-Тый-Яг, отсутствуют материалы эпох бронзы и железа. Из этих памятников только на городище Амня I обнаружено энеолитическое жилище (№ 1А), впущенное в котлован неолитического (№ 1). На поселении Большая Умытья 9 черепки энеолита и раннего железа единичны и не связаны с неолитическими объектами, равно как обломки нескольких сосудов эпохи бронзы и раннего железного века на поселении Большая Умытья 57. На последнем памятнике остатки энеолита представлены двумя постройками и могильником. На Полудѣнке I энеолитическая посуда залегала за пределами

кольцевого ровика.

Первоначально все эти поселения, даже самые ранние (Амня I, Каюково 2), на основании сравнительно-типологического анализа керамики и первых радиоуглеродных определений были отнесены к позднему неолиту (Морозов, Стефанов, 1993. С. 168; Стефанов и др., 1999. С. 43, 44; Ивасько, Кондрашев, 2001. С. 3; Ивасько, 2002а, б; Ивасько, Кардаш, 2002). Результаты последних радиоуглеродных тестов (Косинцев и др., 2004) и разработка периодизации неолитических памятников севера Западной Сибири (Косинская, 2006.

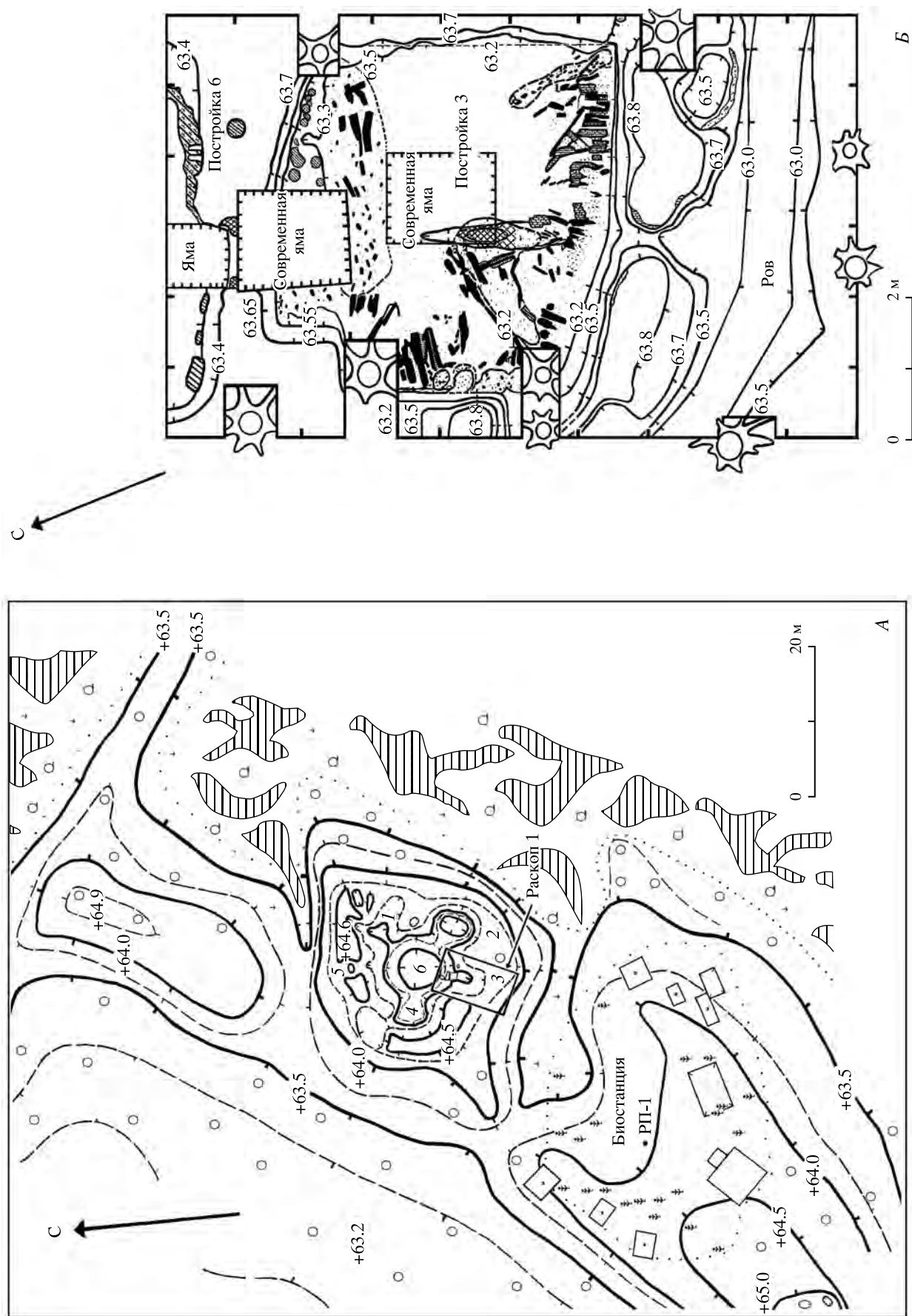

Рис. 4. Городище Каюково 2. Раскопки Л.В. Ивасько и О.В. Кардаша 2000–2002 гг. А – общий план (сечение основных горизонталей – 0,5 м; вспомогательных – 0,25); Б – раскоп 1 (2000–2001 гг.), постройка 3 и отрезок рва.

С. 22) внесли свои коррективы. Ныне северные неолитические поселения Приобья и Зауралья датируются в интервале VII/VI–IV тыс. до н.э., но вероятное время их существования – VI – рубеж IV/III тыс. до н.э. По климатической шкале эти памятники соответствуют различным стадиям атлантического периода голоцена (АТ-1, АТ-2, АТ-3). Самые ранние (“мезолитические”) даты, установленные по ^{14}C , заходят в бореал (ВО-2). Впрочем, учитывая почти повсеместное отклонение значений, полученных по углю, в сторону удешевления, “... можно полагать, что причина расхождения радиоуглеродных и археологических датировок связана с субъективным фактором” (Косинцев и др., 2004. С. 24).

Древнейшие из интересующих нас объектов датируются ранним неолитом (VI–V тыс. до н.э.): городища Амня I (ЛЕ-4974а, 4974б, 4973: 8760 ± 280 , 8630 ± 180 , 6900 ± 90 л.н.) и Каюково 2 (ЛЕ-6206; СОАН-4800, 4801; ЛЕ-6207: 6810 ± 40 , 6810 ± 55 , 6795 ± 65 , 6580 ± 40 л.н.), поселения Микишкино 5 (СОАН-6230, 6229, 6228, 5720, 5719: 7070 ± 95 , 7060 ± 80 , 6790 ± 110 , 6680 ± 90 , 6590 ± 90 л.н.) (Ивасько, 2003. С. 229; 2008. Табл. I, II; Косинцев и др., 2004. С. 109. Табл. 5, 11; Стефанов, Борзунов, 2008. С. 109, 110; Чемякин, 2008. С. 14, 15) и Большая Умытья 9, постройка I. Хронология неолитического слоя последнего памятника установлена по находкам в нем керамики сумпаньинского типа (Погодин, 2010. С. 146–169, 179, 180). Поселения с сумпаньинской посудой (Сумпанья II, IV, VI) согласно результатам радиоуглеродных тестов датируются в интервалах 9130–11070 и 6100–6850 л.н. (Косинцев и др., 2004. С. 21. Табл. 4).

“Мезолитический” возраст некоторых дат Амни I, Микишкино 5 и сумпаньинских поселений вызывает сомнения: образцы угля взяты из неолитических жилищ, а остатков мезолита на памятниках нет, хотя каменный микропластинчатый комплекс Амни I в отрыве от керамики производит впечатление мезолитического. Однако это, скорее всего, проблема самого метода радиоуглеродного датирования. Две даты из шести для городища Каюково 2 (СОАН-4208, 4207: 5495 ± 70 , 5475 ± 85 л.н.) авторами раскопок признаны некорректными, так как образцы угля были взяты “на границе культурного слоя и современных ям” (Ивасько, 2008. С. 120. Табл. I).

Другие исследователи не исключают двукратно-го заселения этого участка с разрывом более чем в 1000 лет (Косинцев и др., 2004. С. 22). Остальные памятники отнесены к среднему и позднему неолиту (конец V – рубеж IV/III тыс. до н.э.): поселения Быстрый Кульёган 66 (ЛЕ-5680, 5335, 5336,

5689, 5337, 5690: 6150 ± 210 , 5930 ± 90 , 5910 ± 130 , 5780 ± 130 , 5725 ± 70 , 5560 ± 100 л.н.) (Косинская, 2000. С. 46, 47; 2001. С. 12–17; 2002б. С. 431–433; 2004. С. 226–241; 2006. С. 16–24; Косинская и др., 2002. С. 141. Табл. I; Косинцев и др., 2004. Табл. 6; Поселение Быстрый Кульёган 66..., 2006. С. 61. Табл. XXX), Чэс-Тый-Яг (СОАН-2718, 2717, 2721, 2720, 2716, 2719: 6455 ± 40 , 6165 ± 35 , 6150 ± 40 , 6095 ± 30 , 5785 ± 40 , 5750 ± 60 л.н.) (Чернецов, 1953. С. 12–14; Старков, 1969. С. 194–196; Васильев, 1985. С. 193; 1987а, б; 2004. С. 296–301; Косинцев и др., 2004. Прилож. 1, № 31, 33, 34, 38, 44, 47; Яковлев, 2011. С. 356–373. Ил. 4), Большая Умытья 57 (СОАН-7639, 7640: 6030 ± 85 , 6030 ± 80 л.н.) (Погодин, Миронов, 2009. С. 132–154), Усть-Тара XXVIII (Горбунова, Толпеко, 2002. С. 405, 406), Полудёнка I (Бадер, 1948а. С. 78–81; 1948б. С. 37–40; 1949. С. 144–150) и городище Имнъёган 2.1 (Бессмертных, Карачаров, 1996. С. 314, 315; Карачаров, 2004. С. 469; Перевалова, Карачаров, 2006. С. 46, 47; Чемякин, 2008. С. 15).

Не вдаваясь в детали архитектуры каждого поселения – они изложены в упомянутых выше публикациях и двух аналитических статьях автора (Борзунов, 2011; 2012), представим общую характеристику древнейших укреплений севера Евразии.

Неолитические укрепления таежного Приобья и Зауралья, а также их прототипы были небольшими: площадью от 260 до 900 м², реже 1600–1900 м², с одним–тремя либо с пятью–семью жилищами. По сравнению с объектами предыдущих эпох их планировка и архитектура разнообразнее, сложнее и совершеннее, не говоря уже о наличии неизвестных ранее защитных систем вокруг некоторых поселков или их частей. Первые девять из них представлены мысовыми одноплощадочными и, возможно, двухплощадочными городищами (Амня I, Имнъёган 2.1)²; одноплощадочными кольцевыми укреплениями с несколькими постройками на мысу (Большая Умытья 9, Полудёнка I) и гриве (Каюково 2); подпрямоугольного плана трехплощадочным укреплением в глубине мысовидного выступа (Большая Умытья 57); одноплощадочными укреплениями с одной небольшой жилой постройкой (укрепленные жилища первого типа) на стрелках мысов (Амня I –

² В 2004 г. на правом берегу Сургутского Приобья, в бассейне р. Аган, С.А. Мызников выявил и картографировал еще одно раннее городище Нёх-урий 3.3. Укрепление мысовое двухплощадочное, сходно с памятниками Амня I и Имнъёган 2.1. В шурфах найдена керамика неолита–энеолита с накольчатым орнаментом.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ № 4 2013

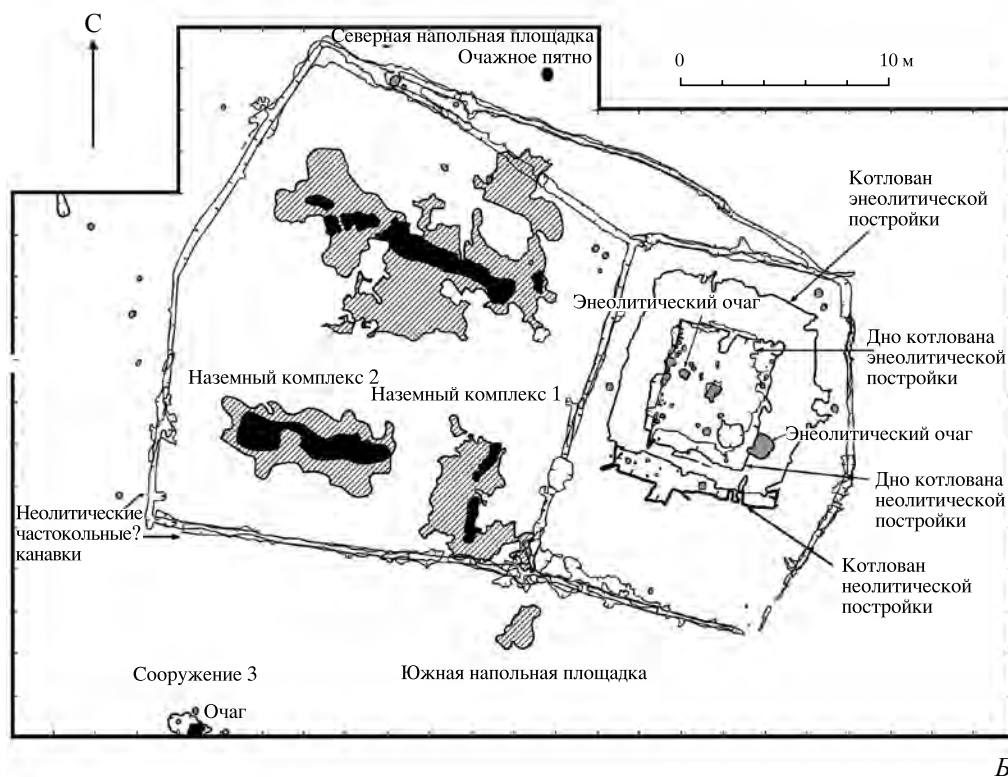
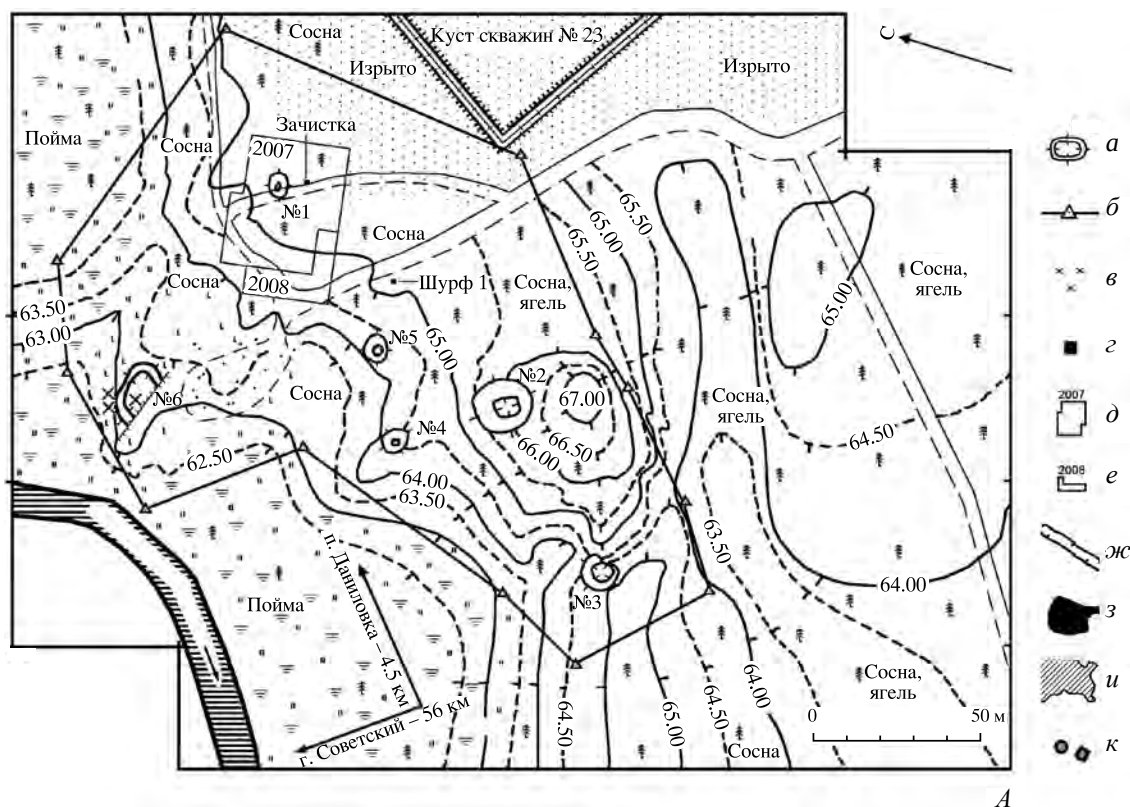

Рис. 6. Поселение Большая Умыт'я 57. Раскопки А.А. Погодина и П.В. Миронова 2007, 2008 гг. *А* – общий план (сечение горизонталей – 1 м, полугоризонталей – 0.5); *Б* – раскоп 1, сооружение 1, наземные комплексы 1–3. Условные обозначения: *а* – археологический объект; *б* – граница поселения; *в* – места сборов артефактов на поверхности; *з* – шурф; *д* – раскоп 2007 г.; *е* – раскоп 2008 г.; *ж* – канавка ограды (частокол?); *з* – буро-коричневый очажный слой; *и* – красно-коричневый охристый песок; *к* – ямки от столбов.

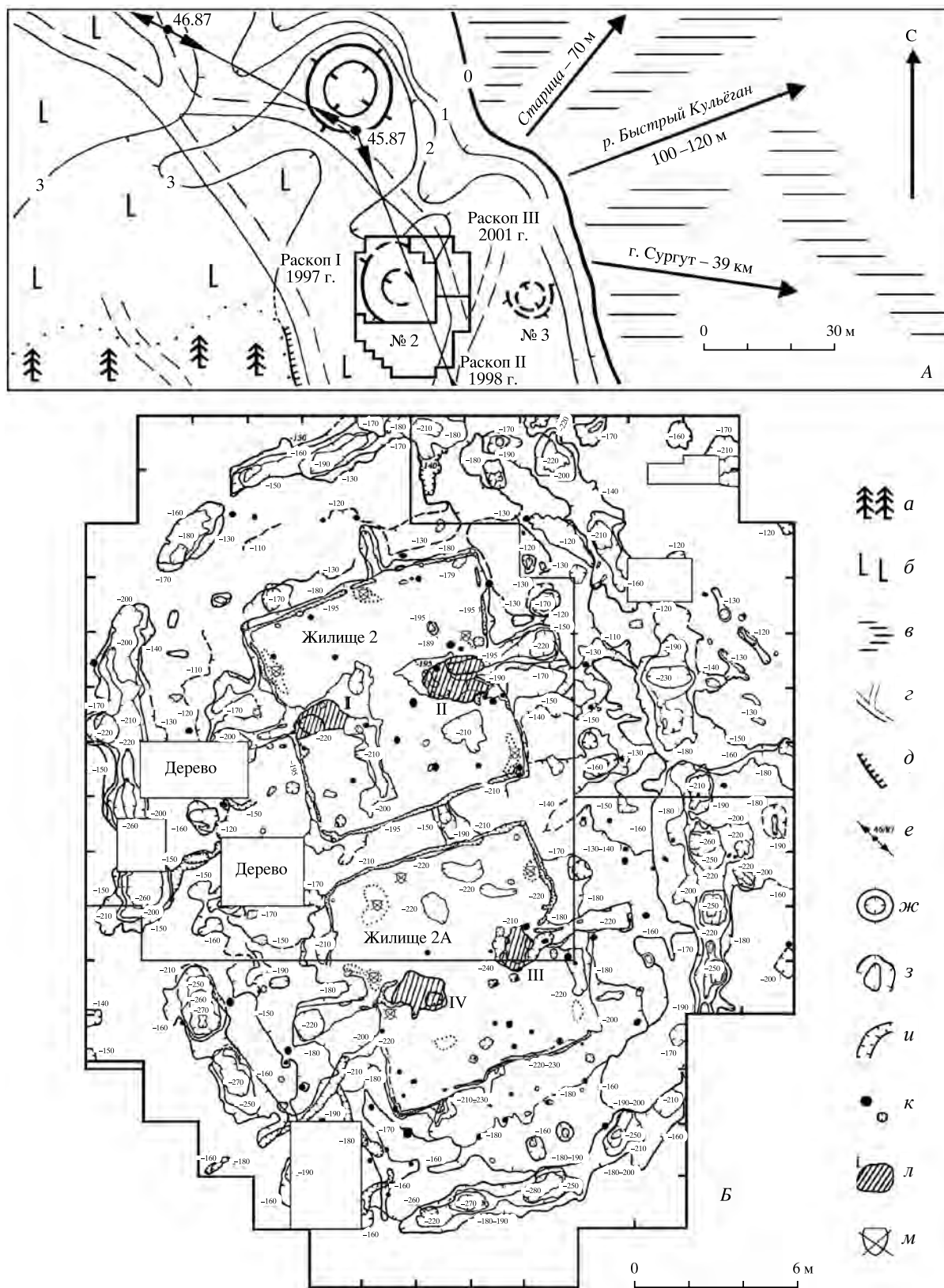

Рис. 7. Поселение Быстрый Кульеган 66. Раскопки Л.Л. Косинской 1997, 1998, 2001 гг. *А* – общий план (сечение горизонталей – 1 м); *Б* – план раскопов I–III. Жилища 2, 2А и дно рва (глубина дана в см от условного нуля). Условные обозначения: *а* – лес; *б* – вырубка; *в* – заболоченная пойма; *г* – грунтовые дороги; *д* – дорожный откос; *е* – линия электропередач; *ж* – жилищная впадина с обваловкой; *з* – яма, углубление; *и* – ров; *к* – ямки от столбов; *л* – очаг; *м* – раздавленный сосуд.

жилище 1, Микишкино 5, Имнѣган 2.1 – постройка 7); а также прототипами больших укрепленных жилищ второго типа на краю террасы (Быстрый Кульѣган 66) и в глубине берега (Усть-Тара XXVIII). Рядом с укреплениями Амня I, Полудѣнка I, Большая Умытья 9 и 57 обнаружены синхронные селища.

Наиболее сложной планировкой отличались городища Каюково 2 (рис. 4), Имнѣган 2.1 (рис. 3) и Амня I (рис. 2). В первом случае это были составленные по кольцу шесть построек (№ 1–5, 7), соединенные между собой и с центральным домом (№ 6) короткими крытыми коридорами с углубленными полами. Во втором случае большая землянка (№ 7) на оконечности мыса была оконтурена с напольной стороны рвом, а жилища на второй площадке выстроены в две линии, разделенные свободным пространством. При этом три постройки, установленные вдоль края мыса (№ 1–3), были соединены короткими коридорами; вторая группа землянок (№ 4–6) располагалась вдоль вала, а две из них (№ 4, 5) имели крытый (?) переход. На стрелке мыса городища Амня I находилась большая землянка (№ 1), огороженная с напольной стороны рвом; затем ров был засыпан, на его месте были возведены две малые постройки (№ 2, 3), защищенные с напольной стороны частоколом и новым рвом. За пределами этой “цитадели” были сооружены большие землянки 4, 8, 9 и летние объекты под навесами – очаги и места для обработки камня. К началу строительства внешней фортификации жилища 8 и 9 были уже разрушены и руинированы. Их остатки частично прорезаны третьей фортификацией. Возможно, вторая оборонительная линия не была разобрана и укрепление превратилось в двухплощадочное. На второй площадке сооружены новые землянки (№ 5–7), близ внешнего вала оборудовано большое кострище, а ее центр оставлен свободным.

В целом самое раннее укрепление севера Евразии Амня I демонстрирует постоянное совершенствование защитных систем и развитие поселка – от малого однодворного укрепленного жилища первого типа к “цитадели” с тремя постройками и “посадом”, затем, возможно, к двухплощадочному городищу. На других памятниках одиночные жилища находились в центре огороженной территории (Большая Умытья 9 – сооружение 1, Микишкино 5) или в одной из ее половин (Большая Умытья 57 – восточная площадка, объект 1). Большая прямоугольная постройка поселения Быстрый Кульѣган 66 занимала почти всю площадку, ограниченную рвом (рис. 7), как и предполагается

три жилища Полудѣнки I, ориентированные к центру.

Жилища и производственно-жилые постройки на городищах и примыкающих к ним селищах, как правило, представлены землянками и полуземлянками каркасно-столбовой конструкции с квадратными и прямоугольными котлованами, площадью от 13 до 72 м², укрепленными деревянной опалубкой. Полы помещений горизонтальные, покрыты охрой и частично деревянным настилом. Наземная часть построек сооружалась из бревен, жердей и плах, покрывалась, по-видимому, берестяными полотнищами, мхом, гумусом и песком. Она четырехскатная, усеченно-пирамидальной формы, с наклоном стен от 30 до 45° и высотой от пола до 2.5 м (для предотвращения задымления помещения и пожара в нем). Крыша и верхняя часть стен жилища опирались на систему лаг, закрепленных на вертикальных столбах, установленных в котловане. Основание стен находилось за пределами углубленной части помещения и присыпалось песком. В летнее время возводились временные каркасные хозяйственные постройки и навесы над производственными площадками. Окруженная прерывистым рвом обширная (до 360 м²) постройка поселения Быстрый Кульѣган 66 – прототип большого укрепленного жилища – скорее всего, была двухкамерная, с практически равными котлованами (около 80 м²). Частично исследованный объект (№ 1) поселения Усть-Тара XXVIII занимал свыше 400 м².

Защитные стены укреплений – однорядные, обычно частокольные, укреплены в основании грунтом. Их остатки – сохранившиеся под валами траншеи треугольного и подтрапиевидного профиля шириной от 30 до 112 см, глубиной 40–120, заполненные углистой супесью (Амня I, Большая Умытья 9 и 57, Полудѣнка I). По-видимому, возводились также оборонительные стены из бревен, уложенных горизонтально друг на друга, в первую очередь, на склонах мысовых городищ Амня I и Имнѣган 2.1. При этом такие стены закреплялись вертикальными кольями (обычная бревенчатая конструкция), опирались на растущие и частично спиленные деревья (*тургэ*) или же – в редких случаях – заостренные концы бревен могли упираться в специально вырезанные пазы в вертикально вкопанных столбах (*заплот*). Не исключено также наличие изгороди вдоль внутреннего края ровика на поселении Быстрый Кульѣган 66, остатки которой представлены ямками от столбов, хотя это отрицает автор раскопок Л.Л. Косинская. Для городища Каюково 2 предполагают один из двух вариантов защиты:

часток в узкой кольцевой канаве или соединенные между собой внешние торцовые стены построек, выстроенных по окружности. Изнутри к оборонительным стенам пристраивались помосты для наблюдения и стрельбы из лука, снаружи иногда – дополнительные наклонные опоры из коротких бревен (контрфорсы). Углубления от них выявлены у внешнего частокола Амни I. Выкопанные в песке рвы шириной по верху от 1.2 до 5 м, глубиной от 0.6 до 1.5, в разрезе трапециевидные с плоским дном, вертикальными или слегка покатыми стенками, укрепленными деревом. Вдоль внутреннего края рва оставлялась узкая горизонтальная площадка – *берма*, замедлявшая осыпание песка из вала в ров.

Напольные фортификации в глубине мысов и на гривах – замкнутые кольцевые и прямоугольные, на стрелках мысов – прямые поперечные, слабо-изогнутые и угловые. При этом общая система защитных стен всегда была замкнутой. Дело в том, что невысокие склоны террас без дополнительных укреплений легкодоступны для противника даже при наличии фортификаций с напольной стороны городищ. Проходы в оборонительных стенах оборудовались воротами. На укреплениях Каюково 2 и Большая Умытья 9 можно предположить наличие более сложных коридорных входов.

Напомним, что поселения Быстрый Кульёган 66 и объект Усть-Тара XXVIII – это еще не сформировавшиеся укрепления, а только исходные формы больших и мощных укрепленных жилищ второго типа, широко распространенных в эпоху бронзы в таежном Приобье (Борзунов, 1999). С этим согласны и авторы раскопок этих памятников (Косинская, 1999б. С. 36–41; 2000. С. 46; 2004. С. 226; Горбунова, Толпеко, 2002. С. 405, 406).

Десятый неолитический поселок – Чэс-Тый-Яг – самый большой в таежном Приобье (1.314 га), “островного” типа, не имел искусственных укреплений, но был защищен естественным образом. Его построили на мысу коренного песчаного останца-островка, окруженного топкими болотами. Из 20 выявленных на нем землянок все раскопанные (№ 3–5, 8, 10) площадью от 60 до 250 м², функционировали, по-видимому, одновременно.

Генезис, функция и судьбы северных неолитических укреплений. Относительно происхождения северных укрепленных поселений нет единства мнений. Одна группа исследователей полагает, что долговременные неолитические поселки, в том числе укрепленные, были построены ранними скотоводами-земледельцами, проникшими в

тайгу Зауралья и Западной Сибири в ходе прямых и неоднократных миграций из Приаралья, Прикаспия, Юго-Восточной Европы и даже из Передней Азии. Переселенцы принесли с собой навыки изготовления плоскодонной керамики, украшенной отступающе-накольчатой орнаментацией. В то время как потомки местных мезолитических племен украшали свою круглодонную посуду гребенчатым и ямочным декором (Васильев, 1987а. С. 13, 14; 1991. С. 31–33; Ковалева, 1989. С. 14–16, 61–63; 1999. С. 25–27; Зах, 1990; 2003. С. 15, 16; 2005. С. 60–70; Ивасько, 2002б. С. 23, 24; 2008. С. 112, 114, 120, 121; Ивасько, Кардаш, 2002. С. 41, 42; Зах, Исаев, 2010. С. 5–8; Ковалева, Зырянова, 2010. С. 22, 109, 112, 268, 288, 295).

Некоторые укрепления (Каюково 2, Микишкино 5) их исследователи считают культовыми центрами, которые погибли в результате ритуальных сожжений после того, как люди покинули их и вынесли из жилищ все пригодные для использования вещи (Ивасько, 2002а. С. 23; 2008. С. 112; Ивасько, Кардаш, 2002. С. 41, 42). Последнее маловероятно: пожары в тайге – явление обычное. Их следы зафиксированы на большинстве лесных городищ, как древних, так и средневековых. Что же касается кольцевой планировки поселка Каюково 2, то аналоги ей можно найти не только в неолитических городищах Анатолии (как полагают Л.В. Ивасько и О.В. Кардаш), энеолитических поселениях Западного и Северного Причерноморья и укреплениях эпохи бронзы евразийских степей. Расстановка жилищ по кругу со свободным пространством в центре известна по всему миру, у обществ, стоящих на разных ступенях развития, в том числе у первобытных охотников, рыболовов и собирателей.

На неолитических памятниках лесного Приобья и Зауралья следы скотоводства и земледелия не выявлены, а идея изготовления глиняной посуды могла проникнуть в тайгу в результате культурной диффузии, без прямого притока земледельческо-скотоводческого населения. В целом, автор статьи и его коллеги, признавая большую роль миграций в освоении севера Западной Сибири, считают марш-броски ранних земледельцев-скотоводов в глубь тайги крайне спорными и недоказанными. При этом вполне возможно проникновение неолитических групп охотников и рыболовов из урало-казахстанских степей, Приаралья, Прикаспия, Поволжья и с Алтая в урало-сибирскую лесостепь, их медленное приспособление к новым климатическим условиям и социальному окружению, а также постепенное смешение с аборигенами. Далее в лесное

Зауралье и на Приобский Север продвигались уже гетерогенные коллективы, вступавшие во взаимодействие с потомками местных мезолитических общин (Косинская, 1999а. С. 27, 28; 2002а. С. 215–223; 2006. С. 22, 23; Корякова, 2009. С. 343, 344; Борзунов, 2011. С. 216, 217).

При поиске аналогов мысовым неолитическим укреплениям таежного Приобья можно обратиться к близким по времени обширным мысовым городищам с поперечными земляными валами и рвами, укрепленными камнем, а также к большим “круглоплановым” селищам с глинобитной архитектурой, выявленным у энеолитических культур Триполье–Кукутени. Согласно традиционной хронологии и некалиброванным радиоуглеродным датам они датируются V–IV тыс. до н.э. На высоких мысах, в том числе защищенных со стороны поля глубокими рвами и высокими валами, сооружались поселения культур Зимно–Злота и воронковидных кубков IV – середины III тыс. до н.э. (Зимно, Винники). В культуре Зимно–Злота известны также площадки размерами 300×90 м, огороженные концентрическими рвами (Злота, Стжишов), которые считаются загонами для скота (Массон и др., 1982. С. 166–231, 256, 259, 260. Табл. LXIX, LXXI). Весьма просто и заманчиво объявить данные объекты прообразами сибирских городищ. Однако это сходство скорее случайное, формально-типологическое, чем реальное. Ничего общего, кроме этого, у земледельцев-скотоводов обширного ареала культур крашеной керамики с рыболовами-охотниками тайги, производившими посуду с отступающе-накольчатый, гребенчатым и ямочным декором, нет.

В Средней Азии и Китае, куда также проникла “мода” на расписную глиняную посуду и где вокруг поселков возводились простейшие глинобитные стены, мысовые и правильные кольцевые городища в эпоху камня не известны. В этих условиях лишь теоретически можно предположить заимствование населением Севера у далеких племен Причерноморья или юга Средней Азии не конкретных типов защитных сооружений, а только самой идеи укрепленного поселения. Однако механизмы передачи этого новшества неясны. Кроме того, при современной источниковой базе более вероятен конвергентный генезис укрепленных в тайге.

Древнейшие укрепленные поселения Западной Сибири и их защитные системы были построены и, возможно, изобретены различными по происхождению и уровню развития первобытными коллективами охотников-рыболовов (а не скотоводов-земледельцев) с керамикой амнинского,

каюковского, сумпаньинского, быстринского, полуденковского и других типов. Дело в том, что дерево-земляная архитектура вообще – продукт лесных, а не степных и горных коллективов. Мощные бревенчатые укрепленные жилища – также “ноу хау” жителей западносибирской тайги. Отметим при этом, что каменные и глинобитные дома-крепости с глубокой древности были распространены в южных широтах почти по всему Старому и Новому Свету (Джандиери, 1981). Частоколы также наиболее оптимальны и распространены в местностях, богатых строевым лесом, в первую очередь хвойными породами деревьев (сосна, лиственница, кедр). Вряд ли их стоит искать в неолите в евразийских степях, горных районах Юго-Восточной Европы, Передней и Центральной Азии. В данном конкретном случае палисады, по-видимому, также являются изобретением западносибирских и зауральских лесных общин. Возможно, к открытию частокольных систем можно было подойти самостоятельно, без внешнего воздействия, в процессе сооружения свайных жилых, хозяйственных и культовых построек (“амбарчики”, “избушки на курьих ножках”), а также запорных устройств (запоры, заколы) на ручьях, реках и озерах для постоянной и высокопроизводительной рыбной ловли. В Западной Европе (неолитические озерные и “болотные” поселки Швейцарии, Австрии, Франции, Италии, Великобритании, Ирландии, Дании), Юго-Восточной Азии и других частях Старого Света к этой идее могли прийти путем строительства свайных жилищ, плотин и запруд. В целом же частоколы в Западной Сибири до средневековья были редки.

Таежные неолитические укрепленные поселки были полифункциональными. Судя по их местонахождению и обнаруженным на них материалам (керамика, орудийный комплекс, отходы камнеобработки, остеологические остатки), это были центры общинных и, возможно, формирующихся племенных территорий, форпосты на новых освоенных землях, постоянные, а не временные убежища, стационарные круглогодичные поселения, места сосредоточения производственной, хозяйственной и культовой деятельности. Убедительных данных, что это были узкоспециализированные религиозные центры, пока нет. Известные культовые (“жертвенные”) места неолита Зауралья и бассейна Конды в рельефе имели вид окруженных рвами “холмов”, возведенных на руинах поселений (Полуденковский, Кокшаровский, Махтыльский, Усть-Вагильский, Чертова Гора). Небольшие неолитические укрепления с одним–тремя жилищами стандартного размера были местами постоянного обитания и жизнедеятельности.

тельности одной или нескольких больших семей. Многофункциональность и часто “функциональная недифференцированность” – характерная черта всех ранних фортификаций (Массон, 1981. С. 134), их элементов и укрепленных центров в целом.

Бревенчатые стены, заборы и частоколы помимо оборонительного назначения маркировали границы стационарного поселка, защищали его жителей от дикой фауны, отчасти – от наводнений, ветров, оползней, эрозии грунтов. Валы первобытных городищ были не самостоятельными объектами, а только элементами общей системы фортификаций и не возводились без оборонительных стен. Кроме того, валы в сибирской тайге крайне редко служили подиумами для защитных стен, а в неолите вообще не использовались в таком качестве. Насыпи вокруг городищ, которые сейчас воспринимаются как валы, представляют собой остатки крепид основания бревенчатых стен разной конструкции (частокол, заплот, изгородь, дощатый забор и т.д.). Рвы неолитических укреплений, за исключением узких частокольных канав, в повседневной жизни чаще выполняли дренажную и водоотводную функцию, чем основную заградительную и естественную первоначальную – места выемки грунта для возведения насыпей. В них же иногда выбрасывали мусор из жилищ. Некоторые исследователи полагают, что данные канавы могли использоваться и как противопожарные устройства. Вместе с тем для укреплений тайги, расположенных на залесенных песчаных террасах, это маловероятно. Дело в том, что легко деформирующиеся стенки глубоких рвов практически всегда укреплялись деревом или дерном, точнее, пластами гумуса с лесной подстилкой. Высохшее дерево, мох и хвойный опад легко воспламеняются и не препятствуют распространению низового пожара, несмотря ни на какие канавы и рвы. В этом убедились исследователи городища Амня I, ставшие свидетелями последствий таежного пожара 2000 г. Для защиты поселения от поджога и лесного пожара, устранения угрозы падения горящих сосен на дома и фортификации, а также для улучшения обзора местности перед городищем пространство перед рвом обычно освобождалось от кустарников и деревьев на длину полета стрелы. Вырубка леса происходила одновременно с возведением жилищ и оборонительных систем, для постройки которых требовалось много бревен, жердей, коры, бересты и других материалов.

В таежном Приобье бесспорные свидетельства ведения военных действий обнаружить трудно,

причем не только на неолитических, но и на более поздних поселениях. Между тем такие факты существуют. В первую очередь это следы пожаров, которые зафиксированы на руинах всех неолитических укреплений. И вряд ли это только последствия случайных лесных пожаров или неосторожного пользования огнем жителями древнего поселения. История городища Амня I показывает, что данный поселок горел, как минимум, трижды, и каждый раз, за исключением последнего разрушения, с завидным упорством восстанавливался вновь. В качестве свидетельств военных действий могут рассматриваться находки каменных наконечников стрел. В условиях дефицита хороших пород камня на севере Западной Сибири наконечники, предназначавшиеся для охоты, вплоть до средневековья изготавливались из самого доступного и простого для обработки сырья – кости. Редкие боевые экземпляры отливались из дорогого импортного цветного металла, а впоследствии в массовом порядке ковались из железа местного производства. С учетом этого есть все основания полагать, что в эпохи камня и бронзы в приобской тайге трудоемкие в исполнении стрелы с каменными наконечниками использовались в основном как предметы вооружения, а не просто для промысла зверя.

Разнообразие ранних лесных фортификаций при малом их количестве отражает для каждой отдельно взятой территории попытки создания оптимального и нестандартного варианта обороны поселка, защищенного не столько от диких животных, сколько от враждебного социального окружения. Для защиты от зверей достаточно костра и жилища. Кроме того, довольно мощные и совершенные, по меркам Западной Сибири, укрепления эпохи камня типа Амни I, Имнѣгана 2.1, Каюково 2, Большой Умытьи 57 – это проявление и наглядная демонстрация силы, высокого технического уровня и социальной организации создавших их коллективов.

В целом же зарождение и распространение укреплений в лесном Приобье и Зауралье – результат раздела относительно свободных территорий, в первую очередь самых богатых рыболовных и охотничьих угодий, в условиях притока нового населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами мигрантов, аборигенов и гетерогенных коллективов. Это соответствует общей этнической, демографической, экономической и военной ситуации, сложившейся в неолите во время первого относительно массового освоения пространств западносибирской тайги.

В энеолите городища в Западной Сибири исчезли – вплоть до конца бронзового века. Никакой преемственности между неолитическими и более поздними городищами здесь не наблюдается. В начале эпохи бронзы охотники-рыболовы таежного Приобья начали возводить укрепленные жилища второго типа: окруженные рвом большие (360–400 м²) одиночные бревенчатые дома с дополнительной оборонительной стеной или без таковой (Борзунов, 1999).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Археологические исследования на Урале в 1946 г. // КСИИМК. 1948а. Вып. XX.
- Бадер О.Н.* Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ г. Тагила // Первое УАС. Молотов, 1948б.
- Бадер О.Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале // СЭ. 1949. № 2.
- Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г.* Экспертные работы в Нижневарттовском и Сургутском районах Тюменской области // АО–1995. 1996.
- Борзунов В.А.* Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4.
- Борзунов В.А.* У истоков оборонного зодчества севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск, 2011.
- Борзунов В.А.* Неолитические укрепленные поселения и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. № 4.
- Васильев Е.А.* Исследования в Нижнем Приобье // АО–1983. 1985.
- Васильев Е.А.* Миграционные процессы в таежной полосе Западной Сибири в энеолитическую эпоху (причина и динамика) // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987а.
- Васильев Е.А.* Раскопки поселения Чэс-тый-яг // АО–1985. 1987б.
- Васильев Е.А.* К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
- Васильев Е.А.* Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск, 2004.
- Горбунова Т.А., Толпеко И.В.* Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // АО–2001. 2002.
- Джандиери М.И.* Древнее башенное оборонное жилище // ВДИ. 1981. № 2.
- Зах В.А.* Неолит и бронзовый век Присалаирья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.
- Зах В.А.* Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003.
- Зах В.А.* К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: проблемы генезиса культуры. Тюмень, 2005.
- Зах В.А., Исаев Д.Н.* Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2010. № 2.
- Ивасько Л.В.* Неолитическое городище Каюково 2 в Среднем Приобье // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002а.
- Ивасько Л.В.* Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002б.
- Ивасько Л.В.* Раскопки укрепленного поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003.
- Ивасько Л.В.* О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008.
- Ивасько Л., Кардаш О.* По следам огня: Открытие нового городища каменного века // Родина. М., 2002. Спец. вып.
- Ивасько Л., Кондрашев А.* Укрепленное поселение каменного века городище Каюково 2 // Вестник культуры. Ханты-Мансийск, 2001. № 21.
- Карачаров К.Г.* Археологические исследования на р. Агане в Нижневарттовском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск, 2004.
- Ковалева В.Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
- Ковалева В.Т. К.В.* Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV УАС: Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья (Боборыкинская культура). Екатеринбург, 2010.
- Корякова Л.Н.* Еще одно издание материалов Барсовой Горы (Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск, 2009.
- Косинская Л.Л.* Неолит севера Западной Сибири: проблема южных связей // XIV УАС: Тез. докл. Челябинск, 1999а.
- Косинская Л.Л.* О схемах развития северного неолита // Обские угры. Тобольск; Омск, 1999б.

- Косинская Л.Л.* О некоторых традициях домостроительства на севере Западной Сибири // XV УАС: Тез. докл. Оренбург, 2000.
- Косинская Л.Л.* Памятники быстринского типа в Сургутском Приобье (эпоха неолита) // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001.
- Косинская Л.Л.* Неолит севера Западной Сибири: Генезис и связи // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002а.
- Косинская Л.Л.* Работы Северотаежной экспедиции Уральского ГУ на севере Тюменской области // АО–2001. 2002б.
- Косинская Л.Л.* Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004.
- Косинская Л.Л.* Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006.
- Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И.* Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002.
- Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М.* Радиоуглеродная хронология археологических памятников таежной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск, 2004.
- Массон В.М.* Алтын-Депе: Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. Л., 1981 (Тр. ЮТАКЭ; Т. XVIII).
- Массон В.М., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Черныш Е.К.* Энеолит СССР. М., 1982 (Археология СССР).
- Морозов В.М., Стефанов В.И.* Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.
- Погодин А.А.* Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.
- Погодин А.А., Миронов П.В.* Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытъя 57 в Советском районе ХМАО – Югры: (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск, 2009.
- Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2006.
- Старков В.Ф.* Работы Западносибирского отряда МГУ // АО–1968. 1969а.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А.* Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н.* Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV УАС: Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Древность. Сургут; Омск, 2008.
- Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья. М.; Л., 1953 (МИА; № 35).
- Яковлев Я.А.* Объекты археологического наследия федерального значения на территории ХМАО – Югры: меры по государственной охране в 2010 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск, 2011.

КОСТЯНЫЕ БУЛАВКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА: РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

© 2013 г. Н.И. Шишлина*, Й. ван дер Плихт**, Э.П. Зазовская***

*Государственный исторический музей, Москва (nshishlina@mail.ru)

**Центр Изотопных исследований Гронингенского университета,
Археологический факультет Лейденского университета, Нидерланды

***Институт географии РАН, Москва

Ключевые слова: бронзовый век, евразийская степь, радиоуглеродное датирование, костяные булавки.

Bone catapult and hammer-headed pins played one of very specific roles in funerary offerings in the Bronze Age graves uncovered in the Eurasian Steppes and the North Caucasus. Scholars used different types of pins as key grave offerings for numerous chronological models. For the first time 11 pins have been radiocarbon dated. ^{14}C dating of bone pins identified the catapult type pin as the earliest one. They marked the period of the Yamnaya culture formation. Then Yamnaya population produced hammer-headed pins, which became very popular in other cultural environments and spread very quickly across the Steppe and the Caucasus during 2900–2650 cal BC. But according to the radiocarbon dating bone pins almost disappeared after 2600 cal BC.

Среди аксессуаров костюма, широко распространенных в степной и северокавказской среде эпохи бронзы, особое место занимают костяные (роговые) булавки. Их относили к разным археологическим культурам, а типологией этих изделий занимались многие ученые (Латынин, 1967; Сафронов, 1973; Державин, 1991; Ковалева, 1991; Гей, 2000), выявляя различия в размерах, конструктивных деталях и орнаментальных композициях; полученные типы затем использовались для хронологических и культурных построений. Действительно, разные типы булавок – рогаток, молоточковидных, посоховидных, стержневидных или гвоздевидных – встречаются во многих культурах (Гей, 2000. С. 164; Братченко, 2001; Гак, 2005). В.А. Городцов относил молоточковидные булавки к катакомбной культуре (1915), Б.А. Латынин полагал, что они были распространены в ямно-майкопской среде (1967), Л.Г. Ковалева – в ямной (1991); А.Н. Гей рассматривал их в рамках широкого хронологического и территориального диапазона: новотитовское, раннекатакомбное, северокавказское, позднемьянское население Причерноморья и Предкавказья активно использовало эти аксессуары. Единичные находки таких изделий известны в полтавкинской и фатьяновской культурах, а также в финальных куро-аракских памятниках Грузии (Гей, 2000).

Булавки-рогатки появляются раньше молоточковидных (Кияшко В.Я., 1992). Среди последних самыми ранними считаются булавки с прямым стержнем, украшенным нарезным орнаментом в

виде поперечных линий и полос с косой штриховкой (Смирнов, 1996; Кияшко А.В., 1999); булавки с геометрическим орнаментом на сигаровидном стержне относятся к самым поздним (Гей, 2000). Неорнаментированные экземпляры, вероятно, занимают промежуточную хронологическую позицию (Шишлина, 2007. С. 99–101, 280). Многие типы этих изделий сосуществовали в едином степном и северокавказском пространстве, что подтверждается как находками булавок разных типов в одних комплексах, так и примерами курганной стратиграфии, когда погребения с одним типом булавок перекрывались захоронениями с другим и наоборот (Шишлина, 2007).

Таким образом, дискуссии вокруг булавок связаны с двумя проблемами: к какой культуре/культурам они принадлежали и к какому времени относились, т.е. когда появились, в течение какого времени использовались, каким временем можно датировать разные типы булавок.

Пилотный проект. В Прикаспии и Нижнем Подонье было найдено самое большое количество костяных и роговых булавок¹. Как показал

¹ На сегодняшний день в базе данных по Северо-Западному Прикаспию с примыкающими западными склонами Средних Ергеней (Ростовская обл., Ремонтненский р-он), содержащей информацию о 1200 погребениях, учтена 221 костяная/роговая булавка (целые и фрагментированные экземпляры). В проекте также используется булавка из погр. 6 репинского времени кургана Паницкое 6Б (раскопки Р.А. Мимохода в Саратовском Поволжье; Мимоход, 2009).

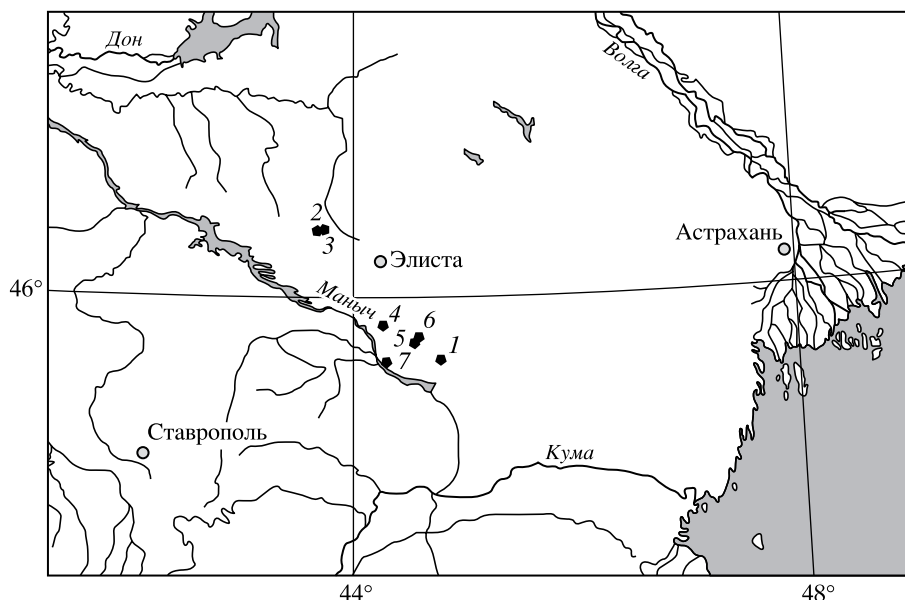

Рис. 1. Северо-Западный Прикаспий. Расположение курганов и погребений с молоточковидными булавками, образцы которых были датированы радиоуглеродным методом: 1 – Манджикины-2; 2 – Сухая Термиста II; 3 – Темрта V; 4 – Зунда-Толга V; 5 – Му-Шарет-1; 6 – Му-Шарет-4; 7 – Восточный Маныч, Левый Берег, I, раскопки 1965 г.

кластерный анализ групп погребений эпохи бронзы Калмыкии (Шишлина, 1992), а затем и более полное исследование культур эпохи бронзы Прикаспийского региона (Шишлина, 2007), в материальной культуре практически всех рассматриваемых культурных групп костяные булавки вместе с другими типами украшений оставались важной частью погребальных наборов довольно длительное время. Разработанная относительная хронология не позволяла определить протяженность этого периода.

Поэтому было решено провести радиоуглеродное AMS-датирование микрообразцов костяных булавок разных типов для того, чтобы установить время появления костяных булавок в составе аксессуарных наборов и вероятную продолжительность их использования. В работе необходимо было учесть культурную принадлежность погребений с булавками, для которых получены радиоуглеродные даты. Следовало также иметь в виду два важных момента. Первый: датировались фрагменты булавок, происходящие из сравнительно небольшого региона Евразийской степи (рис. 1), хотя и из разнокультурных комплексов. Обсуждаемые ниже результаты отражают, таким образом, некоторые временные закономерности использования булавок именно на этой территории; за ее пределами те или иные виды булавок могли появиться раньше (например, в Закубанье или Прикубанье) или существовать позже (фатьяновские и поздние куро-аракские памятники). Второй: каждый из анализируемых предметов

материальной культуры может иметь несколько дат (Harris, 1979): дату, которая показывает время происхождения вещи; дату-интервал использования вещи; дату, когда вещь попала в закрытый археологический комплекс (в нашем случае – в захоронение).

Культурный контекст и относительная хронология. Булавки-рогатки (рис. 2, 1) всеми исследователями считаются самыми ранними и предшествуют молоточковидным булавкам (Кияшко В.Я., 1992; Моргунова, 2006). Они известны в Нижнем Подонье (Кияшко В.Я., 1992), Прикубанье (Козюменко и др., 2001), Нижнем Поволжье (Мимоход, 2009), Приуралье (Моргунова, 2006), оставаясь все же очень немногочисленным видом находок.

Костяные молоточковидные булавки разных типов присутствуют в ямных, степных северокавказских, ранних катакомбных, ямно-катакомбных и полиритуальных погребениях Северо-Западного Прикаспия (Шишлина, 2007). В задачу данного исследования не входила разработка их новой типологической схемы. При описании костяных молоточковидных булавок используются условные обобщенные типы, в основе выделения которых лежат признаки, предложенные А.Н. Геом: общая форма, отсутствие или присутствие орнаментальной композиции (2000. С. 165–168). Выделено четыре типа: 1) – булавки с цилиндрическим стержнем и зональным узором из горизонтальных линий или заштрихованных полос (рис. 2, 2); 2) неорнаментированные булавки с тонким стерж-

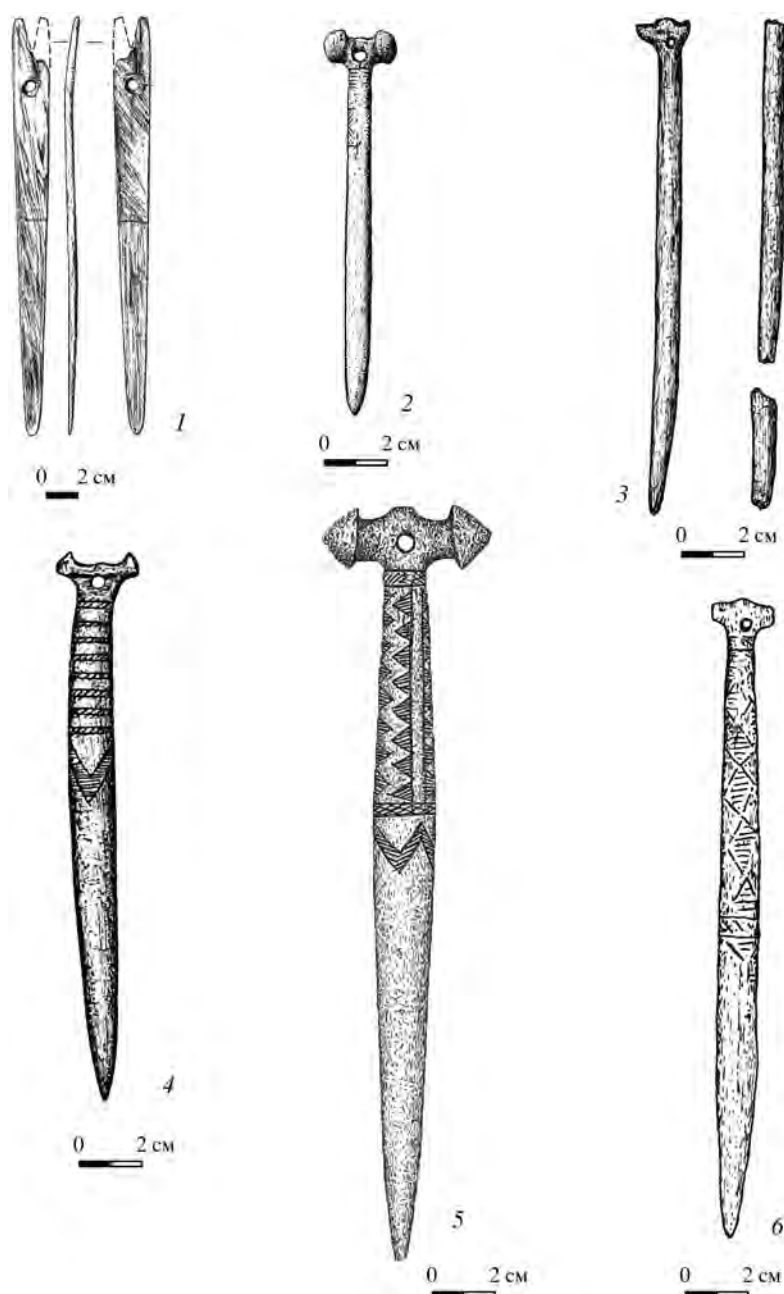

Рис. 2. Костяные булавки: 1 – Паницкое 6Б, погр. 6; 2 – Сухая Термиста II, кург. 1, погр. 1; 3 – Му-Шарет-1, кург. 2, погр. 3; 4 – Манджикины-2, кург. 54, погр. 6; 5 – Темрта V, кург. 1, погр. 3; 6 – Зунда-Толга-5, кург. 1, погр. 7.

нем (2, 3); 3) неорнаментированные булавки с крупным цилиндрическим стержнем; 4) булавки с веретенообразным или прямым стержнем и вариациями геометрического орнамента (заштрихованные треугольники и полосы; заштрихованный зигзаг; заштрихованные ромбы и иные многофигурные композиции) (рис. 2, 4–6).

В целом основные типы стандартны, хотя известны их многочисленные модификации, в первую очередь – орнаментальные. Молоточковидные булавки впервые появляются в захоронениях

ямной культуры (рис. 3, 1). Они присутствуют и в могильных комплексах последующих культур: северокавказской, ямно-катакомбной (рис. 3, 2), раннекатакомбной² (рис. 3, 3). Первые два типа булавок встречены только в ямных погребениях. Самые поздние молоточковидные булавки типа 4 найдены в так называемых полиритуальных

² В раннекатакомбных комплексах помимо молоточковидных распространены костяные булавки и других видов – стержневидные и посоховидные (Шишлина, 2007).

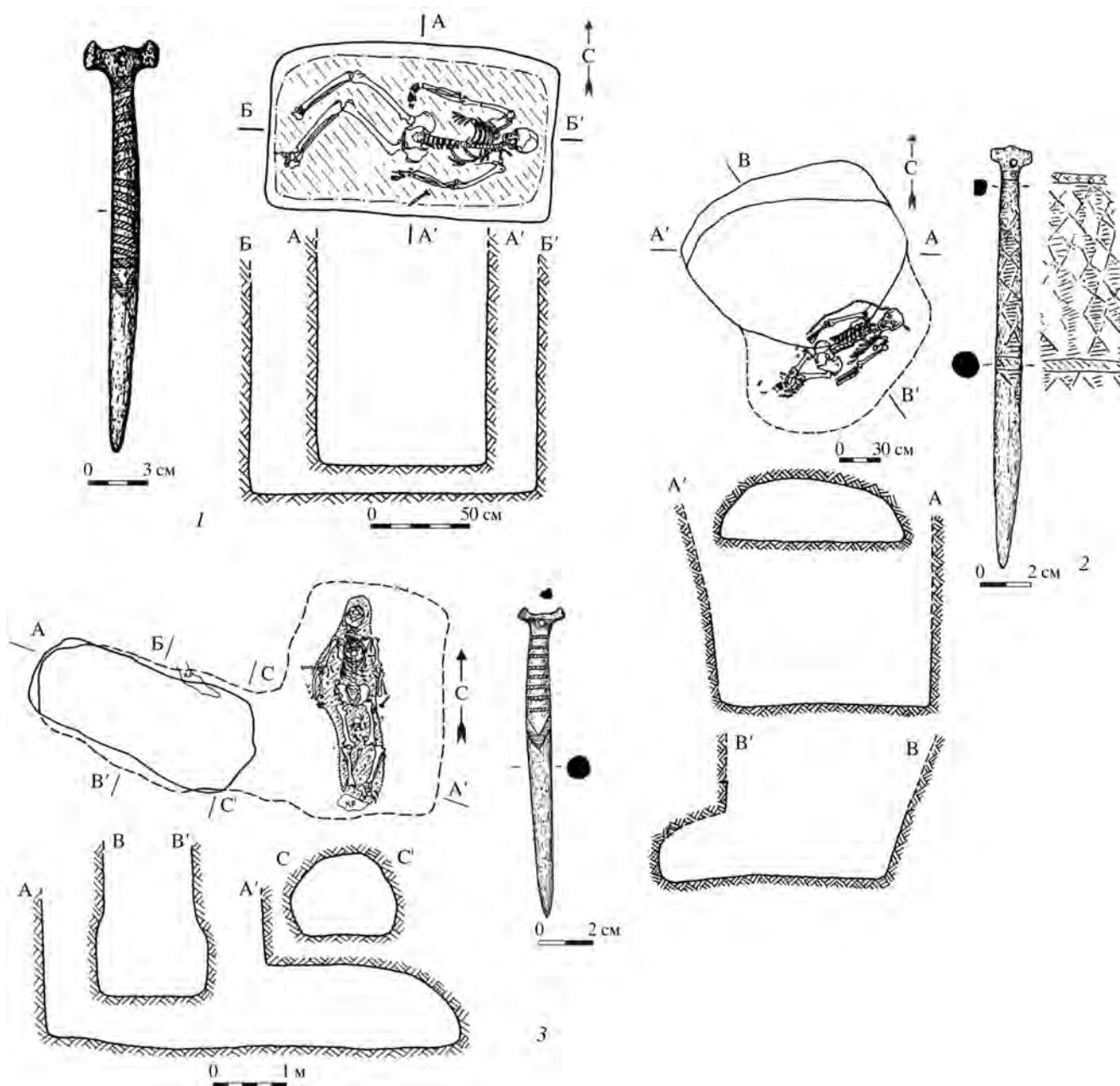

Рис. 3. Погребения Северо-Западного Прикаспия с костяными молоточковидными булавами: 1 – Манджикины-2, кург. 11, погр. 3; 2 – Зунда-Толга-5, кург. 1, погр. 7; 3 – Манджикины-2, кург. 54, погр. 6.

погребениях. Последовательность подтверждается стратиграфическими данными.

Распределение костяных булавок по культурам, представленное в табл. 1, указывает на то, что булавки найдены в каждом десятом погребении ямной культуры, в каждом четвертом раннекатакомбной, в каждом шестом ямно-катакомбном³.

³ Для сравнения приводим данные по распространению булавок в приуральско-средневолжской группе памятников ямной культуры: 7 погребений с булавами из 250, т.е. в каждом 35 погребении (Моргунова, 2006).

Представительность булавок в степной северокавказской и полиригуальной группах ниже: в каждом пятнадцатом и каждом десятом соответственно.

Результаты радиоуглеродного датирования. Для датирования было отобрано 11 микрофрагментов костяных булавок из погребений репинской, ямной, раннекатакомбной, степной северокавказской, ямно-катакомбной культур и полиригуальной группы, однако в двух фрагментах отсутствовал коллаген, в третьем его было недостаточно, поэтому дата получилась с большим

Таблица 1. Распределение булавок по культурам эпохи бронзы Прикаспия

Культура/группа	Количество погребений	Количество погребений с булавками	Количество булавок
Ямная	733	73	126
Раннекатакомбная	190	40	61
Ямно-катакомбная	95	15	20
Северокавказская	149	10	10
Полиритуальная группа	29	3	3

интервалом. Для каждого образца измерялся $\delta^{13}\text{C}$ и вводилась поправка на изотопное фракционирование, но только в двух образцах коллагена оказалось достаточно для измерения $\delta^{15}\text{N}$. Радиоуглеродное датирование проводилось в лаборатории Гронингенского университета. При калибровке радиоуглеродных данных использовались программы CALIB Radiocarbon Calibration. Executive version 6.0.html (Stuiver, Reimer et al., 1986–2011) и IntCal09 (Reimer, Baillie et al., 2009) (табл. 2).

Обсуждение результатов. Самая ранняя дата получена по булавке-рогатке из репинского погребения одиночного кургана Паницкое 6Б. В этом же захоронении найден и сосуд репинского типа. Р.А. Мимоходом приводятся две даты, полученные по костям человека (взрослого и ребенка) из этого комплекса⁴. Дата по кости взрослого индивидуума в целом сопоставима с датой, полученной по роговой булавке (4500 ± 120). Это позволяет пока относить время появления таких булавок в степной среде к самому концу IV тыс. до н.э.: 3200–3100 гг. до н.э. Хотя автор раскопок, анализируя инвентарь из паницкого погребения, полагает, что сосуд является наиболее поздней репликой хвалынско-бережновской керамической традиции, все-таки отметим, что этот комплекс намного моложе, чем погребения Хвалынских могильников, которые, согласно новым радиоуглеродным датам (Shishlina et al., 2009), вероятно, относятся к 4400–4300 гг. до н.э., а памятники степного энеолита – к 4300–3800 гг. до н.э. (Шишлина, 2007). Кроме того, сам Р.А. Мимоход приводит замечание А.А. Хохлова о принадлежности черепа взрослого мужчины к ямной серии степного Поволжья (Мимоход, 2009. С. 54).

Булавки-рогатки или костяные рогатки разных модификаций, орнаментированные или без орнамента, появляются в репинских и ранних ямных погребениях и часто находятся вместе с другими

предметами инвентаря, подтверждающими их раннюю позицию. Локализуются такие погребения в Предкавказье и Приазовье, реже встречаются в Нижнем Поволжье и Приуралье (Ткачев, 2000). Например, в погр. 9, кург. 7 могильника Кавказский 2 в Прикубанье вместе с двумя булавками-рогатками найдена костяная булавка с горизонтальной штриховкой и просверленные речные раковины (Козюменко и др., 2001. Табл. 29). Вместе с сосудом репинского типа и медным ножом костяные булавки и медные обоймы найдены в могильнике Герасимовка II, погр. кург. 4 (Порохова, 1992).

Следующая дата связана с костяной молоточковидной булавкой из ямного погр. 3 кург. 11 могильника Манджикины-2, где на дне прямоугольной ямы, перекрытой деревянными досками, лежал скорченный на спине скелет пожилой женщины (рис. 3, 1). Для булавки с прямым стержнем и геометрической орнаментацией, которая, согласно почти всем предложенным классификациям, должна относиться к позднему типу 4, получена довольно ранняя дата – около 3000 г. до н.э. Эта булавка, таким образом, должна следовать сразу за булавкой-рогаткой. Для этого же погребения получены еще две даты (по древесине и костям погребенной женщины)⁵, указывающие, что захоронение произошло примерно на 260 лет позже, чем дата, определяющая время изготовления булавки (рис. 4, А).

Известно, что во всех культурах булавки довольно долго использовались. Найдены экземпляры, головки которых ломались, но их не выбрасывали, обломки молоточков или стержней полировали, могли просверлить дополнительное отверстие (Восточный Маныч, Левый берег, I, 1966, кург. 35, погр. 1; Восточный Маныч, Левый

⁴ Отсутствие в публикации изотопных данных ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) не позволяет провести корректное сопоставление ^{14}C -дат (Мимоход, 2009. С. 70).

⁵ К сожалению, изотопные данные по образцу кости пока отсутствуют, что не позволяет оценить достоверность даты. Можно лишь отметить, что поправка на резервуарный эффект, полученная по парным датам ямной культуры, не превышает 200 лет.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты из погребений с костяными (роговыми) булавками

Лабораторный номер	Памятник, курган, погребение, культура, объект	^{14}C (BP)	Интервал калиброванного возраста 1σ (BC) [начало : конец] вероятность	$\delta^{13}\text{C}$ (‰,–)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰,+)
GrA-45041	Паницкое 6Б, погр. 6, репинская, роговая булавка	4540±35	[3361:3326] 0.29 [3232:3224] 0.03 [3219:3174] 0.35 [3160:3119] 0.31	–19.42	–
Ki-13050	Паницкое 6Б погр. 6, репинская, кость мужчины	4500±120	[3363:3078] 0.87 [3072:3024] 0.12	–	–
GrA-39349	Манджикины-2, кург. 11, погр. 3, ямная, костяная булавка	4320±60	[3325:3233] 0.35 [3223:3220] 0.01 [3173:3161] 0.04 [3118:3009] 0.45 [2984:2934] 0.16	–17.85	–
GrA-12690	Манджикины-2, кург. 11, погр. 3, ямная, древесина	4060±50	[2835 : 2817] 0.10 [2665 : 2644] 0.10 [2639 : 2557] 0.52 [2555 : 2550] 0.03 [2537 : 2491] 0.27	–24.33	–
IGAN-2056	Манджикины-2, кург. 11, погр. 3, ямная, кость женщины 45–60 лет	4050±50	[2832 : 2820] 0.06 [2657 : 2655] 0.01 [2632 : 2488] 0.93	–	–
GrA-45036	Сухая Термиста II, кург. 1, погр. 11, ямная, костяная булавка	4150±30	[2867:2836] 0.21 [2816:2803] 0.08 [2777:2670] 0.70	–19.91	–
GrA-45038	Сухая Термиста II, кург. 1, погр. 11, ямная, кость женщины 25–30 лет	4160±30	[2872 : 2848] 0.16 [2842 : 2841] 0.01 [2813 : 2798] 0.10 [2794 : 2740] 0.37 [2731 : 2693] 0.27 [2688 : 2679] 0.06	–15.72	–
GrA-35809	Манджикины-2, кург. 54, погр. 6, раннекатакомбная, костяная булавка	4135±35	[2862 : 2831] 0.18 [2821 : 2807] 0.09 [2758 : 2718] 0.26 [2707 : 2631] 0.47	–18.77	–
IGAN-2277	Манджикины-2, кург. 54, погр. 6, раннекатакомбная, кости женщины 25–35 лет	4319±41	[3010 : 2980] 0.28 [2957 : 2952] 0.03 [2940 : 2891] 0.68	–17.58	+15.042
GrA-30051	Темрта-V, кург. 1, погр. 2, раннекатакомбная, костяная булавка	4110±45	[2856 : 2812] 0.25 [2747 : 2725] 0.12 [2698 : 2617] 0.48 [2610 : 2581] 0.15	–18.28	+8.75
IGAN-3414	Темрта-V, кург. 1, погр. 2, раннекатакомбная, кости женщины 20–25 лет	4333±76	[3088 : 3058] 0.12 [3030 : 2885] 0.88	–17.97	+12.49
GrA-32893	Темрта-V, кург. 1, погр. 3, раннекатакомбная, кость овцы	4110±35	[2852:2812] 0.26 [2744:2726] 0.10 [2696:2618] 0.52 [2608:2598] 0.06 [2594:2583] 0.06	–18.60	+8.24

Таблица 2 (окончание)

Лабораторный номер	Памятник, курган, погребение, культура, объект	^{14}C (BP)	Интервал калиброванного возраста 1σ (BC) [начало : конец] вероятность	$\delta^{13}\text{C}$ (‰,–)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰,+)
GrA-49464	Восточный Маныч, Левый берег, I, 1965, кург. 43, погр. 3, раннекатакомбная, костяная булавка	4070±360	[3090:3042]0.03 [3038:2131]0.94 [2085:2054]0.02	–19,91	–
GrA-42168	Му-Шарет-1, кург. 2, погр. 3, северокавказская, костяная булавка	4185±35	[2920:2865]0.73 [2805:2760]0.27	–20.20	–
GrA-39717	Му-Шарет-4, кург. 2, погр. 1, раннекатакомбная? (полиритуальная), костяная булавка	4190±70	[3022:2861]0.77 [2808:2756]0.18 [2719:2704]0.05	–19.61	–
GrA -29135	Зунда-Толга-5, кург.1, погр.7, ямно-катакомбная, костяная булавка	4110±45	[2856 : 2812] 0.25 [2747 : 2725] 0.12 [2698 : 2617] 0.48 [2610 : 2581] 0.15	–21.01	+5.36
IGAN-2494	Зунда-Толга-5, кург.1, погр.7, ямно-катакомбная, кости женщины 50–55 лет	4866±57	[3708 : 3632] 0.86 [3558 : 3538] 0.13	–17.77	+14.93

Примечание. Жирным шрифтом выделены AMS-даты костяных (роговых) булавок.

берег, II, 1966, кург. 30, погр. 1). Поэтому можно допустить, что между изготовлением булавки и помещением ее в захоронение могло пройти значительное время. Дорогая, очень ценная вещь, передаваясь из рук в руки, “по наследству” прослужив более 200 лет, попала в погребение очень пожилой женщины. По крайней мере, об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты.

Другая костяная булавка (Сухая Термиста II, кург.1, погр.11) (с прямым цилиндрическим стержнем и орнаментом из семи параллельных поперечных линий, ниже которых располагается двухчастный орнаментальный фриз, заполненный косыми параллельными линиями) может быть отнесена к типу 1, который рассматривается как самый ранний тип молоточковидных булавок. Однако, согласно радиоуглеродной дате, булавку сделали примерно в 2800–2700 гг. до н.э., она очень недолго использовалась и после смерти молодой женщины в возрасте примерно 25 лет попала в захоронение. Это подтверждается датой, полученной по кости погребенной (рис. 4, Б).

Следующая дата связана с северокавказским погребением могильника Му-Шарет-1 (кург. 2, погр. 3), в котором были найдены целая неорнаментированная стержневидная булавка и два

фрагмента таких же булавок, один из которых и был датирован. Этот тип характерен для ямной культуры. Дата указывает на примерный интервал 2900–2800 гг. до н.э. Предположительно, в это время в степи представители северокавказской культуры еще не появились (Шишлина, 2007). Возможно, булавки попали в погребение намного позже времени их изготовления. Фрагмент такой же булавки из раннекатакомбного погребения могильника Восточный Маныч, Левый берег, I, 1965 (кург. 43, погр. 3) показал дату, широкий интервал которой перекрывает интервал булавки из Му-Шарет.

В последнюю группу вошли оставшиеся четыре даты, полученные по булавкам разных типов и происходящих из погребений раннекатакомбной и ямно-катакомбной культур, а также полиритуальной группы. Четыре булавки можно отнести к типу 4, для которого характерен сигаровидный стержень, украшенный геометрическими фигурами – заштрихованными полосами, ромбами, треугольниками, обрамленными снизу пояском и свисающими вниз треугольниками. По классификации А.Н. Гея, такие булавки относятся к самому позднему типу и доживают до конца III тыс. до н.э. (2000). Три булавки укладываются практически в один хронологический интервал. Можно предположить, что булавки этого

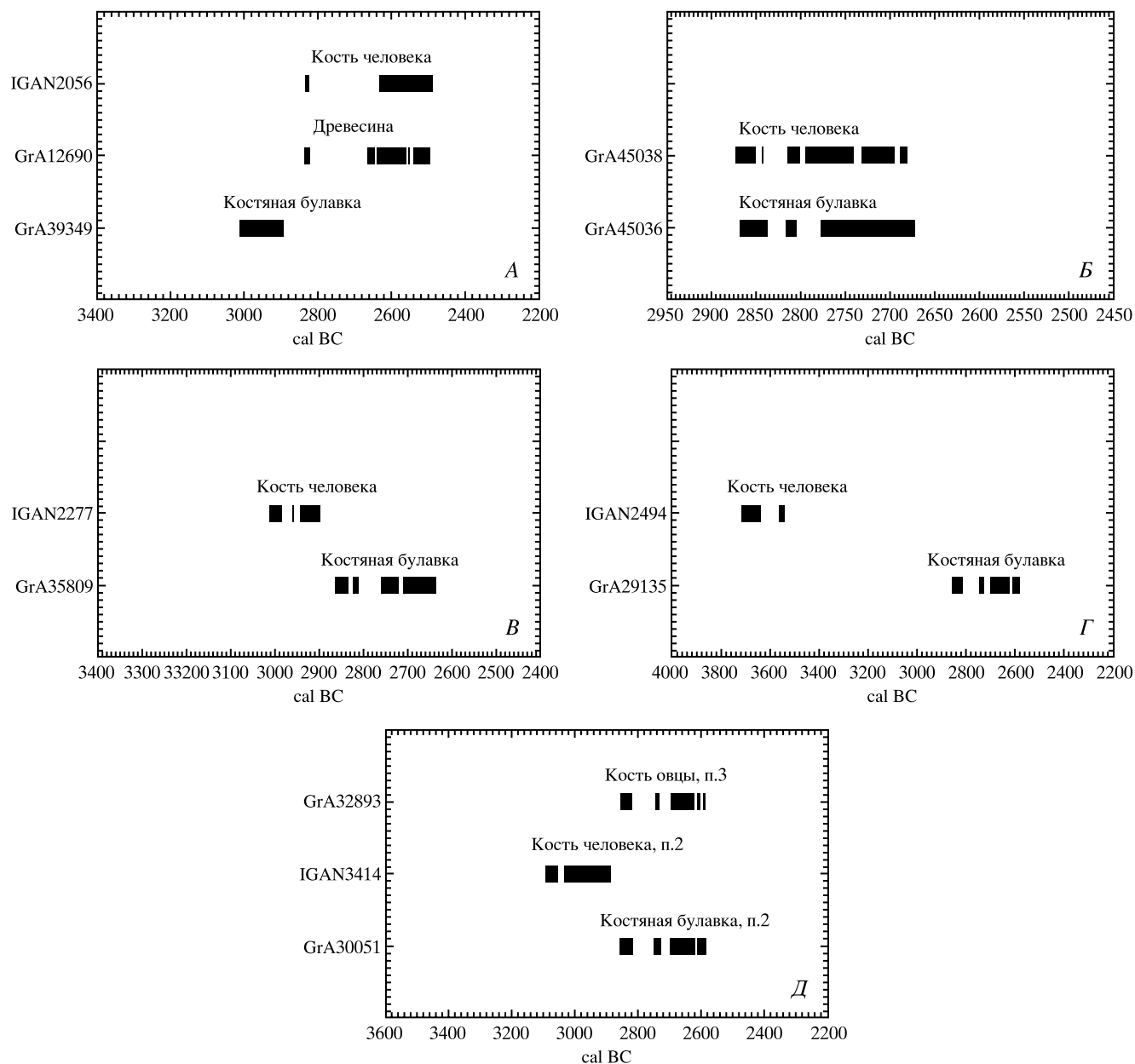

Рис. 4. Данные радиоуглеродного датирования костяной молоточковидной булавки и кости человека: *А* – Манджикины-2, кург. 11, погр. 3; *Б* – Сухая Термиста II, кург. погр. 1; *В* – Манджикины-2, кург. 54, погр. 6; *Г* – Зунда-Толга-5, кург. 1, погр. 7; *Д* – Темрта V, кург. 1.

типа широко использовались примерно в 2800–2600 гг. до н.э. Существовавший “модельный экземпляр” тиражировался в местной разнотипной среде, получились разные вариации одного и того же типа. Чуть древнее булава из полиритупальной комплекса могильника Му-Шарет-4, кург. 2, погр. 1: 2900–2800 гг. до н.э. Полагаем, что, скорее всего, дата показывает время изготовления вещи, которая попала в закрытый погребальный комплекс позднее. На это косвенно указывает тот факт, что головка булавы была обломана в древности, но изделие не выбросили, им продолжали

пользоваться. Возможно, такая дата позволяет более точно определить и культурную принадлежность комплекса – относить погребение не к полиритупальной группе, отражающей появление в степной среде представителей восточноманьчской катакомбной культуры (Шишлина, 2007), а к раннекатакомбной.

Полученные по костяным булавам радиоуглеродные даты также позволяют обсудить поправку на резервуарный эффект, влияние которого прослеживается при датировании большинства костей погребенных людей эпохи бронзы (ван дер

Плихт и др., 2007; Shishlina et al., 2009). На примере приведенных в табл. 2 пар видно, что сдвига в радиоуглеродном возрасте нет для комплексов репинского и ямного времени⁶. Даты, полученные по кости человека и по наземным образцам (рог, древесина), совпали. По парам “кость человека – древесина”, полученным по другим комплексам, поправки для ямной культуры Прикаспия не превышают 200 радиоуглеродных лет (Шишлина, 2007). Однако для пар более поздних культур – раннекатакомбной и ямно-катакомбной – значение поправки увеличивается и варьирует от 184 до 756 радиоуглеродных лет (рис. 5, В, Г). Величина поправки на резервуарный эффект зависит от климатических условий существования популяций и реконструируемой системы питания (Shishlina et al., 2012). Отметим, что для основного (булавка и кость женщины) и впускного (кость овцы) погребений кург. I могильника Темрта V получено интересное соотношение дат: радиоуглеродный возраст булавки совпал с возрастом овцы (оба образца – наземные и не зависят от резервуарного эффекта), дата по кости женщины древнее их на 233 года (рис. 4, Д). Такой “мнимый радиоуглеродный возраст” кости человека подтвержден и масс-спектрометрическими данными образцов (табл. 2).

Таким образом, распространение схожих производственных навыков, определенных близкими природно-ландшафтными условиями и общей сырьевой базой, нашло выражение в появлении одинаковых типов многих предметов материальной культуры. Это было обусловлено “коллективным производственным опытом” (Рындина, 1998). Многоступенчатый постоянный обмен явился результатом активизации культурных событий эпохи средней бронзы, в первую очередь процессов ремесленной специализации (Гак, 2005. С. 26). Он способствовал быстрому распространению на широкой территории одних и тех же типов украшений, орудий труда. К таким предметам относятся и костяные / роговые булавки.

Присутствие их в погребениях разных культур означает, что они могли использоваться сравнительно долгое время и на сравнительно большой территории, а их исчезновение свидетельствует о прекращении их производства и выходе из употребления. Полученные радиоуглеродные даты, возможно, позволяют представить, как булавки использовались, по крайней мере, в степной среде Прикаспия и Нижнего Подонья, связанного не только географически, но и культурно и с Нижним Поволжьем, и с Северным Кавказом.

⁶ Такая же ситуация прослежена и для пар дат долинской культуры.

Очевидно, что в степи сначала появляются булавки-рогатки. Радиоуглеродная дата пока одного такого изделия, происходящего из могильника Паницкое 6Б, подтвердила вывод многих ученых – булавки-рогатки являются самыми ранними и были распространены в репинской культуре (Моргунова, 2006).

А вот дальше возможны разные объяснения. Наследники репинской традиции, мастера ямной культуры (Трифонов, 1996), вероятно, модернизируют булавки. Появляется новый тип с головкой в виде двух молоточков. Когда мы сравниваем радиоуглеродный возраст булавок, оказывается, что формы, размеры и характер орнаментации не всегда имеют хронологическое значение, хотя именно этим признакам придавали особый типологический статус все исследователи. Булавки с поздними элементами декора в нашей таблице – самые ранние. Тонкие костяные стержневидные – бытовали вместе с орнаментированными с цилиндрическим стержнем. Трасологический анализ костяных булавок, проведенный А.Н. Усачуком (2002), показал, что часто орнаментальные мотивы наносились небрежно, быстрым росчерком тонкого металлического лезвия. Предположительно, булавки не обменивали, а делали на месте, в семье. Все, кто видел булавки, знает, что для каждой характерен свой неповторимый стиль орнаментации, хотя элементы – ромбы, треугольники, полосы и зигзаги – везде похожи.

Булавам придавали особое значение. В Прикаспии и Подонье они часто находятся в погребениях либо детей и подростков, либо женщин репродуктивного возраста или очень пожилых и крайне редко – в мужских захоронениях. А.Н. Усачук отмечал, что некоторые изделия использовались очень непродолжительное время: на них едва видны следы потертости и следы трения ремешка; другие явно служили долго. Об этом свидетельствует заполированная до блеска поверхность, затертый орнамент, использование не только целых экземпляров, но и обломков булавок (Усачук, 2001; 2002). Поэтому, вероятно, дата происхождения булавки и дата, когда она попала в погребение, могут не совпадать.

Наконец, как можно определить весь интервал бытования такой специфической вещи? Пока имеющиеся радиоуглеродные данные позволяют предположить, что молоточковидные булавки в Прикаспии и Подонье появились около 3000 г. до н.э., вероятно, в ямной среде. Им предшествовали булавки-рогатки репинской культуры. Время активного распространения булавок разных типов можно очертить примерно в рамках 2800–

2600 гг. до н.э. Предпочитали их использовать как ямное, так и раннекатакомбное население. В ямно-катакомбных, северокавказских погребениях булавки появляются в это же время, но в меньшем количестве.

Примерно после 2600 г. до н.э. булавки не встречены. Скорее всего, этот тип украшений вышел из моды, по крайней мере, в степной среде. Действительно, в погребениях восточноманьчжурской катакомбной культуры, пришедшей на смену культурной мозаике середины III тыс. до н.э., булавки единичны (Кияшко В.Я., 1992).

Однако этот взгляд все-таки отражает особый культурный и географический контекст только одного региона – Прикаспия и Нижнего Подонья. Последующие исследования костяных булавок других регионов, возможно, подскажут, как и когда носители других традиций использовали красивые костяные украшения.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №11-06-00037.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братченко С.Н.* Донецка катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.
- Ван дер Плихт Й., Шишлина Н.И., Хеджес Р.Е.М. и др.* Резервуарный эффект и радиоуглеродная хронология катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия // РА. 2007. № 2.
- Гак Е.И.* Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Гей А.Н.* Новотиторовская культура. М., 2000.
- Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского исторического музея в Москве. М., 1915.
- Державин В.Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.
- Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко В.Я.* К вопросу о молоточковидных булавках // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992.
- Ковалева Л.Г.* Молоточковидные булавки Северного Причерноморья (опыт классификации) // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
- Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А.* Раскопки курганного могильника "Кавказский 2" // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Латынин Б.А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АС ГЭ. 1967. Вып. 9.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов М., 2009 (МОАИ; Т. 10).
- Моргунова Н.Л.* Особенности костяных "булавок" ямной культуры Приуралья // XXIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.
- Порохова О.И.* Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М., 1998.
- Сафронов В.А.* Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // КСИА. 1973. Вып. 134.
- Смирнов А.М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.
- Ткачев В.В.* О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Трифонов В.А.* Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.
- Усачук А.Н.* Результаты трасологического анализа костяных изделий из погребений курганных могильников юга Калмыкии // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. М.; Элиста, 2001.
- Усачук А.Н.* Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002.
- Шишлина Н.И.* Ранний этап средней бронзы Калмыкии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М., 2007 (Тр. ГИМ; Вып. 165).
- Harris E.C.* Principles of Archaeological Stratigraphy. L., 1979.
- Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E. et al.* IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2009. V. 51. № 4.
- Stuiver M., Reimer P.J., Reimer R.* CALIB Radiocarbon Calibration program. Executive version 6.0.html. 1986–2011. // <http://calib.qub.ac.uk>
- Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., van der Plicht J., Hedges R.E.M. et al.* Paleocology, Subsistence, and ¹⁴C Chronology of the Eurasian Caspian Steppes Bronze Age // Radiocarbon. 2009. V. 51. № 2.
- Shishlina N., Zazovskaya E., van der Plicht J., Sevastyanov V.* Isotopes, Plants and Reservoir Effects: Case Study from the Caspian Steppe Bronze Age // Radiocarbon. 2012. V. 54. № 3, 4.

СЕЛЬСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ МАССАЛИЯ в VI–III вв. до н.э.: ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

© 2013 г. А.А. Супренков

Институт археологии РАН, Москва (suprenkov@mail.ru)

Ключевые слова: фокейская колонизация, греческая Массалия, греки и варвары, полис и хора.

The article concerns the history and archaeology of Massalia, the biggest Phocian colony on the north-west Mediterranean. The subject of the studies is the village territory of the city from the foundation to the beginning of the Punic wars as of in the context of the relations between Greek and Barbarian communities.

Массалия (современный Марсель) – крупнейшая фокейская колония в Северо-Западном Средиземноморье. Этот город был основан фокейскими мореплавателями на западе Лионского залива, в районе устья Роны в начале VI в. до н.э. Полис играл важную роль в политических событиях и экономических процессах всего западного Средиземноморья, особенно в греческий период своей истории. История Массалии широко отражена в древних текстах (основные тексты по античному Марселю см. Bats et al., 2005. P. 145–149), а начиная с середины XIX в. город систематически изучается археологами (историю изучения античной Массалии и ее окрестностей см. Rothé, 2005. P. 93–105).

Тем не менее некоторые вопросы остаются спорными. Один из них касается территории города в VI – середине III в. до н.э., т.е. периода до начала Пунических войн. Он освещен в письменных источниках фрагментарно (Guyot-Rougé, 2005. P. 141–148), археологически же решение этого вопроса затруднено тем, что и сам древний город, и его окрестности, начиная от средневековья и до современности, непрерывно застраивались. Тем не менее на сегодняшний момент совокупность результатов, полученных в ходе новейших археологических работ, и выводов, сделанных в последних публикациях, позволяет изложить наиболее актуальную информацию о данном сюжете.

Античный город был локализован на берегах бухты Лакидон в районе Старого порта Марселя. Территория, выбранная колонистами, обладает благоприятными природными условиями. Марсель расположен в геологической впадине (площадь – около 180 км²), отделенной горными хребтами от остальной части Нижнего Прован-

са (рис. 1). По сравнению с остальной частью Прованса район характеризуется мягким средиземноморским климатом с меньшими сезонными перепадами температур и меньшим количеством осадков. Разветвленная речная система снабжала его в древности пресной водой.

Основание города произошло около 600 г. до н.э. (Villard, 1960. P. 81; Bérard, 1960. P. 130; Morel, 1975. P. 866; Bats, 1992. P. 266; Tréziny, 1994. P. 125; Gras, 1995. P. 364; Collin Bouffier, 2009. P. 35). Берега бухты Лакидон, вероятно, посещались и предшественниками фокейцев – колонистами из восточной Греции, – и этрусками, что подтверждается как письменными источниками, так и археологическими данными, однако колонии либо туземного поселения на месте, где был основан греческий город, судя по всему, не существовало (Hermany et al., 1999. P. 33; Bats, 1998. P. 609). Массалия, согласно легендам¹, была основана при одобрении царя местного племени сегобригов Нанна. Сегобриги относились к народности лигуров. К моменту появления колонистов из Фокеи они находились на стадии перехода к железному веку, занимались сельским хозяйством и уже имели опыт торговых обменов. В окрестностях Марселя известно множество варварских сельских поселений сегобригов эпох позднего бронзового–раннего железного веков (рис. 2).

По-видимому, греческие колонисты сразу активно занялись торговой деятельностью, став посредниками между лигурами и средиземноморскими партнерами в обмене сырьевой продукции

¹ Основные ее версии пересказаны Аристотелем в изложении Афиней (Le banquet des sophistes XIII, 576) и Помпеем Трогом в изложении Юстина (Abrégé des histoires Philippiques, XIII, 3–5).

1

2

Рис. 1. Античная Массалия на современных физических картах Франции (1, 2). Условные обозначения: а – античная Массалия.

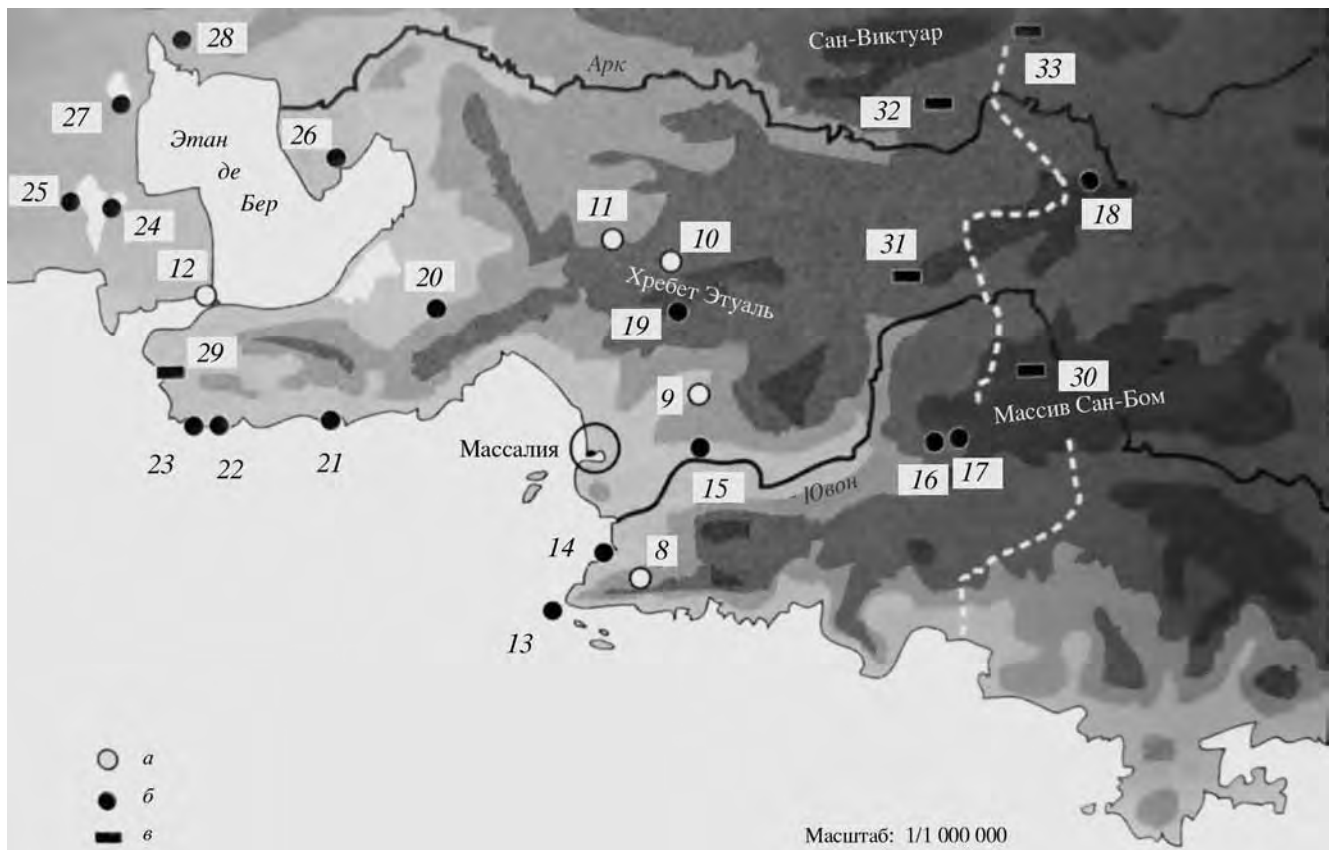

Рис. 2. Догреческие поселения и некрополи вокруг Марселя (по: Hermany et al., 1999). Условные обозначения: *a* – поселения эпохи позднего бронзового века; *б* – поселения, существующие в 600 г. до н.э.; *в* – некрополи позднего бронзового – раннего железного века.

из регионов Галлии на разнообразные импортные товары.

На начальном этапе имело место мирное сосуществование греческой и варварской общин, которое нарушилось, согласно источникам, уже при приемнике Нанна. Впоследствии греко-варварские конфликты периодически вспыхивали вплоть до установления римского владычества в данном районе.

Новая греческая колония начинает быстро развиваться, чему способствуют политические события в Средиземноморье в VI в. до н.э. Разгром Фокеи полководцем Кира Гарпагом в 546 г. до н.э. вызывает приток на запад фокейских беженцев, что приводит к демографическому росту в Массалии. По версии ряда исследователей, укреплению позиций города на море могли способствовать и результаты битвы при Алалии – морского сражения, противопоставившего фокейцев этрускам и карфагенянам, произошедшего около 535 г. до н.э. (Gras, 1987. Р. 166). Развитие полиса отражается и на градостроительстве – в Массалии возводятся фортификационные сооружения, а площадь горо-

да к концу VI в. до н.э. достигает 40 га (Tréziny, 2006. Р. 234). Исследования, проведенные в районе порта, свидетельствуют об экономической активности полиса. Со второй половины VI в. Массалия начинает производить амфоры (типологию марсельских амфор см. Bertoucci, 1990. Р. 15–20), которые в дальнейшем вытеснят этрусский импорт, ранее преобладавший на галльских поселениях, а с последней четверти этого столетия и чеканить собственную монету.

В классический период полис продолжает эволюционировать – усиливается фортификация, вновь перестраивается порт и возникают ремесленные кварталы. Любопытен материал из некрополей Массалии, который может свидетельствовать о сильной имущественной дифференциации среди его граждан (Euzennat, 1976. Р. 529–552; Hermany et al., 1999. Р. 69–85; Tréziny, 2005. Р. 230–244).

Здесь необходимо сказать и о социально-политическом устройстве города. Аристотель писал о том, что в Массалии существовал устойчивый *аристократический режим*, при котором

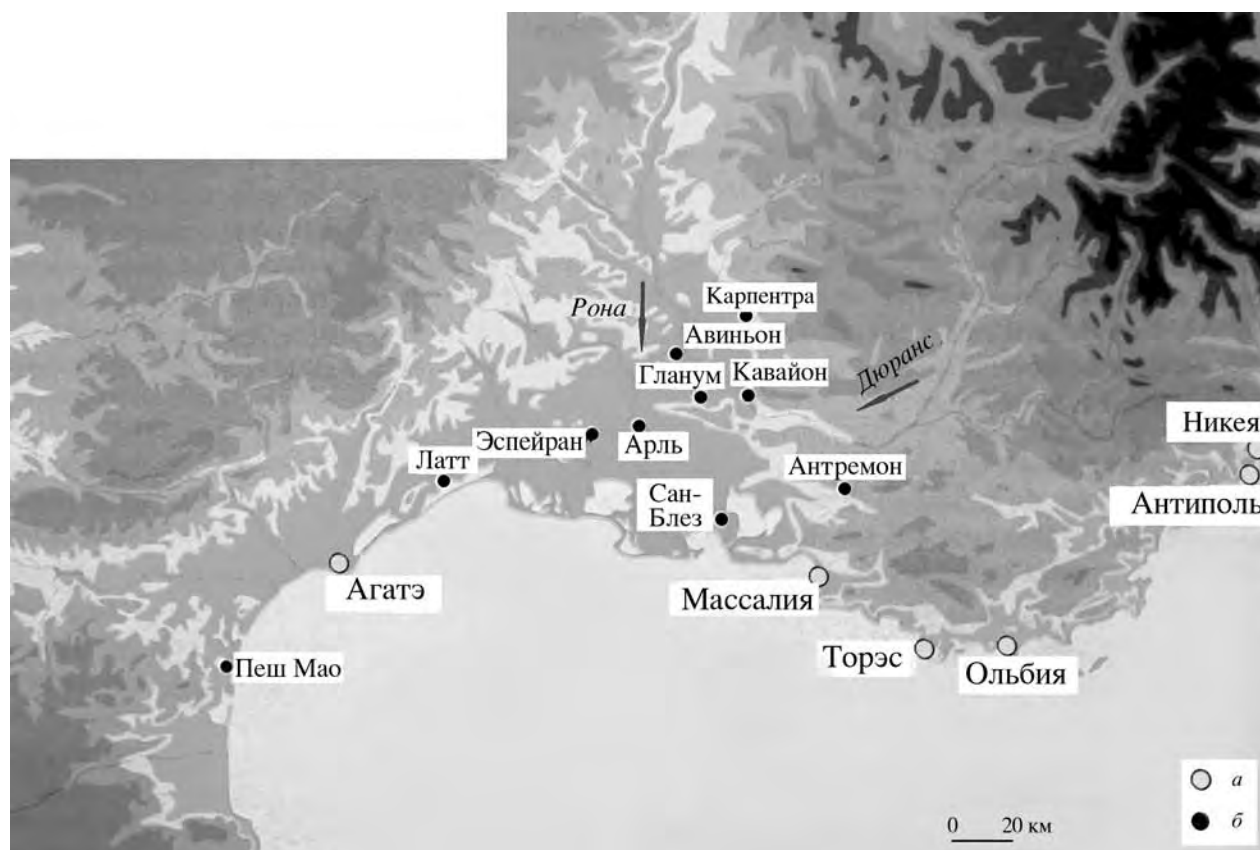

Рис. 3. Северо-западное Средиземноморье (район устья р. Рона) в античности. Условные обозначения: *а* – колонии Массалии; *б* – другие поселения.

вся полнота власти была распределена между несколькими семьями (Aristote, Politique, V, 6, 2–3) – возможно, потомками первых колонистов. Другие авторы подчеркивают стабильность этого режима на протяжении длительного времени (Tite-Live, XXVII, 54, 21–22). В более поздний период Страбон описывает его законодательную базу (Strabon, IV, I, 5). В историографии давно существует предположение о том, что только первые переселенцы из Фокеи и их потомки обладали полными политическими правами, остальные жители участвовали лишь в экономической жизни города (Clavel-Lévêque, 1977. Р. 116). Вопросы социально-политического устройства крайне важны при рассмотрении проблем, связанных с земельными территориями, – ключевых для нашего исследования.

V–IV вв. до н.э. знаменуются для Массалии активизацией морской деятельности – город основывает колонии на средиземноморском побережье. Среди них – Рода, Агатэ, Ольбия, Антиполь, Никея. Они как бы закрепляли за полисом зону его влияния, на востоке – доходившую до современной Генуи, а на западе – до поселений запад-

ного Лангедока. На этом значительном пространстве, от границ современной Испании до Италии, в течение V–III вв. до н.э. фактически устанавливается массалиотская торговая гегемония.

Перейдем к проблеме сельской территории² Массалии. Она, так или иначе, затрагивалась в исследованиях разных авторов на протяжении всего XX в. Ф. Вийар в своем фундаментальном исследовании “Греческая керамика Марселя (VI–IV вв. до н.э.). Очерк экономической истории” посвятил главу описанию территории греческого Марселя. Он сравнивал письменные источники – тексты Юстина (Justin, XLIII, 3–5), описывающие победы массалиотов на суше, и Страбона (Strabon, IV, I, 5), подчеркивающие приоритет, который они отдавали морскому делу. На их основании и с учетом археологической информации, актуальной на тот период, автор пришел к некоторым выводам. Территория Массалии в архаическую и классическую эпохи, по его мнению, ограничивалась долиной р. Ювон на востоке и северо-востоке, а на

² Говоря о территории города, мы подразумеваем территорию непосредственно греческого Марселя, оставляя за рамками его средиземноморские колонии.

запад простиралась полосой между Этан де Бер и морем до Сан-Блез (рис. 3). В эллинистический же период и особенно во II в. до н.э., после побед Секста Кальвина в 124–125 гг. до н.э., территория города существенно увеличивается. При этом, ссылаясь на Страбона, Ф. Вийар указывал на неплодородность греческих земель. В заключении он писал о том, что не обладание земельными территориями и природными ресурсами привели Массалию к богатству, а именно активная торговая деятельность и основание колоний (Villard, 1960. Р. 107–112).

Полтора десятилетия спустя М. Клавель-Левек также коснулась вопроса территории Массалии в своем труде “Греческий Марсель. Развитие торговой гегемонии”. По ее мнению, в VI–V вв. до н.э. хора Массалии ограничивалась непосредственно равниной, где был построен город. На возвышенностях же, окружавших равнину, располагались оппидумы, служившие наблюдательными постами массалиотов, среди них важнейшим был Сан-Марсель, находившийся в 8 км к северу от Старого Порта.

Начиная с IV в. до н.э. территория владений города увеличивается. На западе она достигает Этан де Бер (оппидум Сан-Блез), на севере – хребта Этуаль и оппидума Тест-Негр, а на востоке – оппидумов массива Аллош. В III в. до н.э. хора расширяется еще дальше к западу, и в период между Пуническими войнами и войнами римлян с салиями и лигурами, в 124–125 гг. до н.э., начинает включать в себя всю нижнюю Рону и нижнюю Дюранс (Clavel-Lévêque, 1977. Р. 85–87). Следует отметить, что в этой части книги автор полагалась, в основном, на письменные источники. Археологическая же интерпретация оппидумов, расположенных в окрестностях Марселя, неоднозначна.

Спустя еще 10 лет, в 1986 г., территории греческого Марселя посвящается первый выпуск сборника “Массалийские этюды”, в котором ведущие исследователи юга Франции изложили свою точку зрения. Сборник состоял из нескольких статей.

Открылся он статьей А. Трезини общего содержания, посвященной в целом проблемам полиса и хоры. Автор, прежде всего, предлагал разделить понятия *хора* и *зона влияния*, подчеркивая, что в первом случае речь идет о землях, которые находятся у граждан полиса в собственности. При этом, как правило, неграждане греческой общины не имеют права приобретать землю. Что же касается зоны влияния, то к ней относится область экономических интересов того или иного греческого полиса, но она не предусматривает какого-

либо политического участия греков в ее жизни и в первую очередь военного. Однако между двумя указанными выше явлениями существует множество промежуточных форм связи (например, между полисом и его окрестностями). К примеру, там могут находиться варварские поселения, так или иначе зависимые от города.

Автор указывал на то, что существуют аграрные колонии, для которых земельные территории стоят превыше всего, и сельские территории являются естественным продолжением городов – их основные улицы продолжают осями разделения участков. Фокейские же колонии (Массалия и Эмпорион) А. Трезини относил к тому типу, при котором территория играет вспомогательную роль по отношению к городу и порту. Оговорив при этом, что такое разделение условно, так как существует множество промежуточных вариантов колонизации, и сами колонии могут эволюционировать и менять свой облик (Tréziny, 1986. Р. 7–15).

Далее следует большая статья М. Ба, содержащая анализ имеющейся на тот момент информации о размерах хоры Массалии и некоторые выводы. Прежде всего, он подчеркивал, что по своему географическому положению Массалия примерно соответствовала идеальной модели греческого полиса согласно Аристотелю. При этом древние тексты говорят о бедности земель Массалии и о том, что она вынудила жителей, их населявших, предпочесть морские занятия. Вместе с тем очевидно, что город не мог существовать без хоры, даже если ее территория была меньшей, чем у полисов, ориентированных на сельское хозяйство. Даже если ограничивать хору Массалии долинами р. Ювон и Жарре, ее размеры сопоставимы с некоторыми другими полисами.

Общеизвестно, что земли, находящиеся в собственности, должны иметь охраняемые границы (это актуально не только для Древней Греции). Для защиты территорий города обычно сооружался вал, на котором возводились башни (*pérgoi*) и крепости (*phroûria*), где могли укрываться сельские жители. Подобная система известна во многих регионах греческой ойкумены. Говоря о Массалии, Страбон упоминает о каких-то башнях в устье Роны, но считает их в основном навигационными ориентирами. К тому же он ничего не сообщает о датировке самих построек.

Известно, что вокруг Массалии на возвышенностях располагались оппидумы – укрепленные поселения. По мнению автора, в случае, когда земли в окрестностях принадлежали массалиотам, в этих крепостях должен был находиться

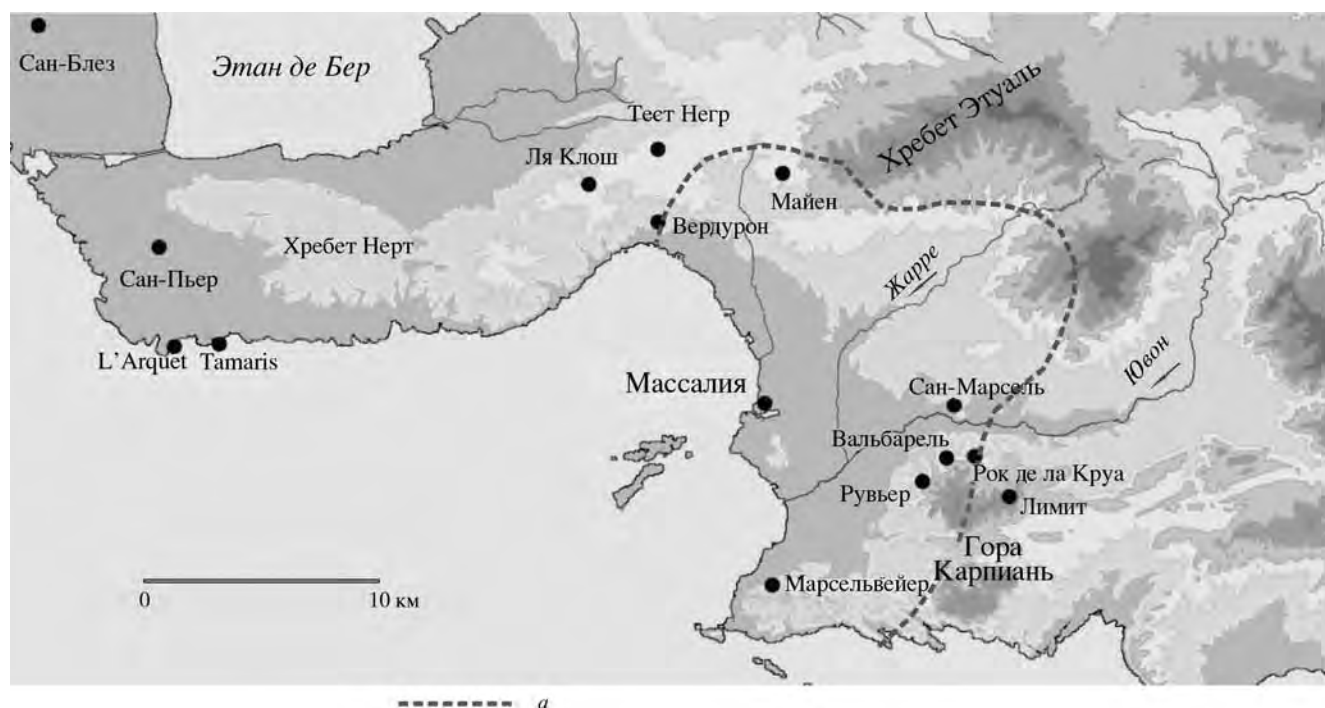

Рис. 4. Ближние окрестности Массалии и оппидумы. Условные обозначения: *a* – границы территории Марселя до середины III в. до н.э. (по: Bats, 1986).

либо греческий гарнизон, либо смешанное или ассимилированное население, готовое к обороне территории. Таким образом, для выяснения статуса земель у города важна информация о степени эллинизованности оппидумов.

М. Ба подробно анализирует степень влияния Массалии на варварские поселения в таких областях, как религия, технические новшества, письменность, импорт, распространение монет. В итоге он выделяет разные периоды формирования хоры Массалии.

В первый период греки были благосклонно приняты сегобригами на своей территории, и, согласно легендам, их предводитель вступил в брак с дочерью местного вождя. Для города колонистам была выделена территория, но она, скорее всего, не охранялась – сегобриги могли свободно находиться в греческом городе. Конфликты, наступившие уже во втором поколении (согласно письменным источникам), привели к тому, что греки оградил город и, возможно, обзавелись собственной сельской территорией. Впрочем, в этот период приоритет был за морской деятельностью, и территория города ограничивалась его близкими окрестностями. Видимо в V–III вв. до н.э. массалиоты не имели достаточной мотивации и сил для существенного увеличения земельных

владений. Это компенсировалось созданием морских колоний.

С середины III в. до н.э., при поддержке римлян, массалиоты захватывают обширные пространства в областях нижней Роны и нижней Дюранс. Это могло быть вызвано и естественным ростом городского населения – во времена Цезаря в Марселе оно достигало 20 000 человек (Bats, 1986. Р. 17–42).

В заключение автор нанес на схему предположительные границы хоры во втором периоде развития полиса (рис. 4) и ее увеличения в третьем.

Самая большая и, пожалуй, наиболее обстоятельная статья в сборнике принадлежит П. Арселину. Проблемы территории древнегреческого Марселя исследовались в ней в контексте жизнедеятельности негреческого населения Южной Галлии. Прежде всего, автор подчеркивал, что уже в последней четверти VI в. до н.э. на землях вокруг Массалии (кому бы они не принадлежали юридически) существовало развитое сельское хозяйство. В том, что на начальном этапе для Массалии были приоритетны морские занятия, солидарны разные древние авторы. Однако при этом некоторые данные свидетельствуют и о том, что греки занимались виноградарством и выращиванием олив в окрестностях города. Со временем вино и оливковое масло стали существенными

экономическими факторами жизнедеятельности полиса, тогда как производство зерновых, вероятно, было важной частью туземного хозяйства.

Вокруг Массалии должны находиться земли, принадлежавшие горожанам в прямом смысле. Варварское население могло там обитать только в качестве рабочей силы. Эти земли – хора – могли быть как в частной, так и в коллективной собственности. Греческий Марсель не вписывался в эту концепцию. В непосредственной близости от него находились укрепленные варварские поселения. Значительных же греческих сельских поселений при этом в ближних окрестностях Массалии не было.

По-видимому, организация хоры Марселя предусматривала большую степень присутствия варварского элемента на ее территории, чем, например, в колониях Италии. Лигуры могли работать на греческих землях и, возможно, даже существовала оборона этих земель совместными усилиями. Что же касается статуса “фермеров”, работающих на греческих землях, то П. Арселин считал их юридически свободными.

В этой связи резонно задать и вопрос об ассимиляции населения. Археологически она не подтверждается однозначно. Некоторые погребения из некрополей Массалии несли в себе черты альпийских погребальных обрядов, однако их немного. Большинство исследователей считает, что этих захоронений недостаточно для доказательства существования в Марселе смешанного населения. При этом в Эмпорионе и Агатэ совместные греко-варварские кладбища были в порядке вещей. Такие же показатели, как распространение греческой продукции или данные ономастики, не дают четкого ответа на вопрос об этническом характере населения Массалии.

П. Арселин предложил свою периодизацию эволюции территории греческого города. По ней первая половина VI в. до н.э. характеризуется эмпориальным периодом, нацеленным на укрепление контактов с местным населением. Причем торговые взаимоотношения сразу начинают охватывать достаточно широкий регион, доходящий на западе до Этан де Бер. Целью торговли был ввоз греческой и этрусской продукции в обмен на вывоз сырья. Через некоторое время греческая колония начинает самостоятельно производить предметы для обмена (в том числе и керамику). Параллельно с этим происходит и передача каких-то специальных греческих технологий в разных областях. Ассимиляция населения, вероятно, в этом процессе играла все-таки вторичную функцию. Со второй четверти VI в. до н.э. грече-

ской общине, по всей видимости, потребовались какие-то территории для выращивания винограда и олив.

Автор приводит достаточно смелую гипотезу о том, что параллельно с поселением в Лакидоне какая-то греческая или этруская колония возникла на северо-восточном побережье залива Фос. Письменные источники об этом умалчивают, но на окрестных туземных поселениях Сан-Блез, Сан-Пьер, Арке и Тамари в районе 600 г. до н.э. уже появляются элементы греческой архитектуры. Об этом вроде бы свидетельствуют и соответствующие керамические находки. Автор полагал, что это гипотетическое поселение было основано с целью наиболее интенсивного коммерческого контакта с поселениями лигуров. При этом П. Арселин считал, что территория побережья к югу от Этан де Бер не принадлежала Массалии напрямую, но здесь находилась область активных торговых обменов (рис. 5). С третьей четверти VI в. до н.э. город начинает производить вино и амфоры и поставлять их поселениям долины Роны, где до этого преобладала этруская продукция. В это время земли вокруг Массалии уже стали, вероятно, собственно *хорой*, где выращивались виноград и оливки и существовала возможность создания ремесленной продукции. Эта территория увеличилась к югу на всю нижнюю долину р. Ювон до массива Марсельвейр (рис. 5). В ее границах появляются и греческие сельские святилища на скалах – также возможный маркер городской территории. При этом большой процент лепной керамики (около половины) на поселениях Сан-Блез и Сан-Марсель говорит о том, что они сохранили лигурийский облик, хотя и стали активно участвовать в хозяйстве Массалии.

В конце VI в. до н.э. наблюдается резкий рост импорта из Массалии, который начинает распространяться на всю южную Галлию. В этот период фокейская аристократия полностью использует производительные ресурсы окружающих территорий в интересах торговли. Сам город также активно развивается. Появляется монета, которая делает торговлю уже подконтрольной и облагаемой налогом.

Скорее всего, расширение территории города в этот момент могло произойти в сторону долины Обань. Именно там, по мнению автора, начала формироваться марсельская *зона влияния*. Воздействие экономики Марселя прослеживается здесь практически на всех поселениях.

К концу V в. до н.э. экономические интересы Массалии распространяются на всю нижнюю Рону. Ограниченный круг местного населения,

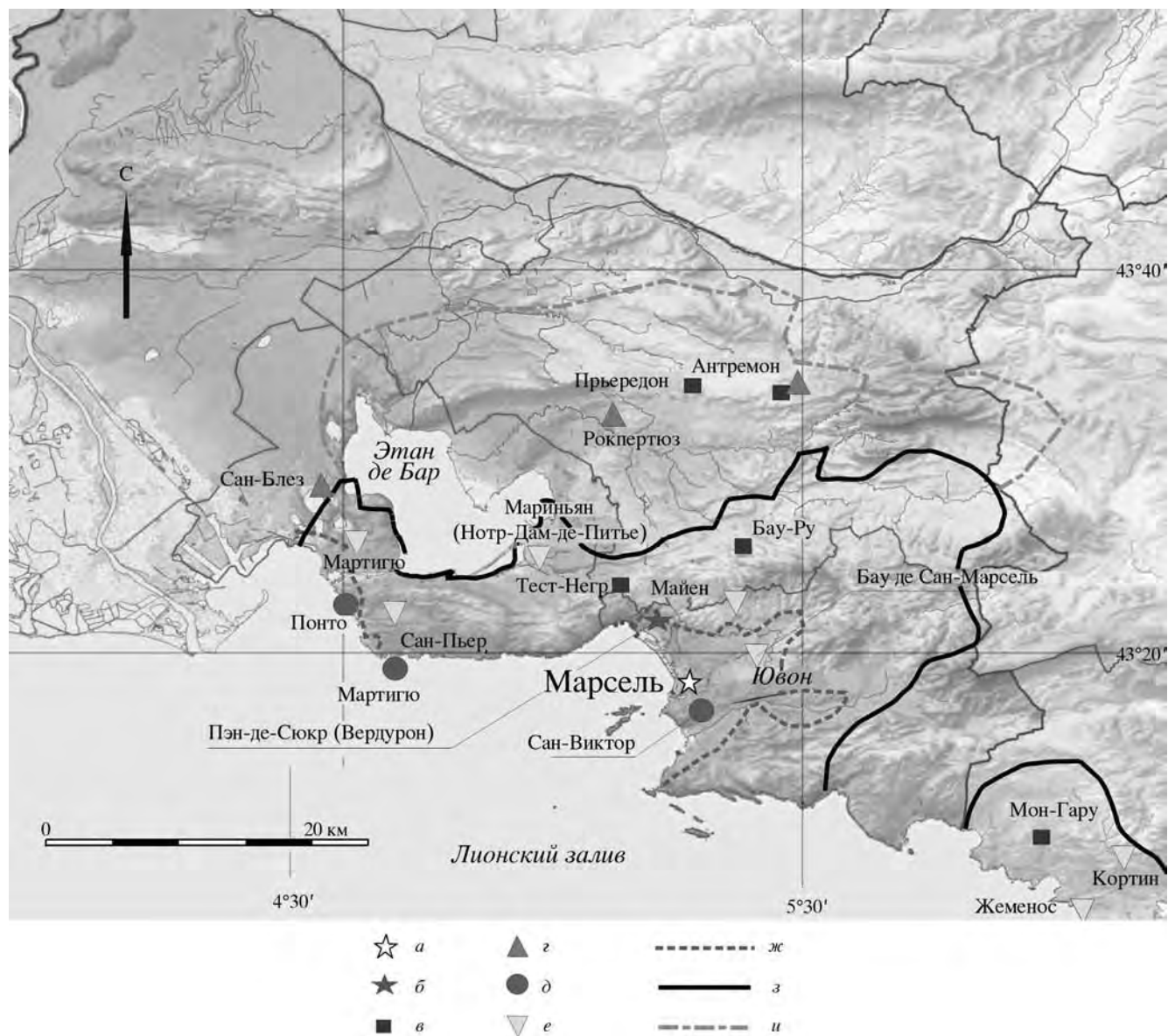

Рис. 5. Окрестности античной Массалии (по: Arcelin, 1986). Условные обозначения: *a* – Массалия; *б* – укрепленные фермы; *в* – туземные поселения с прямоугольными башнями; *г* – туземные святилища; *д* – марсельские карьеры; *е* – другие поселения; *ж* – границы территории Марселя; *з* – экономический домен Марселя к концу III в. до н.э.; *и* – границы формирующегося туземного домена.

безусловно, также пользовался плодами этой деятельности. Однако бесконтрольная продажа продуктов земельного производства могла вызвать в туземных кругах экономический кризис, следствием которого было растущее недовольство, проявившееся позже.

К концу IV в. до н.э. Массалия добивается полного политического и экономического успеха не только в нижней Роне, но и во всем западном Средиземноморье, на значительной части которого город захватывает торговую монополию. При этом самое начало IV в. до н.э. знаменуется событием, отраженным в письменных источни-

ках как “дело Катуманда” – попытка разрушения города варварами. Согласно текстам, город не был разрушен, но, возможно, какие-либо политические и экономические последствия для него имели место. В настоящее время археологам известно, что данное событие не было связано с движением галлов к юго-востоку. Захват города (если он имел место) осуществили местные племена лигуров, к тому времени уже значительно кельтизированные.

Возможно, как раз после дела Катуманда аристократия Массалии пришла к выводу о необходимости создания земельного “домена”.

В целом, по мнению автора, в IV в. до н.э. непосредственно территория города существенно не увеличилась по сравнению с прошлыми столетиями. Какое-то расширение, вероятно, имело место в сторону средней долины р. Ювон, а к северу территория могла увеличиться к востоку хребта Эстак, где, возможно, сформировалась пограничная хора. То же могло произойти и на южных берегах Этан де Бер, где с середины IV в. до н.э. присутствие Массалии ощутимо. И, наконец, апогеем формирования домена Массалии автор считал создание укрепленной “фермы” под Вердуроном – прямоугольного в плане поселения площадью около 1200 м², окруженного стеной с башней. Здесь могло проживать от 100 до 150 человек. Инвентарь поселения показывает, что они были лигурами, но сама планировка свидетельствует о том, что греки участвовали в его постройке. Что же касается находящихся рядом поселений Майен и Сант-Антуан, то П. Арселин полагал, что они входили в общую систему обороны этого участка сельской территории.

К домену Массалии автор относит и прибрежные территории вплоть до устья р. Рона. Начиная с IV в. до н.э. здесь возникает множество карьеров, созданных, скорее всего, греками. Эти процессы отражаются и на лигурийских поселениях, из которых одни реорганизуются и перестраиваются, другие, напротив, приходят в запустение. В целом с середины IV в. до н.э. экономическое и политическое влияние Массалии начинает существенно ощущаться на всех поселениях, окружавших его хору (рис. 5) При этом ассимиляции населения вроде бы не произошло. В связи с этим автор предложил считать данные территории не хорошей Массалией, а ее доменом – более сложной политической и юридической формой земельной принадлежности. Создание домена, с одной стороны, укрепило позиции Массалии на окружающих территориях, а с другой – могло стать причиной возрастающей к III в. до н.э. агрессии со стороны соседей.

В это время в западном и центральном Провансе варварские племена организуются в конфедерацию саллиев, названную по наименованию одного из входящих в нее племен. Археологически это нашло выражение в появлении у границ марсельского домена кельто-лигурийских святилищ Рокепертюз и Сан-Блез. Какое-то время домен Массалии и вновь сформированный союз племен находились в состоянии мирного равновесия, которое было нарушено походом Ганнибала в области нижней Роны в 217 г. до н.э.

В целом автор подчеркивал, что несмотря на сообщения Страбона о приоритете морских занятий для массалиотов, уже с начала VI в. до н.э. на землях лигуров начинает формироваться производительная хора. Сами же лигуры попадают в орбиту греческой экономической деятельности. Именно варвары поставляют сырье в эмпорий, который очень быстро становится городом. Они же становятся и первыми реципиентами ввозимой и производимой в полисе продукции. При этом довольно быстро начинаются конфликты между Массалией и лигурами, что в IV в. до н.э. приводит к смене периода “дикий экономики”, основанной на неэквивалентных обменах, на период формирования производственного домена. Территория, напрямую принадлежавшая Массалии, составляла только небольшую часть этого домена, остальные земли, вероятно, находились под контролем дружественной грекам кельто-лигурийской знати. Физическое присутствие греков на хоре было выражено крайне слабо, на ней отсутствовали греческие усадьбы, фермы, святилища и крепости (Arcelin, 1986).

За последние десятилетия многочисленные научные и охранные раскопки и разведки, произведенные на территории Марселя и его окрестностей, позволили существенно расширить информационную базу о территории греческого города. В “Археологической карте Галлии” 2005 г. появляются новые сведения. С. Колен-Буфье, автор главы об античном Марселе, полагает, что территория, предоставленная сегобригами грекам, изначально ограничивалась районом бухты Лакидон. Поселения же, найденные за пределами периметра этой бухты, в бассейне р. Ювон или на окрестных возвышенностях однозначно являются варварскими. При этом наиболее древнее и близко расположенное поселение Бау де Сан-Марсель имело тесные связи с Массалией. Об этом говорит большое количество импортной керамики на его территории. Поселение Майен, расположенное в 10 км к северу от Массалии, возникло позже и датируется второй половиной VI – первой половиной V в. до н.э. Оно было укрепленным, и его возникновение может свидетельствовать как о желании местного населения поселиться ближе к греческому эмпорию – центру торговли, так и о том, что оно таким образом решило себя обезопасить. Что же касается поселений Лимит, Рок де ла Круа и Вальбарель, то их фортификационные особенности и трудная доступность, скорее, свидетельствуют о напряженном отношении обитателей к греческой колонии.

Другой интересный фактор – следы размежевания земельных участков, обнаруженные у г. Марсель при раскопках. На начальном этапе размежевание было привязано к направляющим, образованным дорогами и водотоками. В его основе находились земельные полосы, образованные базовыми квадратами со стороной 17.5 или 17.75 м – 50 ионийских шагов по 35 см или 60 аттических по 29.6 см. При этом в основные линии, согласно которым было организовано разделение, укладывались и некоторые городские постройки внутри стен (бани и улицы). В таком случае это может означать, что городские строения и хора в Марселе изначально организовывались по единому принципу, как и в колониях Италии. При этом отличие Массалии заключается в том, что делились не участки земли, пригодные для занятий сельским хозяйством, а участки, насыщенные глиной, необходимой для производства керамики, т.е. интересные для торговли. Возможно, это говорит в пользу того, что изначально Марсель мог управляться аристократической элитой, считавшей основополагающим принципом городской экономики торговую деятельность.

С середины VI в. до н.э. приток беженцев из Фокеи мог привести к тому, что городу понадобились новые земли. Глиняные карьеры переделывают под виноградники. При этом сам “кадастр” должен был расшириться – в эллинистическую эпоху его следы наблюдаются уже на поселении Сан-Жан-дю-Дезер. Это, возможно, и приводит к конфликтам с местным населением, в результате которых часть туземных поселений, таких как Майен, запустевает, а территория Массалии продолжает расширяться (в основном на побережье). В последствии конфликты между греками и лигурами постоянно вспыхивали вплоть до 49 г. до н.э.

К III в. до н.э., по предположению автора, территория города могла увеличиться до долины Обань на востоке и достигнуть Пенн-Мирабо, Мартигю и Мариньян на севере и западе (Collin-Bouffier, 2005. P. 218, 219). Данное сообщение интересно тем, что в нем учтены результаты исследований кадастров, что крайне важно для изучения вопросов, связанных с территориями и земельным межеванием.

Новейшая информация содержится в статье “Греки и варвары вокруг Марселя”. Анализ результатов раскопок, проведенных за последние годы на нескольких оппидумах в окрестностях Марселя, а также разведок в долине р. Ювон, позволяет получить новые данные как непосредственно о хоре Массалии, так и о различных формах влия-

ния греческой колонии на окрестные территории в целом³.

Прежде всего, авторы касаются вопроса о лепной керамике, которую часто находили в ранних слоях греческого Марселя. Позднее она пропадает. Проанализировав имеющуюся информацию, они приходят к выводу о том, что керамика объясняется не наличием какого-то туземного поселения на месте Массалии, а, скорее, происходит из поселений, расположенных поблизости. Она могла попасть в город вместе с местным населением, проживающим в Массалии (жены колонистов, наемники, рабы).

Что же касается поселений, которые могли существовать в данном районе до основания Массалии, то ближе всего от города расположено Бау де Сан-Марсель. Начиная с первой четверти VI в. до н.э. оно активно развивается, а к середине века реорганизуется его фортификация. Некоторые найденные на этом поселении металлические предметы датируются VII в. до н.э.

Ранний материал был найден и на южном склоне плато Туретт. Какие-либо постройки здесь не сохранились, так как поверхность плато была сильно нарушена, но можно предположить существование здесь поселения, датирующегося периодом до 600 г. до н.э.

В ходе разведок на массиве Сан-Кир на юге Сан-Марсель было выявлено несколько архаических поселений. Среди них – Рок де ла Круа, расположенное к югу от двух вершин Сан-Марсель (высотой около 290 м) на левом берегу р. Ювон. Оно было заселено с конца VII в. до н.э. При этом основной материал датируется первой половиной VI в. до н.э. Отсутствие на поселении керамики из Массалии вроде бы подтверждает мнение о том, что к 550–540 гг. до н.э. оно запустевает. Находки же ядер от пращи говорят о том, что это поселение могло быть разгромлено.

Здесь же, на левом берегу р. Ювон, существуют поселения, датировка и интерпретация которых затруднительны. Возможно, они представляют собой всего лишь временные стоянки. Подобное “местонахождение” было обследовано на небольшом каменистом плато Вальбарель высотой около 250 м в верховьях р. Ювон перед ее

³ Коллективный исследовательский проект “Население в районе Марселя от эпохи бронзы до настоящего времени”, осуществленный центром Camille Jullian (H. Tréziny, L. Bernard, A. Corpetti, V. Dumas) при участии Института Исследований Древней архитектуры (S. Collin-Bouffier), Бюро Наследия (A.-M. D'Ovidio), le LAMPEA (J.-P. Bracco), l'INRAP (P. Chevillot).

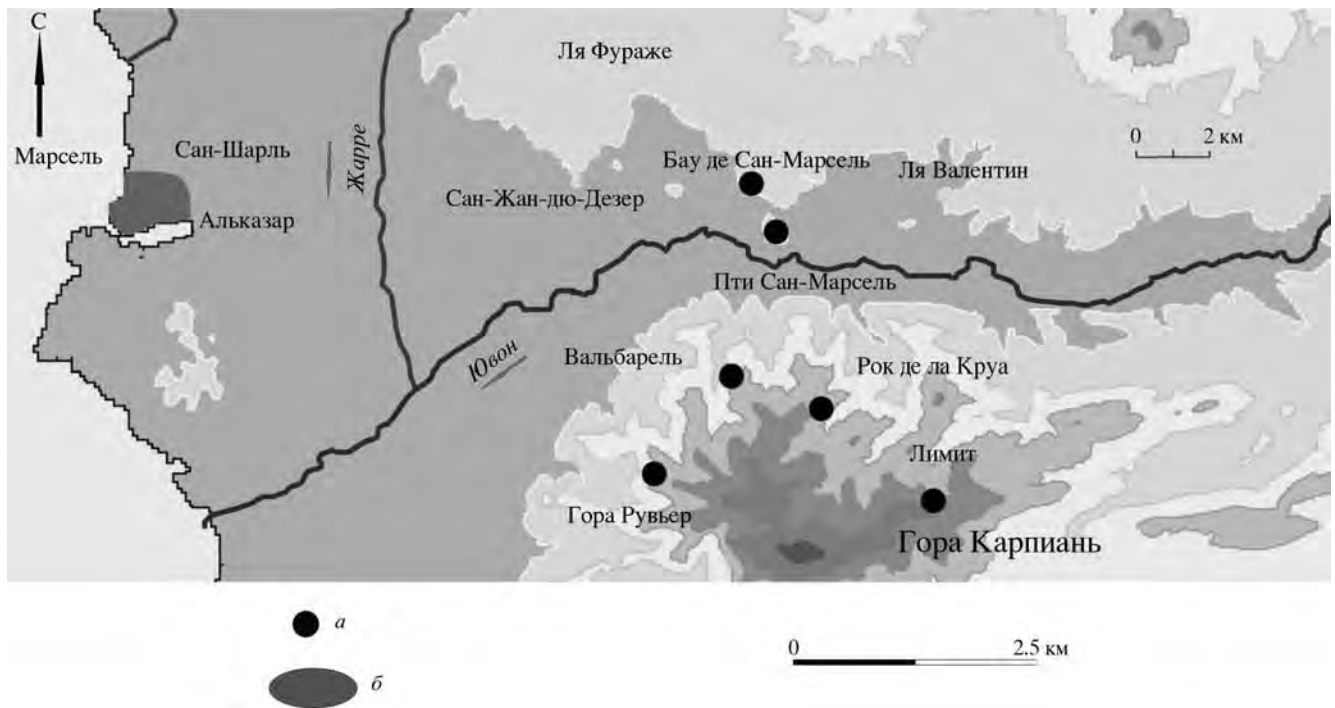

Рис. 6. Ближайшие окрестности античной Массалии и лигурийские поселения (по: Bernard et al., 2010). Условные обозначения: *a* – лигурийские поселения; *б* – античная Массалия.

впадением в Марсельский бассейн. Была найдена керамика эпохи бронзы. На севере горы Лантен, на краю местечка Лимит, было собрано несколько десятков черепков раннего железного века (VI–V вв. до н.э.), а также фрагменты этрусских амфор. Три указанных выше поселения – Лимит, Рок де ла Круа и Вальбарель – крайне выгодно расположены с географическо-стратегической точки зрения (рис. 6). Они стоят на высотах на доступе к внутренним холмам склонов гор Сан Кир и Карпиань. Здесь находились территории, пригодные для занятия сельским хозяйством, обработки террас и склонов и скотоводства; здесь же можно было укрыться, в случае опасности, исходящей, например, из Массалии.

На равнинах области Обань и р. Ювон в течение VI в. до н.э. к северу и югу от Марселя появляются и другие укрепленные поселения, что может говорить как о желании населения поселиться вблизи Массалии, так и о том, что население, проживавшее до этого рассеянно и в низинах, сгруппировалось перед лицом потенциальной опасности.

Если рассматривать западный участок горного массива к югу от р. Ювон, то можно увидеть, что поселения на горе Рувьер схожи с поселением Лимит или Рок де ла Круа. Датировка некоторых из них предшествует 540 г. до н.э. Находки руч-

ных жерновов свидетельствуют об оседлом характере населения этих поселений.

В более поздний период на северном плато горы Рувьер возводилась оборонительная стена, возможно укрывавшая какие-то нелокализованные поселения.

Такова была ситуация в окрестностях города до середины VI в. до н.э. С этого времени, вероятно, началась экспансия Массалии на окружающие территории. Следы виноградников вокруг города в последнее время находят все чаще, но в основном они относятся к эллинистической эпохе и вписываются в рамки кадастра, размежевавшего глиняные карьеры.

Вещественно же расширение Массалии вроде бы подтверждается отдельными находками, позволяющими предположить, что в V–IV вв. до н.э. на юго-востоке от Бау де Сан-Марсель существовало греческое поселение. Параллельно с этим прекращается жизнедеятельность на Рок де ла Круа, а в 10 км к северу от Марселя возникает оппидум Майен, возвышавшийся над марсельской бухтой и открывавший хороший вид на весь город. Площадь оппидума – не менее 1 га, он имел мощную фортификацию: здесь были выявлены остатки не менее девяти башен. Новейшая датировка поселения – последняя четверть VI – начало V в. до н.э. Затем оно приходит в запустение без замет-

ных следов разрушения. Любопытно, что башни на этом оппидуме были прямоугольными, тогда как на других поселениях этого времени башни и бастионы были образованы, в основном, криволинейными стенами, которые удобнее возводить из местного материала. При этом оппидум Майен не считается греческим, если судить по количеству лепной керамики эпохи бронзы (50% всей посуды без учета серой круговой).

В V–IV вв. до н.э. число туземных поселений на возвышенностях увеличивается. Их находят на Шато-Комбер, Аллош, на северо-западном склоне холма Салетт. В это же время на юге и востоке равнины р. Ювон часть ранних поселений, таких как Бау де Сан-Марсель, Пти Сан-Марсель и Турретт, приходит в запустение.

Что касается поселений на хребте Марсельвейр, то исследования в гротах показывают, что здесь постоянно находилось какое-то население. Находки отсюда имеют широкую датировку начиная с VI по II вв. до н.э. В период же с 520 по 390 гг. до н.э. здесь преобладают греческие вещи – кубки, лампы, питьевые сосуды, бальзамарии. Эти предметы, характерные для греческих святилищ, по мнению авторов, могли использоваться для каких-то обрядов и варварами.

Единственным же определенным свидетельством греческого присутствия на хоре является небольшой некрополь Сан-Морон. Если за пределами городских стен и проживало греческое население, то на каких-то невыявленных археологически маленьких “фермах” или в деревнях.

В эпоху эллинизма сельское хозяйство Массалии, по-видимому, распространилось уже на весь марсельский бассейн. Следы кадастров отмечены на расстоянии 3–4 км от городских укреплений. Помимо такого широко известного примера, как Сан-Жан-дю-Дезер, следы разделения территории выявлены в квартале Фуражер, на станции метро Луи-Арман (к востоку от античного Марселя), в парке Шано на юге города и вокруг вокзала Сан-Шарль на севере. Данные остатки межевания, которые иногда сопровождаются находками сельскохозяйственных предметов, являются наиболее верными доказательствами существования марсельской хоры (Bernard et al., 2010. P. 131–145).

Таким образом, мы постарались рассмотреть совокупность письменных источников, данных археологии и основных публикаций, касающихся территории греческого Марселя до Пунических войн.

Нет сомнений в том, что Массалия была крупнейшей греческой колонией на западе, сыгравшей

значительную роль в торговле Средиземноморья, также она активно участвовала в политической жизни района. Рассмотрев историю изучения сельской территории Массалии, можно увидеть, что в ее окрестностях отсутствуют (или не найдены) какие-либо крупные поселения, храмы, крепости, усадьбы. Напротив, город окружают укрепленные лигурийские поселения. Это мало соотносится с тезисом о том, что удаленные от города территории могли напрямую принадлежать грекам. По всей видимости, за стенами Массалии греки практически не проживали. Предположение о том, что население оппидумов сегобригов, даже значительно эллинизированных, занималось охраной территорий Массалии (от кого?), также, на наш взгляд, неоднозначно. Вероятнее, что именно лигуры обрабатывали земли, подконтрольные оппидумам, пусть это было и в интересах торговой деятельности, инициатором которой выступала марсельская аристократия. Принадлежать же грекам непосредственно могли виноградники в окрестностях Массалии, не слишком удаленные от города (ближняя хора). Все остальные территории устья р. Рона и Дюранс действительно могли входить в зону влияния Массалии или даже, как предложил П. Арселин, составляли ее домен.

Положение существенно изменилось только во второй половине III в. до н.э. благодаря вмешательству внешних сил во взаимоотношения массалиотов и лигуров.

В основном же успеху и богатству греческой Массалии способствовала именно торговая деятельность и, повторяя слова П. Левека (Lévêque, 1992. P. 387), удачный взаимовыгодный симбиоз с варварскими народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Arcelin P.* Le territoire de marseille grecque dans son contexte indigène // EM. 1986. V. 1.
- Bats M.* Le territoire de Marseille Grecque: réflexions et problèmes // EM. 1986. V. 1.
- Bats M.* Marseille, les colonies massaliètes et les relais indigènes dans le trafic le long du littoral méditerranéen gaulois (VIe–Ier s. av. J.-C.) // EM. 1992. V. 3.
- Bats M.* Marseille archaïque. Étrusques et Phocéens en Méditerranée nord-occidentale // Mélanges de l'École Française de Rome. 1998. V. 110. № 2.
- Bats M., Guyon J., Tréziny H.* Corpus des principales sources littéraires sur Marseille antique // Marseille et ses alentours. Paris, 2005 (CAG).
- Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. Paris, 1960.

- Bernard L., Collin-Bouffier S., Tréziny H.* Grecs et indigènes dans le territoire de Marseille // Bibliothèque d'archéologie méditerranéenne et africaine; 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006–2008). Premier parti: approches régionales. Chapitre 3: Grecs et indigènes autour de Marseille. 2010.
- Bertoucci G.* Les amphores massaliètes à Marseille: les différentes productions // EM. 1990. V. 2.
- Clavel-Lévêque M.* Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand. Marseille, 1977.
- Collin-Bouffier S.* Marseille pendant l'antiquité grecque et romaine // Marseille et ses alentours. Paris, 2005 (CAG).
- Collin-Bouffier S.* Marseille et la Gaule méditerranéenne avant la conquête romaine // Pallas. 2009. № 80.
- Euzennat M.* Les fouilles de la Bourse à Marseille // CRAI. 1976. № 3.
- Gras M.* Marseille, la bataille d'Alalia et Delphes // DHA. 1987. V. 13.
- Gras M.* Sur les pas des grecs en occident // EM. 1995. V. 4.
- Guyot-Rougé C., Rougemont G.* Marseille antique, texte littéraire grecques et latins // Marseille et ses alentours. Paris, 2005 (CAG).
- Hermany A., Hesnard A., Tréziny H.* Marseille grecque. La cité phocéenne (600–49 av. J.-C.). Paris, 1999.
- P. Lévêque.* Les populations indigènes de la Gaule et les grecs // EM. 1992. 2.
- Morel J-P.* L'expansion phocéenne en Occident: dix années de recherches (1966–1975) // BCH. 1975. V. 99. № 2.
- Rothé M-P.* Histoire des recherches à Marseille et son arrière-pays // Marseille et ses alentours. Paris, 2005 (CAG).
- Tréziny H.* Cité et territoire: quelques problèmes // EM. 1986. V. 1.
- Tréziny H.* Les fortifications phocéennes d'Occident (Emporion, Vélia, Marseille) // REA. 1994. № 1, 2.
- Tréziny H.* Topographie, urbanisme et architecture de Marseille pendant l'antiquité // CAG. Marseille et ses alentours. 2005.
- Tréziny H.* Urbanisme archaïque des villes ioniennes // REA. 2006. T. 108. № 1.
- Villard F.* La céramique grecque de Marseille (VIe–IVe siècle). Essai d'histoire économique. Paris, 1960.

ЗЕМЛЯ И ГОРОД: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛИЩА В ОКРУГЕ ВЛАДИМИРА-НА-КЛЯЗЬМЕ

© 2013 г. Н.А. Макаров*, А.Н. Федорина*, С.В. Шполянский**

* Институт археологии РАН, Москва (MakarovNA@iaran.ru)

** Государственный Исторический музей, Москва

Ключевые слова: *средневековое расселение, сельская округа Владимира-на-Клязьме, динамика колонизационных процессов.*

This work considers the results of the studies cycle in the south part of Vladimir-Suzdal Opolje on the territories not far from the border of Suzdal and Vladimir principalities of the 14th c., which were to the south of this border. As the result of 2006–2013 field studies, the data about 103 archaeological monuments and locations in the south part of Opolje on the total territory of approximately 105 square meters was gathered. New materials show that the exploration of the south part of Vladimir-Yurjev Opolje by the Old Russian colonists started not later than in the second half of the 10th c. and was dynamically developing in the 11th – the beginning of the 12th c. By the time of Vladimir became the independent volost of Andrej Yurjevich the dense net of village settlements had been there. The net was the part of the common mass of the medieval settlements formed on the territory of the whole Opolje. The organization of the settlement in “Vladimir” part of Opolje was basically close to the structures studied in the surrounding of Suzdal. The organization is the dense net formed by large settlements covering riverside parts and water partings and is of frame-net character. The feature of the settlement development in the south part of Opolje is that in the second half of the 13th–14th cc. the stable existence of about half of the large settlements here was interrupted. They were completely deserted, moved to new places or decreased significantly. Apparently the decline was connected to the Mongol overthrow and the war events of the second half of the 13th c. Obviously the war cataclysms and political instability impacted not only on the condition of the capital city but also on the existed agricultural system having broken the stability and steadiness of the village settlements including those which were already formed in the second half of the 10th–11th cc.

Владимир-на-Клязьме известен историкам средневековой Руси как новый политический центр на Северо-Востоке, созданный княжеской властью и развивавшийся при ее поддержке, в отличие от старых городов, Ростова и Суздаля, появление которых было в большей мере обусловлено внутренними процессами социально-экономического развития. Город был основан Владимиром Мономахом во время его последней поездки в Ростовскую землю в 1108 г. как военно-стратегический пункт, контролировавший движение по Клязьме и прикрывавший Ростов и Суздаль от военной опасности с юга (Насонов, 1951. С. 181–183; Воронин, 1961. С. 39–44; Кучкин, 1984. С. 71, 72). Превращение Владимира в стольный город во второй половине XII в. – проявление политической воли Андрея Боголюбского, сделавшего его центром княжеского управления обширными территориями Северо-Восточной Руси после своего избрания на княжение ростовцами, суздальцами и владимирцами в 1157 г. Вместе с тем археологи неоднократно обращали внимание на присутствие культурного

слоя X–XI вв. в отдельных точках на территории будущего города и его ближайших окрестностей, полагая, что освоение этих участков создало предпосылки для устройства на Клязьме княжеской крепости (Воронин, 1959. С. 81).

Материалы археологических раскопок во Владимире, собранные за последние два десятилетия, характеризуют его как крупный городской центр, мощный очаг развития древнерусской культуры, переживший период бурного роста во второй половине XII – первой половине XIII в. и пришедший в упадок после монгольского нашествия. Богатство и высокое социальное положение владельцев усадеб в Мономаховом и Ветшанном городе, документированное находками редких импортов и предметов христианского культа (Жарнов, 2009; Кабаев, Гальчук, 2007), открытием кладов украшений (Очеретин, Родина, 2011) и крупнейшей в средневековой Европе партии сырого янтаря (Зеленцова и др., 2011), в полной мере согласуется с летописными характеристиками Владимира как места сосредоточения богатств, находившегося

под особым патронажем княжеской власти. На современном этапе археологического изучения Северо-Восточной Руси существенное значение приобретает вопрос о характере средневекового расселения и уровне освоенности округа Владимира, прояснение исторической взаимосвязи становления города и развития сети поселений на окружающих его территориях.

Выросший на краю высокого левого берега р. Клязьма Владимир находится на границе двух ландшафтных областей: Владимирско-Юрьевского Ополя, представляющего собой возвышенное плато с темноцвѣтными почвами, и залесенных низменных территорий Мещеры на правобережье Клязьмы. Можно предположить, что первоначальная история города в большей мере связана с освоением территорий на левобережье, где уже в середине XIX в. были зафиксированы отдельные средневековые памятники и находки. Сведения о некоторых из них были собраны А.С. Уваровым, полагавшим, что “местность современного Владимира можно причислять к древнейшим поселениям мерян” и что на месте кремля могло находиться мерянское городище (1872. С. 45). В 1858 г. Т.Н. Тихонравов исследовал около 70 курганов с ингумациями у с. Доброе в ближайших окрестностях Владимира (Уваров, 1872. С. 45; Доброхотов, 1852). Ряд средневековых памятников на коренной террасе р. Клязьма был выявлен и частично исследован раскопками в 1950–1960-х годов (Воронин, 1961. С. 201–208; Горюнова, 1961. С. 57–61). Рассматривая предысторию Владимира, Н.Н. Воронин отметил заселенность отдельных участков на коренной террасе Клязьмы в X–XI вв., присутствие лепной керамики этого времени во Владимире, Боголюбове и на поселении у Сунгирского оврага (1959. С. 74–81). Список памятников железного века – средневековья в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя пополнился несколькими объектами в 1970–1980-х годах в результате раскопок Сунгирского могильника (Леонтьев, 1996. С. 284, 285) и разведок, предпринятых в связи с подготовкой Археологической карты Владимирской области (1995. С. 248–259, 262, 263, 272, 273, 276, 277, 280, 281). Однако в целом вплоть до последнего времени средневековые селища владимирской округи не были объектами систематического поиска.

В 2006 г. Суздальская археологическая экспедиция ИА РАН начала разведки в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя, на территориях, лежащих вблизи границы Суздальского и Владимирского княжеств XIV в., реконструированной В.А. Кучкиным (1984. С. 199–201), и на-

ходящихся к югу от нее. Эти работы, нацеленные на выявление и обследование памятников железного века – средневековья, на землях Владимирского княжества были продолжены и расширены в 2011–2013 гг. благодаря грантам РФФИ. В результате полевых исследований 2006–2013 гг. собраны данные о 103 археологических памятниках и местонахождениях в южной части Ополя на общей площади около 105 м²: 38 из них находились в долине р. Рпень (левый приток р. Клязьма) и на прилегающих водораздельных участках; 24 – в районе с. Тарбаево и Туртино (верховья р. Рпень) и 41 – на правом берегу р. Нерль, на ее коренной террасе и в овражных системах на водоразделах (рис. 1). Следует добавить, что проведенные в 2004 г. на территориях к югу от Владимира, на правом берегу Клязьмы разведки подтвердили предположения о слабой освоенности этой части Мещерской низменности в средневековье. Селища домонгольского времени на обследованных участках не выявлены¹.

Поскольку территории, непосредственно прилегающие к исторической части Владимира, занятые современной застройкой и в значительной части недоступны для разведок, основное внимание было сосредоточено на участках, удаленных от валов средневекового города на 6–25 км, где традиционный сельский ландшафт избежал значительных нарушений, и условия для выявления средневековых селищ более благоприятные. В основном использовались методы и приемы полевых работ, ранее показавшие свою продуктивность при разведках под Суздаlem: сплошное обследование земельных участков, включающих сельскохозяйственные угодья и территории современных сел; возможно более полное выявление средневековых поселений по подъемному материалу на полях и огородах; сбор представительных керамических и вещевых коллекций, обеспечивающих надежное датирование памятников; фиксация координат находок и видимых на поверхности элементов внутренней структуры поселений с помощью GPS. На отдельных памятниках проводилась геомагнитная съемка, позволяющая уточнить границы и выявить элементы планировочной структуры. Однако установка на сплошное обследование территорий и создание полной карты археологических памятников (Макаров, 2009), положенная в основу изучения суздальской округи, не может быть в полной мере реализована при обращении к южной части Ополя, поскольку

¹ Разведки проводились по трассе прокладки линии электроваздушной связи (Федорина, 2004).

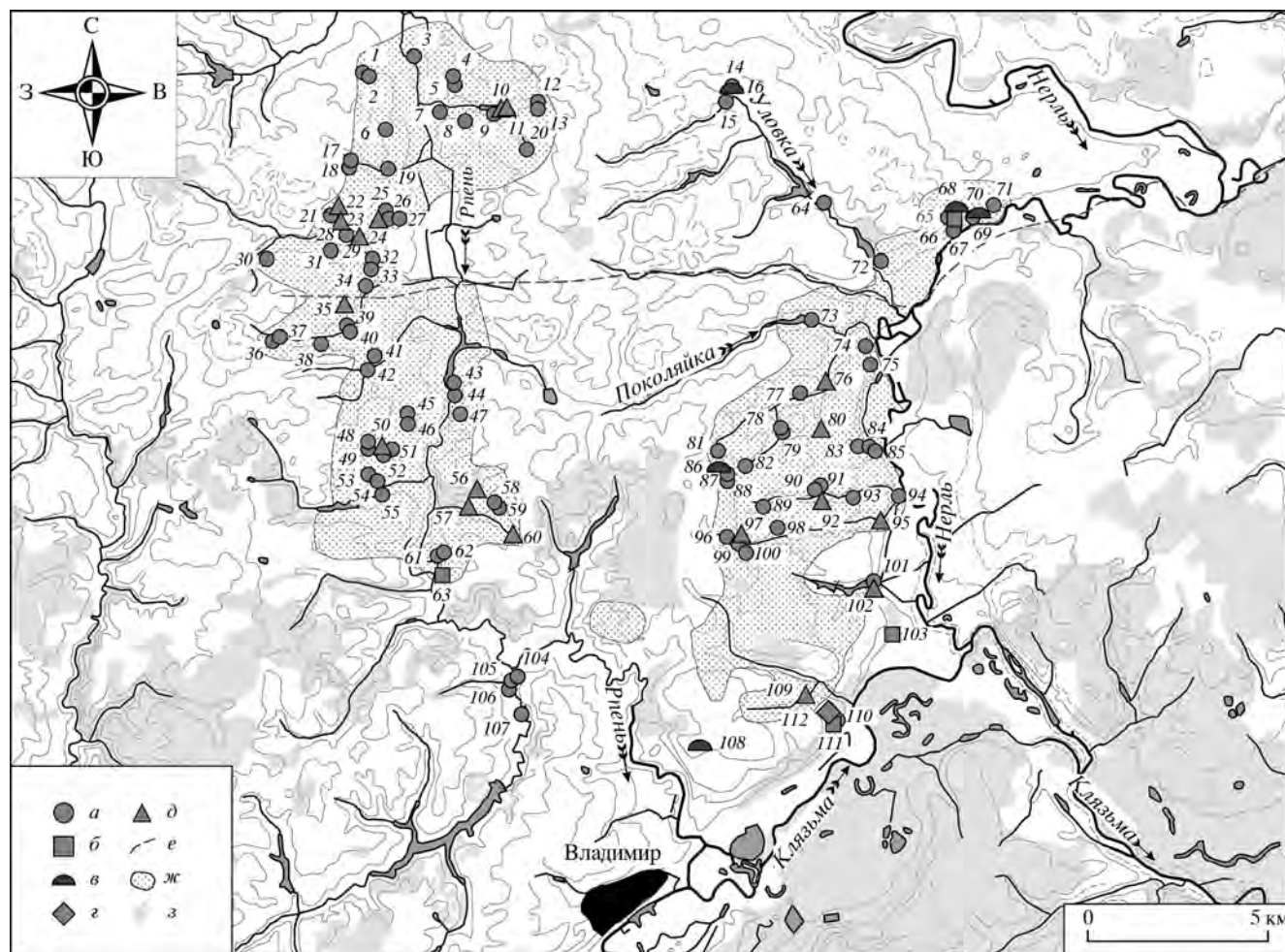

Рис. 1. Археологические памятники раннего железного века – средневековья в южной части Владимирско-Юрьевского Ополья. 1 – Туртино 2; 2 – Туртино 3; 3 – Туртино 1; 4 – Туртино 5; 5 – Туртино 4; 6 – Тарбаево 2; 7 – Туртино 6; 8 – Федоровское 1; 9 – Федоровское 5; 10 – Федоровское 6; 11 – Федоровское 7; 12 – Федоровское 2; 13 – Федоровское 3; 14 – Павловское 2; 15 – Павловское 1; 16 – Павловское; 17 – Тарбаево 4; 18 – Тарбаево 3; 19 – Тарбаево 1; 20 – Федоровское 4; 21 – Тарбаево 10; 22 – Тарбаево 11; 23 – Тарбаево 9; 24 – Тарбаево 8; 25 – Тарбаево 7; 26 – Тарбаево 5; 27 – Тарбаево 6; 28 – Яновец 7; 29 – Яновец 6; 30 – Раславское 1; 31 – Яновец 3; 32 – Яновец 4; 33 – Яновец 2; 34 – Яновец 1; 35 – Скородумка 3; 36 – Новая деревня 1; 37 – Новая деревня 2; 38 – Скородумка 4; 39 – Скородумка 1; 40 – Скородумка 2; 41 – Скородумка 6; 42 – Скородумка 5; 43 – Овчухи 4; 44 – Овчухи 5; 45 – Овчухи 1; 46 – Овчухи 2; 47 – Овчухи 3; 48 – Новгородское 5; 49 – Новгородское 2; 50 – Новгородское 4; 51 – Новгородское 1; 52 – Новгородское 3; 53 – Новгородское 6; 54 – Новгородское 7; 55 – Хотенское 1; 56 – Садовый 5; 57 – Садовый 4; 58 – Садовый 3; 59 – Садовый 1; 60 – Садовый 2; 61 – Горицы 2; 62 – Горицы 3; 63 – Горицы; 64 – Улово 1; 65 – Васильково 3; 66 – Васильково; 67 – Васильково 2; 68 – Васильково 4; 69 – Васильково 1; 70 – Васильково 5; 71 – Мордыш 1; 72 – Васильково 6; 73 – Борисовское 1; 74 – Порецкое 1; 75 – Порецкое 2; 76 – Порецкое 6; 77 – Борисовское 2; 78 – Порецкое 4; 79 – Порецкое 5; 80 – Порецкое 3; 81 – Суворотское 10; 82 – Суворотское 4; 83 – Ославское 1; 84 – Ославское 1а; 85 – Ославское 2; 86 – Суворотское 12; 87 – Суворотское 3; 88 – Суворотское 9; 89 – Суворотское 8; 90 – Ославское 9; 91 – Ославское 6; 92 – Ославское 8; 93 – Ославское 5; 94 – Ославское 3; 95 – Ославское 4; 96 – Суворотское 5; 97 – Суворотское 6; 98 – Суворотское 1; 99 – Суворотское 7; 100 – Суворотское 2; 101 – Новое 1; 102 – Боголюбково 3; 103 – Боголюбково 1 (Боголюбское); 104 – Сновицы 4; 105 – Сновицы 3; 106 – Сновицы 2; 107 – Сновицы 1; 108 – Доброе; 109 – Суромна 1; 110 – Боголюбково (Сунгирское); 111 – Боголюбково 2 (Сунгирское, Чаша); 112 – Боголюбково (Сунгирский). Условные обозначения: а – селища; б – городища; в – курганы; г – грунтовые могильники; д – местонахождения; е – граница между Суздальским и Владимирским княжеством, реконструированная по поземельным документам XV–XVI вв.; ж – зона сплошных обследований Суздальской экспедиции ИА РАН; з – современные лесные массивы.

здесь значительные территории выведены из сельскохозяйственного оборота и заняты современной застройкой. В этой ситуации пришлось сочетать сплошное обследование территорий с

выборочным обследованием локальных участков и фиксацией отдельных памятников. Карта археологических памятников на одних участках показывает всю сеть поселений, на других –

отдельные памятники, сохранившиеся в сильно трансформированном ландшафте.

Общий перечень археологических памятников железного века – средневековья в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя в настоящее время включает 112 объектов (рис. 1). Среди них – 4 городища (Боголюбово 1, 2; Васильково и Горичи), 84 селища, 18 местонахождений средневековой керамики и вещей и 5 курганных могильников с сохранившимися или сnivelированными насыпями². Данные о 103 объектах целиком собраны или уточнены в 2006–2013 гг., остальные 9 известны по документации полевых работ предшествующего времени. При их обследовании было собрано около 5500 фр. верхних частей сосудов и около 2730 средневековых предметов.

Археологические памятники, показанные на карте, образуют два значительных массива, находящихся в западной части, вдоль р. Рпень и на выходящих к ней овражных системах, и в восточной, на правом берегу р. Нерль и ее притоках. Неравномерность размещения памятников на карте в значительной степени отражает разный уровень обследованности территорий – на водоразделе Рпени и Нерли, где локализуется наиболее крупное белое пятно, систематические разведки не проводились. Тем не менее имеющийся материал не оставляет сомнений в том, что сеть средневековых поселений широко охватывала южную часть Ополя. Скопления средневековых памятников прослежены как вдоль долин наиболее крупных рек, так и на мелких водотоках и водораздельных участках. Хотя ряд крупных поселений приурочен к высокому правому берегу р. Нерль, их общее размещение не было определено конфигурацией речной сети. Топография поселений разнообразна: часть из них размещается на краях надпойменных террас; часть – на склонах возвышенностей, прорезанных оврагами; часто они находятся в верховьях овражных систем. 30 селищ и местонахождений расположены в черте исторических сел, существующих ныне или существовавших в недавнем прошлом, остальные – за пределами населенных пунктов, преимущественно на участках, используемых в качестве полей.

Площади селищ варьируют от 0.1 до 14 га, при этом их распределение не выявляет выраженных групп с близкими размерами. Условно в общем массиве могут быть выделены селища площадью до 1.5 га (33), от 1.5 до 4.5 га (36) и от 4.5 до

14 га (15). Более половины селищ (54) ассоциировано в компактные локальные группы (гнезда), в которых расстояние между ближайшими селищами – от 30 до 550 м. Среди памятников древнерусского времени выделяется 22 подобных группы, в каждой из которых – от 2 до 5 поселений общей площадью от 1.4 до 23.2 га. В соответствии с методиками документирования археологических объектов селища, входящие в состав локальных групп, зафиксированы как отдельные поселения. Однако очевидно, что значительная часть гнезд селищ, в которых поселения одновременны, а расстояния между ближайшими составляло 50–200 м, в исторической реальности представляли собой единые поселенческие комплексы с вынесенными на различные участки дворами и общими земельными угодьями – одно село с общим названием.

Картина изменений растительности в южной части Ополя восстанавливается по материалам четырех естественных разрезов, исследованных палинологическими методами А.С. Алешинской. Наиболее информативен разрез мощностью почти в 2 м, сделанный в заросшем русле безымянного ручья у селища Новгородское I. В нем было выделено 10 спорово-пыльцевых комплексов, характеризующих развитие растительности в районе селища начиная, примерно, с 4500 BP. Спорово-пыльцевые спектры из нижней части разреза характеризуются преобладанием смешанных широколиственно-хвойных лесов (липа и сосна), смешанных лесов с преобладанием хвойных пород (сосна, ель) и с участием широколиственных пород (преимущественно липы). Вверх по разрезу прослеживаются постепенные изменения в составе леса: уменьшение количества широколиственных пород и увеличение роли березы. На следующем этапе отмечаются существенные изменения как в соотношении между открытыми и лесными пространствами, так и в составе леса. VI и VII спорово-пыльцевые комплексы отражают мощное вмешательство человека в окружающую среду, сокращение лесов в целом, изменения в составе коренных лесов, расширение пахотных угодий. К сожалению, точно определить время этих сдвигов пока не удалось. Аналогичная резкая смена ландшафтов от лесных к открытым отмечается и по ранее изученным разрезам в северной части Ополя (Алешинская и др., 2008). В этих разрезах они датированы в интервале рубежей IX–X и X–XI вв. Хотя динамика изменений природной среды южной части Владимирско-Юрьевского Ополя в железном веке – средневековье требует детализации, уже сейчас очевидно, что средневековая сеть расселения развивалась в откры-

² Разведки не подтвердили атрибуцию трех объектов, включенных в Археологическую карту России, как курганных групп, следы курганных насыпей на этих участках отсутствуют.

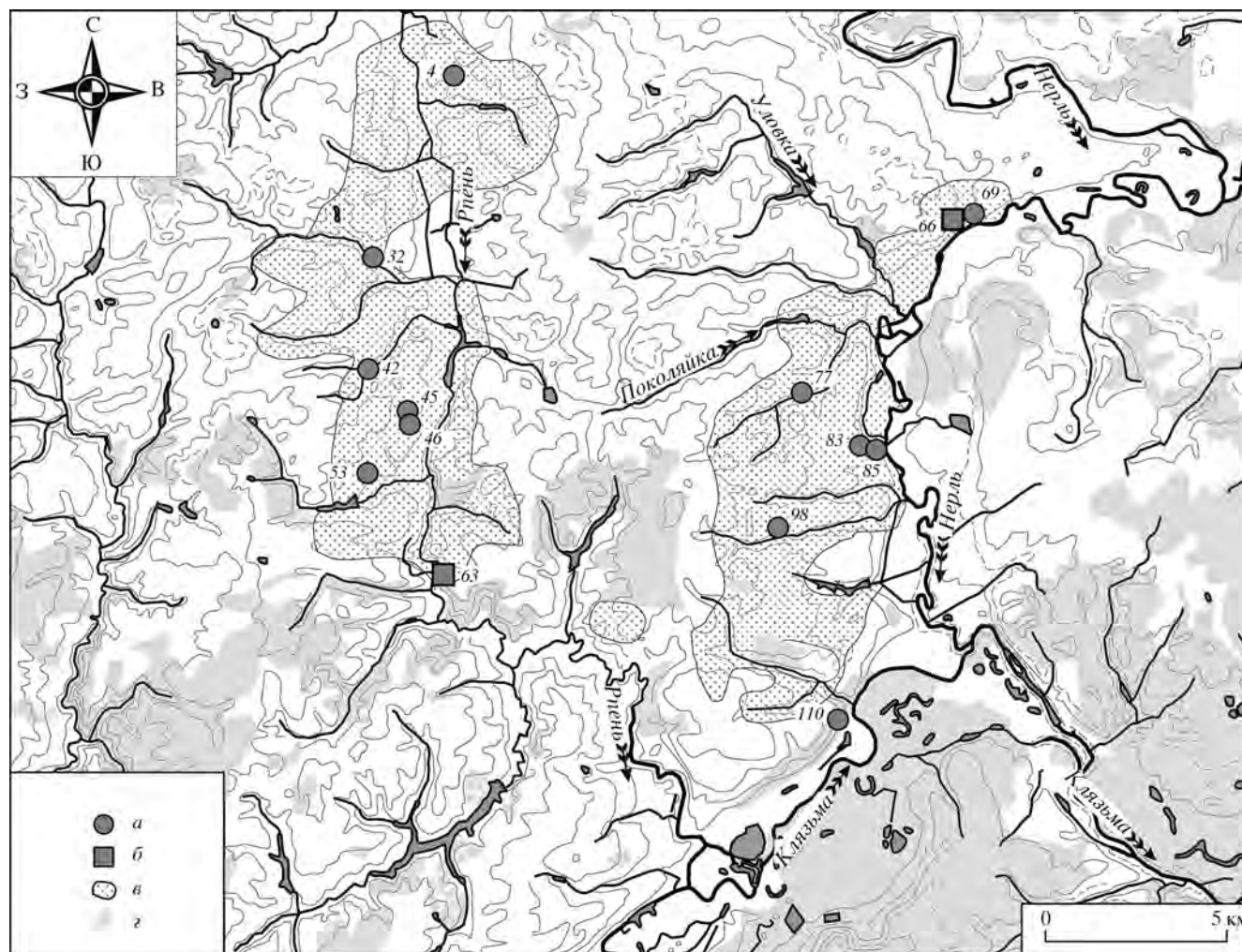

Рис. 2. Поселения с находками сетчатой керамики в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя. 4 – Туртино 5; 32 – Яновец 4; 42 – Скородумка 5; 45 – Овчухи 1; 46 – Овчухи 2; 53 – Новгородское 6; 63 – Горицы; 66 – Васильково; 69 – Васильково 1; 77 – Борисовское 2; 83 – Ославское 1; 85 – Ославское 2; 98 – Суворотское 1; 110 – Боголюбково (Сунгирьское). Условные обозначения: *a* – селища; *b* – городища; *v* – зона сплошных обследований Суздальской экспедиции ИА РАН; *z* – современные лесные массивы.

тых обезлесенных ландшафтах, в которых, судя по наличию пылцы культурных злаков, большие площади были заняты пашнями.

Освоение южной части Суздальского Ополя в раннем железном веке документировано поселениями с находками сетчатой керамики (рис. 2). Культурный слой с сетчатой керамикой, близкой классической дяковской, зафиксирован на 2 городищах, отдельные фрагменты подобной керамики происходят с 12 селищ, они собраны вместе со средневековыми материалами, образующими основную часть коллекций. Найдены сетчатой керамики отмечены на различных удаленных друг от друга участках на р. Нерль и Рпень и водоразделах; часть местонахождений приурочена к краям надпойменных террас рек, часть – к склонам воз-

вышенностей, прорезанных овражными системами, удаленным от крупных водотоков. Исходя из сложившихся представлений о времени бытования текстильной керамики в Волго-Окском бассейне, эти материалы можно датировать в широком хронологическом интервале I тыс. до н.э. – первых веков I тыс. н.э. Наиболее выразительные памятники – городища Горицы на р. Рпень и Васильково на р. Нерль с треугольными мысовыми площадками, защищенными валом и рвом. Собранные на остальных памятниках керамические находки не дают возможности полноценно характеризовать поселения раннего железного века, но позволяют сделать заключение о том, что одновременно с городищами на возвышенном левобережье Клязьмы существовала сеть неукрепленных поселений. Концентрация поселений вокруг городищ не прослеживается,

их рассредоточенность указывает на то, что хозяйственные интересы насельников предполагали эксплуатацию обширных территорий с разнообразными типами урочищ. Следы этого расселения были в значительной степени стерты в позднейшее время в процессе формирования древнерусских поселений и интенсивного земледельческого использования территорий.

На пяти поселениях в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя зафиксировано присутствие украшений и бытовых вещей первой половины – середины I тыс. н.э. (Макаров и др., 2012. С. 158, 159). Среди них – нож с чуть выпуклой спинкой; литая ажурная привеска в виде диска с двумя ложножуговыми планками, заканчивающимися трехчастными петлевидными выступами, характерная для пьяноборских древностей и памятников андреевско-писеральского круга (поселения Овчухи 1); две крестовидные фибулы небольших размеров (селища Овчухи 2 и Васильково 6); железная пряжка с овальной рамкой и удлинённым трапециевидным щитком, неподвижно соединённым с рамой (селище Новгородское 1); бронзовая пряжка с круглой рамкой с утолщённой передней частью и тонким прогнутым язычком (городище Горицы). Наиболее яркая находка – комплекс бронзовых украшений, обнаруженный на селище Новгородское 1 в виде компактного скопления, перекрытого культурным слоем древнерусского времени. Комплекс включает в себя более 100 предметов, среди которых – круглые плоские полированные бляхи с петлями на обратной стороне; круглые бляхи с выпуклым щитком (полусферическим или коническим); восьмеркообразные бляхи; трубчатые пронизки с расширяющимися концами. Характер находки до конца неясен, возможно, она представляет собой клад. Большинство украшений имеет аналогии в погребальных памятниках пьяноборской культуры Прикамья и могильниках андреевско-писеральского круга в Среднем Поволжье. Комплекс может быть датирован концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., с наибольшей вероятностью – I в. н.э. (Макаров, 2012). В керамических коллекциях девяти поселений (Овчухи 1, 2; Ославское 1, 1а, 2, 6, 9; Новгородское 1; Боголюбово 3) представлены фрагменты лепных сосудов с высоким прямым венчиком или венчиком раструбом и уступом при переходе к плечу – так называемой керамики мощинского круга, выделенной первоначально по материалам мощинской культуры (Массалитина, 1994. С. 10; 2008. С. 111–113. Рис. 3; 4, 1, 2; 7, 20, 21; 9, 3, 4) и получившей, как теперь выясняется, широкое распространение от верховьев р. Десна и Ока и Верхнего Подонья до Верхнего Поднепровья и Ярославского Поволжья (Исланова, 2008.

С. 35; 2010. С. 203–207). На поселении Кибол 7 под Суздаlem подобная керамика найдена в заполнении ям, датированных по ^{14}C второй половиной IV – VII в. Таким образом, присутствие археологических материалов первой половины – середины I тыс. документировано на 10 памятниках.

Поселения с находками датирующих вещей и керамики первой половины – середины I тыс. н.э. открыты на р. Нерль, Рпень и в овражных системах, связанных с ними. Концентрация керамики и вещевых находок этого времени в культурном слое низкая, однако некоторые поселения имели крупные размеры: так, на селищах Овчухи 1 и 2 лепная керамика распространяется на площади 2.8 и 5.5 га. Жизнь здесь продолжалась, по меньшей мере, с I в. н.э. до рубежа IV–V вв. Очевидно, сеть расселения, формировавшаяся в первые века н.э., связана с поселениями предшествующего периода: на шести памятниках с находками этого времени зафиксированы фрагменты текстильной керамики.

Находки средневековой лепной керамики представлены в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя на 43 памятниках, еще на 8 поселениях найдена лепная керамика, которая может быть датирована в более широком хронологическом интервале. На 23 из них круговая древнерусская керамика X–XI вв. и датирующие вещи XI–XII вв. не выявлены, из чего можно заключить, что эти памятники должны быть датированы временем ранее XI в. Пространственное расположение и топографические особенности этих поселений во многом повторяют модель предшествующего периода. Среди собранных здесь материалов отсутствуют вещевые находки и керамические комплексы, которые было бы корректно считать хроноиндикаторами третьей четверти I тыс. н.э. или VIII–IX вв. Весьма вероятно, что материалы VII–IX вв. присутствуют на поселениях Ославское 6 и 9, Суворотское 10, на которых грубая и подлощенная лепная керамика встречена вместе с трапециевидными подвесками и бутылковидной привеской с зернью. Однако имеющиеся материалы не позволяют детализировать хронологию. Очевидно, что расселение в этот период развивалось без каких-либо радикальных перемен и не сопровождалось значительным ростом числа поселений.

Древнерусская колонизация. Керамические и вещевые материалы рубежа I–II тыс. н.э. – первых веков н.э. образуют многочисленную и выразительную группу на поселениях южной части Ополя, что отражает не только рост числа поселений, но и возросшую интенсивность жизни и хозяйственной деятельности. При хронологическом разделении этих материалов среди них можно выделять узкода-

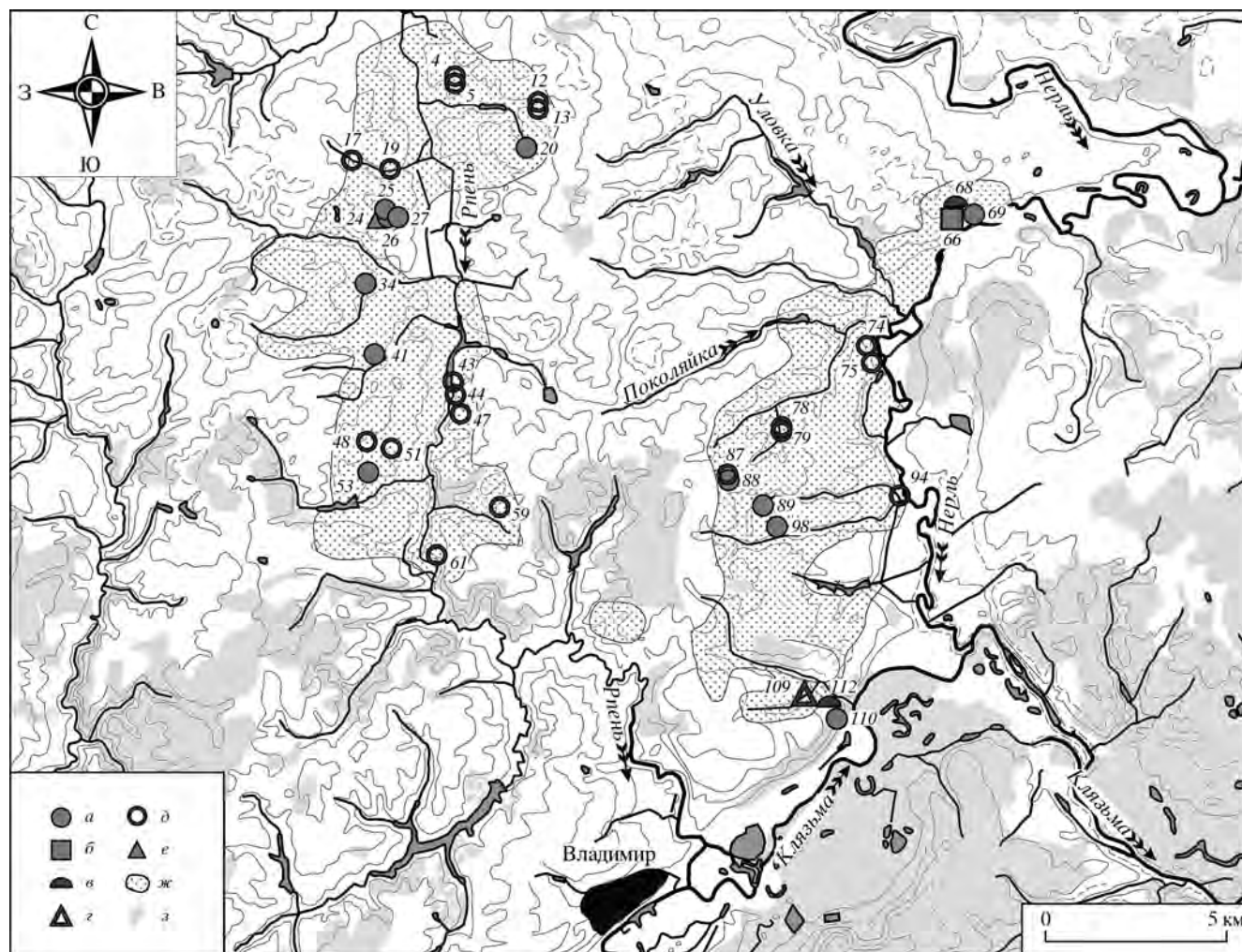

Рис. 3. Археологические памятники X – первой половины XII в. в южной части Владимирско-Юрьевского Ополья. 4 – Туртино 5; 5 – Туртино 4; 12 – Федоровское 2; 13 – Федоровское 3; 17 – Тарбаево 4; 19 – Тарбаево 1; 20 – Федоровское 4; 24 – Тарбаево 8; 25 – Тарбаево 7; 26 – Тарбаево 5; 27 – Тарбаево 6; 34 – Яновец 1; 41 – Скородумка 6; 43 – Овчухи 4; 44 – Овчухи 5; 47 – Овчухи 3; 48 – Новгородское 5; 51 – Новгородское 1; 53 – Новгородское 6; 59 – Садовый 1; 61 – Горицы 2; 66 – Васильково; 68 – Васильково 4; 69 – Васильково 1; 74 – Порецкое 1; 75 – Порецкое 2; 78 – Порецкое 4; 79 – Порецкое 5; 87 – Суворотское 3; 88 – Суворотское 9; 89 – Суворотское 8; 94 – Ославское 3; 98 – Суворотское 1; 109 – Суромна 1; 110 – Боголюбово (Сунгирское); 112 – Боголюбово (Сунгирский). Условные обозначения: а – селища с керамическими материалами и вещевыми находками X – начала XI в.; б – городища с керамическими материалами и вещевыми находками X – начала XI в.; в – могильники с погребениями X – начала XII в.; г – местонахождения вещей и керамики X – начала XI в.; д – местонахождения вещей и керамики X – начала XII в.; е – селища, датированные в широких хронологических рамках X – начала XII в.; ж – зона сплошных обследований Суздальской экспедиции ИА РАН; з – современные лесные массивы.

тированные группы древностей и хронологические группы материалов, датируемые в более широких временных рамках. Не отказываясь от узкого датирования отдельных комплексов и памятников, в настоящей работе мы объединяем памятники в более широкие хронологические группы, поскольку подобный подход позволяет четче представить основные тенденции в развитии расселения и общую динамику колонизации.

Хронологический горизонт X – первой половины XII в. выделяется по материалам 33 поселений

и местонахождений (рис. 3). Важнейший хроноиндикатор этого периода – древнерусская круговая керамика ранних типов, фрагменты венчиков сосудов с S-образным или секировидным профилем (типы I, II и IV по: Лапшин, 1992) с плечиком и туловом, покрытым густой линейной орнаментацией. Подобная керамика найдена на 29 поселениях (Тарбаево 1, 4–7; Туртино 4, 5; Федоровское 2–4; Новгородское 1, 5; Скородумка 6; Суромна 1; Овчухи 3, 5; Яновец 1; Садовый 1; Васильково 1; Порецкое 1, 2, 4, 5; Ославское 3; Суворотское 1, 3, 8, 9; Сунгирь),

причем на 20 – вместе с лепной средневековой керамикой (кроме Тарбаево 1, 4; Туртино 4; Федоровское 2, 3; Порецкое 1, 5; Суворотское 3; Суромна 1). На селищах Горицы 2 и Овчухи 4 средневековая лепная керамика найдена вместе с круговой древнерусской, датированной в широком интервале XI–XIII вв. Еще на двух памятниках (Тарбаево 8 и Новгородское 6) средневековая лепная керамика найдена вместе с датирующими вещами X–XI вв. Среди вещей, основной период бытования которых приходится на X – первую половину XII в., отметим ножи с узким клиновидным лезвием (Тарбаево 1, 5 (рис. 4, 17, 18)–7; Туртино 4, 5; Федоровское 2–4; Скородумка 6; Новгородское 1, 6; Яновец 1), калачевидные кресала с язычком (Тарбаево 1, 5, 6 (рис. 4, 11, 13); Федоровское 2–4; Яновец 1); ключи отнутряных замков с желудями (Тарбаево 4, 5 (рис. 4, 16); Суворотское 8; Новгородское 1, 6); железные боченковидные гири, обтянутые бронзой (Тарбаево 5, 6 (рис. 4, 8, 9); Суворотское 8; Сунгирь); грушевидные крестопорезные бубенчики (Тарбаево 6 (рис. 4, 3); Васильково 1; Суворотское 1, 8; Сунгирь; Новгородское 6; Мордыш 1); пластинчатый перстень с выступающим над дужкой полусферическим щитком с растительным орнаментом (Тарбаево 6 (рис. 4, 1); Суворотское 1); пластинчатые широкосрединные завязанные перстни, орнаментированные “волчьим зубом” (Тарбаево 5 (рис. 4, 6); Сунгирь); узкопластинчатые перстни, орнаментированные косичкой (Яновец 1); крестельник с грубым изображением распятия (Тарбаево 5 (рис. 4, 4)); подковообразные спиралеконечные фибулы с треугольным сечением дужки (Тарбаево 5 (рис. 4, 5); Васильково 1); подвески из дирхемов (Тарбаево 6: Саманиды, Нух б. Наср, Балх, 952/953 г., рис. 4, 2; Яновец 1: Саманиды, Наср ибн Ахмад, Ма’дан, 320 г.х., 932 г.); желтые многочастные бусы-лимонки (Васильково 1; Сунгирь); кресты “скандинавского типа” (Сунгирь; Суворотское 8).

Очевидно, период жизни части поселений с широкой датой (селища с лепной керамикой без хронологических признаков X–XI вв. и без находок вещей-хроноиндикаторов; селища с круговой керамикой XI–XIII вв., не имеющей признаков для более точной датировки) перекрывает хронологический интервал X – первой половины XII в. Реальное число поселений, существовавших в X – первой половине XII в., могло значительно превышать три с небольшим десятка, однако не все памятники могут быть выделены из общей массы широкодатированных.

Поселения X – первой половины XII в. образуют сеть, покрывающую всю территорию южной части Ополя, включая коренную террасу левого бе-

рега р. Клязьма, коренную террасу правого берега р. Нерль, берега р. Рпень и водораздельные участки. Одна часть поселений приурочена к основным водным артериям, другая, в том числе поселения, выделяющиеся своими размерами (Тарбаево 5–7; Новгородское 1; Суворотское 3, 9), находится в верховьях овражных систем на водоразделах. Поселения варьируют по размерам от небольших – 0.4–1.5 га (Тарбаево 1, 4; Садовый 1; Федоровское 4; Яновец 1) – до крупных – более 10 га (Васильково 1 – Порецкое 2; Ославское 3). Основными элементами системы расселения являются крупные поселения площадью от 4 до 12 га, представляющие одиночные селища или группы из двух-трех тесно соседствующих селищ, разделенных оврагами. Всего выделяется 11 таких локальных центров, удаленных друг от друга на 2–3 км.

На 14 поселениях этой группы (Тарбаево 5–8; Федоровское 4; Новгородское 6; Яновец 1; Васильково, городище; Васильково 1; Суворотское 1, 8, 9; Сунгирь; Скородумка 6) и в одном из курганных могильников (Васильково 4) представлены вещевые находки X – начала XI в. В качестве хроноиндикаторов этого времени рассматриваются дирхемы без ушек и отверстий для подвешивания (Васильково 1: фрагмент дирхема, Марваниды, Мумаххид ад-даула Абу Мансур, 1000–1009 гг.; Васильково 4: Бувайхиды, Рукн ад-даула Абу ‘Али, Исбахан, 965 г.; Тарбаево 5: фрагмент дирхема булгарского чекана второй половины X в. (рис. 4, 10); Тарбаево 8: Саманиды, Наср ибн Ахмад, по типу Самарканд, с именем халифа ар-Ради или ал-Муттаки, 937–943 гг.); сердцевидные и круглые поясные бляшки (Суворотское 8; Новгородское 6); железные боченковидные весовые гири с медным покрытием (Сунгирь; Тарбаево 5, 6; Суворотское 8); железные пластинчатые кресала (Тарбаево 5 (рис. 4, 7); Новгородское 6); железные фитильные трубки (Суворотское 8, 9; Тарбаево 5: рис. 4, 12); ножи с прямой спинкой (Васильково 1; Сунгирь; Суворотское 1, 8, 9; Новгородское 1, 6; Тарбаево 5 (рис. 4, 14, 15), 7). Для выделения этого хронологического горизонта существенны и керамические коллекции с высокой долей лепной керамики (рис. 4, 19–22), включающие также раннекруговую керамику с S-овидным венчиком (тип I по В.А. Лапшину) и сопровождающиеся сериями ножей с узким клиновидным лезвием (Тарбаево 6, 7; Федоровское 4; Суворотское 9). На поселении Тарбаево 5 получены радиоуглеродные даты по образцам углей из ямы и культурного слоя с лепной и раннекруговой керамикой. Две даты, полученные по образцам из ямы, 950–1020 AD (1σ, Ле-9579), 780–970 AD (1σ, Ле-9580), дают надежное основание

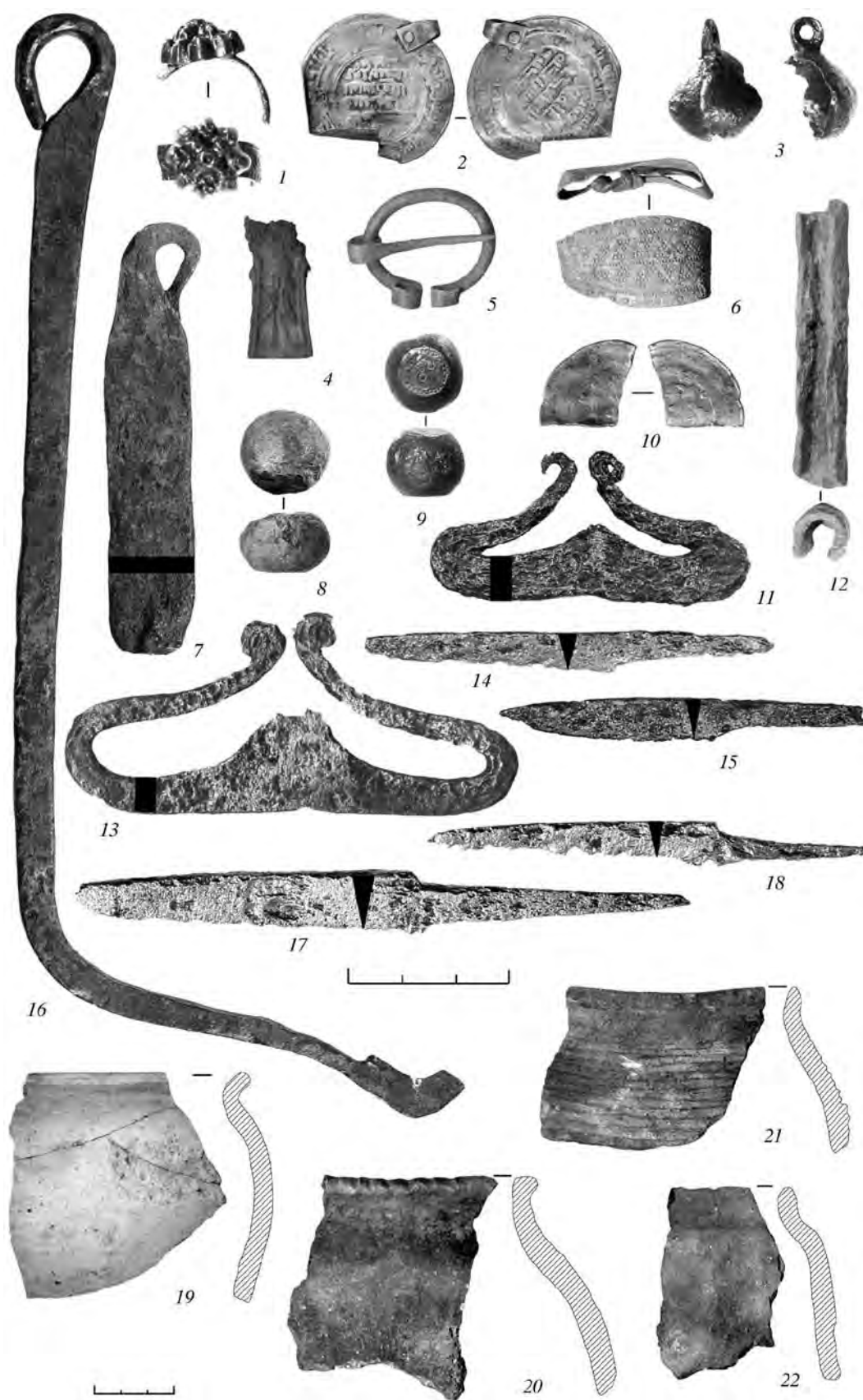

Рис. 4. Селища Тарбаево 5, 6. Материалы X – первой половины XII в. 1–3, 8, 11 – предметы с селища Тарбаево 6; 2–7, 9, 10, 12–22 – предметы с селища Тарбаево 5. 1–6, 10 – цветной металл; 7–9, 11–18 – железо; 19–22 – глина.

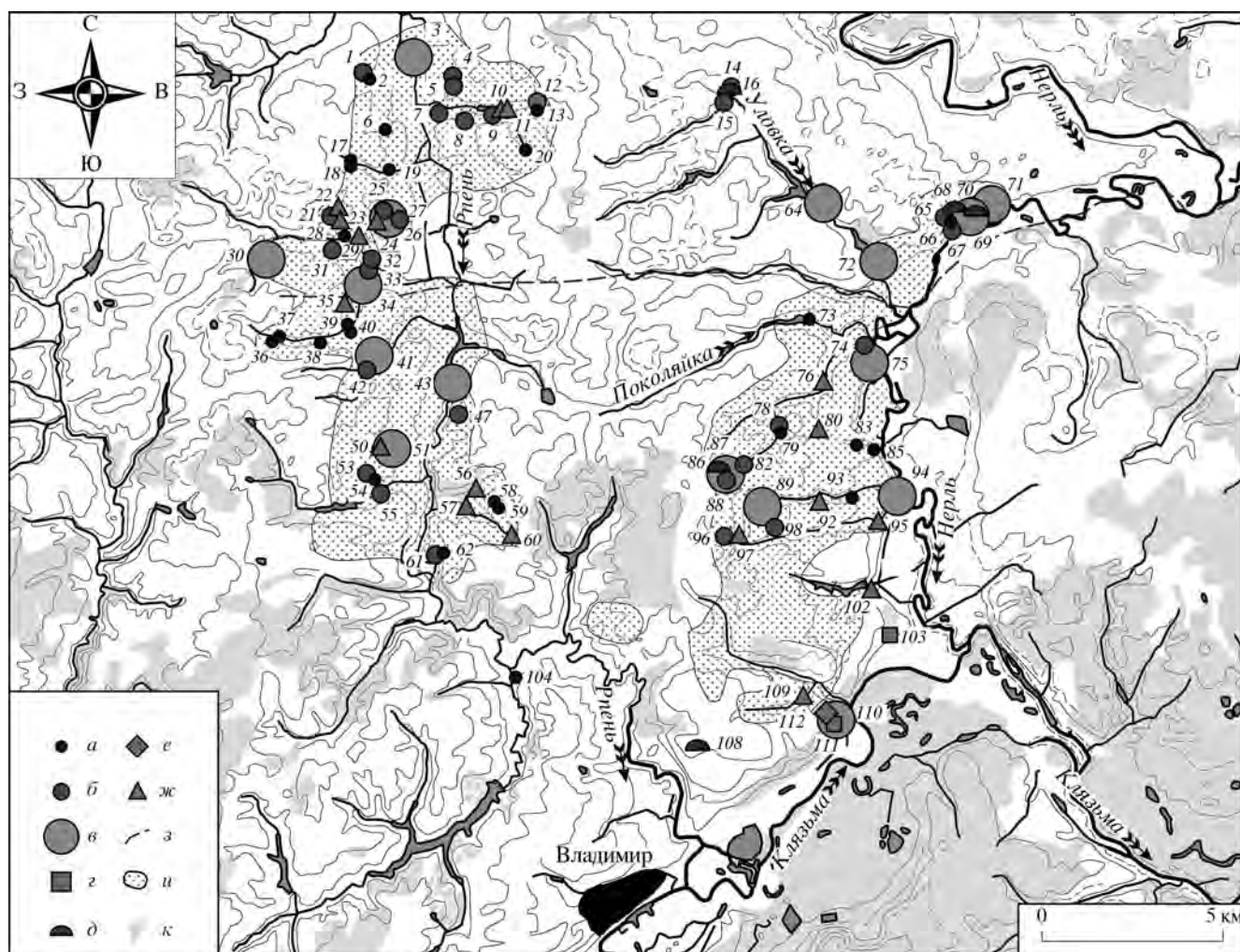

Рис. 5. Археологические памятники второй половины XII – первой половины XIII в. в южной части Владимирско-Юрьевского Ополья. 1 – Туртино 2; 2 – Туртино 3; 3 – Туртино 1; 4 – Туртино 5; 5 – Туртино 4; 6 – Тарбаево 2; 7 – Туртино 6; 8 – Федоровское 1; 9 – Федоровское 5; 10 – Федоровское 6; 11 – Федоровское 7; 12 – Федоровское 2; 13 – Федоровское 3; 14 – Павловское 2; 15 – Павловское 1; 16 – Павловское; 17 – Тарбаево 4; 18 – Тарбаево 3; 19 – Тарбаево 1; 20 – Федоровское 4; 21 – Тарбаево 10; 22 – Тарбаево 11; 23 – Тарбаево 9; 24 – Тарбаево 8; 25 – Тарбаево 7; 26 – Тарбаево 5; 27 – Тарбаево 6; 28 – Яновец 7; 29 – Яновец 6; 30 – Ряславское 1; 31 – Яновец 3; 32 – Яновец 4; 33 – Яновец 2; 34 – Яновец 1; 35 – Скородумка 3; 36 – Новая деревня 1; 37 – Новая деревня 2; 38 – Скородумка 4; 39 – Скородумка 1; 40 – Скородумка 2; 41 – Скородумка 6; 42 – Скородумка 5; 43 – Овчухи 4; 47 – Овчухи 3; 50 – Новгородское 4; 51 – Новгородское 1; 53 – Новгородское 6; 54 – Новгородское 7; 55 – Хотенское 1; 56 – Садовое 5; 57 – Садовое 4; 58 – Садовое 3; 59 – Садовое 1; 60 – Садовое 2; 61 – Горицы 2; 62 – Горицы 3; 64 – Улово 1; 65 – Васильково 3; 66 – Васильково; 67 – Васильково 2; 68 – Васильково 4; 69 – Васильково 1; 70 – Васильково 5; 71 – Мордыш 1; 72 – Васильково 6; 73 – Борисовское 1; 74 – Порецкое 1; 75 – Порецкое 2; 76 – Порецкое 6; 78 – Порецкое 4; 79 – Порецкое 5; 80 – Порецкое 3; 82 – Суворотское 4; 83 – Ославское 1; 85 – Ославское 2; 86 – Суворотское 12; 87 – Суворотское 3; 88 – Суворотское 9; 89 – Суворотское 8; 92 – Ославское 8; 93 – Ославское 5; 94 – Ославское 3; 95 – Ославское 4; 96 – Суворотское 5; 97 – Суворотское 6; 98 – Суворотское 1; 102 – Боголюбovo 3; 103 – Боголюбovo 1 (Боголюбское); 108 – Доброе; 109 – Суромна 1; 110 – Боголюбovo (Сунгирское); 111 – Боголюбovo 2 (Сунгирское, Чаша); 112 – Боголюбovo (Сунгирский). Условные обозначения: а – селища площадью от 0,25 до 1,5 га; б – селища площадью от 1,5 до 4,5 га; в – селища площадью от 4,5 до 14 га; з – городища; д – курганные могильники; е – грунтовые могильники; ж – местонахождения; з – граница между Суздальским и Владимирским княжеством, реконструированная по поземельным документам XV–XVI вв.; и – зона сплошных обследований Суздальской экспедиции ИА РАН; к – современные лесные массивы.

для датирования ее заполнения 950–960 гг. Они хорошо согласуются с датировкой третьего образца, отобранного за пределами ямы, 890–990 (1с, Ле-9581). Радиоуглеродные даты в сочетании с археологическими дают надежное основание для

определения нижней даты поселения в пределах третьей четверти X в.

Таким образом, не позднее второй половины X в. в южной части Владимирско-Юрьевского Ополья формируется сеть крупных долговременных посе-

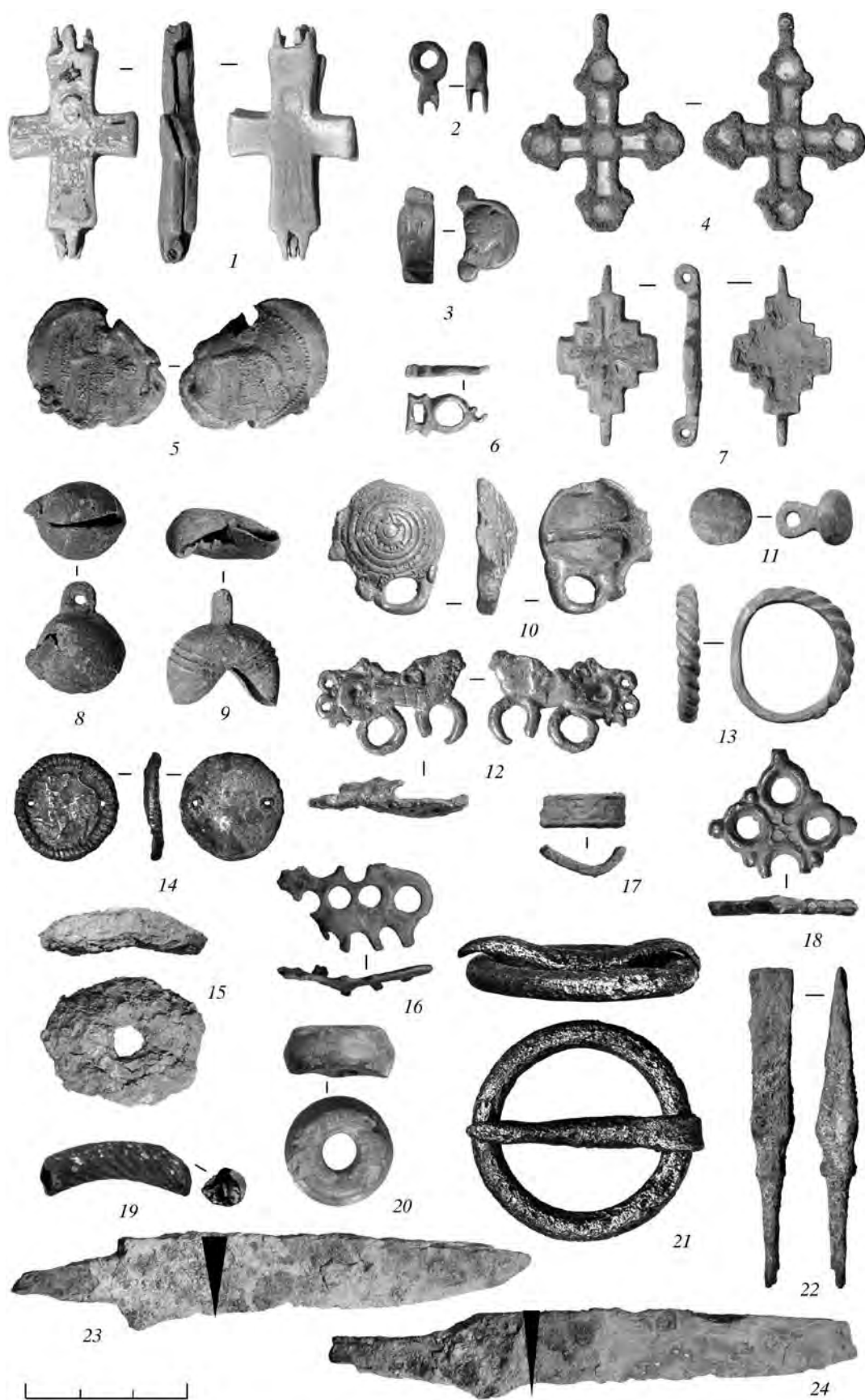

Рис. 6. Селище Мордыш 1. Вещевой материал XII–XIII вв. 1–18 – цветной металл; 19 – стекло; 20 – камень; 21–24 железо.

лений, культурный слой которых отличается высокой насыщенностью разнообразными бытовыми остатками, керамикой и предметами из железа. Судя по топографии находок лепной керамики, ранних украшений и бытовых вещей на селищах Васильково 1 (залегают на площади не менее 6 га), Тарбаево 5 и 6 (не менее 7 га), Суворотское 8 (не менее 4 га), Сунгирь (не менее 5 га), значительная их часть изначально складывалась как крупные населенные пункты.

Керамика и вещи XII – первой половины XIII в. присутствуют на 88 поселениях и местонахождениях и составляют наиболее многочисленную группу древностей (рис. 5). К этому времени относится большая часть круговой керамики, включающая распространенные во Владимирско-Юрьевском Ополье типы VII–XI (Лапшин, 1992; Федорина, 2007. С. 33–42), при этом керамика типа VIIIБ рассматривается как характерная для второй половины XII – XIII в., а типа X – как хроноиндикатор середины – второй половины XIII в. (Федорина, 2007. С. 39). В группу вещей, основной период бытования которых ограничен XII–XIII вв., следует включить ключи от замков типа Б (Тарбаево 1, 5, 7; Новгородское 1); калачевидные кресала без язычка (Тарбаево 5, 6; Новгородское 6; Федоровское 3; Яновец 2); топоры типа VI по А.Н. Кирпичникову с двумя парами щековиц (Тарбаево 5–7); фрагменты стеклянных браслетов, гладких и крученых, разного цвета, за исключением гладких черных и коричневых (Мордыш 1 (рис. 6, 19); Тарбаево 5, 7; Туртино 1; Суворотское 1; Новгородское 1; Яновец 2); бронзовые пластинчатые щитковоконечные браслеты (Суворотское 1; Сунгирь); бронзовые рубчатые перстни (Мордыш 1 (рис. 6, 13); Суворотское 1; Сунгирь); широкосрединные решетчатые двузигзаговые перстни (Суворотское 8); кресты-тельники с шариками на концах (Тарбаево 6; Суворотское 8; Васильково 4); кресты-тельники с эмалью и трехлопастными концами (Васильково 1; Мордыш 1 (рис. 6, 4); Суворотское 8, 9; Тарбаево 5), гладкие прямоконечные энколпионы с черневым изображением креста (Тарбаево 5; Мордыш 1: рис. 6, 7).

Очевидно, к этому же времени относится большинство находок вещей стандартных типов, общий период бытования которых охватывал XI–XIV вв., таких как шиферные пряслица (Васильково 1, 3; Тарбаево 3–6; Туртино 2, 5; Федоровское 2; Скородумка 1; Суворотское 8, 9; Яновец 3; Овчухи 3; Мордыш 1: рис. 6, 20); железные втульчатые ключи от нутряных замков (Тарбаево 1, 3, 5–7; Новгородское 1, 6; Суворотское 1, 8; Яновец 2; Сунгирь; Раславское 1); свинцовые грузики конической или усеченно-конической формы (Васильково 1; Суво-

ротское 8; Тарбаево 5, 6; Туртино 2, 6); бронзовые шаровидные линейно-прорезные бубенчики (Васильково 1; Мордыш 1 (рис. 6, 8, 9); Тарбаево 1; Туртино 5).

XII–XIII вв. – период максимального роста числа поселений в южной части Владимирско-Юрьевского Ополья. Общая площадь поселений с культурным слоем этого времени – не менее 222 га. Сеть расселения покрывает приречные участки и водоразделы, расстояние между ближайшими одиночными поселениями и локальными группами поселений сокращается до 1–2 км. Основные закономерности в размещении, ландшафтной приуроченности и группировке поселений сохраняются, но их сеть становится гуще. Продолжается развитие 29 поселений, сложившихся в предшествующий период, 11 поселений возникают вблизи старых центров как части принадлежащих к ним локальных групп, 34 формируются на новой основе на ранее не освоенных участках или на местах запустевших поселений. Сохраняется значительный разброс площадей селищ – от 0.1–0.6 до 11–13 га. Варьируют по своим размерам и гнезда – от небольших, состоящих из двух поселений общей площадью 1.4–2.6 га, до крупных – общей площадью 10–14 га. Среди прочих заметно выделяется локальная группа поселений у с. Васильково общей площадью 23.2 га. Характерными элементами расселения становятся пары из двух селищ, расположенных рядом друг с другом на противоположных сторонах оврага, – зафиксировано девять подобных пар.

В развитии расселения в этот период отчетливо прослеживаются две противоположные тенденции: формирование крупных (10–14 га) сел с единым пятном застройки или несколькими пятнами на площадках, разделенных оврагами (из 13 зафиксированных сел одна часть выросла на основе ранее возникших поселений, а другая сложилась на новой основе) и образование малодворных (0.1–1.5 га) поселений на неосвоенных участках, преимущественно на оврагах, на расстоянии 1–3 км от материнских селищ. Некоторые малодворные поселения оставались одиночными поселками, другие образовывали пары или были ассоциированы в небольшие гнезда. Поселений площадью от 0.1 до 1.5 га – 22. Формирование малодворных поселений на оврагах как особого типа поселения прослеживается в южной части Ополья с конца XI – начала XII в. Однако именно во второй половине XII в. образование подобных поселений приобретает массовый характер.

Керамика и вещевые находки второй половины XIII – XV в. зафиксированы на 50 поселениях и местонахождениях (рис. 7). Одним из важных

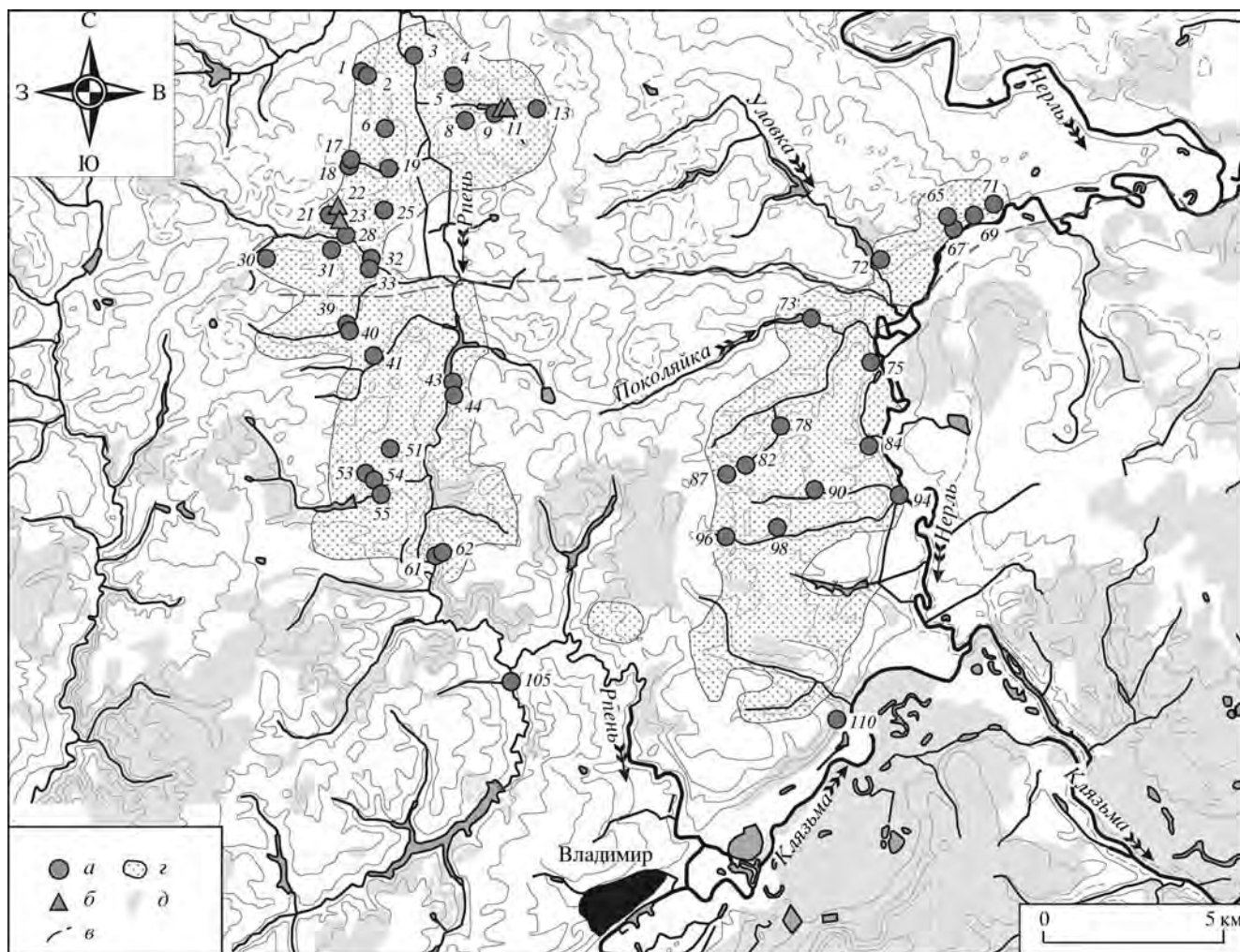

Рис. 7. Археологические памятники второй половины XIII – XV в. в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя. 1 – Туртино 2; 2 – Туртино 3; 3 – Туртино 1; 4 – Туртино 5; 5 – Туртино 4; 6 – Тарбаево 2; 8 – Федоровское 1; 9 – Федоровское 5; 11 – Федоровское 7; 13 – Федоровское 3; 17 – Тарбаево 4; 18 – Тарбаево 3; 19 – Тарбаево 1; 21 – Тарбаево 10; 22 – Тарбаево 11; 23 – Тарбаево 9; 25 – Тарбаево 7; 28 – Яновец 7; 30 – Раславское 1; 31 – Яновец 3; 32 – Яновец 4; 33 – Яновец 2; 39 – Скородумка 1; 40 – Скородумка 2; 41 – Скородумка 6; 43 – Овчухи 4; 44 – Овчухи 5; 51 – Новгородское 1; 53 – Новгородское 6; 54 – Новгородское 7; 55 – Хотенское 1; 61 – Горицы 2; 62 – Горицы 3; 65 – Васильково 3; 67 – Васильково 2; 69 – Васильково 1; 71 – Мордыш 1; 72 – Васильково 6; 73 – Борисовское 1; 75 – Порецкое 2; 78 – Порецкое 4; 82 – Суворотское 4; 84 – Ославское 1а; 87 – Суворотское 3; 90 – Ославское 9; 94 – Ославское 3; 96 – Суворотское 5; 98 – Суворотское 1; 105 – Сновицы 3; 110 – Боголюбово (Сунгирьское). Условные обозначения: а – селища; б – местонахождения; в – граница между Суздальским и Владимирским княжеством, реконструированная по поземельным документам XV–XVI вв.; з – зона сплошных обследований Суздальской экспедиции ИА РАН; д – современные лесные массивы.

хроноиндикаторов второй половины XIII в. следует считать керамику типа Х – сосуды с округлым мягкоизогнутым венчиком (Федорина, 2007. С. 39). Для выделения этого хронологического горизонта существенны находки золотоордынских серебряных монет (Васильково 6; Раславское 1; Сунгирьское селище); прямоугольных удлинённых кресал (Тарбаево 1; Федоровское 3); кудельных булавок (Федоровское 2; Сунгирьское селище); топоров с симметричным лезвием (Федоровское 1); цельнолитых грибовидных пуговиц с тисненым орнаментом в виде концентрических кругов (Туртино 2;

Васильково 6; о хронологии этих предметов см. Сарачева, 2007. С. 84, 85. Рис. 4, 9, 10); щитковых перстней с изображениями ладони на щитке; фрагментов кашинной керамики; железной поясной гарнитуры (Сунгирьское селище); ножей с накладными рукоятями (Васильково; Раславское 1; Скородумка 6); плоского срезня с упором с двумя круглыми отверстиями посередине пера (Тарбаево 7).

Основу сети расселения второй половины XIII–XV в. составляли поселения, возникшие в предшествующий период. Лишь семь селищ и

местонахождений (Тарбаево 9; Овчухи 5; Сновицы 2, 3; Федоровское 6, 7; Ославское 9) связаны с новыми участками, оставшимися неосвоенными в XII – первой половине XIII в. Общее количество поселений сократилось примерно на треть, однако в действительности спад был более значительным, поскольку на ряде поселений с культурным слоем XII–XIII вв. керамика второй половины XIII – XIV в. была представлена лишь на отдельных участках (рис. 8, А, Б). Тенденция к созданию малодворных поселений, обозначившаяся в предшествующий период, в удельное время не получила продолжения в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя. Малочисленность керамики второй половины XIII – XV в. на небольших селищах на оврагах, очевидно, указывает на то, что продолжительность их существования после середины XIII в. была небольшой, основная масса поселений запустела во второй половине XIII или первой половине XIV в. Запустел и ряд крупных поселений, стабильно развивавшихся на своих первоначальных местах со второй половины – конца X в. (Васильково 1; Тарбаево 5, 6; Суворотское 8). Тем не менее основная масса крупных поселений продолжила свое существование в удельный период.

Для оценки преемственности в развитии расселения существенны данные о времени и характере освоения территории сел, упоминания о которых содержатся в актах и писцовых книгах XV–XVI в. или писцовых книгах конца XVI – первой трети XVII в. Обследованиями 2006–2013 гг. охвачено 13 исторических сел. На их территории зафиксированы средневековые селища, культурный слой которых содержит датирующие материалы XI – первой половины XIII в., или местонахождения керамики этого времени. На территории семи сел (Порецкое, Ославское, Овчухи, Хотенское, Горицы, Туртино, Раславское) находятся крупные селища, превосходившие по размерам остальные поселения в окружающих микрорегионах: в этих случаях мы можем говорить о полной преемственности в развитии сел с XI–XII вв. В шести случаях картина оказывается более сложной: наиболее крупные и насыщенные средневековыми находками селища локализуются за пределами исторических сел (Тарбаево, Федоровское, Суворотское, Новгородское, Яновец), иногда непосредственно примыкают к ним (Васильково), тогда как на территории сел зафиксированы небольшие селища, возникшие в XII – первой половине XIII в. как дочерние поселения вблизи основных поселков. Таким образом, хотя в основе сети расселения раннего Нового времени в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя лежат средневековые поселки, прямая преемственность между локальными цент-

рами домонгольского времени и селами эпохи Московской Руси в половине случаев отсутствует.

Анализ пространственного размещения средневековых памятников в южной части Владимирско-Юрьевского Ополя и динамики освоения этой территории показывает, что развитие средневекового расселения на всей территории Ополя имело сходный характер и было подчинено общим закономерностям. Организация расселения во “владимирской” части Ополя в основе своей близка структурам, исследованным в округе Суздаля (Макаров и др., 2005. С. 196–216), в обоих случаях выявлена плотная сеть, образованная крупными поселениями, покрывающая приречные участки и водоразделы и имеющая не линейный, а каркасно-сетевой характер. Общность ярко проявляется в ландшафтной приуроченности и топографии поселений, располагающихся на оврагах и краях речных террас, в единой динамике роста, достигающего максимума во второй половине XII – первой половине XIII в., наконец, в устойчивости сети расселения, многие узлы которой, сформировавшись в X–XII вв., продолжали свое существование до Нового времени или сохранились до наших дней (Макаров, 2012. С. 67).

Новые материалы показывают, что освоение древнерусскими колонистами южной части Владимирско-Юрьевского Ополя началось не позднее второй половины X в. и динамично развивалось в XI – начале XII в. К моменту выделения Владимира в качестве самостоятельной волости Андрея Юрьевича (“волость Володимерь” впервые упомянута в летописи под 1151 г. (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 335)). В.А. Кучкин полагает, что Владимир был отдан Юрием Долгоруким Андрею ранее 1148 г. (1984. С. 86), – на этих землях существовала плотная сеть сельского расселения. Она представляла собой часть общего массива средневековых поселений, сформировавшегося на всей территории Ополя; отдельной зоны концентрации поселений, приуроченной к Клязьме и низовьям Нерли, не прослеживается. Более того, на южном краю Ополя, непосредственно прилегающем к Клязьме, сегодня отмечена наименьшая плотность средневековых селищ.

Существование обширных белых пятен на археологической карте Ополя и недостаток письменных источников, позволяющих точно локализовать границу Владимирского и Суздальского княжеств на всем ее протяжении, не позволяют окончательно прояснить вопрос о соотношении этой границы и сети средневековых поселений. В поречье Нерли, где эта граница может быть локализована с наибольшей точностью (Кучкин,

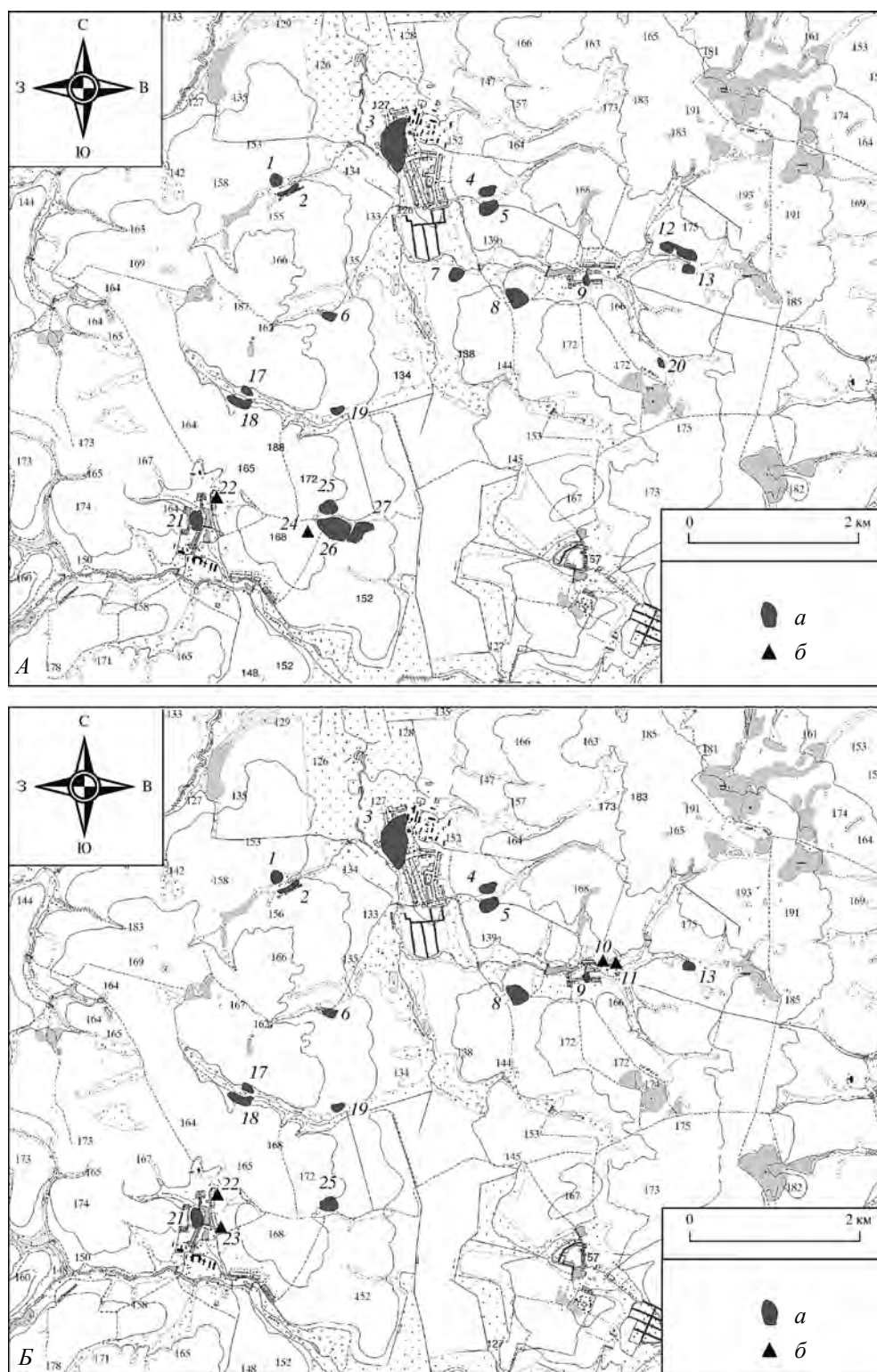

Рис. 8. Средневековые селища в верховьях р. Рпень вблизи с. Тарбаево и Туртино. А – расселение во второй половине XII – первой половине XIII в.: 1 – Туртино 2; 2 – Туртино 3; 3 – Туртино 1; 4 – Туртино 5; 5 – Туртино 4; 6 – Тарбаево 2; 7 – Туртино 6; 8 – Федоровское 1; 9 – Федоровское 5; 12 – Федоровское 2; 13 – Федоровское 3; 17 – Тарбаево 4; 18 – Тарбаево 3; 19 – Тарбаево 1; 20 – Федоровское 4; 21 – Тарбаево 10; 22 – Тарбаево 11; 24 – Тарбаево 8; 25 – Тарбаево 7; 26 – Тарбаево 5; 27 – Тарбаево 6. Б – расселение во второй половине XIII – XIV в.: 1 – Туртино 2; 2 – Туртино 3; 3 – Туртино 1; 4 – Туртино 5; 5 – Туртино 4; 6 – Тарбаево 2; 8 – Федоровское 1; 9 – Федоровское 5; 10 – Федоровское 6; 11 – Федоровское 7; 13 – Федоровское 3; 17 – Тарбаево 4; 18 – Тарбаево 3; 19 – Тарбаево 1; 21 – Тарбаево 10; 22 – Тарбаево 11; 23 – Тарбаево 9; 25 – Тарбаево 7. Условные обозначения: а – селища; б – местонахождения.

1984. С. 199–201), она разделяет локальные группы поселений вблизи с. Васильково и Порецкое, отстоящие друг от друга лишь на 3.5 км. Одно из крупных селищ находится в 1 км от р. Чертовик, известной как рубеж суздальских и владимирских земель. Для точного размежевания владимирских и суздальских владений на Рпени в источниках XV–XVI вв. нет данных, однако при любой конфигурации границы она должна была пересекать плотный массив средневековых поселений между с. Туртино и д. Скородумка. Создается впечатление, что на обоих участках граница проходила не по пустующим территориям, а разрезала уже сложившуюся сеть расселения.

Специфика развития расселения в южной части Ополя проявляется в том, что в отличие от Суздальской округи во второй половине XIII – XIV в. стабильное существование примерно половины крупных поселений было прервано: они полностью запустели, были перенесены на новые места или сильно сократились в размерах. Можно полагать, что их упадок связан с монгольским разгромом и военными событиями второй половины XIII в., когда Владимир трижды разорялся ордынскими отрядами (Кучкин, 1984. С. 106, 107). Очевидно, военные катаклизмы и политическая нестабильность оказали воздействие не только на состояние стольного города, но и на сложившуюся систему сельской жизни, нарушив стабильность и устойчивость сельских поселений, в том числе сформировавшихся еще во второй половине X – XI в.

Хотя основными элементами системы расселения, существовавшей во Владимирско-Юрьевском Ополе с конца I тыс. н.э. до Нового времени, были крупные села, по-видимому, именно этот регион – один из наиболее ранних очагов формирования малодворных сельских поселений на водоразделах, за которыми с XIV в. закрепилось наименование “деревня”. Этот тип поселения, определивший облик сельских ландшафтов Московской Руси и всего Центра и Севера Русской равнины в позднее средневековье и раннее Новое время (Веселовский, 1936. С. 27–32; Кочин, 1965. С. 117; Чернов, 1991. С. 112–130), не характерен для сельских территорий Ополя в XIV–XV вв., но ярко представлен среди памятников домонгольского времени. Селища площадью 0.5–1.5 га, приуроченные к верховьям овражных систем, иногда – к слабовыраженным в рельефе понижениям и отвершкам оврагов, которые могли запруживаться в средневековье, в 2002–2005 гг. были исследованы под Суздалем (Шполянский, 2008. С. 160). В последние годы они выявлены

во владимирской части Ополя. Первое появление подобных поселений должно быть отнесено к концу XI – первой половине XII в. Датирующие материалы этого времени собраны на владимирских селищах Садовый 1, Тарбаево 1 и 4, а ранее – под Суздалем на поселениях Вишенки 3, 6, 6а, Кибол 11, Торки 4. Число подобных поселений существенно увеличилось во второй половине XII в., однако во второй половине XIII – XIV в. большинство из них в Ополе запустело (Шполянский, 2008. С. 168–170).

Очевидно, что устройство малодворных земледельческих поселений открывало возможности для более полного использования земельных ресурсов, в том числе для освоения отдельных небольших наиболее удобных для земледелия участков. Отказ от устройства подобных поселений во Владимирско-Юрьевском Ополе во второй половине XIII – XIV в., когда малодворные поселения с тянувшимися к ним сельскохозяйственными угодьями получают массовое распространение на Северо-Востоке, можно объяснить тем, что на плодородных темноцветных почвах Ополя более продуктивным путем оказалось сплошное освоение земельных массивов с устройством крупных сел. Однако опыт устройства малодворных поселений был востребован в других областях Северо-Восточной Руси. Таким образом, историческое ядро Владимиро-Суздальской земли стало местом выработки новых стратегий земледельческого освоения лесной полосы, новой организации расселения и землепользования, обеспечивших экономический рост Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв.

Сеть сельских поселений, сложившаяся во второй половине X – XI в. в южной части Ополя, стала одним из необходимых условий появления здесь городского центра. Однако возникновение Владимира-на-Клязьме не было детерминировано внутренним ростом, формированием в этом районе отдельного очага расселения. Очевидно, выделение основанного княжеской властью Владимира в самостоятельную волость сопровождалось разделом сельских территорий Ополя, первоначально формировавшихся как целостная территориально-административная область и управлявшихся в XI в. из Суздаля.

Работа выполнена в рамках серии грантов РФФИ: № 11-06-00339-а, 11-06-10003-к, 12-06-10018-к, 13-06-10028-к.

Авторы статьи выражают искреннюю признательность А.А. Гомзину, выполнившему определение куфических монет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Владимирская область. М., 1995.
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. 2008. № 1.
- Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. // ИГАИМК. 1936. Вып. 139.
- Воронин Н.Н. Из ранней истории Владимира и его окру- ги // СА. 1959. № 4.
- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. В 2-х томах. Т. I (XII столетие). М., 1961.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского меж- дуречья. М., 1961 (МИА; № 94).
- Доброхотов В. Древний Боголюбов-город и монастырь и его окрестности. М., 1852.
- Жарнов Ю.Э. Возвращение культурных ценностей древ- него города // Археологические открытия. Европей- ская Россия. 1991–2004 гг. М., 2009.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И. Древнерус- ские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Вла- димира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздаль- ской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 3. М., 2011.
- Исланова И.В. Городище Отмичи. М., 2008 (Раннесла- вянский мир и его соседи; Вып. 11).
- Исланова И.В. Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н.э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи рим- ских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1. Тула, 2010.
- Кабаев Д.А., Гальчук Л.Л. Охранные исследования во Владимире на территории “Нового города” в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // Археология Влади- миро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 1. М., 2007.
- Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период обра- зования Русского централизованного государства. Ко- нец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965.
- Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1997. Т. I.
- Лапишин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суз- даля // Древнерусская керамика. М., 1992.
- Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Севе- ро-Восточной Руси. М., 1996.
- Макаров Н.А. Археологическое изучение Северо-Вос- точной Руси: колонизация и культурные традиции // Вестн. РАН. 2009. Вып. 12.
- Макаров Н.А. Средневековые селища вблизи сел Тар- баево и Туртино в Суздальском Ополе // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семина- ра. Вып. 4. М.; СПб, 2012.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Финские древности первой половины – середины I тыс. н.э. в Суздальском Ополе // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: Программа фундамен- тальных исследований Президиума РАН / Отв. ред. Деревянко А.П., Куделин А.Б., Тишков В.А. М., 2012.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материа- лы // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2005.
- Массалитина Г.А. Мощинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Массалитина Г.А. Керамический комплекс нижнего слоя городища Воротыньск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Вели- кого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
- Насонов А.Н. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Очеретин И.А., Родина М.Е. Клад украшений из раско- пок 2008 г. во Владимире // Археология Владимиро- Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 3. М., 2011.
- Сарачева Т.Г. Ювелирные изделия второй половины XIII – XVI в. на территории Северо-Восточной Руси // КСИА. 2007. Вып. 221.
- Шполянский С.В. Заселение водоразделов в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет) // Сельская Русь в IX–XIV вв. М., 2008.
- Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
- Федорина А.Н. Отчет о полевых исследованиях в Алек- сандровском, Суздальском, Судогодском и Камеш- ковском р-нах Владимирской обл. в 2004 г. // Архив ИА РАН.
- Федорина А.Н. Керамические комплексы средневековых поселений Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительные характеристики // Археология Владимиро-Суздаль- ской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 1. М., 2007.
- Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождении волостной общины // СА. 1991. № 1.

ДРЕВНЕРУССКОЕ “ПЛАТЬЕ” ИЗ ИЗЯСЛАВЛЯ: НОВАЯ АТТРИБУЦИЯ

© 2013 г. О.В. Орфинская*, К.А. Михайлов**

*Институт Наследия им. Д.С. Лихачева, Москва (orfo@yandex.ru)

**Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Ключевые слова: *средневековые, костюм XIII в., древнерусская одежда, платье из Изяславля, половецкий кафтан, реконструкция костюма, средневековые ткани, лен, хлопок.*

“The dress from Izjaslavl” being a unique find of almost an undamaged sewed piece of work took one of the places of honor among real archaeological finds of the Old Russian clothes. The researches done in a modern scientific level revealed that this cloth is not a woman’s dress at all but is likely a man’s kaftan which analogues can be found in a Polovets costume. A new look at the well-known material showed how little we know. This fact also led to an attentive and very accurate reexamination of some facts and allowed to set new tasks in studying of the Old Russian costume.

Все, кто когда-либо интересовался древнерусской одеждой, знают платье из Изяславля. Оно было введено в научный оборот М.А. Сабуровой в 1997 г. “Еще одно целое платье найдено в Изяславле. Оно было сшито из нескольких видов тончайшей шерстяной ткани полотняного переплетения и скроено из верха и отрезной юбки. Верх платья – на подкладке. Ворот обшит каймой из более плотной ткани. Кайма сложена вдвое и прошита горизонтальными стежками. Разрез, расположенный слева от ворота, переходит в шов на плече. По талии к верху лифа пришита юбка. Она собрана в мельчайшую сборку, для чего прошита сверху четырьмя параллельными швами. На шов, соединяющий лиф с юбкой, нашта золототканая лента, окантованная с двух сторон шелковой ниткой, скрученной в виде веревочки. По подолу была нашта кайма. Судя по швам, рукав был пришит ниже плеча, где нашта полоса ткани шириной 5 см. Эта деталь пришта поперек рукава мельчайшим швом – “вперед иглой”, а затем обратным швом, пространство между стежками заполнено так точно, что создается впечатление машинного шва. О длине платья судить трудно. Лишь научная реставрация может дать полное представление не только о технологии изделия, но и о его форме и размере. Если пропорции собранного платья в основном правильны, то длина его доходит до колен” (Сабурова, 1997. С. 102. Рис. 68, 6–8). В публикации исследовательница представила прорисовку одежды, которая, вероятно, была сделана по старой фотографии, находящейся в архиве экспедиции (рис.1). Однако при сравнении ее описания, прорисовки и фотографии выявилось много неясных

моментов, вызвавших ряд вопросов. Чтобы ответить на них, было принято решение обратиться непосредственно к самому материалу.

Место находки. Городище у с. Городище Шепетовского р-она Хмельницкой обл. Украины стало одним из немногих древнерусских памятников, исследованных практически по всей площади Галицко-Волынской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР (ЛО ИА АН СССР) во главе с М.К. Каргером в 1957–1964 гг. Исследователь отождествил городище с летописным городом Изяславлем, и под этим названием памятник вошел в научную литературу. В дальнейшем эта рабочая гипотеза не получила подтверждения, но топоним продолжает использоваться и по сей день (Пескова, 2009. С. 150).

Городище занимает 3.6 га на невысоком мысу левого берега р. Гуска (бассейн р. Горыня). С напольной стороны мыс защищен тремя рядами валов и рвов (рис. 2). В юго-восточной части городища находился укрепленный ров и валом детинец площадью 0.6 га. По краю площадки окольного города и детинца были найдены остатки сгоревших деревянных клетей. Они представляли собой сооружения, рубленные “в обло” и поставленные в ряд вплотную один к другому. Судя по составу инвентаря и отсутствию печей, они имели исключительно хозяйственное и оборонительное значение. Въезд в окольный город находился в юго-западном углу городища, на стыке южной и западной линии валов и рвов. По мнению А.А. Песковой, въезд на укрепленный посад находился между клетями XVI и XV в на южной

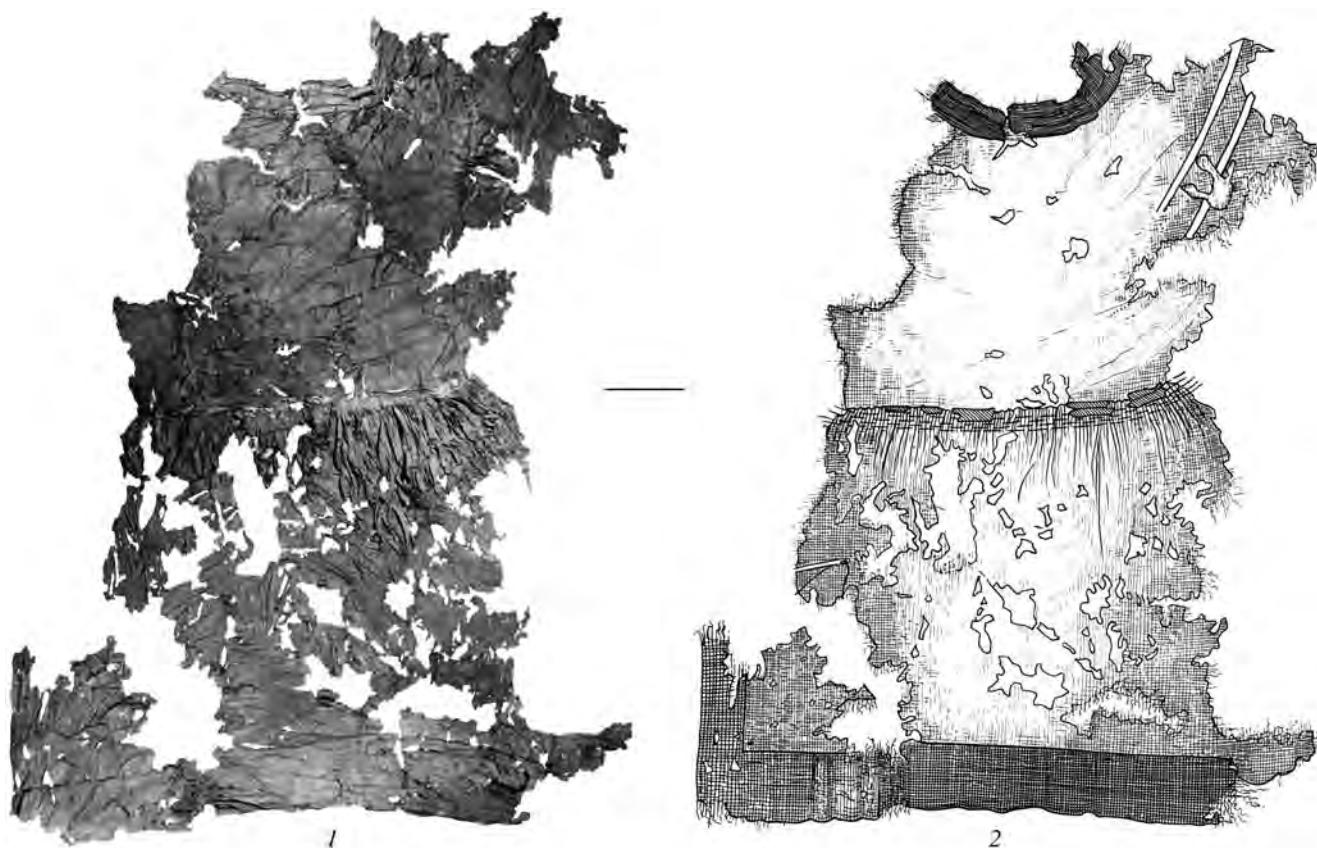

Рис. 1. Платье из Изяславля. 1 – фотография (фотоархив ИИМК РАН); 2 – прорисовка (по: Сабурова, 1997).

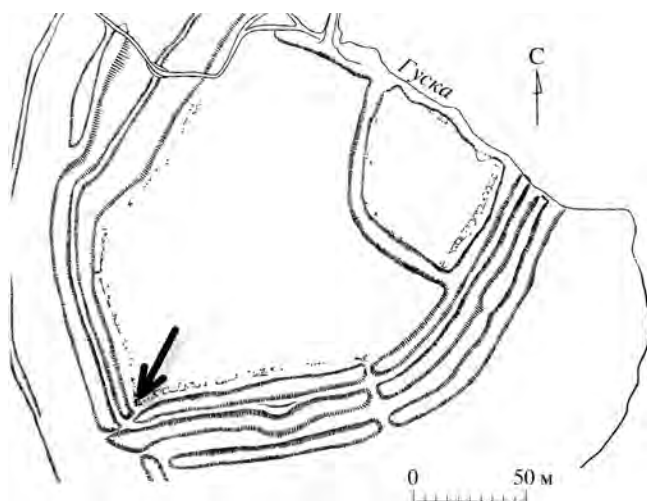

Рис. 2. План городища Изяславль у с. Городище Шепетовского р-она Хмельницкой обл. Украины (по: Пескова, 2009). Стрелкой указано место находки платья.

линии укреплений окольного города. Клеть XVI, как считает исследовательница, служила основанием угловой башни, защищавшей воротный проезд (рис. 3, А) (Пескова, 2009. С. 165–167). Во время раскопок археологами была открыта страшная

картина тотального разгрома крепости и массовой гибели ее защитников. Более 200 “костищ” – скоплений человеческих костей и отдельных костяков – отметили места захоронений жителей древнерусского городища.

На месте разрушенной угловой башни, около северо-восточной стенки клетки XVI была обнаружена одна из самых необычных находок: под завалом обгоревших бревен, на глубине от 1.15 до 1.5 м (от поверхности) было расчищено большое скопление обугленной ткани¹ (рис. 3, Б). Она лежала в кв. 101 поверх круглого деревянного днища бочки (диаметр – около 43 см) и занимала площадь 69 × 30 см. В заполнении клетки нашли много сгоревшего зерна, целые керамические сосуды, обрывки нитей, а также наконечники стрелы и копья (Пескова, 2009. С. 166). После разбора завалов сгоревших бревен и остатков ткани археологи расчистили остатки тонких деревянных колов, располагавшихся вдоль стенок клетки. Они могли служить каркасом для внутренних конструкций в помещении (полук,

¹ Благодаря любезной помощи А.А. Песковой удалось обнаружить в описях экспедиции полевой номер (Гор. 1957. № 2682, 2697, 2698), а также полевые чертежи с обозначением места находки. Инвентарный номер – ГП-57/13 110.

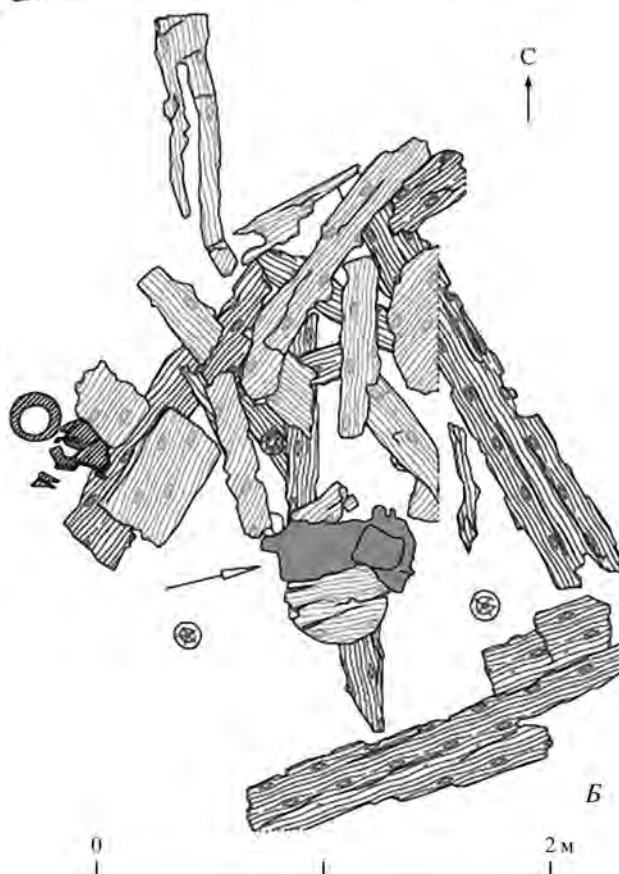
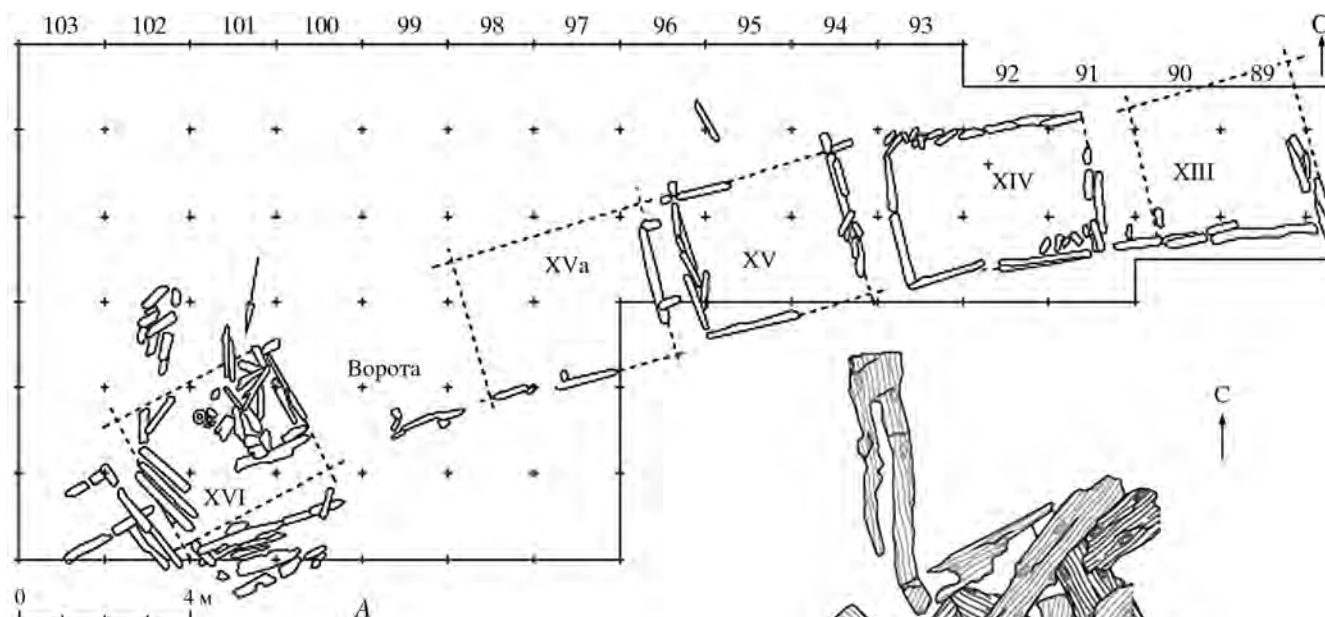

Рис. 3. А – план южной линии укреплений и воротного проезда окольного города Изяславль. Б – план развалин угловой башни Изяславля с местом находки платья. Стрелкой указано место находки.

перегородок, лестниц). Остатки одежды были найдены в слое угля и обгоревших плашек, но поверх основного развала сгоревших стен сруба. Скорее всего, это может свидетельствовать о том, что они находились на втором, верхнем ярусе башни и попали в нижнюю часть клетки вместе с обвалившимися перекрытиями. Никаких следов костей или остатков костяков, принадлежавших жителям городища или его захватчикам, в клетке и тем более в самом текстильном массиве не отмечено. Обстоятельства находки позволяют предположить, что одежда хранилась в сложенном виде внутри деревянного сундука или бочки вместе с другим хозяйственным инвентарем, принадлежавшим одному из жителей крепости.

В фотоархиве ИИМК РАН (№ II 708702–708703) сохранились два негатива с изображением платья, сделанные вскоре после обнаружения и частичной реставрации.² На данный момент это единственное свидетельство прекрасной сохранности одежды XIII в., обнаруженной в Изяславле. На фотографии она зафиксирована единым массивом от ворот до подола (рис. 1, I). Сейчас материал хранится в отделе русской культуры Государственного Эрмитажа. Часть его находится в форме расправленных фрагментов, часть – в виде плотных текстильных конгломератов. Необходимо отметить, что данный материал крайне сложен для исследования, так как

это “горелые”³, очень хрупкие ткани, нуждающиеся в профессиональной реставрации.

Исследования ткани проводились в Центре исследования исторических и традиционных технологий Института Наследия им. Д.С. Лихачева. Характеристики сшитого изделия, тканей и природы текстильных волокон определялись стандартными методами текстильного анализа (Орфинская, 2009).

² По устному свидетельству д-ра ист. наук А.Н. Кирпичникова, фотография была сделана вскоре после находки, но в качестве единого массива платье из Изяславля можно было увидеть еще в 1960-е годы. Начиная с конца 1970 – начала 1980-х годов находка хранилась уже в виде отдельных фрагментов.

³ Ткань не подвергалась непосредственному воздействию открытого огня, т.е. не горела, однако подверглась воздействию высоких температур. Такой процесс называется “пиролиз”.

Таблица

№ образца	Размер, см	Описание фрагмента
1	27 × 30	Фрагмент спины стана со швом по правому боку и подкладкой. Шов проходит по дуге от талии к рукаву
2	40 × 38	Фрагмент юбки и части стана. Верхний край юбки срезан, по нему заложены мелкие складки глубиной 0.1–0.2 мм (в 1 см – семь складок), идущие полосой, ширина которой – 2 см. Фрагмент юбки состоит из трех, сшитых между собой, полотен. Один шов – правый боковой, второй расположен в левой части фрагмента юбки. Нижняя часть стана закрыта (основная и подкладочная ткани подогнуты и подшиты) и швом “в стык” соединена с юбкой. Шов с лицевой стороны ткани перекрыт полосой шелковой ткани, по краю которой проложен декоративный шнур
3	15 × 26	Фрагмент угла подола и левой полы. По подолу подшита полоса тонкой ткани шириной 3 и с изнаночной стороны – толстой ткани шириной 9 см. Перпендикулярно подолу по изнанке подшита полоса толстой ткани, ширина сохранившейся части которой – 11 см
4	22 × 17	Фрагмент подола с полосой из тонкой ткани шириной 3 см и полосой подкладочной ткани шириной 9 см
5	10 × 12	Тонкая ткань без швов
6	13 × 8	Тонкая ткань без швов
7	17 × 9	Тонкая ткань без швов
8	10 × 13	Фрагмент подола юбки; с изнаночной стороны швом “через край” подшита верхняя сторона полосы из подкладочной ткани
9	12 × 14	Фрагмент левой полы. По краю с лицевой стороны подшита полоса тонкой ткани шириной 4 см. По краю полосы проходит декоративный шов. На изнаночной стороне по краю подшита полоса шириной не менее 14 см
10	10 × 8	Фрагмент двухслойный. Район талии. Тонкая ткань со складками
11	8 × 18	Тонкая ткань с подшитой полосой шириной 3 см; толстая ткань – на изнаночной стороне
12	12 × 6	Тонкая ткань со швом, проходящим по дуге
13	27 × 30	Фрагмент спины в верхней части стана с воротником стойкой, правым плечом, полосой отделки по линии соединения стана и рукава. Сохранилась боковая кромка, следовательно, ширина ткани была 60 см. По краям отделки проходят декоративные швы. Фрагмент имеет подкладку, которая подшита с изнаночной стороны по линии соединения полосы отделки и рукава. Ворот-стойка по центру имеет ширину 4 см. От ворота вниз идет шов, соединявший стан и правый борт
14	20 × 14	Фрагмент левого плеча с воротником-стойкой. Край стойки закрыт, его ширина равняется 5 см. Стан имеет подкладку

С. 243–303). На первом этапе была сделана попытка “разложить”⁴ сохранившиеся фрагменты. Для этого в соответствии с фотографией были определены основные пропорции изделия: расстояние от выреза горловины до талии – 40 см и от талии до подола – 56 см; все фрагменты были сфотографированы, прорисованы и описаны; были определены типы тканей, участвовавшие в пошиве изделия: основная “тонкая” ткань, из которой было сшито само изделие; подкладочная “толстая” ткань, которая полностью перекрывала стан с изнаночной сторо-

ны и была подшита широкими полосами по подолу и бортам с изнаночной стороны юбки; полоса шелковой ткани, пришитая по шву, соединяющему стан и юбку; были определены места, на которых могли находиться фрагменты на момент, когда была сделана фотография.

Описание отдельных фрагментов представлено в таблице, здесь остановимся на некоторых, наиболее значимых. Фрагмент 1 имеет соединительный шов, проходящий по дуге. Именно он позволяет восстановить линию бокового шва от талии до рукава. Фрагменты 2 и 2А являются большими фрагментами, на которых сохранился шов, соединяющий стан и юбку, собранную мелкими складками. Шов перекрыт полосой шелковой тка-

⁴ Материал крайне хрупкий, и все работы, связанные с раскладкой и расправлением фрагментов, проводились по фотографиям.

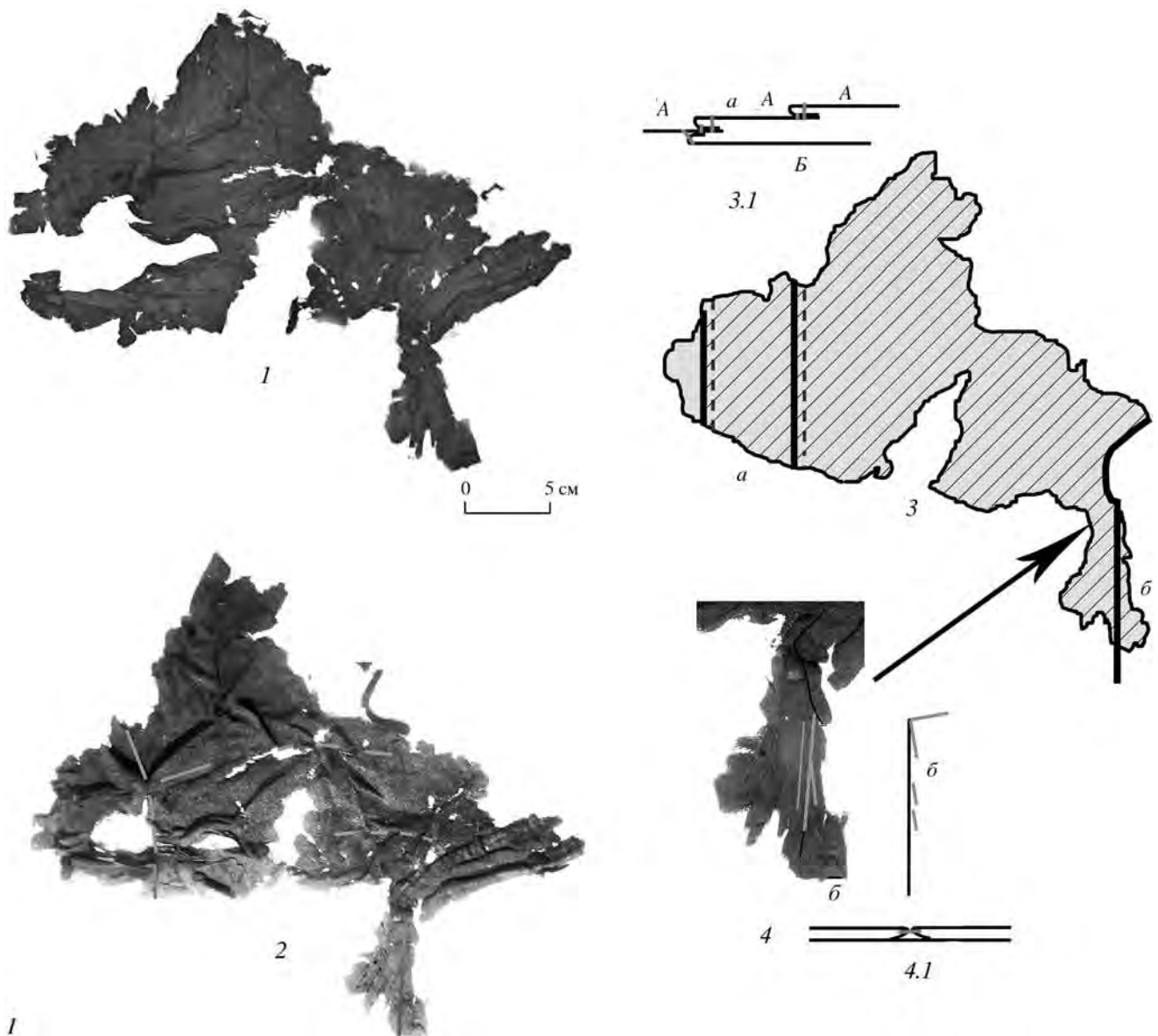

Рис. 4. 1 – фрагмент 13. 1 – общий вид; 2 – “развернутый” вид, когда нити одной системы проходят перпендикулярно нитям другой; 3 – реконструкция фрагмента 13; 3.1 – разрез в направлении нитей утка; 4 – участок фрагмента вертикального разреза, выполненный вниз от горловины по прямой линии, и пришитой к ней полы, выкроенной под небольшим углом; 4.1 – разрез в направлении нитей утка. II – фрагмент 14. 1 – общий вид; 2 – развернутый вид; 3 – реконструкция; 3.1 – разрез в направлении нитей основы; 4 – воротник, изнаночная сторона. Условные обозначения: А – основная ткань; Б – подкладочная ткань; а – вшитая полоса основной ткани, оформленная декоративным швом; б – часть правой полы. Серые сплошные и пунктирные линии указывают направление нитей основы и утка в ткани.

ни (самит), обшитой с двух сторон тонким декоративным шнуром. Эти два фрагмента позволили уточнить ширину изделия по талии, выявить второй боковой шов стана и швы, соединяющие полотна юбки. Фрагмент 3 – часть подола, он захватывает, вероятно, угол левой полы или бокового разреза. Фрагменты 4 и 8 – также части подола. Для них характерно наличие полосы тонкой ткани шириной 3 см, пришитой по краю с лицевой

стороны изделия. С изнаночной стороны этих фрагментов подшита полоса (подпушка⁵) толстой ткани шириной 9 см. Фрагмент 9 также имеет полосу по краю, но она несколько шире (4 см) и декорирована швом, который отсутствует на подоле. Эта полоса выкроена вдоль нитей основы таким образом, что кромка проходит по срезу изделия

⁵ Подпушка – полоса ткани, проходящая по изнаночной стороне подола изделия, обычно другого цвета.

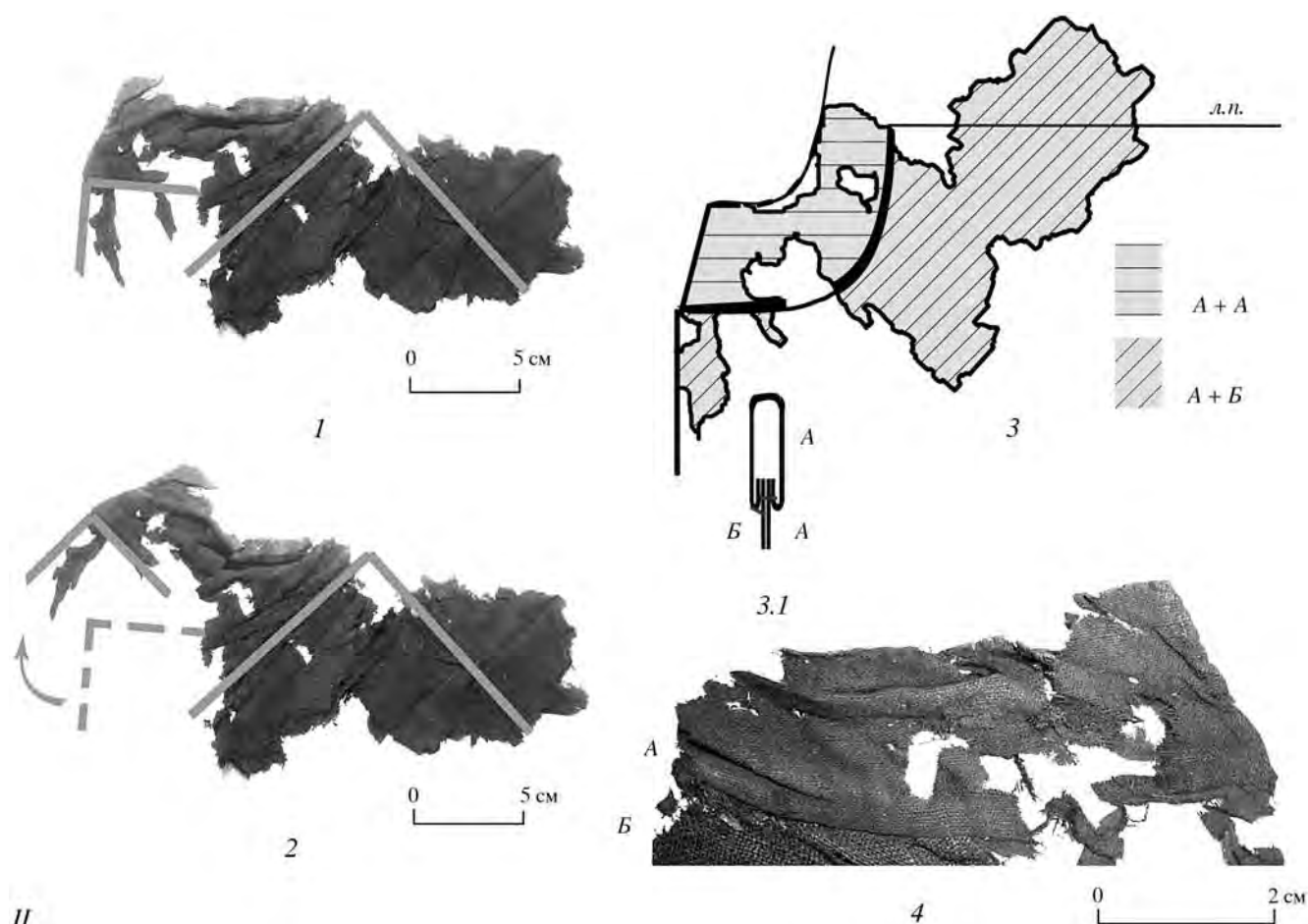

Рис. 4 (Окончание).

с лицевой стороны. Это необычное решение – оставить кромку ткани на лице изделия. Ширина полосы подкладочной ткани, подшитой под этим краем, точно не определяется, однако она была не менее 14 см.

Самые значимые, дающие представление о форме ворота, а, следовательно, и о форме одежды (распашная или нет), – фрагменты 13 и 14. На фрагменте 13 сохранилась часть ворота-стойки и декоративная полоса, проходящая по стыку стана и рукава, фиксируется линия укрепления подкладки на изнаночной стороне. Полоса тонкой ткани шириной 4 см декорирована аналогично полосе, проходящей по борту. Далее к этой полосе подшивался рукав. От ворота вниз проходит шов, соединяющий основную часть стана с дополнительной деталью, выкроенной под небольшим углом относительно нитей основы. На фрагменте была выявлена ткацкая кромка, позволившая восстановить ширину ткацкого куска тонкой ткани, равную 60 см. Для того чтобы “уложить” фрагмент должным образом, необходимо было предварительно расправить ткань относительно нитей основы и утка (рис. 4, I). В результате проведенных работ удалось уточнить

форму выреза горловины и сделать заключение о том, что на фотографии “платья из Изяславля” была представлена спина некоего отрезного по талии изделия.

Аналогичная работа была проведена и с фрагментом 14. Сохранилась часть стойки с закрытым правым торцевым краем (рис. 4, II). Здесь можно рассмотреть два варианта расположения фрагмента: когда линия края воротника идет вниз – это борт; когда она идет перпендикулярно борту – это некая форма застежки на плече, как и определяла ее М.А. Сабурова. Однако анализ ткани показал, что нити основы ткани стана проходят параллельно закрытому краю стойки, следовательно, изделие имело разрез, проходивший по центру его передней части. Имея фрагменты верхней и нижней частей разреза, можно предположить, что изделие было распашным.

Декоративная полоса, проходящая по стыку стана и рукава, и линия укрепления подкладки, дают основание предположить наличие длинного рукава. Обычно в таком крое длина рукава (без манжет) равна ширине ткани, т.е. 60 см. Шов, проходящий от горловины вниз в передней части стана, свидетельствует о наличии правой полы, кроившейся,

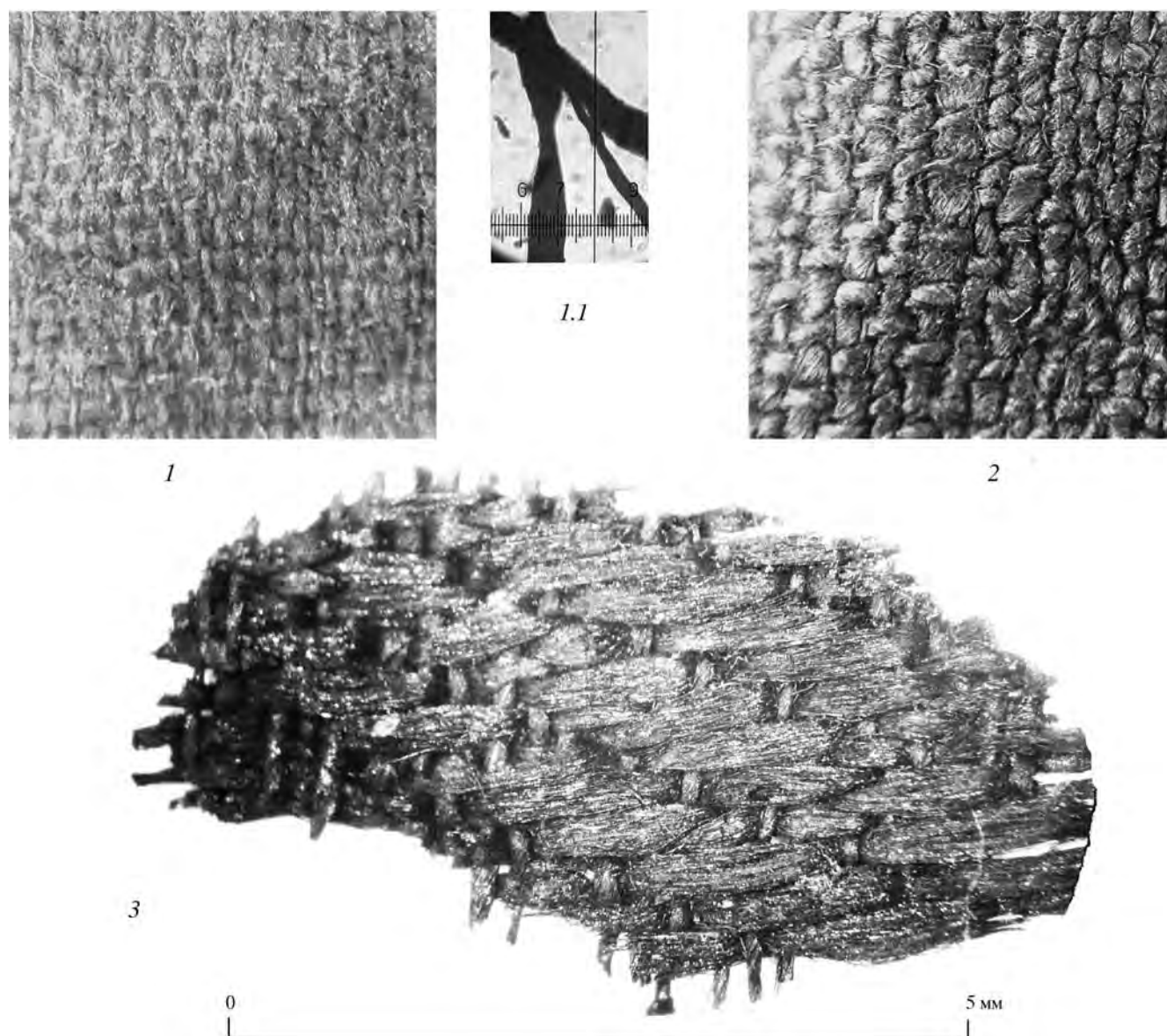

Рис. 5. Микрофотографии. 1 – тонкая хлопковая ткань (сторона квадрата – 1 см); 1.1 – хлопковые волокна (поляризатор и анализатор расположены параллельно; цена деления – 0.0017 мм); 2 – толстая льняная ткань (сторона квадрата – 1 см); 3 – шелковая ткань.

вероятно, таким образом, чтобы боковая кромка ткани проходила по краю борта (аналогично кромке ткани на фрагменте 9).

Описание тканей. Тонкая хлопковая ткань имеет нити основы и утка с Z-круткой примерно одинаковой толщины. Плотность ткани – 20–26/18–20 н/см (рис. 5). Одежда из тонкой хлопковой ткани известна по материалам из старого Термеза, где в ходе археологических раскопок были обнаружены четыре рубахи, три пары штанов, чулки, головные уборы и другие небольшие фрагменты неопределенных изделий. Материал датируется IV–V вв. н.э. Ширина исследованных азиатских тканей равнялась 54, 60,

65 и 118 см. В основном они были белыми, но в трех образцах обнаружены следы окраски красного и синего цвета (Елкина и др., 1996. С. 308, 317, 318). Хлопковые ткани или их волокна были обнаружены на памятниках раннего средневековья на Северном Кавказе (Орфинская, 2010. С. 360–370). Наиболее ранняя находка подобных тканей на территории Древней Руси происходит из погребения в камере, относящейся ко второй половине – концу X в. Хлопковые волокна были обнаружены в женском захоронении на территории средневекового Пскова (Зубкова, Орфинская, 2008. С. 295). В золотоордынский период изделия из хлопка были

широко распространены в степях Восточной Европы, они часто упоминаются в торговых документах. Свидетельством их широкого распространения являются новые находки, обнаруженные на золотоордынских памятниках в низовьях Волги (Зиливинская, Орфинская, 2009. С. 360). Следовательно, хлопковые ткани в средневековый период бытовали на достаточно больших территориях. Вероятнее всего, основной поток их шел из Центральной Азии. В то же время следует подчеркнуть, что это достаточно редкая находка для Восточной Европы и первое целое изделие из хлопковой ткани на древнерусской территории.

“Толстая” льняная ткань подкладки имеет нити с Z-круткой и плотность 14–16/10–12 н/см. Принято считать, что в Киевской Руси лен выращивали, обрабатывали, ткали ткани и шили из них одежду (Клочко, Бредіс, 1996. С. 106). Льняные ткани и одежда из них встречаются и среди находок со многих памятников средневековья (Ефимова, 1966. С. 127; Орфинская, 1996. С. 133–143). В раннесредневековых языческих некрополях Пскова и Гнёздова выявлены крупные куски льняных тканей, окрашенные в синий цвет (Зубкова, Орфинская, 2008. С. 59–64; Пушкина, Орфинская, 2011. С. 97).

Самит – сложная шелковая ткань, изготовленная в районе Средиземноморья, была полихромной, как минимум – трехцветной. Ткань имеет одну нить связующей и одну нить внутренней основы. Ее плотность – 20 нитей связующей, 20 нитей внутренней основы и 30 нитей рабочего утка. Ткани самит встречаются на многих памятниках в основном как отделка одежды из более простых тканей.

Реконструкция. Полученная информация позволяет выдвинуть следующий вариант общего вида и кроя данного изделия. Кафтан, а это именно кафтан (линия бокового шва позволяет отнести его в группу, генетически связанную с восточным костюмом), – распашной, отрезной по линии талии, с юбкой с мелкой сборкой по талии, с запахом (правая пола перекрывает левую), длинными рукавами и воротником-стойкой (рис. 6). Основные размеры можно указать только приблизительно: высота от ворота до талии по спине – 40 см, от талии до подола – 56. Общая длина – 116 см. Ширина по рукавам не определяется, ширина по талии на спине – 40 см, общая длина подола – 180 (рис. 7).

Кафтан сшит из тонкой хлопковой ткани. С изнаночной стороны стан укреплен более толстой льняной тканью хорошего качества. Полосы этой же ткани проходят по изнаночной стороне подола (ширина 9 см) и бортам (около 15 см). С лицевой стороны изделие декорировано полосами из основной ткани, возможно, первоначально другого цвета. Полоса шириной 3 см проходит по подолу. Полоса шириной

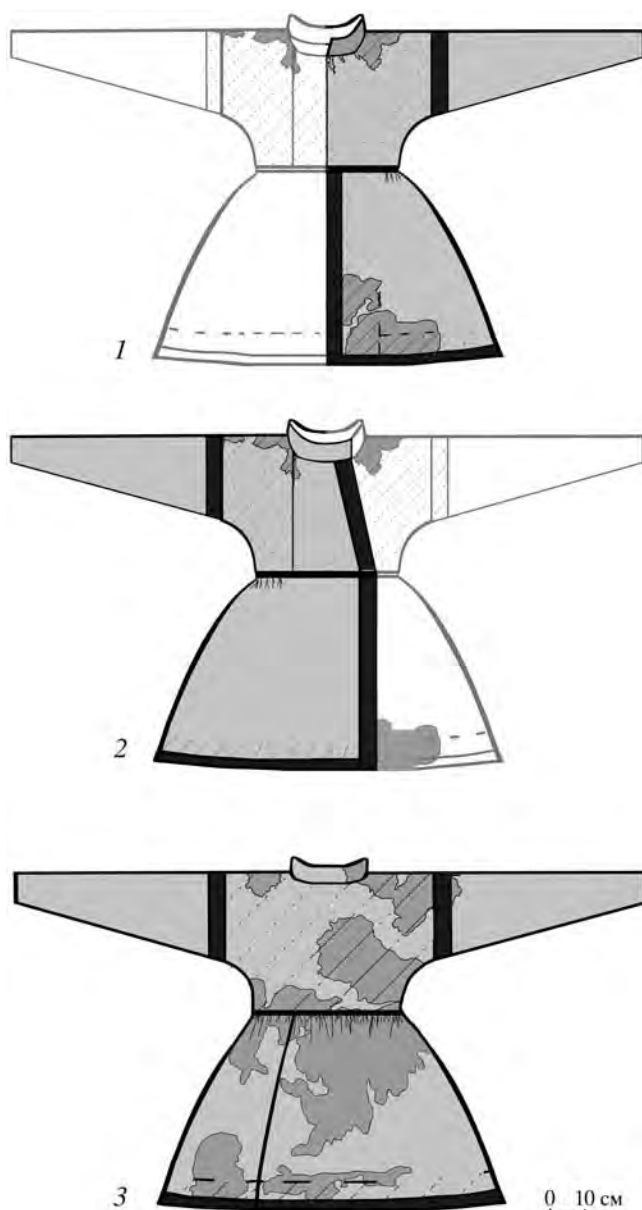

Рис. 6. Реконструкция кафтана. 1 – правая передняя часть кафтана; 2 – левая передняя часть кафтана; 3 – спина кафтана.

4 см – по борту и по линии соединения стана с рукавом. С одной стороны она подчеркнута декоративным швом. По линии талии, поверх соединительного шва, пришита полоса шелковой ткани (самит) шириной 2 см⁶. Юбка заложена очень мелкими складками глубиной 1–2 мм (в 1 см – семь складок).

Пошив кафтана имеет ряд интересных особенностей. Так, верхняя часть была сшита отдельно. Край по линии талии был закрыт, т.е. основная ткань и ткань подкладки были подогнуты и под-

⁶ Полоса вырезана поперек нитей основы.

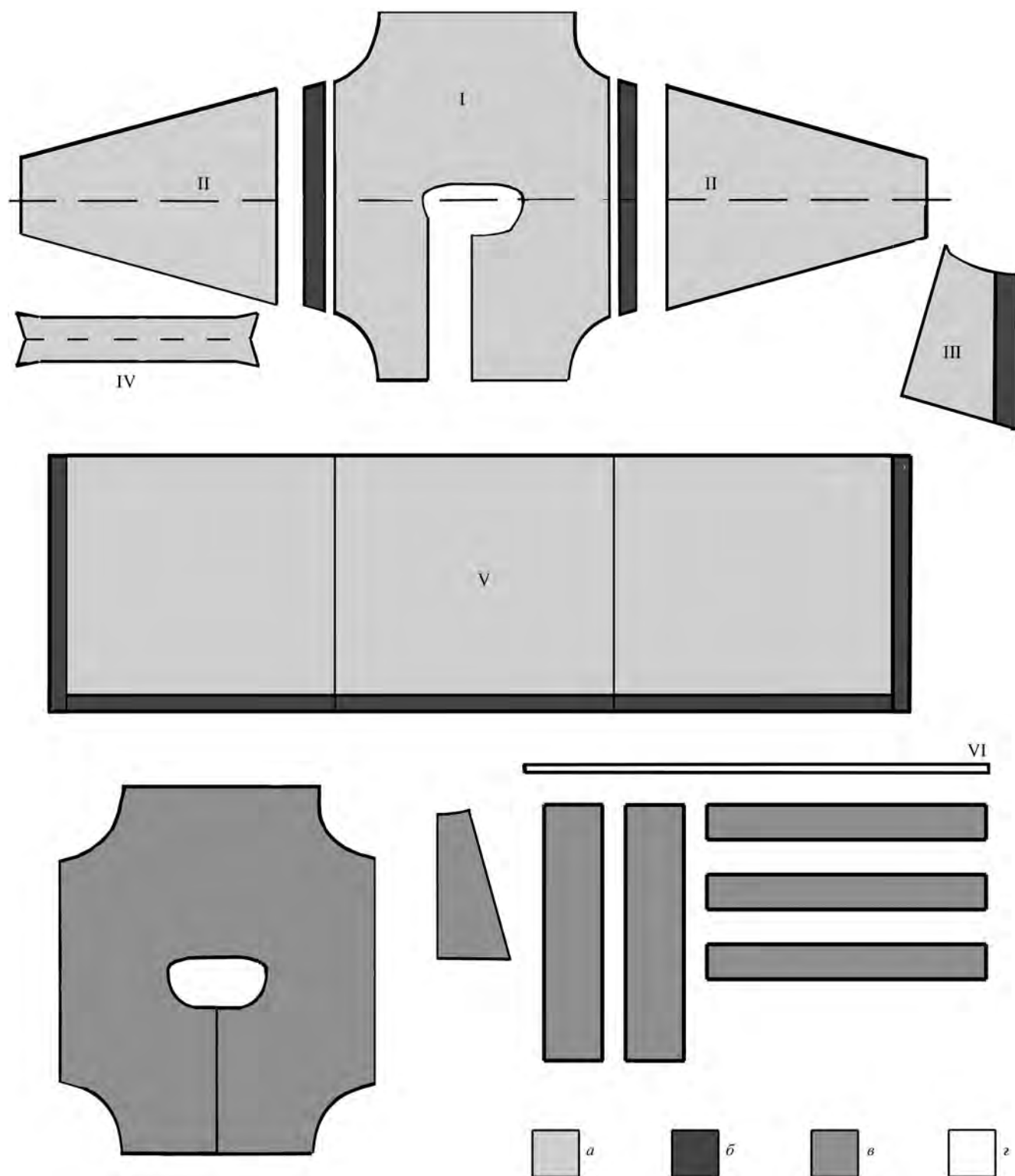

Рис. 7. Выкройка кафтана. *I* – стан; *II* – рукава; *III* – правая пола; *IV* – воротник; *V* – юбка, три куска полной ширины. Основная ткань; *VI* – полоса шелковой ткани, закрывающая шов соединения стана с юбкой. Условные обозначения: *a* – основная хлопковая ткань; *b* – отделка из хлопковой ткани (вероятно, другого цвета); *v* – подкладочная льняная ткань; *z* – шелковая ткань.

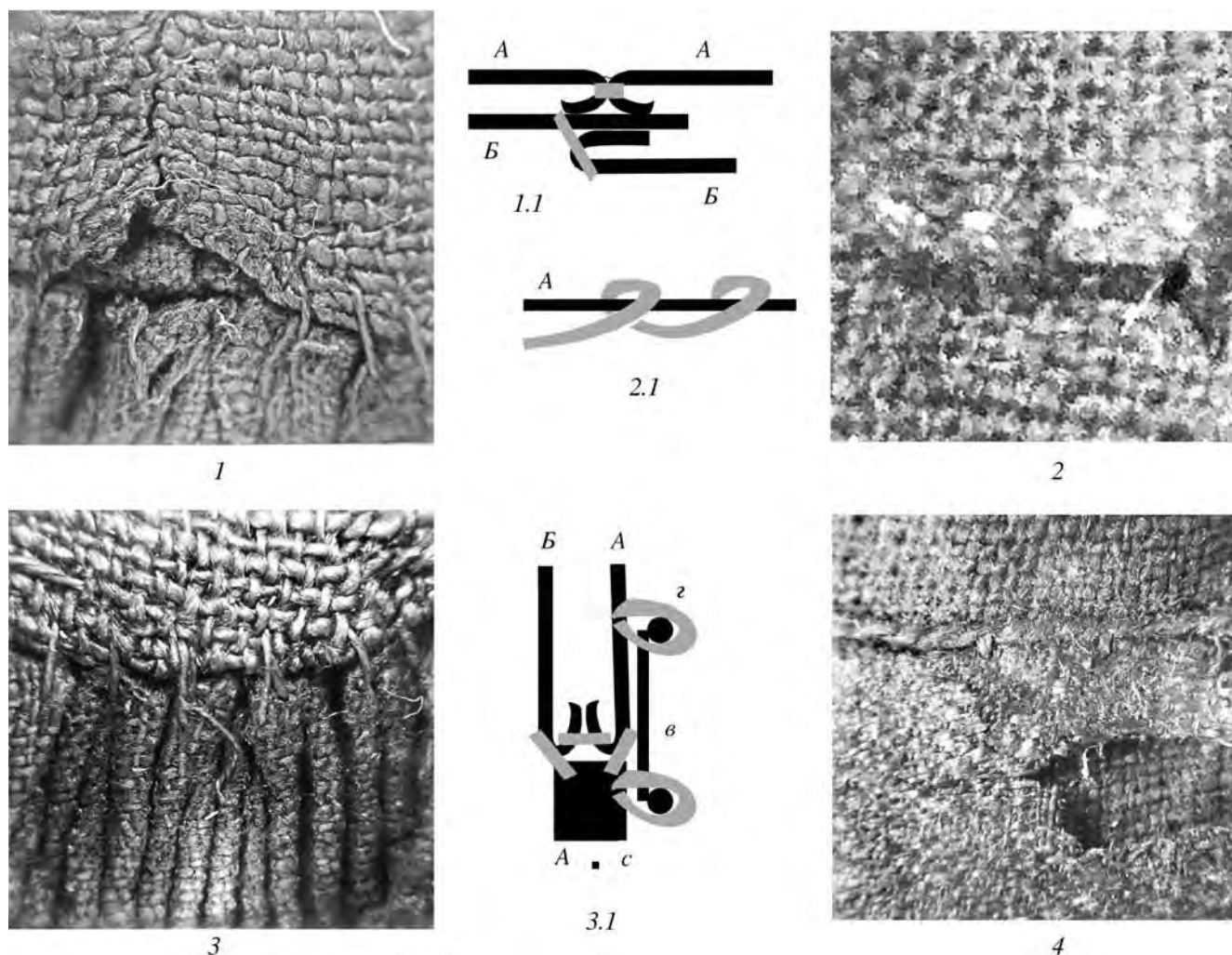

Рис. 8. Особенности пошива кафтана. 1 – участок правого бокового шва в точке соединения стана с юбкой. Изнаночная сторона. Соединения основной ткани: перед и спина стана; перед и спина юбки. Соединение подкладочной ткани: перед и спина стана. Соединение стана и юбки; 1.1 – схема соединения тканей в направлении нитей утка; 2 – участок ткани с декоративным швом; 2.1 – схема декоративного шва; 3 – участок соединения стана и юбки; 3.1 – схема соединения стана и юбки в направлении нитей основы; 4 – участок шелковой ткани с декоративным шнуром по краю полосы. Условные обозначения: А – основная ткань; А.с – основная ткань, собранная в складки; Б – подкладочная ткань; в – шелковая ткань; з – шнур.

шиты между собой. Юбка, заложная складками, пришита к стану швом “в стык”. Линия соединения стана и юбки с лицевой стороны укреплена полосой шелковой ткани, по срезанным сторонам ткани обшито тонким шнуром (рис. 8).

Поиск аналогов находке из Изяславля привел к кафтанам из половецкого Чунгунского кургана (Елкина, 1983. С. 80–82; Woodfin et al., 2010. Р. 161–178). Общим для них является наличие юбки с мелкими складками по талии, вертикальный разрез, запах, отсутствие дополнительного разреза на юбке, а также общая орнаментальная деталь, перекрывающая стык между станом и юбкой в виде полосы из шелковой ткани (самит) (Woodfin et al., 2010. Р. 174, 175. Fig. 17; 24). Различия между ними

закljučаются в размерах, составе тканей, декоре, наличии металлических пуговиц и форме ворота. Крой кафтанов также отличается, однако в его основе – одна изначальная базовая выкройка (если рассматривать реконструкцию Чунгунского кафтана, предложенную Елкиной А.К.).

Исследователи отмечают, что разрезные короткие кафтаны с отрезным верхом и юбкой характерны не только для Чингула, но и для целого ряда половецких мужских погребений. Например, остатки похожего кафтана из шелковых тканей были найдены недалеко от с. Великая Знаменка и Ильинка Запорожской обл. “Кафтан отрезной по талии, запахивающийся налево, юбка густо собрана в поясе... Подол юбки оторочен оборкой шириной

5 см”. Особо отмечено, что шов между верхом и юбкой был закрыт парчевой тесьмой шириной около 0.6 см (Плешивенко, 1988. С. 47–49. Рис. 1). М.Г. Горелик обратил внимание на то, что похожие шелковые ленты, прикрывавшие шов между верхней и нижней частями кафтана, были найдены в половецких погребениях у с. Виноградное в Запорожье и у хут. Ажинов (вблизи Ростова-на-Дону). Он же провел аналогию между конструкцией юбки кафтана из кургана Чингул, заложенной мелкими складками, и изображениями подобных складок на половецких каменных изваяниях (Горелик, 2009. С. 162–164. Рис. 5, 1). В результате, можно утверждать, что особенности кроя и целый ряд характерных деталей позволяют провести параллели между кафтаном из Изяславля и мужскими кафтанами половецкой военной аристократии конца XII – первой половины XIII в.

Таким образом, можно констатировать, что задача, поставленная перед исследователями, – уточнить крой платья из Изяславля, выполнена. В результате, по крою платье оказалось мужским кафтаном. В ходе исследования было установлено, что лицевая ткань платья – хлопок, а подкладка сшита из льна (М.А. Сабурова определяла основную ткань как тончайшую шерсть); ворот представляет собой стойку высотой 4–5 см (в то время как М.А. Сабуровой он определялся как округлый с каймой); от ворота до подола идет вертикальный разрез (разрез, расположенный слева от ворота, переходит в шов на плече, – по определению М.А. Сабуровой). М.А. Сабурова полагала, что на шов, соединяющий лиф с юбкой, была нашита золототканая лента, проведенные же исследования показали, что нашита была полоса шелковой ткани (саммит). Ну и, наконец, не кайма была нашита по подолу, а подшита полоса тонкой ткани шириной 3 см; на изнаночной стороне – подпушка из подкладочной ткани шириной 6 см.

Возможно, данная реконструкция не является абсолютно верной, так как выполнена на не совсем расправленном объекте, однако она приближает к истине и “лишь научная реставрация может дать полное представление не только о технологии изделия, но и о его форме и размере” (Сабурова, 1997. С. 102).

Благодарим научного сотрудника Государственного Эрмитажа канд. ист. наук С.В. Томсинского за предоставленную возможность ознакомиться с материалами Изяславля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горелик М.В. Погребение знатного половеца – золотоордынского латника // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009.
- Елкина А.К. Редчайшие образцы византийского шитья и ткачества // Наука и жизнь. 1983. № 7.

Елкина А.К., Майтдинова Г.М., Козловский В.А. Одежда конца IV – V в. из Старого Термеза // Буддийские комплексы Кара-Тепе в Старом Термезе. М., 1996.

Ефимова Л.В. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. 1966. Вып. 107.

Зиливинская Э.Д., Орфинская О.В. Изделия из текстиля на городище Самосделка // Степи Евразии в эпоху средневековья. Хазарское время: Сб. науч. работ. Т. 7. Донецк, 2009.

Зубкова Е.А., Орфинская О.В. Предварительные итоги исследования текстиля из погребения № 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове // Археология и история Пскова и псковской земли: Матер. LIII науч. семинара им. акад. В.В. Седова. М.; Псков, 2008.

Клочко Л., Бредіс Н. Дослідження тикстилю // Церква Богородиці десятина в Києві. Київ, 1996.

Орфинская О.В. Изучение холщовых тканей раннего средневековья из Карачаево-Черкесского музея // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.

Орфинская О.В. Методы исследования тканей и реконструкция одежды // Некрополь русских княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Матер. исследов. в 4-х томах. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений. М., 2009 (Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”).

Орфинская О.В. Исследование археологического текстиля из Мамисондонского могильника. Прилож. 3 // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Ранне-средневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Т. 11. М., 2010.

Пескова А.А. Оборонительные сооружения древнего “Изяславля” // Архитектура и археология Древней Руси: матер. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М.К. Каргера (1903–1976). СПб., 2009 (Тр. ГЭ; Т. 46).

Плешивенко А.Г. Кафтан из половецкого погребения // Международные связи в средневековой Европе. Запорожье, 1988.

Пушкина Т.А., Орфинская О.В. Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Матер. 57 науч. семинара им. акад. В.В. Седова. М.; Псков, 2011.

Сабурова М.А. Реконструкция древнерусской одежды // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).

Woodfin W.T., Rassamakin Y., Holod R. Foreign vesture and nomadic identity of the Black Sea littorial in the early thirteenth century. Costume from Chingul kurgan // Ars Orientalis. V. 38. Washington, D.C., 2010.

МОГИЛЬНИКИ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ VIII–XIII вв. НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ (динамика ареала погребального обряда)

© 2013 г. П.С. Успенский

Институт археологии РАН, Москва (uspenskiy07@mail.ru)

Ключевые слова: *Северо-Западный Кавказ, обряд трупосожжения, грунтовый могильник, курган, пространственный анализ, динамика.*

The article considers the dynamics of the areal of the ground burials of the 8th–13th cc. with the ritual of burnt corpses on the territory of the North Western Caucasus. The author identified the areal groups of necropolis and calculated their density using the methods of geographic information system analysis. The received data gave the opportunity to identify the initial areal of the tradition and trace the dynamics of the expansion of such burials during the whole period of the existence of the cremation tradition in the North Western Caucasus. The author draws the conclusion that over the period of the existence of such tradition the areal of necropolis was being changed partially. New features were added to the burial tradition. But the unity of the territory of the studied monuments testifies the direct continuity and correlation of the cremation of the Khazars cultural historical period and the Pechenegs Polovets one.

Раннесредневековые погребения, совершенные по обряду трупосожжения, известны на Северо-Западном Кавказе уже более 100 лет. Первые шаги по их научному осмыслению были предприняты в конце XIX – начале XX в. Н.И. Веселовским, П.С. Уваровой, А.А. Миллером, В.В. Саханевым и другими исследователями. Информационная база значительно расширилась во второй половине XX в., когда на территории Закубанья в зонах народнохозяйственного строительства развернулись широкомасштабные охранные археологические работы. Усилиями А.В. Дмитриева, В.А. Тарабанова, А.Н. Гея, И.А. Сорокиной, А.В. Пьянкова, Л.М. Носковой и А.П. Кононенко были открыты и введены в научный оборот новые могильники с трупосожжениями, ставшие эталонными для раннесредневековой археологии Западного Кавказа (Успенский, 2012. С. 189). Об этнической принадлежности раннесредневекового закубанского населения, связанного с этой погребальной традицией, высказаны различные версии: абхазо-адыгская, славянская, тюркская, тюрко-финская, угорская (Успенский, 2012. С. 192, 193).

Изучение накопленного материала в хронологическом аспекте показывает, что проживавшее в этом регионе население практиковало погребальный обряд с трупосожжением, начиная с VII и вплоть до конца XIII в. Анализ вещевых комплексов из погребений дает основание выделить в этих временных рамках три хронологических этапа: VII–IX вв.,

X–XII, конец XII – XIII в. (рис. 1–3), которые укладываются в два культурно-исторических периода, наложивших свой отпечаток на облик материальной культуры населения Закубанья (Успенский, 2013). Один из них приходится на время существования в Волго-Донско-Кубанском междуречье Хазарского каганата и расцвета салтово-маяцкой культуры, а другой – на время доминирования там же печенежско-половецких сообществ, вплоть до начала золотоордынской эпохи.

Цель настоящей работы – исследование динамики ареала раннесредневековой традиции трупосожжения на Северо-Западном Кавказе, в Закубанье. Любая общность археологических памятников, объединенных сходными чертами, предстает системой, которая на протяжении времени меняет свои границы. Характер изменений в материальной культуре населения Северного Кавказа – важнейшее направление исследования в археологии (Ковалевская, 1995. С. 113). Интересен вопрос: оставалась ли география кремационных некрополей VIII–XIII вв. в Закубанье неизменной или она менялась, есть ли возможность проследить динамику ареала погребальных памятников с трупосожжениями во времени?

При исследовании этого вопроса были использованы методы пространственного анализа, что позволяет объективно разделить весь исследуемый массив памятников на территориальные группы

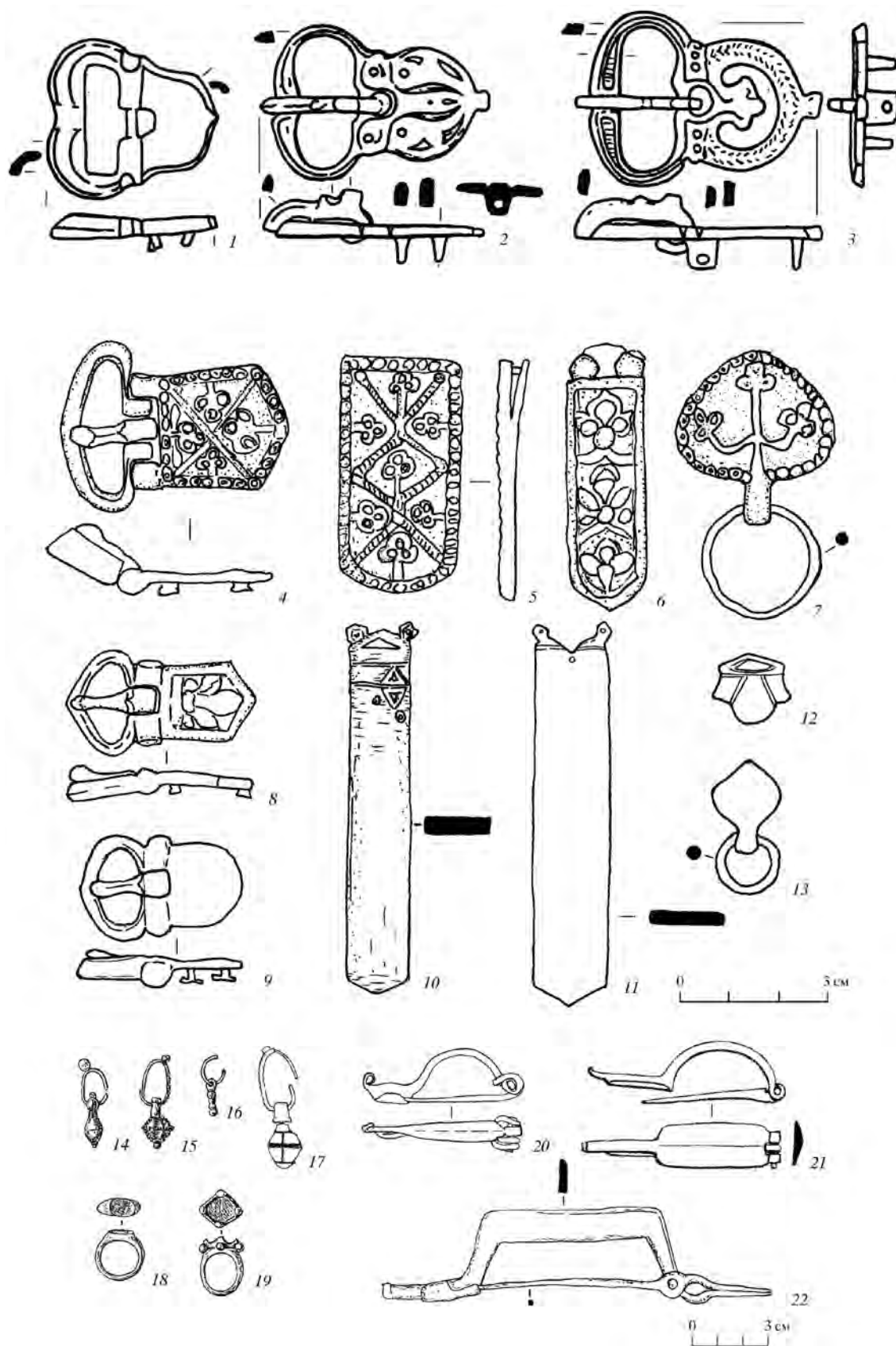

Рис. 1. Ременные гарнитуры и украшения из погребений хазарского времени. 1–3 – Борисово (по: Гавритухин, Пьянков, 2003); 4–22 – Дюрсо (по: Дмитриев, 2003).

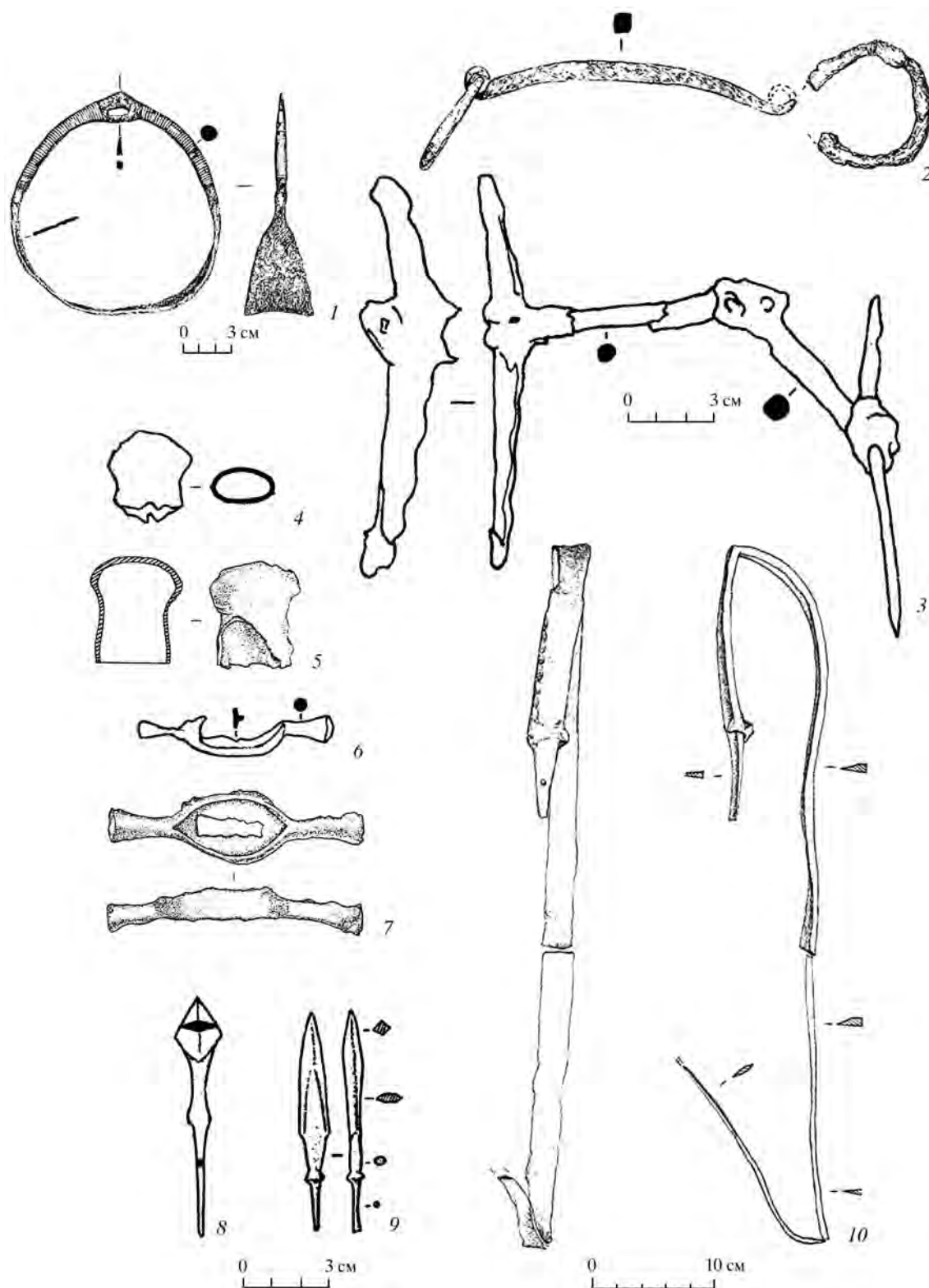

Рис. 2. Инвентарь погребений X–XII вв. 1, 2 – Южноозереевский (по: Армарчук, 2006); 3, 4, 6, 8 – Абинский 4 (по: Пьянков, 1993); 5, 7, 10 – Циплиевский (по: Пьянков, 2001); 9 – Черноклен (по: Пьянков, 2001).

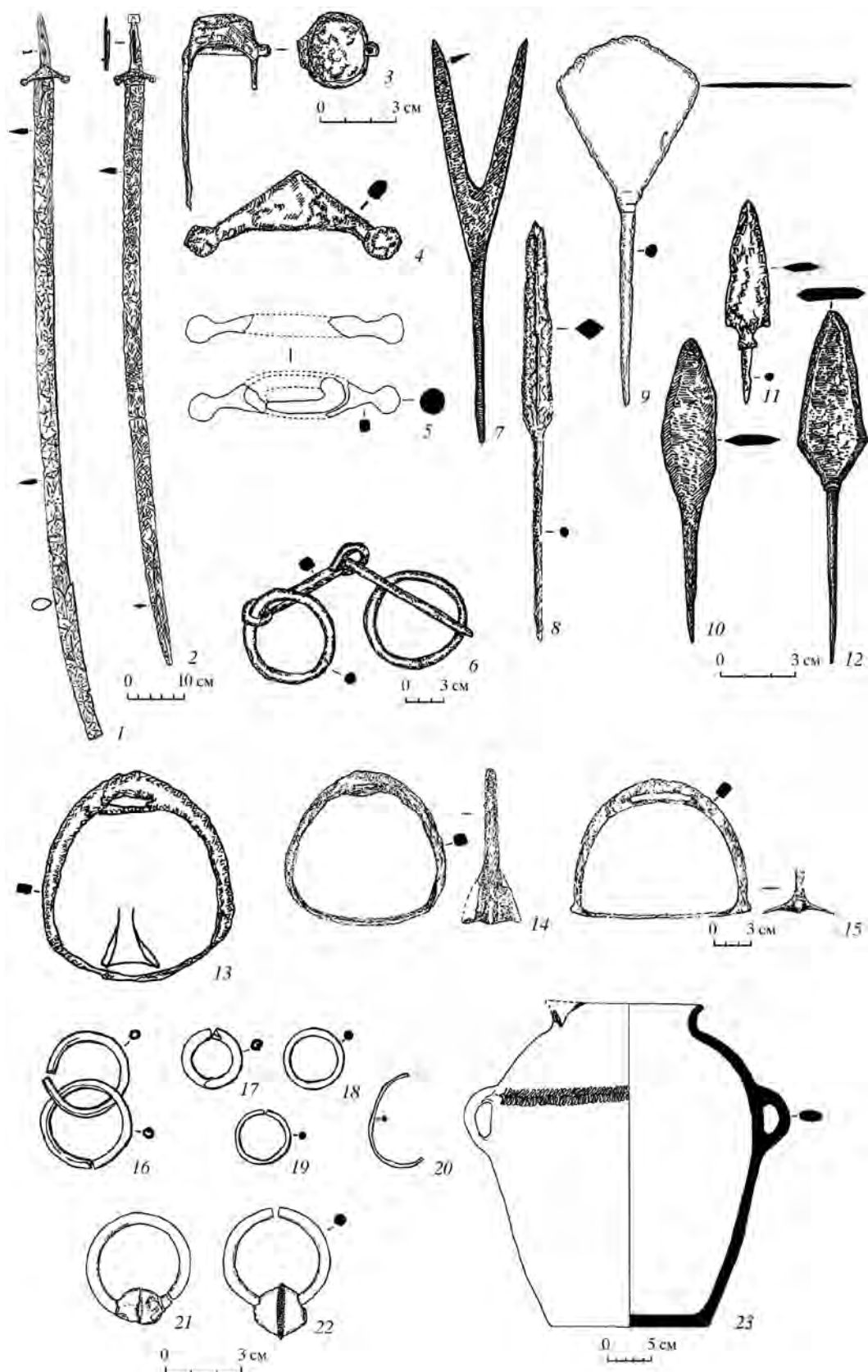

Рис. 3. Инвентарь погребений конца XII – XIII в. 1–5, 7, 10, 12, 13, 16–20, 23 – Шизе IV; 6, 9, 11, 21, 22 – Цемдолинский (по: Армарчук, Дмитриев, 2003); 8, 15 – Сапун (по: Армарчук, Дмитриев, 2003; Армарчук, 2006); 14 – Южноозереевский (по: Армарчук, 2006).

по степени их взаимного расположения в пространстве и наибольшей концентрации. Результативность картографирования и анализа плотности раннесредневековых северокавказских артефактов иллюстрируют работы В.Б. Ковалевской (1988. С. 12. Рис. 3; 1995. С. 115, 116). Развитие компьютерных технологий и, в частности, географических информационных систем (ГИС) привело к адаптации их к задачам решения проблем северокавказской и южнорусской раннесредневековой археологии. Это позволило извлечь из археологического источника принципиально новую историческую информацию (Афанасьев и др., 2004. С. 60–62; Афанасьев, Коробов, 2008. С. 213; Афанасьев, 2009. С. 9, 10).

Для решения поставленной задачи закубанские могильники с трупосожжениями были картографированы, позиционированы и разделены на две группы по наличию насыпи (грунтовые и курганные могильники). Далее проводилась хронологическая дифференциация памятников на два периода: VIII–IX и X–XIII вв., в соответствии с разработанной ранее хронологией (Успенский, 2013). Получившие хронологическую атрибуцию объекты исследования изучались методами ГИС-анализа с использованием пакета программ ArcGIS 9.3. Для выделения территориальных групп применялась процедура вычисления прямого линейного расстояния (Straight Line Distance). В итоге удалось сгруппировать могильники по степени близости их расположения в пространстве и выявить между ними буферные зоны. Плотность памятников рассчитывалась с помощью процедуры Densite. В качестве максимального расстояния для моделирования буферных зон памятников и для вычисления плотности объектов использовалось расстояние в 30 км. Выбор этой условной дистанции обуславливается тем, что она близка величине одного дневного конного перехода, о чем свидетельствуют письменные источники и этнографические данные. К примеру, в Средней Азии караван-сарай располагались на расстоянии 25–32 км друг от друга, а монгольские “ямы, джамы” – на расстоянии 30 верст (Фехнер, 1981. С. 139–145; Караев, 1991. С. 77–79).

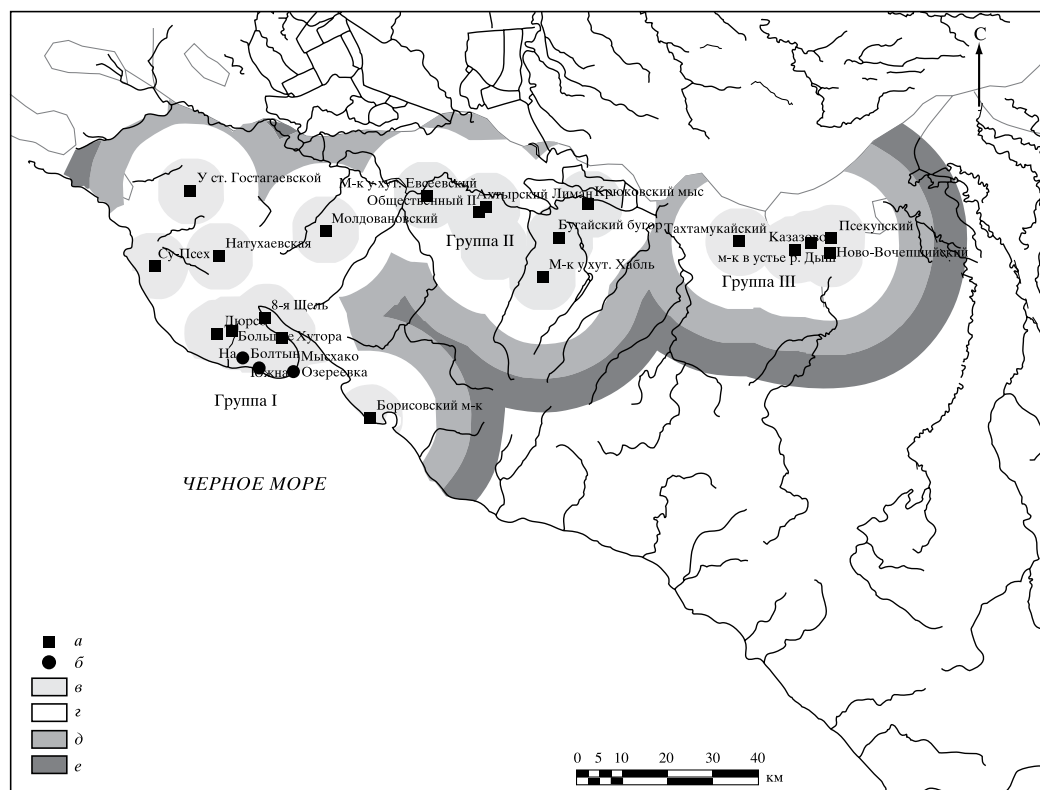
В результате проведенного ГИС-анализа 47 закубанских могильников с трупосожжениями памятники хазарского культурно-исторического периода были дифференцированы на три территориальные группы (рис. 4, 1). В первую группу вошли 10 объектов (могильники Дюрсо, Борисовский, Большие Хутора, 8-я Щель, на ул. Днестровской (Новороссийск), у станции Гостагаевской, Су-Псех, на г. Болтын, Мысхако, Натухаевская), расположенные в районе городов Новороссийск, Геленджик и Анапа. Расстояние между буферными зонами в цен-

тральной части группы не превышает 7.5 км. Вторую группу образуют шесть могильников в степной зоне Западного Закубанья (Ахтырский Лиман, Крюковский мыс, Общественный II, Бугайский бугор, у хут. Хабль и у хут. Евсеевский). Расстояние между буферными зонами в группе не превышает 15 км. Несколько особняком по отношению к описанным выше группам находится Молдовановский могильник, но по своему местоположению он тяготеет ко второй группе. Третья группа, локализованная в северо-восточной части Западного Закубанья, объединяет четыре компактно расположенных памятника в зоне Краснодарского водохранилища (Псекупский, Казазово, в устье р. Дыш и Нововочепшийский), и примыкающий к ним с запада Тахтамукайский могильник. Диаметр буферных зон между некрополями этой группы – около 7.5 км.

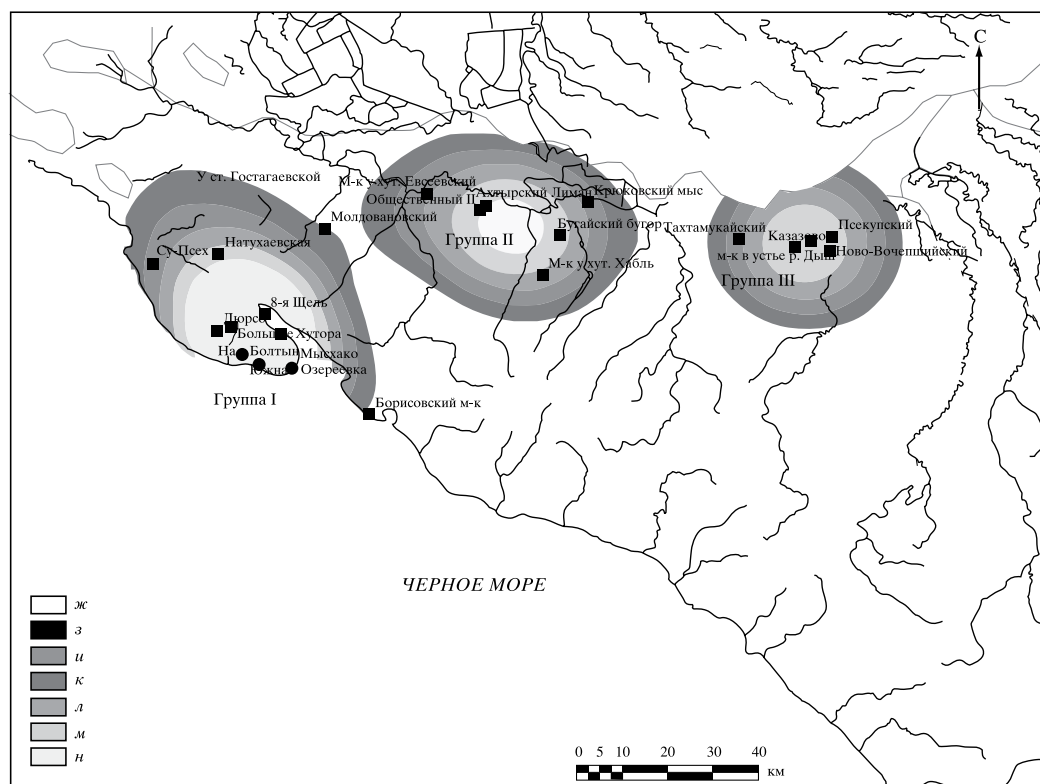
Правомерность выделения описанных территориальных групп методом вычисления кратчайшего расстояния между памятниками была проверена процедурой вычисления плотности объектов и нашла свое дополнительное обоснование. Наибольшая плотность могильников (9–10 объектов в зоне), наблюдается в центральной части первой группы. Она располагается к северо-западу от Цемесской бухты, в районе современного г. Новороссийск. Плотность могильников во второй и третьей группах примерно одинакова – в среднем 3–5 могильников (рис. 4, 2).

Анализ ландшафтной ситуации показывает, что могильники хазарского периода занимают наиболее благоприятные в хозяйственном отношении территории. Так, первая территориальная группа, локализуемая преимущественно на п-ове Абрау, охватывает микрорегион, природно-географические условия которого способствовали освоению территории с эпохи энеолита. Что же касается конкретно рассматриваемой эпохи средневековья, то, согласно палинологическим исследованиям, она характеризуется чрезвычайно благоприятными климатическими условиями (Спиридонова и др., 2009. С. 49, 50). Некрополи второй и третьей территориальных групп располагаются в более засушливых равнинных просторах степной части Закубанья, в устьях и руслах малых рек, и имеют тенденцию тяготения к руслу р. Кубань. В горной части Западного Закубанья могильники с кремационными погребениями хазарского времени отсутствуют.

Объединяющая обрядовая особенность выделенных трех территориальных групп некрополей хазарского периода – практика устройства грунтовых погребений с сожжением покойного на стоне. Документированы три способа захоронения кремированных останков: безурновые кремации,

1

2

Рис. 4. Карта территориальных групп (1) и плотности (2) могильников хазарского времени. Условные обозначения: *a* – грунтовый могильник; *b* – грунтовый и курганный могильник; расстояние от могильников (м): *v* – 0–7500; *z* – 7500–15 000; *d* – 15 000–22 500; *e* – 22 500–30 000; плотность могильников (на 30 км²): *жс* – 1-2; *з* – 2-3; *и* – 3-4; *к* – 4-5; *л* – 5-6; *м* – 6-7; *н* – 7-9.

трупосожжения в урнах и трупосожжения в каменных ящиках. Для первой территориальной группы кремационные погребения в каменных ящиках составляют 20.7%, с использованием урн – 3.1, безурновые кремации – 75.6. Во второй территориальной группе 100% погребений – безурновые трупосожжения. В могильниках третьей группы выявлено 40.4% урновых трупосожжений и 59.6 без использования урн.

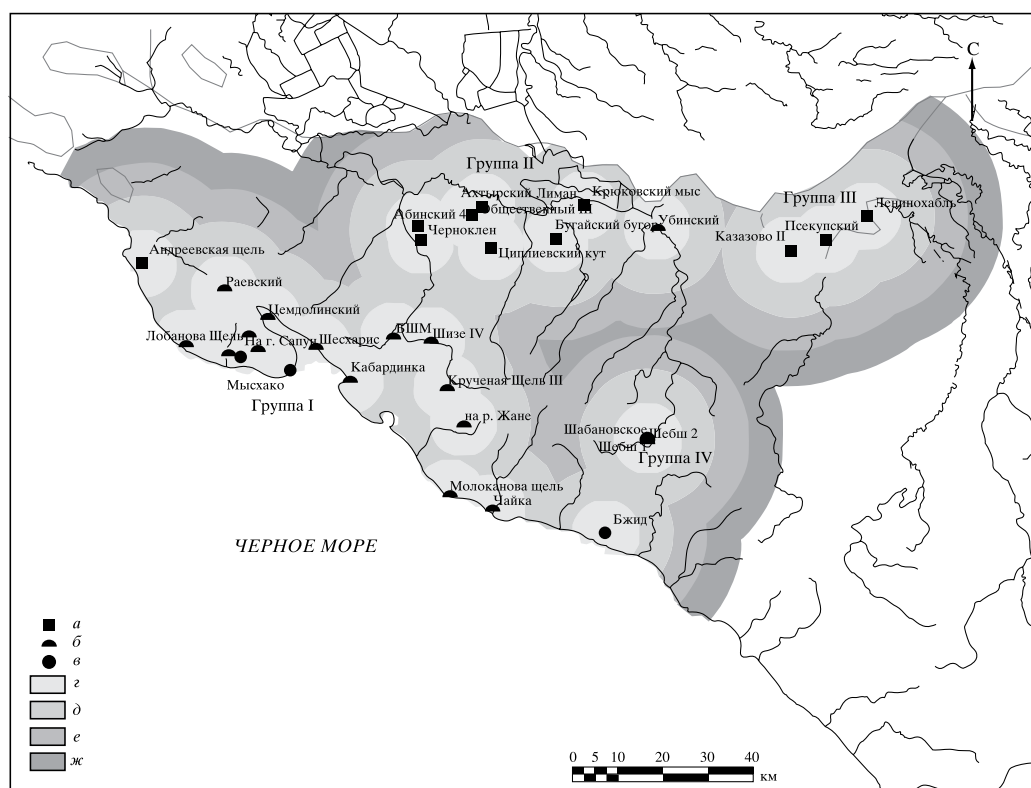
ГИС-анализ показывает, что некрополи печенежско-половецкого культурно-исторического периода могут быть разделены на четыре территориальные группы (рис. 5, 1). Первая объединяет 17 могильников (Южная Озереевка, Борисовский, Мысхако, Шизе IV, БШМ, Андреевская щель, Раевский, Лобанова щель, могильник в поселке Абрау-Дюрсо, Васильевка 4, Кабардинка (Кедровая роща), на р. Жане, на г. Сапун, Цемдолинский, Шесхарис, Крученая щель III, Молоканова щель), расположенных в районе Анапы–Новороссийска–Геленджика и в горной части Западного Закубанья. Расстояние между буферными зонами объектов внутри группы не превышает 7.5 км. Наиболее удален от основного массива группы могильник Андреевская щель. Вторая группа формируется семью объектами (могильники Циплиевский, Ахтырский лиман, Общественный III, Убинский, Черноклен, Бугайский бугор, Крюковский мыс) и локализуется в степной части Западного Закубанья. Здесь расстояние между буферными зонами – не более 15 км. В третью группу вошли три памятника в зоне Краснодарского водохранилища (могильники Ленинохабль, Псекупский, Казазово). Могильники третьей группы располагаются рядом друг с другом, диаметр буферных зон между ними не превышает 7.5 км. Наконец, в четвертую группу входят три некрополя (могильники Шебш 1, 2 и Шабановское), компактно расположенные в горной части Западного Закубанья, среднем течении р. Шебш. Не вошли ни в одну из групп могильники Чайка и Бжид, но по своему местоположению они тяготеют к первой группе.

Расчет плотности закубанских могильников с трупосожжениями печенежско-половецкого культурно-исторического периода позволил выделить в первой территориальной группе два участка с наибольшей плотностью памятников. Один из них располагается на территории между современными городами-курортами Анапа и Геленджик, основная масса некрополей данного участка расположена на п-ове Абрау. Другой участок локализуется в горной части Западного Закубанья. Во второй территориальной группе также выделяются два участка памятников с наиболее высокой плотностью. Объединяющий пять некрополей первый участок

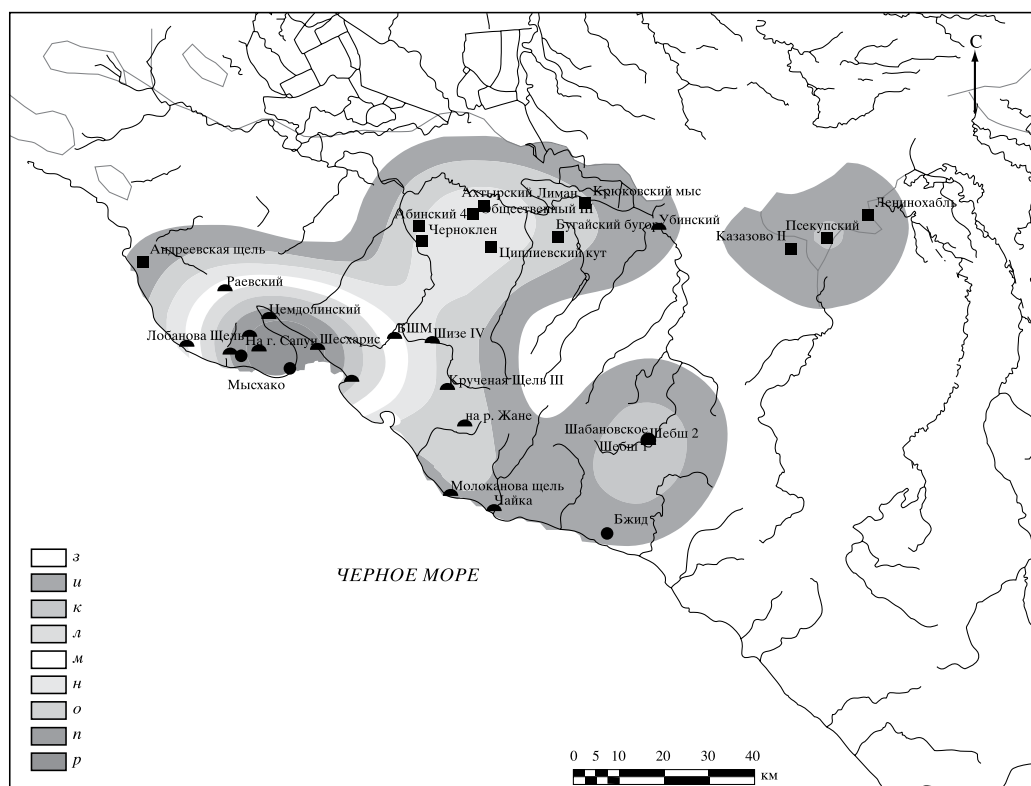
имеет плотность 3-4 могильника на 30 км². Два могильника первого участка располагаются в русле нижнего течения р. Абин, а три других тяготеют к руслу р. Сухой Аушедз. Некрополи второго участка располагаются в междуречье р. Иль и Сухой Хабль. Памятники третьей и четвертой территориальных групп представлены единым массивом (рис. 5, 2).

Для первой территориальной группы характерны преимущественно подкурганные кремации. Безурновых трупосожжений насчитывается 9%, урновых кремаций выявлено 64.6, в первой территориальной группе 26.2% урновых погребений сопровождались погребением лошади. Во второй территориальной группе безурновых сожжений насчитывается 7.1%; погребений в урнах – 90.8, погребений в урнах, сопровождаемых захоронением коня, – 2%. Для третьей территориальной группы характерно преобладание трупосожжений с использованием урн – 81.2%, среди урновых погребений отдельно выделяются комплексы, сопровождаемые погребением лошади, – 15.6; безурновые сожжения единичны (3.1). В четвертой территориальной группе безурновых трупосожжений насчитывается 8.6%; урновых кремаций – 56.2. В этой группе отдельно выделяются погребения, сопровождаемые ямой с набором инвентаря. Урновые сожжения, сопровождаемые ямой с инвентарем, составляют 32.6%, в 2.1% комплексов яма с инвентарем сопровождала безурновое трупосожжение. Следует отметить, что наличие ямы с инвентарем, сопровождающей человеческое погребение, – характерная черта погребального обряда только для захоронений четвертой группы. На остальной части ареала кремационных некрополей печенежско-половецкого периода такая особенность погребального обряда не выявлена (Успенский, 2010. С. 339, 340).

При сопоставлении локализации курганных могильников в предгорьях Закубанья и грунтовых некрополей в степной части этого региона важно обратить внимание на их сопряженность с руслами рек. Степные грунтовые могильники, в большинстве своем, располагаются в междуречьях и, как правило, не привязаны к руслу той или иной реки. Иную картину показывает география курганных могильников в предгорьях, которые располагаются недалеко от речных русел, на надпойменных террасах или на отрогах небольших тяготеющих к долинам возвышенностей. Территория распространения могильников с трупосожжениями печенежско-половецкого культурно-исторического периода несколько отличается от ареала некрополей хазарского периода. В печенежско-половецкое время территория, плотность памятников и погребальный обряд второй и третьей территориальных групп

1

2

Рис. 5. Карта территориальных групп (1) и плотности (2) могильников печенежско-половецкого периода. Условные обозначения: а – грунтовый могильник; б – курганный могильник; в – грунтовый и курганный могильник; расстояние от могильников (м): з – 0–7500; д – 7500–15000; е – 15000–22500; ж – 22500–30000; плотность могильников (на 30 км²): з – 0-1; и – 1-2; к – 2-3; л – 3-4; м – 4-5; н – 5-6; о – 6-7; п – 7-8; р – 8-9.

остаются практически неизменными. Продолжают функционировать грунтовые могильники с урновыми и безурновыми кремациями. Новые тенденции в погребальной обрядности прослеживаются в увеличении количества трупосожжений с использованием сосудов-урн. Это явление характерно для некрополей второй территориальной группы в степной части Западного Закубанья (Черноклен, Циплиевский кут, Абинский 4). Кроме того, в печенежско-половецкий период появляются урновые погребения, сопровождаемые захоронением целого костяка лошади, что было не характерно для кремаций хазарского времени.

Иная ситуация складывается в первой территориальной группе памятников, где происходит и разрастание ареала, и изменение некоторых особенностей погребального обряда. Расширение ареала маркируется появлением могильников с кремационными погребениями в горной части Западного Закубанья – в ущельях и на небольших отрогах хребтов Коцехур и Маркотх. Новая специфическая черта в погребальной обрядности, присущей могильникам на п-ове Абрау, в окрестностях Геленджика и в горной части Западного Закубанья и отличающей их от грунтовых могильников степной части Закубанья, – появление в этот культурно-исторический период небольших курганных насыпей над трупосожжениями. Подкурганные кремации зафиксированы в трех могильниках четвертой группы в верховьях р. Шебш. По ряду элементов погребального обряда и набору сопровождающего инвентаря они несколько отличаются от памятников второй и третьей групп. Размер курганных насыпей во всех территориальных группах небольшой, в среднем их диаметр – 7–9 м, при высоте не более 1. Важная особенность курганной архитектуры – наличие каменной конструкции в виде подквадратной или округлой в плане оградки из наклонно стоящих камней в основании кургана, или каменной наброски, сосредоточенной в 1–2 секторах насыпи. Подавляющее большинство погребений совершено с использованием урн, а процент безурновых кремаций заметно сокращается. В подкурганных трупосожжениях большее распространение получает обычай сопровождать погребение человека ритуальным захоронением целого коня с набором конского снаряжения и вооружения. В могильниках четвертой группы трупосожжение человека сопровождалось ямой с набором погребального инвентаря.

Анализ материала приводит к следующим выводам. В хазарский период интенсивное распространение обряда трупосожжения начинается со второй половины VIII в. и, по-видимому, одновременно на всей рассматриваемой территории. Степень плот-

ности могильников указывает на то, что центром обряда кремирования умерших в это время была первая территориальная группа. Вероятно, именно отсюда и началось распространение новой обрядовой практики в другие районы Закубанья. На это могут указывать наиболее ранние погребения с кремациями из могильников Борисово и Дюрсо, датирующиеся VII – первой половиной VIII в. В научной литературе высказывалось мнение о том, что традиция обряда трупосожжения была привнесена на территорию Северо-Западного Кавказа пришлым населением (Пьянков, 2001. С. 205). Эта гипотеза основана на следующих предположениях. Во-первых, в погребальном инвентаре якобы присутствуют специфические этномаркирующие предметы. Во-вторых, сам обряд кремаций не характерен для Западного Кавказа. Однако эти доводы носят не однозначный, дискуссионный характер, если учитывать общие закономерности в эволюции материальной культуры раннесредневекового населения Юго-Восточной Европы.

Более того, следует иметь в виду, что погребения, совершенные по обряду трупосожжения, выявлены не только во вновь образованных могильниках. Они известны и в некрополях с ингумациями, основанных местным населением в предшествующее время (трупосожжения в могильниках Борисово и Дюрсо). Последнее обстоятельство свидетельствует не столько о появлении нового населения, сколько о распространении иного мировоззренческого импульса в среде местного населения, выжившего в восприятии новой погребальной практики (Джигунова, 2000. С. 137, 138). Аналогичные процессы зафиксированы и в ряде других, соседних регионах Юго-Восточной Европы. Известно, что у северокавказского аланского населения под влиянием христианизации происходит переход от традиции погребений в катакомбах к захоронениям в ямах и каменных ящиках (Кузнецов, 1993. С. 157–185). Меняется со временем и погребальный обряд аланского населения бассейна Дона, которое в хазарское время практиковало катакомбы (Афанасьев, 1987. С. 143–155), а в печенежско-половецкое – грунтовые ямы (Алексеева, Козловская, 2002. С. 117, 118).

Представления об инородности носителей обряда трупосожжения в Закубанье частично основаны на появлении и распространении в регионе некоторых предметов (очажные цепи, двухконьковые подвески, набор конской упряжи и др.), не характерных для предшествующего времени. Однако признать их в качестве признака, маркирующего новый этнос, нельзя, поскольку они являются общими элементами материальной культуры хазарского времени

Юго-Восточной Европы и не имеют этнической специфики. В конце IX – начале X в. большинство могильников типа Борисово–Дюрсо прекращают свое существование, что, вероятно, связано с частичным сокращением населения в регионе. Оно было вызвано, по мнению А.В. Пьянкова, походом алан в Закубанье, которые могли там заимствовать обряд кремаций. В качестве аргумента исследователь указывает на кремационные погребения X в. в некоторых аланских могильниках (Пьянков, 2001. С. 205).

С конца X – начала XI в. обряд кремирования получает новый эволюционный импульс. В степной части Западного Закубанья (вторая и третья территориальные группы) продолжают функционировать могильники с грунтовыми трупосожжениями. Их ареал полностью соответствует ареалу более ранних некрополей хазарского периода. Происходит заметное увеличение процента трупосожжений с использованием погребальных урн. Важное изменение в динамике распространения некрополей – расширение первой группы памятников: подкурганные погребения появляются в горной части Западного Закубанья. При сопоставлении обряда грунтовых трупосожжений степной части Западного Закубанья и подкурганных кремаций горной части Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья выявляется большое сходство в погребальном ритуале, проявляющееся и в способе захоронения кремированных останков, и в наборе сопровождающего их вещевого инвентаря.

Хронологическая дифференциация комплексов показывает, что в степной части региона грунтовые погребения с трупосожжениями предшествуют появлению подкурганных захоронений с кремациями. К концу XII в. прекращают свое существование могильники типа Циплиевский кут, Черноклен, Абинский 4 и др. После этого происходит распространение традиции курганных погребений с трупосожжениями в горную часть Западного Закубанья, что связано с перемещением части населения из степной зоны. Подобные изменения традиционных этнических территорий зафиксированы в это же время и в других районах Северного Кавказа. Можно вспомнить, что в регионах Центрального Кавказа прекращают функционирование многие аланские городища и катакомбные могильники X–XIII вв., так как население предгорий, спасаясь от внешней опасности, уходит в горы (Кузнецов, 1992. С. 366–382). Причина этого явления видится в коренном изменении этнополитической карты Северного Кавказа в золотоордынское время (Гадло, 1994. С. 3–129).

Проведенный пространственный анализ кремационных захоронений демонстрирует главный

тренд – континуитет территории, на которой расположены могильники с погребениями по обряду трупосожжения VIII–XIII вв., факт использования населением ряда некрополей на протяжении обоих рассматриваемых хронологических отрезков, а также появление новых могильников внутри выделенных территориальных групп. Сохранение основных черт погребального обряда – сожжение покойного на стороне с последующим погребением, сожжение вместе с телом умершего части инвентаря, обычай преднамеренной порчи части вещей, сопровождающих умершего, – свидетельствует о прямой преемственности и взаимосвязи кремаций хазарского и печенежско-половецкого культурно-исторических периодов.

Как же выделенный ареал закубанских ранне-средневековых кремаций соотносится с погребальной практикой населения соседних регионов Северного Кавказа и Предкавказья? Как он сопряжен с информацией нарративных источников об этнополитическом районировании на этой территории? Южная граница ареала могильников с трупосожжениями проходит по р. Нечепсухо (Никопсис), а на юго-западе – по берегу Черного моря. Она совпадает с этнополитическими рубежами, реконструируемыми по данным письменных источников. По сведениям Константина Багрянородного (1991. С. 177, 404), именно по р. Нечепсухо проходила южная граница Зихии, за которой начиналась страна Авагсия (Абхазское царство), простирающаяся на 300 миль. Леонти Мровели упоминает на границе Абхазии и Джикетии (Зихии. – Л.У.) город Никопсия (1979. С. 33).

Восточная граница основного ареала трупосожжений намечается по р. Псекупс и ее притокам, хотя отдельные кремационные погребения известны и восточнее очерченной границы. Единичные случаи погребений с трупосожжением зафиксированы на поселении Козьи Скалы у г. Бештау в Кисловодской котловине, на Хумаринском городище и т.д. (Кузнецов, Рудницкий, 1998. С. 305–308; Рудницкий, Фоменко, 2005. С. 38). Ареал кремационных погребений хазарского периода граничит на востоке с памятниками Средней Кубани, среди которых наиболее изученным стал комплекс памятников в Горькой Балке (Соков, 2004). Погребальные сооружения горькобалковского некрополя представлены каменными ящиками, грунтовыми ямами и катакомбами. П.В. Соков пришел к выводу о присутствии в собранном материале черт “традиционной” горской культуры и аланского этнического компонента. По мнению исследователя, некоторые признаки могут свидетельствовать и о пребывании

там незначительного тюркского компонента (Сокков, 2004. С. 103, 193).

Антропологическая характеристика населения этого памятника выполнена М.А. Балабановой. Установлено, что население было смешанным и состояло из горского (41%), аланского (41%) и тюркского компонентов (Балабанова, 1998. С. 31, 32). С правого берега Кубани к восточной части ареала трупосожжений примыкают некрополи с погребениями в катакомбах (могильники МТФ-3, у станции Старокорсунской), оставленные, вероятно, аланским населением (Каминский, 1987. С. 202).

С севера территория кремаций ограничена левым берегом р. Кубань. С правого берега реки к ним примыкает зона подкурганных и впускных захоронений булгаро-хазарского времени, выделенных Г.Е. Афанасьевым и А.Г. Атавиным в отдельную прикубанскую группу (Афанасьев, Атавин, 2002. С. 15; Афанасьев, 2009. С. 9). Далее на север простирается массив нижнедонских подкурганных погребений хазарского времени, отождествляемый с этническими хазарами, имеющими характерный антропологический облик (Иванов, 1999; Батиева, 2002. С. 99; Балабанова, 2006. С. 60, 61). При определении северной границы ареала кремационных погребений интересно вспомнить, что южная граница Хазарии в письме Иосифа очерчивается по реке Уг-ру (Коковцев, 1932. С. 106). Предложены различные варианты локализации этой реки (Рыбаков, 1953. С. 141; Артамонов, 1962. С. 390; Плетнева, 1976. С. 48). Сейчас же установленная северная граница ареала закубанских кремаций, а также намеченная юго-западная граница ареала хазарских подкурганных захоронений дают дополнительные основания для отождествления р. Кубань с рекой Уг-ру письма Иосифа и упомянутой в сочинении Константина Багрянородного рекой Укрух, которая отделяла округ Таматархи от Зихии (1991. С. 174, 175, 404). На возможность отождествления раннесредневековых гидронимов Уг-ру и Укрух и идентификации их с Кубанью указывал еще Б.А. Дорн (1875. С. 330). Недавно к этой точке зрения присоединился Г.З. Анчабадзе, обративший внимание на то, что в летописном своде “Картлис Цховреба” река Уг-ру/Укрух/Кубань носит название “река Малой Хазарии” (2006). Действительно, Леонти Мровели знает две реки Хазарии: Малую реку Хазарии и Великую реку Хазарии. Последняя отождествляется с Волгой, а Малую реку Хазарии принято идентифицировать с Кубанью (Мровели, 1979. С. 22, 45), которая выступает в этом сочинении в качестве пограничной реки между Хазарией и Абхазией – Эгриси. По мнению Г.В. Цулая, левобережье Кубани в этот период времени населяют предполагаемые предки абхазо-адыгских племен – брухи (Мровели,

1979. С. 45). В тексте кембриджского документа население кубанского левобережья фигурирует под именем ZYBOS/ZYKWS (греч. Ζῦβοι, Ζῦκῶς) в перечне хазарских врагов (Голб, Прицак, 1997. С. 155, 172).

Возникает вопрос: можно ли отождествить выделенные территориальные группы кремационных могильников с известными по письменным источникам тремя конфедерациями зихов, сагинов и касогов? Первая территориальная группа могильников хазарского этапа совпадает с территорией расселения племен зихской конфедерации, которая к концу VII в. расширилась и включила в свой состав приморских сагинов. Локализация второй и третьей территориальных групп кремационных погребений совпадает с размещением А.В. Гадло конфедерации касогов, которая расширяется к концу VII в. на север, вплоть до левобережья Кубани, и, по-видимому, включает в свой состав конфедерацию “верхних” сагинов (Гадло, 2004. С. 204, 205).

В печенежско-половецкое время население Западного Закубанья граничило с кочевниками степной части Предкавказья (Пьянков, Хачатурова, 1995. С. 154; Атавин, 2008. С. 79, 87; Бочкарев, Чхаидзе, 2009. С. 127. Рис. 1; Нехаев и др., 2009. С. 145. Рис. 1; 6; Чхаидзе, 2009. С. 116. Рис. 1; Дружинина и др., 2011. С. 13. Рис. 1). Кремирование умерших на территории Северо-Западного Кавказа прекращается в конце XIII в. На смену этому обряду приходит традиция подкурганных ингумаций, которые принято связывать с адыгскими племенами (Марченко, Пьянков, 2002. С. 186; Дружинина, Чхаидзе, 2011. С. 149, 150). И здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что подкурганные ингумации появляются на территории тех могильников, где ранее практиковался обряд подкурганных кремаций. Известны случаи, когда ингумационные погребения были впущены в курганы с трупосожжениями того же хронологического периода: могильники Лобанова щель, Кабардинка и др. (Марченко, Пьянков, 2002. С. 185; Козюменко, Раев, 2002. Табл. 7; Носкова, 2010. С. 181). При этом временной разрыв между кремациями и ингумациями практически отсутствует. Сам факт продолжения функционирования старых кладбищ, а не появление новых, изолированных, свидетельствует в пользу того, что у местного населения в очередной раз меняется погребальная традиция.

Возможно, что трансформация ритуала кремационных захоронений произошла под влиянием погребальной обрядности населения, которое в золотоордынское время политически доминировало по соседству, в правобережных степных регионах Предкавказья (Атавин, 2008. С. 86, 87). На это указывает и эволюция формирования погребальных комплек-

сов, в которых появляются элементы, характерные для кочевнических погребальных памятников Прикубанья. Прослеживается максимальная близость сабельных клинков, появляются серьги с напускной бусиной, ранее не характерные для кремационных некрополей (Дружинина и др., 2011. С. 134).

Таким образом, анализ пространственного распределения раннесредневековых кремаций в Закубанье приводит к выводу о том, что плотность памятников и единство погребальной традиции позволяют считать Западное Закубанье центром распространения обряда кремирования умерших на Северном Кавказе в эпоху средневековья. Западный Кавказ демонстрирует этнокультурный континуитет, что прослеживается по данным кремационных некрополей. Распространившись во второй половине VIII в., обряд трупосожжения просуществовал здесь более 500 лет. Исходным местом формирования подобной погребальной практики предстает район современных Новороссийска–Геленджика.

Время распространения традиции кремирования умерших на совпадает со временем объединительных реформ Инала, которые, по А.В. Гадло, проходили в 60–80 годы VIII в. (2004. С. 213). Этот вывод подтверждает гипотезу В.А. Кузнецова о роли Кубани и Терека как географических барьеров, формирующих своеобразные этнические резерваты на Северном Кавказе. Археологические данные свидетельствуют о том, что основным направлением, по которому на Северный Кавказ проникали новые этнические компоненты и где происходили сложные процессы этнокультурного взаимодействия представителей кавказского субстрата с иранским и тюркским миром, был центральнокавказский субрегион Терско-Кубанского междуречья. Его географическая открытость с севера определяла соподчиненность этнополитической истории Центрального Кавказа с историческими явлениями, происходившими в южнорусских степях (Кузнецов, 1997. С. 153). Крупные реки – Кубань на западе и Терек на востоке, являлись естественными природными границами, препятствующими широкому притоку на Западный и Восточный Кавказ степного населения (Кузнецов, 1997. С. 171).

Исследуемые закубанские памятники с погребениями по обряду трупосожжения в хазарский период находились в приграничной зоне с Хазарским каганатом, но не являлись его частью. Политическая независимость населения Закубанья сохранялась и в печенежско-половецкий период. Согласно письменным источникам, расположенные на левобережье нижнего течения Кубани племена были самостоятельным этнополитическим массивом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.И., Козловская М.В.* Антропологический облик населения // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.
- Анчабадзе Г.З.* К исторической гидронимии Северного Кавказа: река Уг-ру // Матер. междунар. конф. “Кавказоведение – опыт исследований”. Владикавказ, 2006.
- Армарчук Е.А.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М., 2006.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья. Некоторые вопросы этнической истории // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003 (Археология).
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Атавин А.Г.* Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. М., 2008.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г.Е.* К проблеме локализации Хазарии и Фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум “Идель–Алтай”. Казань, 2009.
- Афанасьев Г.Е., Атавин А.Г.* Что же такое хазарский погребальный обряд? // Хазары. М., 2002.
- Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С.* Где же находилась житница аш-тигоров? // Древности юга России. М., 2008.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
- Балабанова М.А.* Предварительные данные к антропологии населения хазарского времени. По материалам могильника Горькая балка // Пятые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 1998.
- Балабанова М.А.* Особенности антропологического состава погребальных комплексов хазарского времени // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб., 2006.
- Батиева Е.Ф.* Антропология населения нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. Ростов-н/Д., 2002. № 3–4.
- Бочкарев В.С., Чхаидзе В.Н.* Погребения средневековых кочевников в степном Прикубанье // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Древности и памятники VIII–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003 (Археология).

- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. СПб, 2004.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-Еврейские документы X в. М., 1997.
- Джигунова Ф.К. Западное Предкавказье в IV–IX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003 (Археология).
- Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. С дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV–XVIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) // Этнографическое обозрение. 2011. № 2.
- Дружинина И.А. Чхаидзе В.Н. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М., 2011.
- Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999.
- Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.
- Караев С.К. Топонимия Узбекистана (социолингвистический аспект). Ташкент, 1991.
- Ковалевская В.Б. Культурологический анализ, ареальный метод и проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995.
- Козюменко Е.В., Раев Б.А. Курганный могильник Лобанова щель (по раскопкам 2002 г.) // МИАК. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Коковцев П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
- Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993.
- Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // МИАР. М., 1997. № 1.
- Кузнецов В.А. Рудницкий Р.Р. Поселение “Козьи скалы” у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1998.
- Марченко И.И., Пьянков А.В. Курган 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // МИАК. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Мровели Л. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979.
- Нехаев А.А., Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из хут. Верхний и ст. Раздольная в Краснодарском крае // МИАК. Вып. 10. Армавир, 2009.
- Носкова Л.М. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 г.) // Материальная культура Востока. Вып. 5. М., 2010.
- Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.
- Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.
- Пьянков А.В. Касоги–касахи–кешаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Погребение половчанки из степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М., 1995.
- Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск, 2005.
- Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. 1953. XVIII.
- Соков П.А. Раннесредневековые памятники VIII–IX вв. Средней Кубани: Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Изменение природной среды с эпохи энеолита по средневековье на полуострове Абрау (по данным палинологического анализа) // Abrau antiqua. М., 2009.
- Успенский П.С. Об одном из вариантов погребального обряда кремаций XI–XIII вв. в Закубанье // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.
- Успенский П.С. Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. // КСИА. 2012. Вып. 226.
- Успенский П.С. Хронологическая дифференциация погребений по обряду трупосожжения VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе // Новые материалы и методы археологического исследования. М., 2013.
- Фехнер М.В. К истории торговых связей Руси со странами Востока в домонгольское время (по материалам шелковых тканей) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
- Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX в. // МИАК. Вып. 10. Армавир, 2009.

ПОГРЕБЕНИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА В ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ 2012 г.

© 2013 г. Л.А. Беляев, М.А. Капитонова

Институт археологии РАН, Москва (labeliaev@mtu-net.ru)

Ключевые слова: патриарх Никон, погребальное сооружение, склеп, эпитафия, реставрация и история Ново-Иерусалимского монастыря, некрополь Нового времени.

The data on Patriarch Nikon's burial is published in the article. This legendary character of the middle of the 17th c. is known for the try to correct formularies. This try led to Schism. Besides the quarrel with Russian Tsar Alexei Mikhailovich Romanov was the reason to Patriarch Nikon's long lasting exile and made him a martyr in the eyes of many Russian people. Nikon engineered and built a lot of monasteries the famous one is the Resurrection monastery on the river Istra to the south west of Moscow. The monastery was named New Jerusalem. It was planned as a precise topographic replica of the Holy Land and its Cathedral as a precise replica of the Church of the Holy Sepulchre. Nikon was buried in a special tomb topographically matched the one where Melchizedek was buried in Jerusalem. In Orthodoxy the possibility of finding the relics plays one of the significant roles. That is why the opening of Nikon's tomb (caused by the technical necessity of restoration which is taking place in the monastery) was of great interest not only for historians but also for all believers. Unfortunately the burial was completely destroyed in 1930-s by the atheists. However the archaeological studies gave the opportunity to solve a lot of disputable questions of the tomb's structure. Thus it was proven that the construction despite of the range of serious damages is of 1685 so to say is the original. Also its view so as a lot of details of Nikon's burial in 1682 was the genuine one and did not match many traditional forms of burial and monument building. Important data was also received for the restoration of the general view of the tomb. The sarcophagus earlier inaccessible to anyone was examined. The sort of stone it was made of was identified (the analyses are given in next specific article in the same issue). The data about the placing of two epitaphs which were written at the order of Tsar Fyodor Alexeevich especially for the occasion of Nikon's burial was received (they are one of the first examples of early Russian syllabic poetry).

13 сентября 2012 г. в соборе Воскресения Господня Ново-Иерусалимского монастыря (Московская обл., г. Истра) была раскрыта гробница Патриарха Московского и всея Руси Никона (1605–1681). Вскрытие гробницы патриарха – вещь исключительно редкая, а в данном случае речь идет об одной из центральных фигур в истории России, которая и сегодня, спустя 400 лет, все еще актуальна и вызывает ожесточенные споры. Важность исследования для церковной археологии и русской культуры в целом заставляет незамедлительно опубликовать результаты натурных работ.

Гробница патриарха – одна из ключевых страниц предания о нем. Яркий рассказ о последних днях жизни Никона, его кончине и погребении, составленный иподьяконом И.К. Шушериным, стал хрестоматийным (1784; 1871; 1997). Сохранились документы о почитании и украшении гробницы, о перестройках придела в XVIII–XIX вв. С гробницей связан ряд первых русских стихотворных эпи-

тафий; былички о разграблении могилы в 1930-х годах, в эпоху воинствующего атеизма; устные рассказы об исцелениях и чудодейственных камнях. Несмотря на обилие источников, многое в архитектурно-археологической истории гробницы оставалось смутным и прояснилось только после работ 2012 г. Мы изложим их ход, дадим ситуационное описание, а затем обратимся к интерпретации.

Вскрытие осуществлялось в рамках общей программы восстановления монастыря (результаты первых лет работы: Беляев, 2012а. С. 23–30; 2013а. С. 30–41; Воронова, 2012; Капитонова, 2013; Глазунова, 2013; Glazunova, 2013). Укрепление оснований его знаменитого собора требовало превентивного извлечения всех погребений XVII – начала XX в., совершенных внутри – в ходе инженерных работ они были бы неизбежно повреждены. Для открытия погребений было испрошено и получено благословение Святейшего Патриарха Кирилла (письмо из Патриархии

за № ПК-01/506 от 28.04.2010). Цикл работ включал все предусмотренные методикой формы изучения, в том числе антропологическое, после чего погребения были возвращены (включая инвентарь) на прежние места захоронения с составлением соответствующих актов; результаты будут опубликованы.

Отношение к погребению патриарха Никона было особым. Настоятель монастыря игумен Феофилакт (Безукладников) полагал важным не только уберечь его от конечного разрушения. Нужно было выяснить состояние гробницы, убедиться в ее сохранности или, напротив, в полной утрате останков. Работы по вскрытию погребения проходили в присутствии настоятеля с братией, членов Экспертного совета по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, генерального заказчика (ФГБУ «УКС № 900 при Спецстрое России») и генерального подрядчика (ЗАО «БалтСтрой»), рабочие которого отвечали за демонтаж кирпично-каменной конструкции. Работы внутри конструкции, отбор находок и фиксацию провели сотрудники Ново-Иерусалимской экспедиции Института археологии РАН (О.А. Глазунова, И.И. Елкина, О.А. Воронова

Рис. 1. Общий вид гробницы до начала работ с северо-восточного угла.

и др.) под руководством авторов статьи. Параллельно протокольной фотофиксации велась съемка на ручную цифровую камеру. По завершении работ был составлен подробный протокол, подписанный участниками вскрытия. Работа началась в 11.45 с расчистки швов надгробной конструкции и закон-

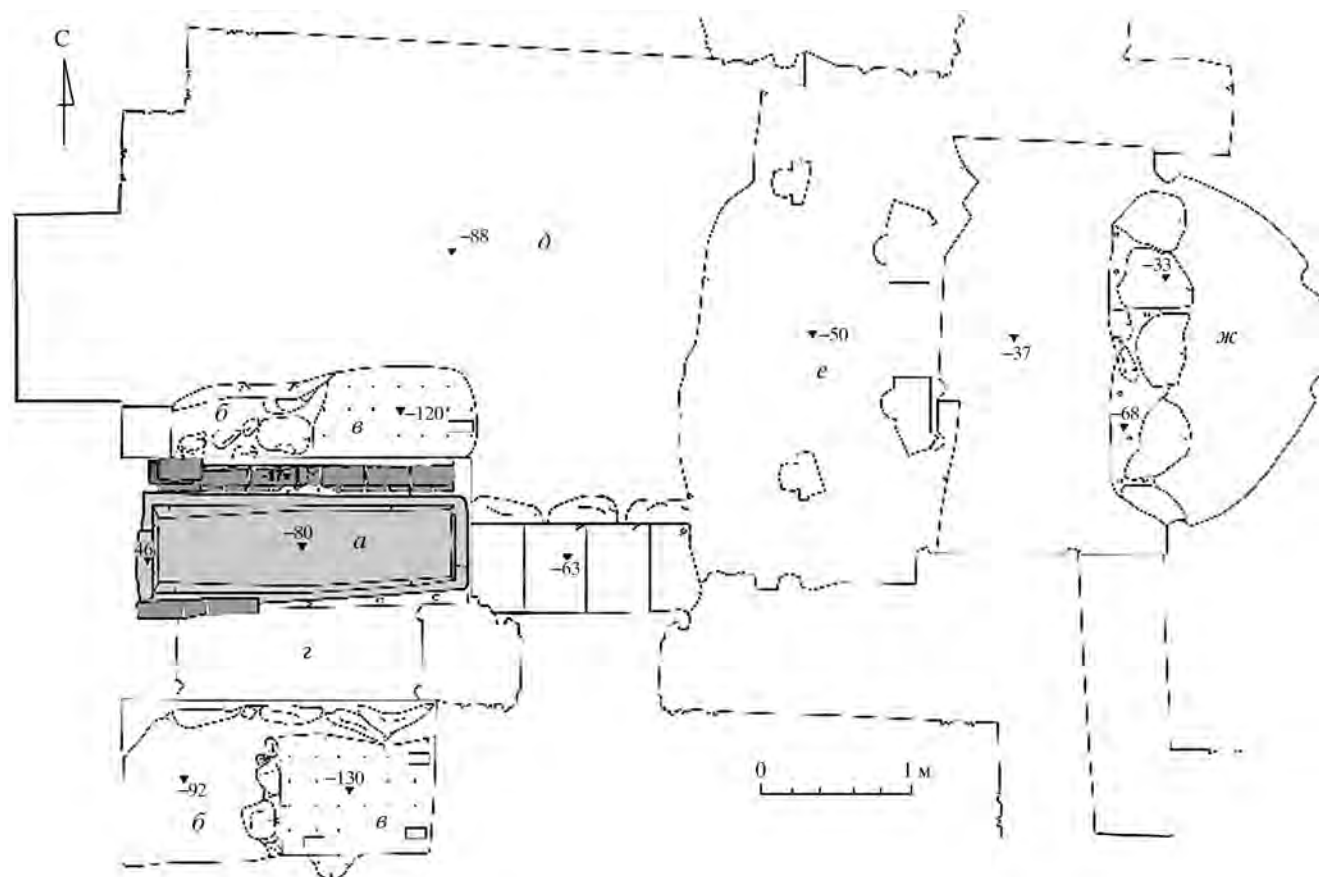

Рис. 2. Археологические работы в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи. Общий план. Условные обозначения: а – каменный саркофаг; б – фундамент западной стены; в – погребенный дерн и песчаный материк; г – арка южной стены; д – уровень сплошной заливки раствором; е – изразцовая алтарная преграда; ж – горнее место.

Рис. 3. Шурф к северу от гробницы. Видны каменная плита, кирпичная стенка склепа, поверхность погребенного дерна и начало фундамента. Слева – торец стелы.

чилась около 15.00 завершением выборки находок, финальной фотофиксации и обмеров (рис. 1).

Власти монастыря настояли на продолжении работ с целью детального исследования придела и гробницы. Была снята плита северной стенки и демонтирована поздняя кладка южной. Саркофаг извлекли для консервации, на его месте выполнили зачистку, с севера от надгробницы и к югу от южной стены придела заложили зондажи до уровня фундамента. Выяснилось, что северная стенка надгробницы в восточной части опирается на поверхность древней почвы холма до начала строительных работ, а в западной, как и саркофаг, стоит на поверхности фундамента; зондаж в нем выявил структуру кладки из булыжника, чередующую небольшие валуны и слои известкового раствора с расклинкой кирпичным боем. Для проверки возможного перезахоронения останков в стороне от места гробницы было предложено вскрыть всю площадь придела и выявить перекопы. Под мощением пола открылась сплошная известковая заливка без следов нарушений и от общего вскрытия этого слоя отказались, но в алтарной части, где из известковой заливки выступал ряд булыжников Горнего места, выполнили небольшой зондаж для изучения фундамента. На этом археологические работы в приделе завершились (рис. 2). Позже доктор геолого-минералогических наук А.С. Алексеев провел анализ камня саркофага и плит надгробницы (см. статью “Алебастровый саркофаг патриарха Никона: состав и возможные источники” далее).

Обратимся к конструкции. Гробница – самый общий термин для описания всего сооружения. В его составе мы будем различать *саркофаг* (каменный

гроб); *склеп* (коробовый свод из кирпича); *надгробницу* (“гроб” монастырских описей – кирпично-каменный короб, охвативший склеп с саркофагом) и ее часть, *стелу* (плиту с эпитафией в изножии гробницы); другие детали будут вводиться по ходу рассмотрения (рис. 3–5).

Сейчас гробница патриарха встроена в юго-западный угол придела Усекновения главы Иоанна Предтечи. Она открыта со стороны соседнего Архангельского придела благодаря широкой сквозной арке в южной стене; между стелой и иконостасом прорезан еще проем входа. К началу вскрытия надгробница имела форму параллелепипеда с размером в плане 245 (включая стелу) × 115 (до внешнего края пяты кирпичного свода) см. Общая высота гробницы (основание кирпичного склепа + стенка из каменной плиты + толщина покрывающей плиты) очень значительна и достигает 150 см, но над полом видны только 73 см (по промеру XIX в. – 72). Ее восточный торец образован вертикальной каменной плитой с нарезанной надписью, обращенной к востоку (толщина – до 29 см). Западный торец упирался в западную стену при-

1

2

Рис. 4. Полностью раскрытая гробница: 1 – вид с юга на внутреннюю сторону кирпичного склепа, каменную плиту облицовки, саркофаг и южную часть свода (справа – изнанка стелы, слева – белые камни “штробы”); 2 – вид сверху на саркофаг.

Рис. 5. Юго-восточный угол саркофага и склепа; вид с юго-запада (слева – нижний угол стелы).

дела, где над ним помещена неширокая арка-консоль (“киот”). Как выяснилось после разборки, в пространство надгробницы из лицевой поверхности западной стены выступают камни стенной и фундаментной кладок (фундамент – на 104 см от плоскости стены; опорный квадрат для верхней плиты надгробницы – на 14). Это своего рода штроба, возможно, оставленная заранее или возникшая при сооружении гробницы из-за разборки изначально существовавшего здесь выступа западной стены.

Стоящая с востока стела имеет высоту 181 см (из них 8 – навершие) при ширине 85 и толщине 28 см; надпись обширная (50 строк), в два столбца (150 × 85 см, промер: Зеленская, 2002а. С. 193, 194). Изначально надписей над погребением было две – пространная и краткая. (Тексты мы не рассматриваем, так как оба многократно списывали и реконструировали, с мелкими различиями: Леонид (Кавелин), архим., 1876. С. 98, 99; Зеленская, Святославский, 2006. С. 309–317.)

Верхнюю грань надгробницы образуют два куса каменных плит, подобранные под общую длину в 217 см. Восточный имеет размер 158 × 87 × 9.5 см, он сильно растрескался и собран на реставрационном растворе; западный близок по ширине и толщине, но это другой камень, вероятно, положенный реставраторами. В северную грань вмонтирована одна плита (177 × 89 × 9.3 см), треснувшая поперек почти посередине. Обратная сторона плит несет следы долота; лицевые стороны – гладкие, без следов орнамента или надписей (верхняя с края залощена). Таким образом, обе плиты по ширине и толщине близки друг другу, но шире саркофага (на 13 и 15 см соответственно), и ни одна не отвечает ему по длине (обе намного короче).

Южная сторона надгробницы – сложнее. Ее стенка из кирпича (размер – 31 × 16 × 8 см) на цементном растворе выложена для поддержки верхней плиты при реставрации 1970–1980-х годов. Она поднимается вверх вдоль края южной стены, от которого отстоит на 15 см, и касается сколов двух “четвертных” сводов (из кирпича размерами 29–30/30.6 × 14.5 × 7.5 см на белой извести), стоящих по восточному и западному краям арки проема. Сводики заходят внутрь кладки южной стены, они как бы “вдвинуты” в нее на 40 см. Архитекторы-реставраторы полагали, что четвертные сводики могут быть остатками ремонта XVIII в. (Тэффер, 1984. С. 152; Зеленская, 2002а. С. 192–195). Но это остатки перекрытия склепа и если признать их поздними, будет необходимо допустить полную, вплоть до самого основания, перекладку с врубкой в углы арки при каком-то из ремонтов, для чего нет оснований. Свод же с самого начала был сильно утоплен в стену или вообще возник вместе с ней, что ставит вопрос о дате южной стены (рис. 6).

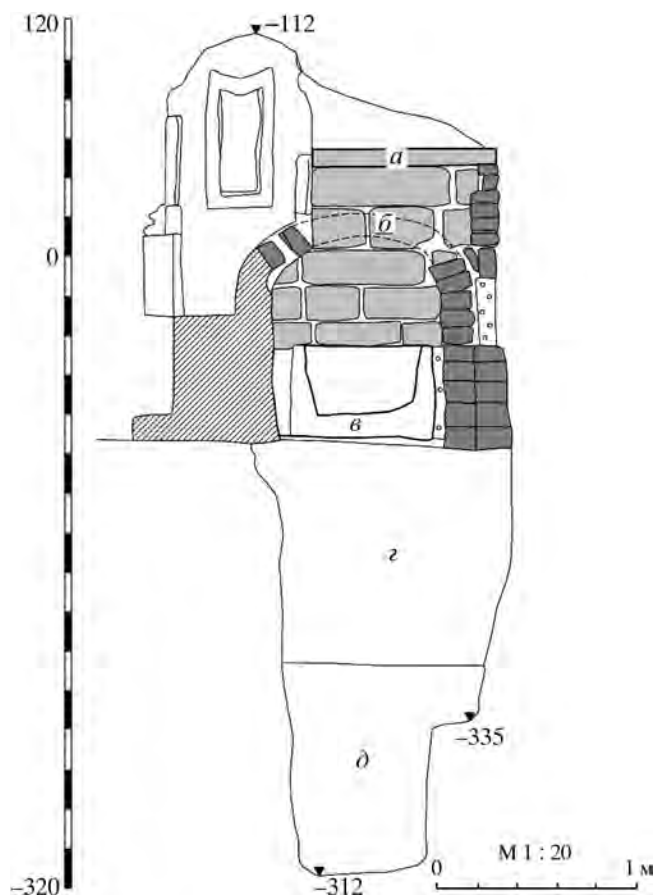

Рис. 6. Поперечный разрез гробницы (с элементами фаса южной арки и штробы западной стены). Условные обозначения: а – каменная плита; б – остатки свода кирпичного склепа; в – каменный саркофаг; з – фундамент западной стены; д – песчаный материк.

Остатки кирпичного свода (того же самого?) есть и с северной стороны, где они опираются на специально выложенную прямую стенку, заложенную ниже уровня пола (шесть, а в западной части семь рядов кладки, высота – 52 см). Здесь пята свода уцелела только с запада, там, где выше уровня основания уже не было каменной плиты, и ее заменяла кирпичная кладка. Соединив концы свода, можно убедиться, что он выходил когда-то над полом на высоту, примерно отвечавшую надгробнице. Интересно, что свод не имеет вполне обычных для русских подземных склепов торцевых заглушек – его короб с запада упирается в фундамент стены, а с востока в него врублено основание стелы. Возможно, что этих заглушек не было изначально, но об этом трудно судить. Как бы ни датировался свод склепа, к моменту вскрытия он был полностью разрушен – вероятно, при разграблении погребения в 1930-х годах.

Саркофаг (каменный гроб) поставлен между стенками склепа, ближе к северной, так что между ним и южной стеной придела образовался зазор. Он стоит существенно ниже современного пола. Это простой прямоугольный ящик, близкий по размеру к самым крупным каменным гробам, а по длине немного их превосходящий. Внешний размер – 224 × 74 × 45 см, внутренний – 202 × 59 с неглубокой полостью (стенки изнутри – 26–36 см при толщине 15–20). Дно неровное, без выраженной “подушки”, по нему и по северной стенке проходит трещина. Крышка отсутствовала, но их обычная толщина – 10–15 см, и в этом случае общая высота будет близка 55–60 см.

Внутри надгробницы открылось пустое пространство, заваленное крупными кусками строительного мусора: печных и архитектурных изразцов (бело-синих и бело-зеленых расписных второй половины XVIII в., рельефных полихромных второй половины XVII – первой половины XVIII в. и их реставрационных копий), лепных архитектурных украшений, черепицы, поливных плиток пола. После выборки верхней части завала под ним проступил контур белокаменного прямоугольного саркофага без крышки. Завал уходил в саркофаг сплошным слоем, продолжавшимся до самого дна, и располагался с уклоном, заполняя в основном центральную и западную части, – видимо, его засыпали с этой стороны, возможно, через отсутствовавшую часть верхней плиты. Завал одномоментный и преднамеренный – внутрь надгробницы и саркофага свалили мусор (встречены также мелкие фрагменты дерева, ткани (шелк и шерсть), кожаной обуви, кость животного). Произошло это не ранее конца 1970 – 1980-х годов. Дату заполнения опре-

деляют окурки сигареты, обломок пластмассового гребешка, пивная бутылка коричневого стекла с литой цифрой 1977 на доньшке, обрывки газет советского периода (на одном упомянуто государство Кувейт – страна получила независимость в 1961 г. и часто упоминалась в прессе с 1980-х). Ясно, что засыпка оставлена реставраторами советского периода, работавшими в приделе в 1970–1980-х годах. В это же время сложили южную (кирпичную на цементе) стенку надгробницы, которая вставлена прямо внутрь саркофага посредством установки на дно вдоль южного края линии кирпичей на ребро, на которые выше она и опирается.

Гробница имеет множество следов переделок, но композиция XVII в., видимо, не претерпела существенных изменений. Стела с эпитафией и каменная облицовка находятся в тех же отношениях друг к другу, что и в 1680–1690-х годах, хотя плиты (возможно, кроме стелы) снимали со своих мест и/или заменяли. Склеп из кирпича на растворе извести сохранился во многих фрагментах (если он частично переложен в XVIII–XIX вв., то на общий облик гробницы это не повлияло).

Рассмотрим полученные данные в контексте плана собора и в свете письменных источников. Анализ строится на архивных данных, воспоминаниях участников событий и местных преданиях, собранных в основном Г.М. Зеленской (Зеленская, Святославский, 2006; благодарим за возможность познакомиться с неопубликованной сводкой: Зеленская, 2013).

Придел в память Усекновения главы Иоанна Предтечи помещается в южной части собора, под Голгофой (ц. Воздвижения Креста), где святейший любил совершать богослужения. Южная часть (впрочем, как и весь собор) мыслилась мемориальной. Здесь отмечены места погребения латинских королей-братьев Готфрида Бульонского и Балдуина I (действительно совершенные в XII в. в Иерусалиме), а также “гробы” жен и детей правителей Иерусалимского королевства. Как известно, эти соответствия в соборе отмечал особый “каменный проскинитарий”, основанный на тексте Арсения Суханова (ОР ГИМ. Син. 574; Арсений Суханов, иеромонах, 1889; Зеленская, Святославский, 2006. С. 41; Зеленская, 1999. С. 152–175).

Но существеннее смысловые ассоциации не с историческими, а с легендарными погребениями храма Гроба Господня. Надпись “каменного путеводителя” сообщает, что в прообразе “Церковь святого Иоанна Предтечи под святою Голгофою издолблена в камени”. В этом “пещерном” приделе символически видели место погребения Адама, на череп (“главу”) которого стекала кровь Христа. В юго-западном углу отмечена и мифическая мо-

гила Мелхиседека – первого царя и первосвященника библейского Иерусалима. Патриарх готовил придел как будущее место своего погребения изначально: в начале 1660-х годов он сам его устроил, освятил и завещал похоронить себя здесь. Так что вторая каменная плита (над западным входом) с полным основанием соединила память о двух священнослужителях: “Под святою Голгофою церковь Иоанна Предтечи, тое церковь держат греки; в ней тамо гроб Мелхиседека, первого архиеерея Иерусалимского, zde же на сем месте гроб святейшаго архиеерея Никона, патриарха Московского” (Леонид (Кавелин), архим., 1876. С. 82). (Ранее известная только по документам, эта плита в настоящее время раскрыта и сохранена при реставрации.)

Как уже было сказано, наблюдения позволяют допустить устройство участка под гробницу еще в 1660-х годах – готовить для себя место погребения загодя и своими руками вполне в традициях православия, недаром за много лет до ссылки Никон оставил в Воскресенском монастыре одеяние для будущего погребения. Патриарх завещал погребсти себя здесь, имея в виду “видимо освящать свой прах кровию Распятого на Голгофе” (Колосов, 1880. С. 375, цит. по: Зеленская, Святославский, 2006. С. 41), и его волю исполнили.

Никон скончался в виду Ярославля, на р. Которосль, по пути из ссылки (17.08.1681 г.). Царь Федор Алексеевич приказал отвезти тело в Новый Иерусалим и хоронить согласно завещанию, что и было исполнено 26 августа, т.е. через 10 дней после смерти. Священство во главе с архимандритом Германом встретило тело “не дошед монастыря за едино поприще, идеже монастырская мельница, зовомая Воскресенская на речке Песочне”. Они принесли новое одеяние, “юже сам святейший Никон себе от давних лет уготова, во время своего бытия до изгнания в Воскресенском монастыре и до преставления его”, а также “рясу бархат Таусинной, мантию Архиерейскую с источники и съкрижальми, панагию и схиму”. Патриарха облачили “и паки положиша в гроб, в нем же привезоша, и в монастыре по отпевании ... поставиша *гроб дубовый* с телом в нововысеченный *каменный гроб*; камень же той, в нем же гроб источен во дни Святейшего Никона Патриарха, егда бывшу ему в Воскресенском монастыре до изгнания, повелением его привезен с Окияна моря церковные ради потребы и драгою ценою куплен ...” Царь же “в камени том гроб истесати повеле. Егда же каменосечцы камень той секуще, тогда перве пилами отпиловавше доску толстотою в два вершка, и потом в глубину секуще, елико вместится деревянному гробу, и издолбиша той камень с великим трудом, бе бо зело тверд, зо-

вомый алебастр драгоценный, драгаго такового не обретається нигде, и ископавшее могилу в церкви Иоанна Предтечи под святою Голгофою в двери входя на правой стороне в углу, елико вместится тому каменному гробу могущее, и по отпевании надгробнаго принесше гроб с телом ...” *Деревянный гроб* с телом, при участии царя и митрополита, вложили “в нововысеченный алебастровый гроб ..., покрыв онаго каменною доскою, юже отпиловавше с тогож камени, а сверху деревяннаго гроба сведоша кирпичный свод в земле неглубоко, и поравнявше с помостом равно” (Шушерин, 1784. С. 192–194; ср.: Шушерин, 1997. С. 188–190).

На этом работа по оформлению не закончилось. Через год, в сентябре 1682 г., в Москве получили запрошенные царем грамоты вселенских патриархов о восстановлении схимонаха Никона в патриаршем сане. Возможно, в это время и была возведена традиционная для статусных погребений в интерьере храмов XVI–XVII вв. надгробница в форме параллелепипеда, покрытого тканями и шитыми покрывалами (типичные примеры и реконструкции: Беляев, 2013б). Какое-то время ушло на эпитафии – их нужно было сочинить и нарезать на камнях. К моменту освящения Воскресенского собора (не позднее 18.01.1685 г.) у гробницы поместили две эпитафии, которые царь повелел составить архимандриту Герману I – любимому ученику Патриарха. Одна из них – пространная – на каменной стеле в изножии надгробницы (“У гроба Святейшаго Никона Патриарха на каменной таблице вырезано в подножии словами на камени”: РГАДА. Ф. 209. Оп. 4. Д. 5092. Л. 218об.; 219об.). Фрагменты другой, краткой (с акростихом), хранятся в музее. Место размещения неизвестно, но вряд ли, как иногда предполагают, она покрывала гробницу. Для последней четверти XVII в. характерен “надгробный комплекс” из настенной плиты с виршами и традиционной горизонтальной, с базовыми сведениями о покойном (термин см.: Левина, 2006. С. 87, 88; широко известный пример – гробница Симеона Полоцкого в Заиконоспасском монастыре). Но в нашем случае такое решение маловероятно: надпись слишком пространна для горизонтальной плиты (она “краткая” условно, на самом деле – довольно длинная) и неудобна в чтении. Кроме того, существующее покрытие надгробницы – гипсовое и, видимо, восходит к изначальному распиленному камню (камням?), о котором пишет И.К. Шушерин. Наконец, непонятно, какие причины могли заставить вскоре снять плиту с ее места – при перестройках она не создавала помех.

К 1685 г. Предтеченская церковь уже была освящена, что специально подчеркивает Опись Воскре-

сенского монастыря 1685 г., в то время как соседняя к югу ц. Двенадцати Апостолов (позднее – Архангела Михаила) стояла неосвященной (Леонид (Кавелин), архим., 1876. С. 78, 79. Прим. 44). Так что работы продолжались и после 1685 г.: согласно списку приделов 1682–1706 гг., Предтеченская церковь “обновлена усердием Царевны и Великой княжны Татьяны Михайловны и вторично освящена в 1690 году” вместе с ц. Архистратига Михаила, которая “приведена к окончанию усердием крестового дьяка Царевен Корнильевича Шушерина и сына его Михаила, здесь погребенных” и освящена 29.04.1690 (Леонид (Кавелин), архим., 1876. С. 105. № 3, 4; патриаршая грамота на освящение: Леонид (Кавелин), архим., 1876. С. 748, 749).

Вероятно, работы до 1690 г. шли при участии И.К. Шушерина. С трансформацией его “проекта” мы встречаемся только в XVIII в. Текст Книги ризничной 1756 г., перечисляя вновь сделанное с момента Описи Воскресенского монастыря 1737 г., указывает, что при обновлении Предтеченского придела над гробом “вновь учинена арка...и с той стороны у гроба святейшаго Никона решетка позолоченная”. Обычно полагают, что широкого арочного проема еще не было и только теперь открылся доступ к надгробнице с юга, причем пробили и дверь в южной стене вместо окна между приделами, так что две церкви фактически объединились. Реставрационные исследования южной и западной стен показывают очень значительные переделки, но поскольку в основном это растески, а не докладки, ни их первоначальные формы, ни время работ не уточняются.

Через столетие (1849 г.) гробницу заново украсили, покрыв бронзовым посеребренным чеканным окладом с накладным крестом и рельефами в стиле металлических “кожухов” Архангельского собора Московского Кремля, но иконографически гораздо более сложным. Оклад напоминал раку для мощей. В Описи Воскресенского монастыря 1875 г. отмечено, что каменная надгробница (“тумба”) – из алебаstra: “Тумба, устроенная из алебастровых плит, в высоту 1 аршин” (РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 32. Л. 94; цит. по: Зеленская, Святославский, 2006. С. 57, 58), т.е. более 70 см.

При ремонтах XVIII–XIX вв. саркофаг, зарытый в уровне пола придела, конечно, не вскрывали. Впервые он был открыт комиссией Наркомпроса в первой половине или середине 1930-х годов (называются разные даты). Никаких актов вскрытия пока не обнаружено, что порождает массу преданий (Зеленская, 2002а. С. 88, 98; Зеленская, Святославский, 2006. С. 61; просто поиск в Интернете). Визуальное свидетельство – фото 1930-х (?) годов: отпе-

чаток 11.1 × 8.2 см (фотоархив Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева; поступил от Е.Н. Подъяпольской; КП оф 5029/34, инв. ОРП-607) имеет на обороте штамп и номер хранения (204/2166) Главного управления охраны памятников Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР, созданного в 1943 г. с целью организации работ по восстановлению памятников после Великой Отечественной войны (разумеется, снимок мог быть сделан и ранее). Снимок любительский (сделан без подсветки, детали плохо различимы), так что воспроизводить его без ретуши трудно, но для предметной атрибуции на нем видно достаточно (на ранее опубликованном фрагменте мало что можно было разглядеть: Зеленская, 2002б. С. 277. Фото). На фото, несомненно, погребение патриарха Никона в момент раскрытия – опознаваемы мелкие подробности кладок и панагия, затем переданная в музей.

Снимок сделан сверху под углом, с севера, на юго-западный угол склепа и верхнюю половину погребения. Верхних крышек обоих гробов нет. Хорошо видны кладка проломленного кирпичного свода и часть белокаменной кладки западной стены; саркофаг (боковые стенки и изголовье) и останки в деревянном гробу. В отличие от каменного, деревянному гробу приданы, за счет очень легкого сужения оглавия, ясно выраженные антропоморфные очертания. Гроб, по-видимому, дощатый (его стенки очень тонки, торец абсолютно ровный и с прямыми углами), но искусно выдолбленная колода не исключена. Над погребением в момент снимка, видимо, не было верхней плиты надгробницы или, по крайней мере, ее западной части.

Не менее информативна вторая известная фотография, сделанная в период после разрушения погребения (точной даты нет) (рис. 7). На ней виден заброшенный, во многих местах поврежденный, угол придела и гробница, перекрытая в изножии большой плитой (явно положенной сверху без всякого связующего) и небольшим фрагментом в изголовье. Между ними пустой промежуток, через который можно было заглянуть внутрь гробницы (и, возможно, засыпать в нее мусор). Каменная стенка, обращенная к приделу, цела, но у ее основания выбиты два отверстия или каверны (с запада – округлое, с востока – арочное). Они могли возникнуть в период от закрытия монастыря (1919 г.) до извлечения останков в 1930-е годы: видимо, злоумышленники пытались добраться до содержимого. На снимке хорошо видно, что боковая плита не занимает всей длины северной стенки – самая западная часть заложена кирпичом, как и в настоящее время. Нет ответа, почему в изначальной композиции

Рис. 7. Вид гробницы после разорения (фото второй трети XX в.).

образовался такой пробел, но его можно объяснить утратой детали, обрамлявшей гробницу симметрично восточной стеле. С тысячей оговорок рискованно предположить, что здесь стояла доска первой краткой эпитафии Германа I, удаленная при одной из переделок западного угла до середины XIX в. (ее фрагменты обнаружил во вторичном использовании архимандрит Амфилохий (Сергиев-Казанский), опубликовав в 1863 г.: Зеленская, Святославский, 2006. С. 198, 199).

При вскрытии 1930-х годов погребение, вероятно, извлекли целиком, вместе с деревянным гробом, для чего пришлось снять верхнюю плиту надгробницы и каменную крышку саркофага (ее могли уничтожить вместе с честными останками и деревянным гробом), но стелу и стены гробницы оставили. В таком опустошенном и полуразрушенном виде она, видимо, стояла до начала ремонтно-реставрационных работ 1960-х годов, когда боковую север-

ную стенку восстановили, заменив плиту (возможно, к тому времени окончательно разрушенную). Если геологические анализы не обманывают, при этом использовали одну из старых алебастровых досок – возможно, стоявшую до этого на южной стороне (длина северной плиты и ширина проема южной арки близки).

Суммируем историю частей гробницы. Впервые увидев каменный саркофаг, так поразивший Ивана Шушерина, мы были разочарованы: форма оказалась самой простой, верхняя крышка исчезла, на стенках – никаких украшений или надписей. Камень при первичном осмотре выглядел обычным известняком, что не подтверждало ни транспортировку издалека, ни особенную твердость породы, ни какие-то необычные способы обработки. Однако анализы установили, что это алебастр (гипс). Оказалось, из него сделан не только саркофаг с крышкой, но и надгробница. В монастыре мог быть не один камень, а несколько, или одна глыба, но огромная, от которой отпилили несколько “досок”, получив вытянутый параллелепипед большого размера и материал для гробницы. Возможно, иподьякон писал житие раньше, чем она появилась: вернувшись в 1678–1679 гг. (что недавно доказано), он мог участвовать во встрече тела и его погребении (Зеленская, 2011. С. 121, 122), но на этом и остановил рассказ.

Сохранившиеся над саркофагом фрагменты высокого свода принадлежат более ранней, чем современная, конструкции. И.К. Шушерин описал его как находящийся в земле, вровень с полом церкви. Уровень крышки саркофага, действительно, находится почти на отметке пола, но возвести над ним еще и свод на одной высоте с поверхностью трудно. Совсем низкий свод (если не вровень с полом, то и невысоко над ним) мог существовать всего несколько лет после погребения (1681–1684 гг.), а его следы стерты перестройками 1685–1690 гг. Этого мы не узнаем, если не откроются новые письменные источники (рис. 8).

Коль скоро к 1685 г. уже стояла таблица с надписью в изножье, а плиты надгробницы сделаны из гипса и, следовательно, также первоначальны, считаем доказанным, что композиция в основном сложилась между 1681 и 1685 гг. Вероятно, к этому периоду и относится высокий склеп. Более того, с архитектурно-археологической точки зрения склеп выглядит как выложенный заранее (в период настоятельства Никона?), во всяком случае, не позже момента его погребения или дальнейшего оформления гробницы. Снаружи склеп был декорирован стелой и двумя гладкими каменными плитами (именно двумя – плиты с южной стороны не могло

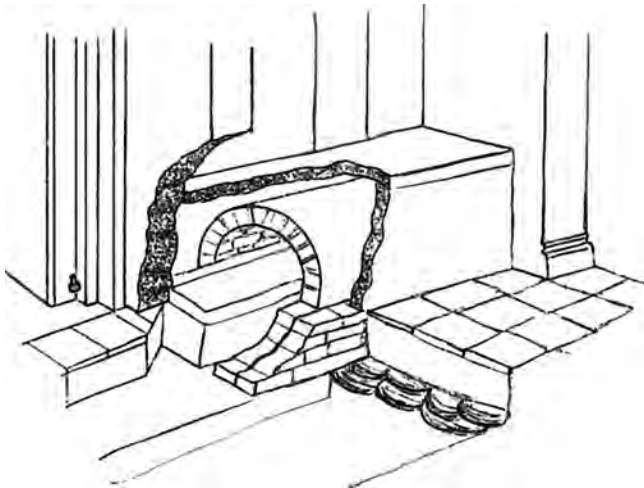

Рис. 8. Схематическая реконструкция гробницы. Около 1685 г. Чертеж О.А. Вороновой.

быть, если с юга гробница стала доступной только после 1736 г., с прорубом в Архангельский придел широкой арки).

Склеп изначально всей длиной соединялся с южной стеной придела, в тело которой врезан. Это напоминает о погребениях-аркосолиях и заставляет думать, что склеп и стена изначально составляли одно целое. Стела, напротив, гораздо уже не только всего склепа, но даже его выдвинутой в зал части. Это объясняет, почему она стоит не по оси саркофага и соединена с южной стенкой особым простенком – в противном случае останется неприкрытым наружный край склепа. Промежуток до стены беспорядочно забутован вторичным кирпичом, что хорошо видно с изнанки, как и то, что склеп изначально был немного длиннее, и стелу просто врезали в его свод, подтесав изнутри, чтобы она могла поместиться над краем саркофага. Вдоль западной стены мог размещаться камень для второй, краткой эпитафии (также в виде стелы?), о чем говорят явные следы переделок в изголовье, видимые также на фотографии середины XX в. Можно (гипотетически) допустить размещение надписи и на южной стене, откуда ее удалили при прорубе широкой арки (других мест для установки надписи, собственно, нет).

Способ встраивания гробницы в интерьер не до конца понятен, и продолжение архитектурных исследований в юго-западном углу может многое прояснить. Иподьякон Иоанн, которого похоронят в соседнем приделе в 1690 г., видел вновь возникшую композицию, вероятно, не только в состоянии на 1685 г., но и позже. Но не отразил ее в рассказе, доведенном только до дней погребения патриарха. Трудно обойти мысль, что пространство погребальных церквей учителя и ученика, патриарха Никона

и семьи Ивана Шушерина, было объединено изначально. У И.К. Шушерина в 1685–1690 гг. были для этого все возможности, да и описи не содержат достаточно оснований для уверенного отказа от этой мысли. Отметим, что во втором этаже, над Предтеченским и Архангельским приделами, пространство Голгофской церкви решено как единое, с использованием опорного столба, и что Архангельскую церковь некоторое время описывали как часть храма Иоанна Предтечи (трапезную). Однако, полагая, что склеп и южная стена выложены одновременно, мы принимаем и то, что арка между приделами появилась только во второй трети XVIII в.

Восстановив историю гробницы патриарха Никона, поделимся некоторыми соображениями. В погребении много деталей, не отвечающих традиции старомосковского погребального обряда, и странно, что особенности, отмеченные уже И.К. Шушериним, до сих пор не заинтересовали историков. Так, в Древней Руси деревянный гроб обычно не вкладывали в каменный – это два взаимозаменяемых изделия. Соединить два гроба технически сложно: приходится искать гораздо более крупный камень; к тому же многие саркофаги XV–XVII вв. антропоморфны. Митрополитов Московских и патриархов всея Руси, также как царей и цариц, обычно несли к могиле на особых погребальных саниях (Анучин, 1890. С. 23 и далее), а в саркофаг укладывали просто в облачении. Так лежат сотни тел в усыпальницах семей Романовых, Пожарских, Хованских (Усыпальница ..., 2005; Беляев, 2011; 2013б) и многих других, в том числе в Кремле. Видимо, деревянный гроб вложили в каменный из-за долгой перевозки. Далее, необычно помещение в погребение второй половины XVII в. архипастырского облачения, знаков достоинства (панагия) и даже четок (Беляев, 2012б). В склепах игуменов, епископов и архиепископов они появляются только в XVIII в., в эпоху Московского царства мы встречаем мантии и покровы, но не вещи (например, в соседних погребениях настоятелей того же Ново-Иерусалимского монастыря).

Наблюдения при натурном исследовании, описи и визуальные источники убеждают в точности текста И.К. Шушерина (лишая специалистов в области этнографии погребения столь очевидных и привлекательных для мифолога аллюзий: смерть в ладье; дальняя перевозка; похороны с особыми, не присущими обычным людям, чертами и предметами). Однако в нем можно, гипотетически, выделить аберрации, ориентированные на традиционную, сознателную демонстрацию монашеского смирения, самопринижения, такие как устройство свода над саркофагом вровень с помостом, в действительности нефиксируемого.

Погребальный комплекс патриарха Никона нужно оценить как веку на пути общего развития статусных погребений России XVI–XVII вв. В композиции, которая сложилась к 1685 г. и была доработана к освящению 1690, типовое соединено с оригинальным. Топография погребения, помещенного в церковный интерьер и в юго-западный угол, характерна для всей древнерусской традиции. От престижных погребений Московской Руси идут надгробница в виде длинного параллелепипеда; скрытый под ней каменный саркофаг; резанная на камне надпись в торце. Однако совершенно нетипичны обилие и длина эпитафий; форма стелы (торцевые надписи надгробниц обычны и даже обязательны, но их никогда не поднимают выше уровня покрытия). Другого примера высокой доски, стоящей в торце памятника, не известно, хотя обширные *настенные* камни, в том числе с развитым декором, стали встречаться в конце XVII в. в связи с развитием стихотворной и вообще многословной эпитафии (в самом Новом Иерусалиме довольно много таких плит).

Гробница патриарха Никона заняла, наконец, свое место в кругу статусных погребений Московского царства как один из самых ранних и развитых примеров комплексного оформления. Она содержит развернутые поэтические эпитафии, а ее пространственные формы смело вписаны в архитектуру придела, перенасыщенного ветхозаветной и евангельской символикой, историческими, церковно-топографическими и анагогическими аллюзиями и параллелями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анучин Д.Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности. М., 1890 (Тр. МАО; Т. 14).
- Арсений Суханов, иеромонах. Проскинитарий // Православный Палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3. СПб., 1889.
- Беляев Л.А. Архангельский собор и боярские усыпальницы XVI–XVII веков // Архангельский собор и колокольня “Иван Великий” Московского Кремля. 500 лет. Т. II. М., 2011.
- Беляев Л.А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 2012а.
- Беляев Л.А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М., 2012б.
- Беляев Л.А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового Времени // РА. 2013а. № 1.
- Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013б.
- Воронова О.А. Колоколотейный комплекс XVII в. на территории Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников истории и культуры. Вып. 5. М., 2012.
- Глазунова О.Н. Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, предварительная атрибуция // РА. 2013. № 1.
- Зеленская Г.М. “Каменный путеводитель” XVII века по Воскресенскому собору Ново-Иерусалимского монастыря // Искусство христианского мира. Вып. 3. М., 1999.
- Зеленская Г.М. Реставрационные и научно-исследовательские работы по Воскресенскому собору во второй половине 1990-х годов // Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”. М., 2002а.
- Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002б.
- Зеленская Г.М. Новое в биографии Ивана Шушерина // Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”. Вып. III. М., 2011.
- Зеленская Г.М. Концепция оформления погребения святейшего Патриарха Никона в Воскресенском соборе Нового Иерусалима. Рукопись. Архив автора, 2013.
- Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М., 2006.
- Капитонова М.А. Архитектурно-археологическая стратегия и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря // РА. 2013. № 1.
- Колосов В.И. В Новом Иерусалиме // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 18. № 10.
- Левина Т.В. Белокаменное надгробие XV – начала XVIII века. Собрание музея-заповедника “Коломенское” // Русское средневековое надгробие XII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006.
- Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М., 1876.
- Тэффер Л.Э. История истринской керамики в свете новых исследований // Материалы творческого отчета треста “Мособлстройреставрация”. М., 1984.
- Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. М.; Кострома, 2005.
- Шушерин Иоанн. Житие Святейшего Патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784.
- Шушерин Иоанн. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1871.
- Шушерин Иоанн. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России. М., 1997.
- Glazunova O.N. Lithuania's roots in the pottery of the Western suburbs of Moscow of the 17th and 18th centuries // Archeologia Baltica. V. 16. Klaipeda, 2012.

АЛЕБАСТРОВЫЙ САРКОФАГ ПАТРИАРХА НИКОНА: СОСТАВ И ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ

© 2013 г. А.С. Алексеев*, С.М. Завьялов**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*,
Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН*, Москва
(aaleks@geol.msu.ru)

Историко-архитектурный и художественный музей “Новый Иерусалим”,
г. Истра, Московская обл.**

Ключевые слова: Ново-Иерусалимский монастырь, саркофаг и надгробие патриарха Никона, гипсы и алебастры в России XVII в., месторождения, добыча, транспортировка полезных ископаемых и строительных материалов.

The data of the mineralogical research of the stone sarcophagus and the tombstone of Patriarch Nikon (died in 1681) in The Resurrection Cathedral of the New Jerusalem monastery is published in the article. The samples for the studies were received during the excavations of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Science in 2012. The material of the works was identified as gypsum (alabaster) which corresponds to the mention in Patriarch's hagiography. Two possible development areas in Russia are being suggested, the beds in the region of Arkhangelsk and Nizhniy Novgorod historically connected to the life of the Patriarch.

В 2012 г. в ходе реставрационных работ, проводящихся на территории Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря с 2009 г., был открыт каменный саркофаг, по преданию содержащий гроб с телом патриарха Никона (описание вскрытия и параметры сооружения см. в статье Л.А. Беляев, М.А. Капитонова “Погребение патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре: исследования 2012 г.).

Структура и состав саркофага. Обследование на месте показало, что сам саркофаг и облицовка гробницы (верхняя плита и плита, вмонтированная в стену с северной стороны) сложены светло-серой, участками почти белой неравномернозернистой сравнительно легкой мономинеральной породой (рис. 1), весьма мягкой, в отдельных участках легко разрушающейся на мелкие фрагменты в результате слабого нажатия руки. На поверхности верхней плиты, заглаженной и как бы отполированной, хорошо видны довольно крупные (до 3–5 см) звездобразные сrostки прозрачных кристаллов. Этой информации было недостаточно для определения вида камня, поэтому пришлось обратиться к современным методам исследования минерального состава горных пород.

Стандартный порошковый рентгеновский дифрактометрический анализ, проведенный в лаборатории геологического факультета МГУ, показал,

что саркофаг, верхняя и боковая плита на 100% состоят из гипса ($\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$). Полученные величины межплоскостных расстояний (рис. 2) хорошо соответствуют стандартным значениям этого минерала и для основных пиков у трех образцов одинаковы или отличаются на очень малую величину (таблица), что указывает на их исходную принадлежность одному монолиту или одному конкретному месту и слою добычи. Обращает на себя внимание и тот факт, что боковая гипсовая плита, структурно и минералогически идентичная, по ширине превышает размер саркофага.

Рис. 1. Скол гипсовой плиты, на котором видна мелкозернистая алебастровая масса и розетковидные включения крупных кристаллов гипса.

Результаты порошкового дифрактометрического анализа образцов гипса из саркофага патриарха Никона (анализ выполнен на приборе ДРОН-2, излучение – $\text{Co K}\alpha$, аналитик – В.Л. Косоруков)

Пики наибольшей интенсивности	Межплоскостные расстояния, Å				
	Стандарт www.webmineral.com	Образец 1: верх гробницы	Образец 2: саркофаг	Образец 3: боковая плита	Селенит, р. Ока (Михеев, 1957. С. 528)
1	7.630	7.615	7.615	7.615	7.52
2	4.280	4.270	4.270	4.288	4.267
3	–	3.793	3.807	3.807	3.790
4	3.070	3.062	3.062	3.062	3.058
5		2.866	2.873	2.866	2.864
6		2.682	2.682	2.682	2.676

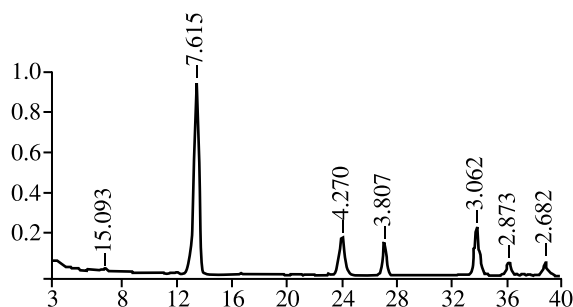

Рис. 2. Дифрактограмма образца гипса, полученного из саркофага Патриарха Никона.

Гипсовый состав и особенности структуры позволяют определить саркофаг как алебастровый, что совпадает со сведениями XVII в. Характеристика камня, использованного для изготовления саркофага, дана в жизнеописании патриарха Никона. В частности, в нем говорится, что еще до изгнания патриарх приказал купить для церковных нужд Воскресенского монастыря очень дорогой камень, который был привезен с “окияна моря”. При подготовке к погребению каменотесы сначала “пилами отпиловали доску толстотою в два вершка”, а затем выдолбили углубление для гроба, при этом “издолбиша той камень с великим трудом, бе бо зело тверд, зовомый алебастр драгоценный, другого такового не обретается нигде” (Житие Никона ..., 2005. С. 135, 136).

Из приведенного выше фрагмента текста следует, что каменный монолит довольно легко поддавался обработке, так как отпилить от него плиту для крышки простыми металлическими пилами, будь это гранит или прочно сцементированный песчаник, было бы почти невозможно или заняло очень много времени. Указание на большую твердость не вполне понятно, так как по минералогической классификации гипс имеет твердость, равную 2, т.е. царапается даже ногтем. Однако в то же время гипсовая порода довольно вязкая и плохо

колетса, скорее, измельчается, что может объяснить указание на большую прочность материала.

Возможные источники. Наибольший интерес представляет вопрос о том, откуда был привезен монолит, из которого изготовили саркофаг. На него пока нет ответа, однако обобщение доступной информации позволяет высказать некоторые гипотезы. Слова о том, что камень был привезен с “окияна моря”, скорее всего, нужно трактовать не как указание на его “заморское” происхождение, а как свидетельство удаленности места, где его добыли. В XVII в. русским людям было хорошо известно только Белое море. Но на его берегах месторождения гипса отсутствуют. Нет их и на побережьях Балтийского моря.

Необходимо отметить, что гипс и его особенно ценная разновидность – алебастр, чрезвычайно широко распространены в природе и в отложениях разного возраста нередко слагают толстые (иногда в десятки метров) пласты и по большей части выглядят одинаково, так что узнать по внешнему виду место их добычи практически невозможно.

Месторождения гипса весьма обычны в бассейне Средиземного моря, в том числе в Испании, на Сицилии и в Египте, где он присутствует на нескольких геологических уровнях и имеет неогеновый возраст. Всемирно известны алебастровые саркофаги египетских фараонов, но они были изготовлены из желтоватой слоистой разновидности, в настоящее время часто называемой ониксом и являющейся кальцитом, которая совершенно не похожа на алебастр саркофага патриарха Никона.

Более реалистичной представляется гипотеза о российском происхождении монолита. В Европейской части России месторождения гипса встречаются в очень многих местах – на севере в Архангельской обл. и на Тимане, в Поволжье, Приуралье и даже на Северном Кавказе (Семихатова, 1926). Имеется гипс и в Предкарпатье. Однако наибольш-

ший интерес представляют месторождения двух районов, связанных с жизнью и деятельностью патриарха Никона: южная часть Нижегородской обл., где он родился, и северные районы Архангельской обл., где бывал в бытность митрополитом Новгородским (1649–1652 гг.). Оба района в середине XVII в. были обжитыми и имели связи с Москвой и Новым Иерусалимом благодаря проторенным водным и сухопутным путям.

В Нижегородской обл. наиболее известны выходы на поверхность гипса, приуроченного к сакмарскому ярусу пермской системы, разрабатывавшиеся, по крайней мере, с середины XIX в. Они находятся у с. Борнуково Бутурлинского р-она (ранее – Барнуково) на южной ветви р. Пьяны (Меллер, 1875. С. 140, 141; Ферхмин, Докучаев, 1884. С. 14–18). Это место на правом берегу Пьяны издавна было известно своим высоким отвесным берегом (до 30 м, ранее называвшимся скалой), сложенным гипсом и алебастром, у подножия которого расположена знаменитая гипсовая Борнуковская пещера. После мощного взрыва, произведенного в 1958 г. с целью добычи гипса, скала исчезла, и теперь на ее месте находится большая выемка. Борнуковскую пещеру посещал еще в середине XVIII в. выдающийся путешественник и естествоиспытатель П.С. Паллас (1773. С. 87, 88) – видимо, о ней знали задолго до этого времени.

Характерными особенностями гипса Борнуковской скалы являются его белый цвет и мелкозернистая структура, на фоне которой рассеяны многочисленные шарообразные (до 5–7 см в поперечнике) радиально-лучистые сростки крупных прозрачных кристаллов гипса (селенита). Именно такими особенностями обладает гипс саркофага, что позволяет с высокой степенью вероятности допустить, что блок, из которого он был вырезан, добыт именно здесь. Дополнительным аргументом служит то, что с. Вельдеманово, в котором родился Никон, расположено совсем недалеко, на северной ветви р. Пьяны (около 35 км к северу от с. Борнуково) и будущий патриарх мог знать о прекрасных качествах местного алебастра. Нельзя исключить и происхождение камня из другого старинного района добычи гипса, находящегося южнее г. Арзамас у с. Бебяево и Новоселки на р. Теша в Нижегородской обл., поскольку он приурочен к тому же геологическому горизонту (Сибирцев, 1884. С. 121, 122; Залесская, 1969. С. 489–502).

Второй район, где мог быть добыт камень для саркофага, находится на севере Архангельской обл., в долинах р. Пинега и Северная Двина и их притоков. Как и в Нижегородской обл. гипс здесь залегает в слоях сакмарского яруса пермской системы (Зеккель, 1965. С. 588–591). Вертикальные берега рек, сложенные гипсом, иногда протягиваются на

десятки километров. Особенно известны выходы гипса у Красногорского монастыря (основан в 1606 г.) на правом берегу р. Пинега (Богачев, 1934. С. 54–56) и у д. Взвоз (или Звоз; ныне не существует) в нижнем течении р. Северная Двина (Дымский, 1934. С. 11–25). Важно отметить, что в пластах гипса и алебастра Звозского месторождения также нередко встречаются шарообразные сростки кристаллов гипса, как и в Борнуково. Следовательно, алебастровый саркофаг мог быть изготовлен из каменного блока, добытого и в этом районе. Недалеко от с. Звоз, на левом берегу Северной Двины, расположен Антониев-Сийский монастырь, который патриарх Никон посетил в мае 1652 г. (Севастьянова, 2003. С. 39, 40). Причем большие выходы гипса известны и на самой р. Сия (Богачев, 1934. С. 56, 57). Сведения о добыче гипса в XVII и XVIII вв. на Пинеге и Северной Двине отсутствуют, но сохранилось указание на то, что в Сийском монастыре в 1671 г. было 10 каменщиков (Сперанский, 1934. С. 185). В то время гипс использовался для приготовления известкового раствора, скрепляющего кирпичную кладку, и мог быть добыт поблизости.

Имеющаяся информация об особенностях состава и строения гипсового саркофага патриарха Никона в настоящее время не позволяет определенно указать место, в котором был добыт каменный монолит для него. Однако приведенные выше сведения дают возможность обосновать вероятность его добычи в одном из месторождений, расположенных на территории Европейской России. Решение вопроса требует дополнительных исследований. В частности, можно изучить отношение изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, которое закономерно изменялось в морской воде на протяжении последних 540 млн лет (McArthur et al., 2001. Р. 155–170), но гипс – не самый подходящий для этого материал, так как обычно имеет вторичное происхождение или испытывал перекристаллизацию. Кроме того, гипсы Нижегородской и Архангельской обл. нельзя будет различить этим методом, поскольку они “осадились” из морской воды примерно в одно и то же геологическое время. Другой подход может быть основан на исследовании химического состава большой коллекции образцов гипса и алебастра из рассмотренных выше потенциальных источников в сравнении с гипсом саркофага, но это весьма трудоемкая задача.

Авторы благодарят В.Л. Косорукова за рентгеновское исследование образцов гипса, И.В. Леушину за фотографию саркофага. За всестороннюю помощь и поддержку мы особенно признательны директору Историко-архитектурного и художественного музея “Новый Иерусалим” Н.А. Абакумовой и настоятелю Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря игумену Феофилакту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богачев Я.Т.* Гипсы бассейнов р. Мехреньги, Сотки и Пинеги // Гипсы Северного края. Ленинградский геолого-геодезический трест. Полезные ископаемые. Вып. 2. Л.; М.; Грозный; Новосибирск, 1934.
- Дымский Г.А.* Звозское месторождение гипса // Гипсы Северного края. Ленинградский геолого-геодезический трест. Полезные ископаемые. Вып. 2. Л.; М.; Грозный; Новосибирск, 1934.
- Житие Никона, святейшего патриарха Московского. Саранск, 2005.
- Залеская Г.Н.* Гипсы и ангидриты // Геология СССР. Т. 11. Поволжье и Прикамье. Ч. 2. Полезные ископаемые. М., 1969.
- Зеккель Я.Д.* Гипс и ангидрит // Геология СССР. Т. 2. Архангельская, Вологодская обл. и Коми АССР. Ч. 2. Полезные ископаемые. М., 1965.
- Меллер В.И.* Очерк геологического строения южной части Нижегородской губернии // Материалы для геологии России. Т. 6. СПб, 1875.
- Михеев В.И.* Рентгенометрический определитель минералов. М., 1957.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. 1. СПб, 1773.
- Севастьянова С.К.* Материалы к "Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона". СПб, 2003.
- Семихатова Л.И.* Гипс. Месторождения гипса Европейской части СССР и Кавказа. С картой // Тр. Научного института по удобрениям. Вып. 36. М., 1926.
- Сибирцев Н.М.* Арзамасский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. Отчет Нижегородскому губернскому земству. Вып. 5. СПб, 1884.
- Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1934.
- Ферхмин А.Р., Докучаев В.В.* Княгининский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. Отчет Нижегородскому губернскому земству. Вып. 4. СПб, 1884.
- McArthur J.M., Howarth R.J., Bailey T.R.* Strontium isotope stratigraphy: LOWESS version 3: best fit to the marine Sr-isotope curve for 0–509 Ma and accompanying look-up table for deriving numerical age // *Jr. Geology*. V. 109. Chicago, 2001.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЗООМОРФНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ СОСУД ИЗ МОГИЛЬНИКА ЕДЫС

© 2013 г. Р.Г. Дзаттиаты

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
(soigsi@mail.ru)

Ключевые слова: Южная Осетия, раннее средневековье, грунтовый могильник, зооморфные керамические сосуды.

The article considers the publication of the finds' assemblage of the burial 8 of the ground cemetery which is situated near the village Edis of the Dzau district of the South Ossetia. The burial is preliminary dated by the author back to the 7th–8th cc. It represented a cumulative multitude grave in a ground pit. The remains of four buried people were found in the burial. The bones of three skeletons were displaced but the other one was in a relative anatomical order. The buried were accompanied by the crockery, adornments and the apparel's accessories: fibulas, pins, earrings, buckles, pendants, beads and a tip of a belt. The specific attention in the article is drawn to the unique zoomorphic vessel in a shape of a sheep founded in the burial. The closest analogues to this find can be found in the North Ossetia. The author believes that the vessel could be of religious worship because the image of a sheep in the Iranian tradition generally and in the Ossetian particularly is identified with the image of Khvarenah.

Во время раскопок раннесредневекового могильника в с. Едыс (Дзауский р-он, Республика Южная Осетия) на восточном участке было исследовано погр. 8 (Дзаттиаты, 2006. С. 18, 19). В могильной яме, контуры которой достоверно проследить не удалось, на глубине 1.3 м от современной дневной поверхности были обнаружены останки четырех погребенных. Кости трех скелетов были перемешаны и сдвинуты, вероятно, при захоронении четвертого (рис. 1, I). Два черепа потревоженных костяков располагались сзади в головах, один – у таза четвертого погребенного. Кости последнего находились в более или менее анатомическом порядке: скелет лежал скорченно на спине с разворотом на левый бок, головой на северо-запад, лицом на северо-восток; руки погребенного были вытянуты вдоль тела (кисти под тазом), ноги согнуты в бедрах под тупым углом, в коленях – под острым.

Рядом с останками была обнаружена посуда, украшения и аксессуары одежды.

1. Глиняный зооморфный кувшин красного обжига в форме барана. Высота кувшина – 17.5 см. Поверхность сосуда лощеная, с мелкими трещинами (рис. 2).

2. Кружка-кувшинчик черного обжига с петлевидной ручкой на тулове и тремя сосцевидными налепами. По шейке корпуса – горизонтальная бороздка. Края венчика отбиты. Высота – 12 см, диа-

метр венчика – 10.3 см, диаметр тулова – 11.7 см (рис. 3, 1).

3. Кружка-кувшинчик черного обжига с отогнутым венчиком и петлевидной ручкой на тулове. На шейке сосуда – две горизонтальные бороздки, между которыми – штриховка в виде ломаных линий. Высота кружки – 10.7 см, диаметр венчика – 11.6 см, диаметр тулова – 13.7 см (рис. 3, 2).

4. Массивная кружка черного обжига с петлевидной ручкой на тулове, венчик расширяется кверху. Высота – 12.8 см, диаметр венчика – 12.8 см, диаметр тулова – 15.8 см (рис. 3, 3).

5. Кружка-кувшинчик черного обжига с петлевидной ручкой на тулове и высоким, несколько расширяющимся кверху венчиком. Высота – 12.4 см, диаметр венчика – 10 см, диаметр тулова – 11.7 см (рис. 3, 4).

6. Две биметаллические арбалетные фибулы. Дужка и приемник – бронзовые, игла железная, деформированная ржавчиной (рис. 1, II, 1, 2).

7. Дужка с приемником от арбалетной фибулы (рис. 1, II, 3).

8. Круглорамчатая железная пряжка (часть утеряна) (рис. 1, II, 4).

9. Фрагменты железных пряжек. На двух – следы тканей (рис. 1, II, 5–9).

10. Бронзовая поясная пряжка с овальной рамкой и ажурным щитком. Рамка со щитком – на железной

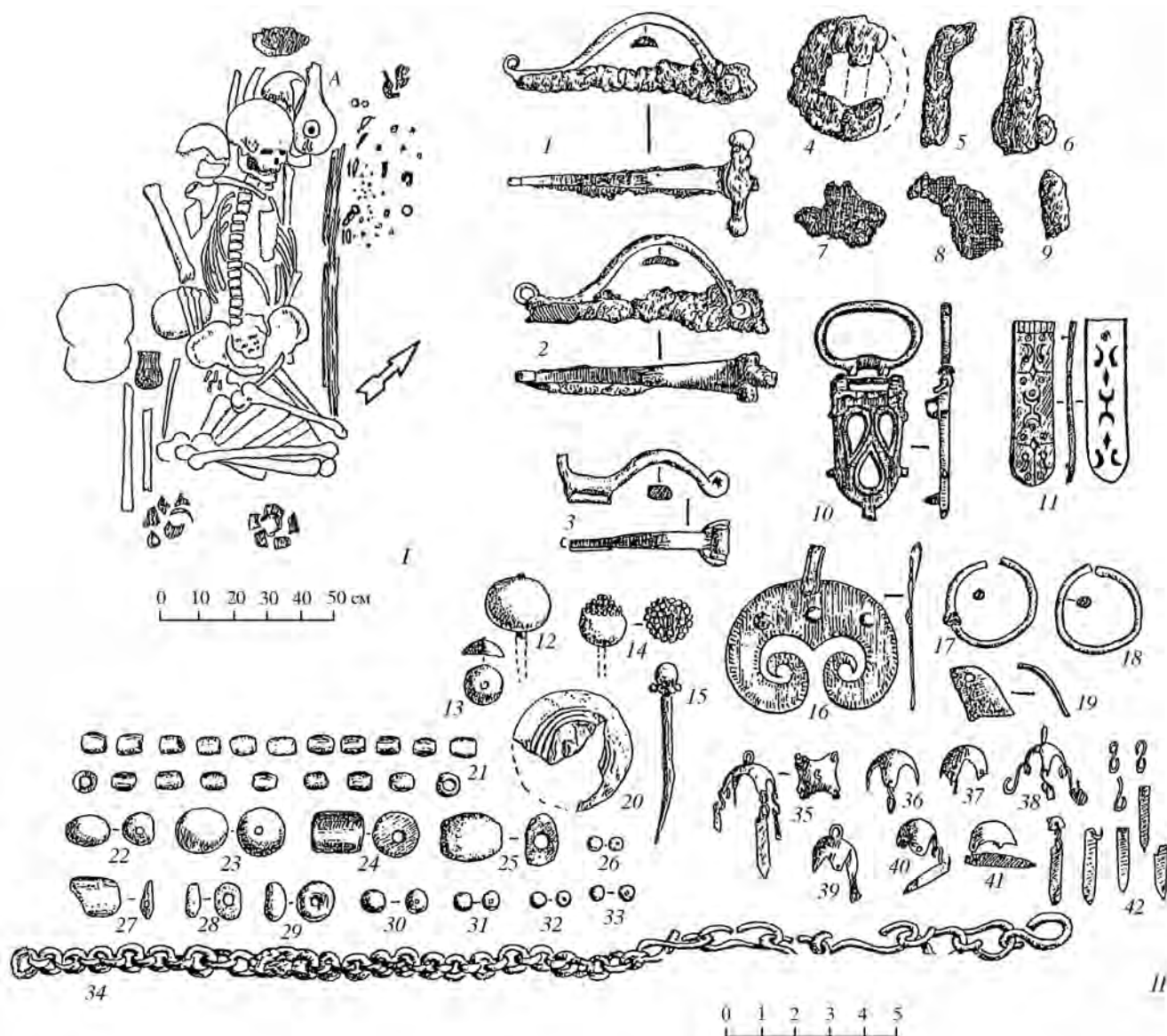

Рис. 1. Погр. 8 мог. Едыс: I – план погребения: А – зооморфный сосуд; II – вещи: 1, 2 – биметаллические фибулы; 3 – бронзовая дужка фибулы с приемником; 4–9 – фрагменты пряжек железных; 10 – пряжка бронзовая; 11 – наконечник пояса бронзовый; 12–15 – булавки железные и бронзовые с сердоликовыми наконечниками; 16 – привеска серебряная; 17, 18 – кольцообразные серьги серебряные; 19 – предмет бронзовый; 20 – фрагмент серебряной сасанидской монеты; 21 – бусы стеклянные; 22, 23 – бусы халцедоновые; 24–28 – бусы янтарные; 29–33 – бусы сердоликовые; 34 – цепочка бронзовая; 35–42 – подвески серебряные.

оси. Прорези щитка каплеобразные, имитирующие личину (рис. 1, II, 10).

11. Поясной наконечник из серебра, орнаментированный ромбическими и серпообразными прорезями, насечкой и циркульными кружочками (рис. 1, II, 11).

12. Железная булавка с головкой из сердоликовой бусины (рис. 1, II, 12).

13. Сердоликовая бусина – головка булавки с “шапочкой” из зерни (рис. 1, II, 14).

14. Фрагмент булавки с отверстием для стержня (рис. 1, II, 13).

15. Бронзовая булавка с зернью между головкой и стержнем (рис. 1, II, 15).

16. Плоская волнитообразная привеска (лунница) из серебра, с тремя шишечками-выступами, пуансоном по краям и петлей для подвешивания (рис. 1, II, 16).

17. Две серебряные кольцообразные серьги из проволоки с незамкнутыми концами (рис. 1, II, 17, 18).

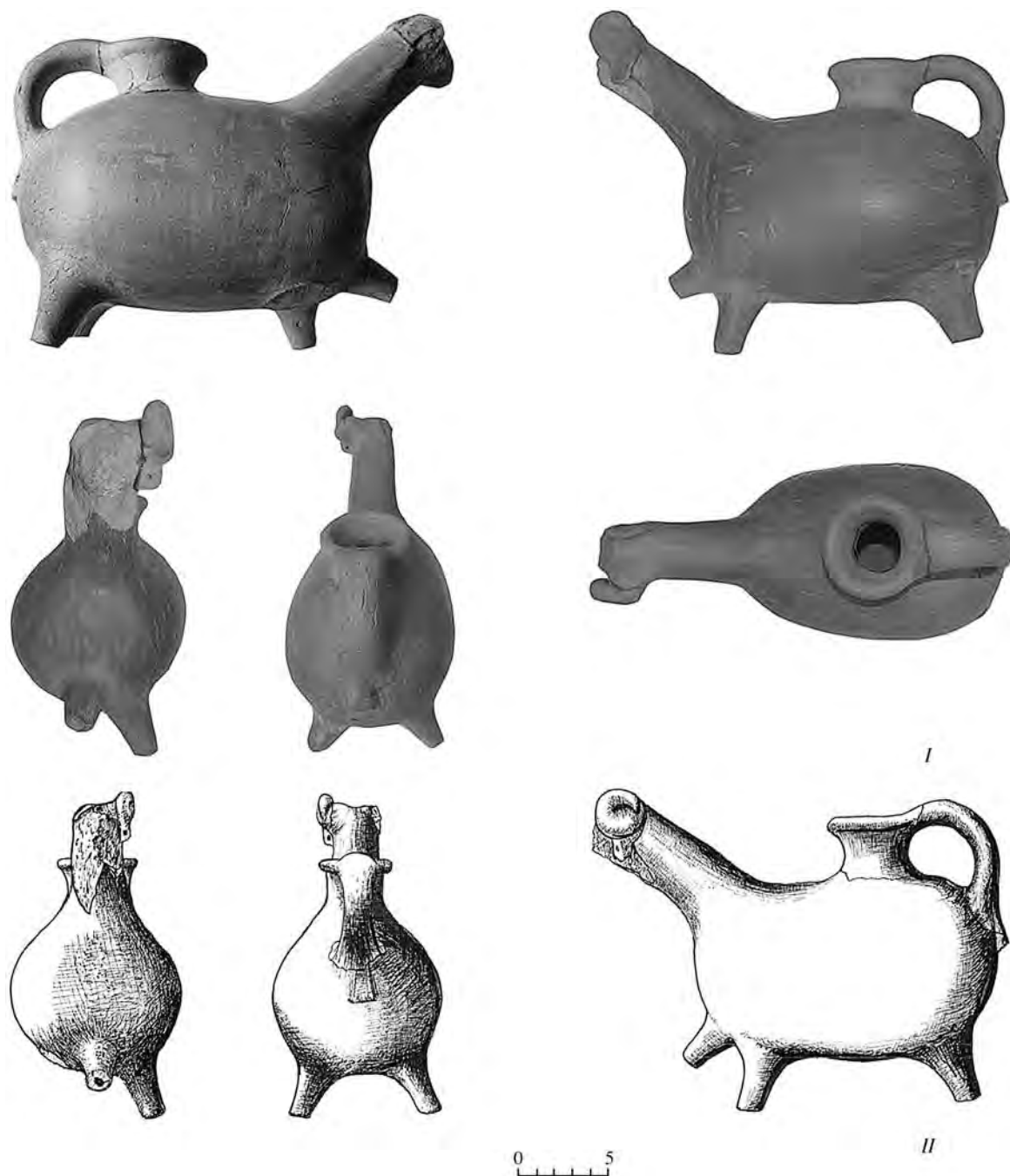

Рис. 2. Зооморфный сосуд из погр. 8 мого. Едыс: I – фото, II – рисунок.

18. Фрагмент серебряной сасанидской монеты. Сохранились следы выпуклых ободков вокруг изображения (рис. 1, II, 20).

19. Фрагмент бронзового пластинчатого предмета (рис. 1, II, 19).

20. Стекланные бусины (20 экз.) разной формы и размеров (рис. 1, II, 21).

21. Две халцедоновые бусины (рис. 1, II, 22, 23).

22. Четыре янтарные бусины разных форм и размеров (рис. 1, II, 24, 25, 27, 28).

23. Пять сердоликовых бусин, три из которых имели круглую, две – неправильно-округлую форму (последние – негладкие со сколами бусы – называют в литературе “грубобрушными”) (рис. 1, II, 29–33).

24. Бронзовая цепочка из звеньев двух форм (рис. 1, II, 34).

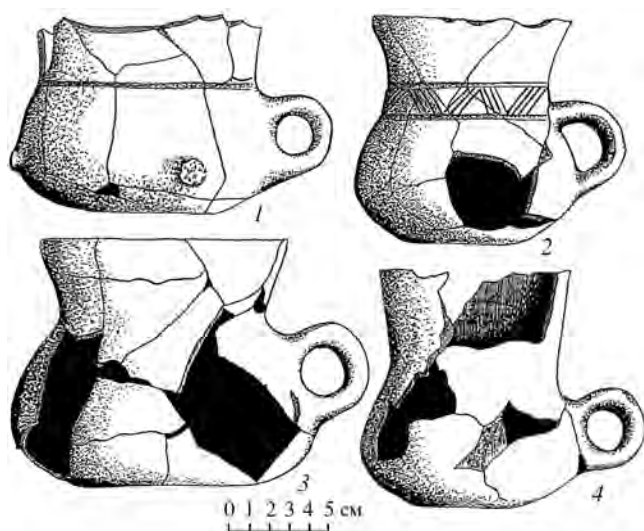

Рис. 3. Сосуды-кружки из погр. 8 мог. Едыс.

25. Фрагменты серебряных подвесок (из ожерелья) в виде чашечки четырехлепесткового цветка с подвешенными к лепесткам узкими заостренными книзу полосками металла (рис. 1, II, 35–42).

По глиняным сосудам, бронзовой пряжке с каплевидными вырезами на щитке, биметаллическим фибулам и другим предметам погребение датируется VII–VIII вв.

Особый интерес вызывает сосуд в виде животного, сохранившийся неполностью: была отбита “мордочка” и утеряна правая передняя “ножка”. По сохранившемуся закругленному рогу (второй, правый рог утерян) констатируем, что сосуд изображал барана.

У основания сохранившегося рога – отросток-ушко с отверстием. На “спинке” барана – горлышко кувшина с зауженной шейкой и выступающим валиком на венчике. От венчика отходит петлеобразная ручка, переходящая в “хвостик” животного. Шея барана вытянутая, цельная. На груди – конический носик-слив. “Ножки” животного в виде усеченных конусов располагались равномерно в нижней части туловища, обеспечивая устойчивость.

Сосуд красного обжига, с лощеной поверхностью. Следует отметить, что обжигу подвергся только наружный слой (в сломках – необожженная серая глина). Длина сосуда – 16,4 см, высота до верхнего края рога – 18,2 см, до венчика – 14,9 см, диаметр венчика – 5,5 см, диаметр шейки – 4,1 см. Общая длина – 23,4 см.

Для древностей раннесредневековой Осетии описанный сосуд совершенно уникален, хотя близкие аналогии были отмечены в других аланских памятниках раннего средневековья. Это сосуды в виде животных, найденные в могильнике Верхняя

Рутха (Дигория) (рис. 4, 1, 2). Приводим описание их, сделанное П.С. Уваровой: “... форма сосудов особенно оригинальна и своеобразна: представляется она под видом звериных фигур, которые, вероятно, служили для сохранения жидкостей, вливаемых в верхнее, более широкое горло, связанное с туловищем полуокруглой ручкой и выпускаемых через нижний узкий носик, расположенный у обоих экземпляров между передними ногами.

Первый из сосудов... представляет приземистую (длина корпуса – 16,5 см, выш. – 13 см) фигуру лося, с вытянутой наперед шейей, с маловыясненной мордой и с незаконченными нижними конечностями. К сожалению, рога обломаны, но в сохранившихся ушах, равно как и вокруг шеи, продеты и надеты бронзовые проволочные кольца. Второй сосуд... особенно типичен и передает весьма талантливо, хотя и без особенных подробностей, фигуру молодого оленя с вытянутым корпусом (длина – 19 см, выш. корпуса до шеи – 16,5 см, у хвоста – 15 см) с поднятым хвостом, вытянутой вверх шейей, наостренным слухом и тонко отделанной мордой, которая, хотя и без глаз, но весьма характерно передает усиленное дыхание и движение полуоткрытого рта и ноздрей. Рога и у этого экземпляра отломаны, но уши с одним кольцом и бронзовое кольцо вокруг шеи сохранились и здесь. Оба сосуда из красной тонкой глины, потерявшей цвет от долгого соприкосновения с органическими частями разлагающегося человеческого тела” (1900. С. 244. Рис. 199, 200).

Сосуды из Верхней Рутхи очень похожи, даже в деталях, на едысский, особенно “лося” (рис. 4, 1). Совпадение почти полное: цвет сосуда, вытянутая шея, ручка, трубчатый носик-слив, четыре ножки, размеры и только головка животного в Едысе – барана, а в Рутхе – лося. Есть еще одна деталь схожести – отверстия в ушах животных, в которые продеты колечки. В ухе Едысского барана тоже есть дырочки, но без колечка, однако около сосуда было найдено два проволочных незамкнутых колечка из низкопробного серебра. Диаметр колечек – 27 мм, диаметр проволоки – 2,6 мм.

Говоря о сосудах из Верхней Рутхи В.А. Кузнецов отмечал, что “фигурные сосуды в виде животных и птиц появляются во II тыс. до н.э. в странах Переднего Востока. В начале I тыс. н.э. они появляются на Северном Кавказе, причем наиболее ранние – в Прикубанье” (Кузнецов, 1962. С. 110). Последнее замечание В.А. Кузнецова не совсем корректно, ибо прикубанские примеры – это не сосуды в виде животных, а изображения животных на сосудах, при этом это ручки сосудов; правда, на Северном Кавказе и Прикубанье такие сосуды (с ручками в виде животных) характерны для сарматских памятников (Скалон, 1941. С. 173–218).

Рис. 4. Аналогии сосуду из погр. 8 мог. Едыс: 1 – сосуд в виде “лосихи”, без масштаба; 2 – сосуд в виде “оленья”, без масштаба; 3–6 – сосуды в виде баранов; 1, 2 – Верхняя Рутха (по: Уварова, 1900); 3–6 – Нейзац (по: Храпунов, 2007).

Керамические сосуды в виде баранов были найдены на могильнике Нейзац в Крыму, около Симферополя (Храпунов, 2007) (рис. 4, 3–6). Автор связывает изображения баранов с общеиранской идеей Фарна (Храпунов, 2007). Всего найдено пять подобных сосудов, включая фрагмент (Храпунов, 2011. С. 24). “Все сосуды имеют на спине выделенное горло, через которое они наполнялись, а во рту – маленькое отверстие, предназначавшееся для слива жидкости. Каждый сосуд снабжен ручкой (у сосуда из могилы 2 она утрачена в древности, но места прилепов видны четко). Одинаково, в виде полукруглых рельефных валиков, изображались рога ... Фигурные сосуды в виде баранов из могильника Нейзац стилистически однородны... В трех случаях хвост показан коротким отростком, которым заканчивается ручка” (Храпунов, 2007. С. 167, 168). Эти сосуды похожи по форме на сосуд из Едыса, однако у них нет носика-слива как у

Едысского кувшина, поэтому слив осуществлялся через рот барана. Но зато у них сходны выделенное горло сосуда на спине животного, четыре ножки, рога, ручки, переходящие в хвостик.

Таким образом, Едысский сосуд, с одной стороны, похож на дигорские (туловище, шея, ножки, петельчатая ручка, носик-слив, колечки в ушах), отличаясь головкой: здесь – баран, там – лосиха и олень. С другой стороны, он близок крымским из Нейзаца: рога, горло для вливания жидкости, ручка на спине, заканчивающаяся хвостиком и, наконец, сам образ барана. Впрочем, абсолютной аналогии не должно было и быть, ибо это продукты разного времени. Крымские сосуды, по определению автора статьи, начала IV в. (Храпунов, 2007. С. 171), а погр. 8 Едысского могильника датируется в пределах VII–VIII вв. Кроме того, эти сосуды, лепные, и, следовательно, индивидуальные. Здесь же отметим и более изящную форму Едысского и дигорских

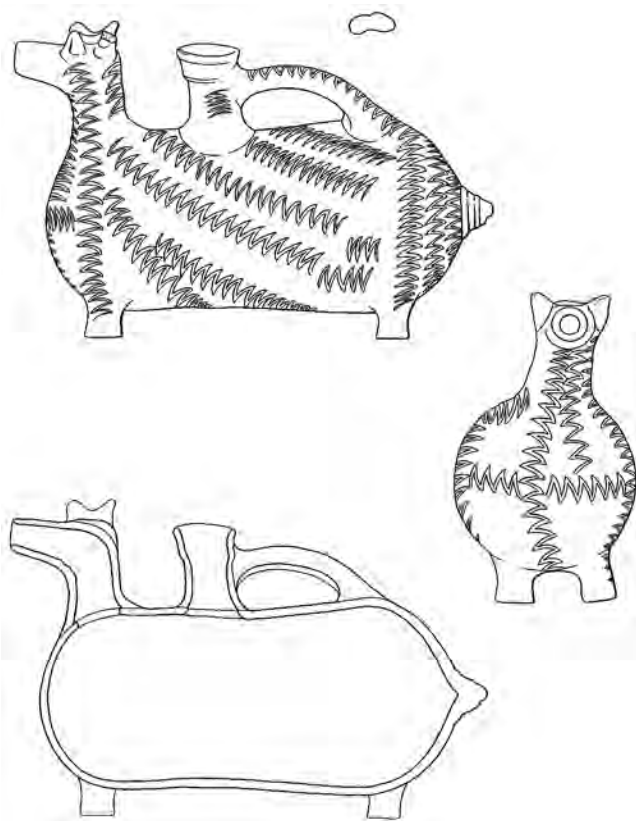

Рис. 5. Сосуд из погр. 114 мог. Кафель Трозино, без масштаба (по: Paroli, Ricci, 2007).

сосудов, хотя крымские украшены штамповкой. Конечно, менялись приемы лепки формы сосудов, но суть оставалась неизменной.

В целом вопрос о генезисе зооморфных сосудов достаточно сложен и требует специального исследования. Находки зооморфных сосудов в Центральной Европе, в частности, в центральной части Италии, в погр. 114 лангобардского могильника Кафель Трозино, говорят о моде на подобные сосуды на достаточно широкой территории. Мода, видимо, распространялась из Византии на соседние территории, населенные варварами. Узко датировать погр. 114 не представляется возможным, так как кроме сосуда никакого другого инвентаря в могиле не было. В целом могильник датируется концом VI – VIII в. (Paroli, Ricci, 2007. P. 118. Tav. 80; 169, 114.1; 233, 114.1). Сосуд из Кафель Трозино – красноглиняный, отличается хорошим качеством, выполнен в виде фигурки травоядного животного и морфологически близок сосудам из Нейзаца – с носиком-сливом, расположенным в области “рта” животного (рис. 5). Однако хронологически он ближе сосуду из Едыса, чем сосудам из Нейзаца. Различия в морфологии сосудов свидетельствуют о том, что на широкой территории, находившейся под влиянием Византии, существова-

ли локальные гончарные мастерские, изготавливавшие подобные сосуды в местных традициях.

Подводя некоторые итоги сказанному, можно констатировать, что зооморфные сосуды с территории Осетии относятся к более позднему периоду, чем это считалось раньше, а именно к VII–VIII вв. Узкая датировка комплекса осложняется тем, что погребальная яма несколько раз использовалась для подхоронений. Не исключено, что сосуды в виде баранов использовались в качестве культовых. Возможность интерпретации кувшина в виде барана из Едысского могильника как культового подкрепляется традиционными представлениями осетин о баране как о воплощении Фарна. Корни этих представлений восходят к культовым представлениям древних иранцев (Абаев, 1948. С. 71; 1958. С. 421; Литвинский, 1968. С. 74). Относительно культа барана в мифологических представлениях осетин и их предков надо отметить его особую живучесть. Тут и святилища в честь барана (Цагаева, 1978. С. 509; Тменов, 1984. С. 33), обряды с жертвоприношениями, культовое печенье в виде барашков, иконография и молитвенные тексты, засвидетельствованные в этнографической литературе (Кочиев, 1988. С. 71–79).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1948.
- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958.
- Дзаттиаты Р.Г. Царцятские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006.
- Кочиев К.К. К вопросу о пережитках культа барана у осетин // Изв. ЮОНИИ. Вып. XXXII. Цхинвал, 1988.
- Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962 (МИА; № 106).
- Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // Тр. отдела истории первобытной культуры. Т. I. Л., 1941.
- Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII.
- Храпунов И.Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. № 1.
- Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац: Сб. науч. статей. Симферополь, 2011.
- Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе, 1978.
- Paroli L., Ricci M. La Necropoli Altomedievale Di Castel Trosino. Catalogo. Firenze, 2007.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕРУССКИХ МЕЧАХ ТИПА А-МЕСТНЫЙ

© 2013 г. А.А. Беговаткин

Институт археологии РАН, Москва (begowat@mail.ru)

Ключевые слова: древнерусские мечи типа А-местный, меч из с. Пурдошки, рубеж X–XI вв., металлографический анализ.

At the end of 1980-s during the open-cut works for break stone development an Old Russian sword with a bronze handle, which was according to the classification of A.N. Kirpichnikov of an A-handle type and dated back to 1000 year, was found in the near vicinity of the village Purdoshki of the Temnikovsky district of the Republic of Mordovia. The sword from the village Purdoshki is the fourth published find of such kind found on the European territory. Furthermore, this is the only exponent known in Russia which has a rich ornamentation in the shape of intertwined double vegetable sprouts combined with the eastern palmettes placed on the guard of the hilt. The appearance of Old Russian swords on the territory, which was not under control of Russian Princes, A.N. Kirpichnikov considers as a demonstration of a military activity of Kyiv in the eastern direction. Pendants with the sign of the Riurikid dynasty found in Kelginsky burial in Moksha area and in Rozhdestvensky burial in Kama area testify it indirectly.

За последние 20 лет в своих исследованиях к мечам типа А-местный обращался литовский археолог В. Казакевичус (Kazakevičius, 1992; 1996). В частности, им опубликованы результаты металлографического анализа фрагмента перекрестия меча подобного типа из Visėtiškės (северо-восточная Литва) и подобраны аналогии мечам типа А-местный с растительным орнаментом на территории Восточной и Северной Европы (Kazakevičius, 1992. Р. 175–179).

В работе “К истории контактов между Швецией и Южной Русью в XI–XII веках” Ф.А. Андрощук (2008. С. 100–111) выделил на основании орнаментации три варианта мечей типа А-местный. Первый условно назван “Киев”. Мечи такого типа отличает орнамент на перекрестии, состоящий из переплетения сдвоенных растительных побегов, и бронзовая рукоять с орнаментальным мотивом в виде чешуи (Андрощук, 2008. С. 101. Рис. 2). Наверший ни на одном из мечей на момент написания статьи Ф.А. Андрощуку известно не было (2008. С. 101). Второй назван “Карабичев–Рязань”. Он выделен на основании сделанных в Восточной Европе находок – рукояти меча в Карабичеве и навершия в Рязани – и отличается оформлением растительным мотивом в византийском стиле. В качестве оснований для подобного вывода автор приводит аналогичные мотивы некоторых росписей Софийского собора в Киеве. И, наконец, третий по классифика-

ции Ф.А. Андрощука определен как “Глуховцы” и представлен одним мечом, обнаруженным на территории Украины. Его рукоять богато декорирована двумя различными орнаментами. Основание навершия и перекрестие имеют следы серебряной инкрустации с мотивом переплетающихся лент. Бронзовая рукоять украшена комбинацией растительного мотива и узлов. По мнению Ф.А. Андрощука, данный стиль декорирования очень близок орнаментации меча варианта “Киев” (2008. С. 102).

Детальному рассмотрению навершия с территории бывшей Рязанской губернии (известному в археологической литературе как навершие из Старой Рязани) посвящена статья “Навершие меча из собрания Государственного Исторического музея” (Каинов, Стефутин, 2012). Соглашаясь с необходимостью и возможностью выделения внутри типа А-местный нескольких вариантов, авторы считают нужным отметить следующее: мечи, включенные А.Н. Кирпичниковым в тип А-местный, неоднородны по морфологии, технологии изготовления и орнаментации деталей рукояти. В отдельную группу, по мнению С.Ю. Каинова и С.А. Стефутина, следует объединить мечи из Карабичева, Киева и с территории бывшей Рязанской губернии. Для них характерны единые технология изготовления (полное литье из латуни), технология исполнения орнаментации (чернение), морфология навершия (четкое разделение, подчеркнутое выпуклым валиком/вали-

ками, на основание и головку, также поделенную на три сегмента). В типологии А.Н. Кирпичникова, включенные в тип А-местный мечи из Глуховцов и Краснянки отличаются двухчастными навершиями, деталями рукояти, изготовленными из железа, а также технологией орнаментации – инкрустация или плакировка (Каинов, Стефутин, 2012).

Внутри этой группы, как и предлагает Ф.А. Андрощук, исходя из орнаментации, можно выделить несколько вариантов мечей типа А-местный: вариант 1 – “Карабичев”, вариант 2 – “Киев”, вариант 3 – бывшая Рязанская губерния. С некоторыми оговорками можно добавить еще вариант 4 – “Паланга” (Каинов, Стефутин, 2012).

Однако, несмотря на столь подробное рассмотрение в отечественной литературе мечей типа А-местный и их вариантов, вне поля зрения специалистов оказался уникальный меч, найденный в Мордовии.

В конце 1980-х годов в окрестностях с. Пурдошки Темниковского района Республики Мордовия при разработке карьера по добыче щебня был обнаружен древнерусский меч с бронзовой рукоятью, относящийся по классификации А.Н. Кирпичникова к типу А-местный и датирующийся около 1000 г. (1966. С. 35, 36). Судя по словам жителя села Н.А. Казабаранова, работавшего в то время в карьере, меч находился в погребении вместе с железным топором и шлемом, а также накладками на поясной набор или на уздечку. Меч поступил на хранение в Темниковский историко-краеведческий музей им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (ОФ № 2380). Судьба остальных предметов из захоронения неизвестна.

В 1992 г. меч из окрестностей с. Пурдошки был опубликован В.Н. Шитовым совместно с сотрудником Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея В.Д. Артемовой (Артемова, Шитов, 1992. С. 143–149). Позднее им же был подготовлен свод мечей, обнаруженных на территории Мордовии (Шитов, 1994. С. 44–49). В работах все-сторонне анализируются представленные в Мордовии разновидности данного клинкового оружия, определяется хронология, а также делается предположение относительно путей проникновения их на мордовские земли.

Меч из окрестностей с. Пурдошки – четвертая опубликованная находка мечей типа А-местный (вариант 2 – “Киев”) с территории Европы (рис. 1). К тому же это единственный наиболее хорошо сохранившийся образец подобного рода в России, для которого характерна богатая орнаментация в виде переплетения сдвоенных растительных побегов в сочетании с восточными пальметками, расположенная на перекрестии рукояти. Рассматривая

находку фрагмента перекрестия, обнаруженного в местечке Visėtiškės (Литва) и относящегося к типу А-местный (вариант 2 – “Киев”), В. Казакевичус указывает среди ближайших аналогов на фрагмент меча с утраченным навершием из Киева (Кирпичников, 1966. С. 129. Табл. XI), а также на фрагмент перекрестия меча, происходящий из Kungs Husby в Швеции (Kazakevičius, 1992. Р. 177. Fig. 6). К тому же это наиболее хорошо сохранившийся образец мечей типа А-местный, для которого характерна богатая орнаментация в виде растительной плетенки, расположенной на рукояти. Необходимо добавить, что меч из окрестностей с. Пурдошки – единственный древнерусский меч X в. типа А-местный, который находится в Государственном музейном фонде РФ.

В 2009–2010 гг. меч из с. Пурдошки в числе других уникальных предметов археологии из фондов Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея был отреставрирован В.Е. Петровым и А.И. Сивовым во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. академика И.Э. Грабаря (ВХНРЦ им И.Э. Грабаря). Тогда же были сделаны измерения и взвешивание, а также проведен металлографический анализ деталей рукояти и клинка меча.

Обстоятельства относительно технологии изготовления и хронологии мечей типа А-местный, выявленные в последнее время, позволяют вновь обратиться к рассмотрению данного артефакта.

В настоящем исследовании подробно рассмотрены некоторые технологические вопросы, конструкция деталей бронзовой рукояти, а также элементы орнаментальной композиции. Перекрестие меча украшено орнаментом, состоящим из комбинации переплетений двойных линий и пальметок. Трубка рукояти покрыта узором в виде чешуи пресмыкающегося животного. Навершие состоит из четырех частей – основания и головки, состоящей из трех сегментов. Между собой они разделены широкой бороздкой с ребристым валиком, орнаментированным поперечными нарезками. Основание навершия орнаментировано плетенкой в виде двух пересекающихся зигзагов с петлевидными вершинами. Внимание привлекают семь знаков, расположенных на основании навершия, при пересечении орнаментальных линий, слева направо в следующей последовательности: кольцо; темный овал, повернутый верхней частью влево; кольцо с точкой посередине; большое кольцо со смещенной влево точкой; светлый овал с двумя перемычками, повернутый верхней частью вправо; малое кольцо; светлый овал с одной перемычкой посередине, повернутый верхней частью вправо (рис. 2). Однако интерпретация указанных знаков сильно

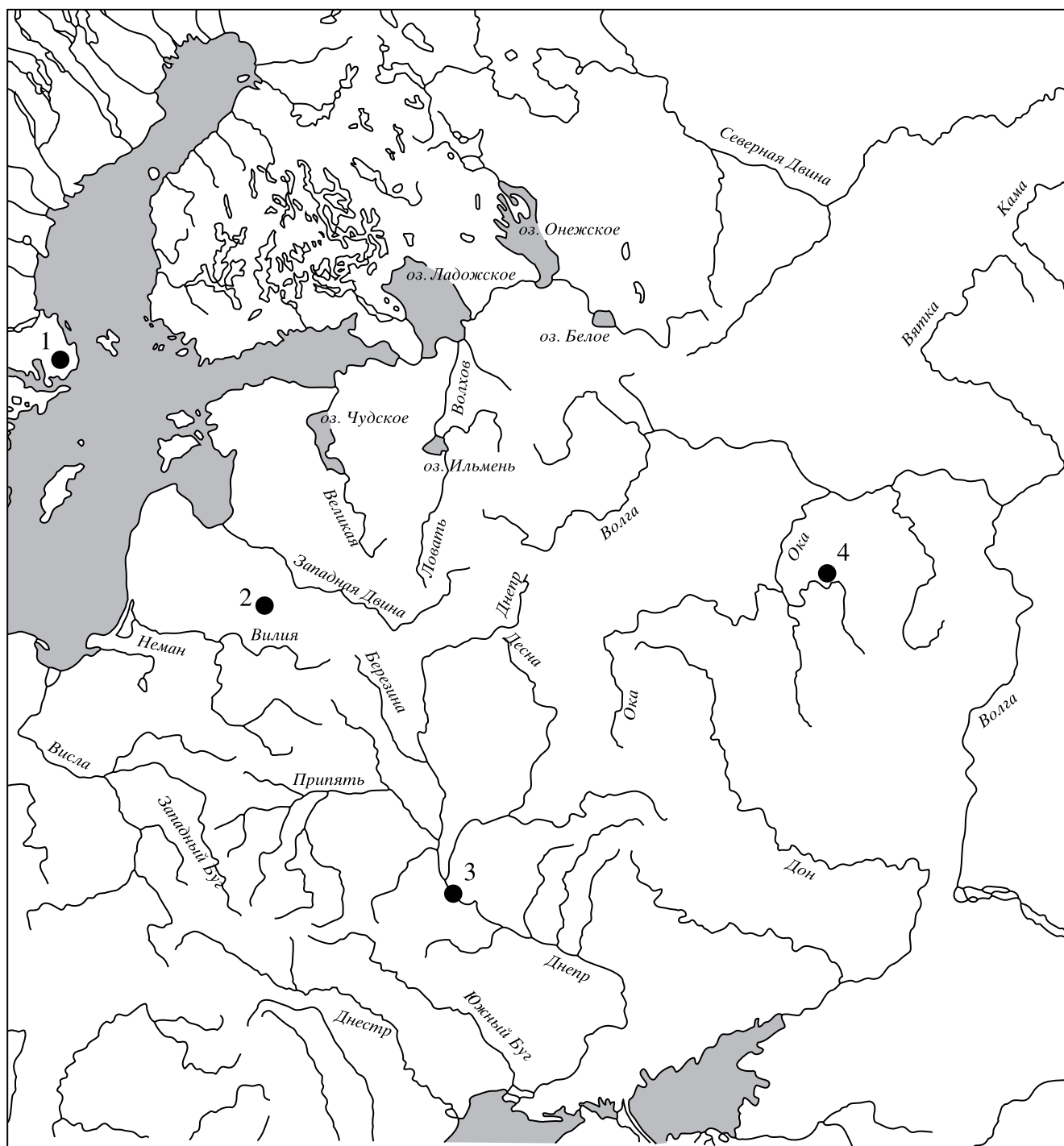

Рис. 1. Карта находок мечей типа А-местный (вариант “Киев”) и фрагментов их перекрестий с орнаментом в виде переплетения двоянных растительных побегов: 1 – Kungs Husby (Швеция); 2 – Visėtiškės (Литва); 3 – Киев (Украина); 4 – с. Пурдошки (Республика Мордовия).

затруднена. Вполне возможно в данном случае имеется ввиду либо зашифрованная надпись – оберег владельца, либо символы семи определенных объектов.

Центральный сегмент головки навершия занимает стилизованное изображение лица. Круги

в центре символизируют глаза, а ромб, находящийся ниже, – по всей видимости, рот, окаймленный усами и бородой. На боковых сегментах помещены тройные спирали, представляющие собой, по мнению В.Д. Артемовой и В.Н. Шитова, солярные знаки (1992. С. 145).

Рис. 2. Меч, обнаруженный около с. Пурдошки: 1 – общий вид; 2 – бронзовая рукоять; 3 – прорисовка орнамента бронзовой рукояти.

Рукоять меча состоит из перекрестия, трубки и навершия (рис. 2, 3). Все детали внутри – полые. Навершие и перекрестие меча – односоставные, отлиты по технологии пустотелого литья (Флёров, 1981. С. 268). Богато орнаментированная рукоять свидетельствует о парадном характере оружия. Ее детали имеют трещины и следы ремонта в древности, что говорит об использовании оружия по его прямому назначению.

Длина сохранившейся части клинка составляет 57.5 см, ширина лезвия у рукояти – 5 см (точные метрологические параметры рукояти указаны на рис. 3). Из-за плохой сохранности клинка до ширины 1.8 см едва просматривается. Никаких следов клейма при визуальном осмотре выявлено не было.

Обратимся к технологии орнаментации рукоятей мечей типа А-местный. По мнению В.Н. Шитова, орнамент состоит из неглубоких бороздок, заполненных чернью (Артемова, Шитов, 1992. С. 144). В. Казакевичус считал, что первоначально элементы

рукояти в местах нанесения орнамента были протравлены кислотой. Затем получившиеся углубления заполнялись смесью медного порошка и серы. В завершение рукоять нагревалась и полировалась (Kazakevičius, 1992. Р. 176). Похожий метод нанесения черни описан в работе Т.И. Макаровой “Черное дело Древней Руси” (1986. С. 12).

Детальный осмотр рукояти меча из с. Пурдошки показал, что наиболее вероятной представляется точка зрения, высказанная В.Н. Шитовым. В верхней части навершия до реставрации были отчетливо видны канавки, в которых черневая смесь отсутствовала. Глубина и характер их стенок свидетельствуют, что детали рукояти отливались с заранее нанесенным контуром углублений под орнамент, а затем дополнительно прорабатывались штихелем.

При реставрации меча в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря было проведено взвешивание отдельных деталей рукояти и взяты пробы для определения состава металла рукояти, черни и клинка. Как отмечалось выше, из-за плохой сохранности верхних слоев поверхности клинка выявление клейма невозможно. Единственное, что можно было предпринять при исследовании клинка, – это выяснить состав металла. В результате применения метода рентгено-флуоресцентного спектрального анализа (РФСА) был определен следующий состав клинка: железо (99.3%), медь (0.4%), цинк (0.3%), марганец (0.03%).

Все детали рукояти внутри – полые. Толщина стенок составляет 2 мм. Взвешивание показало, что общий вес деталей рукояти – 326.5 г, навершия – 152.2, трубки рукояти – 75.4, перекрестия – 98.9.

Для определения состава металла были взяты пробы отдельно с каждой детали рукояти. Исследо-

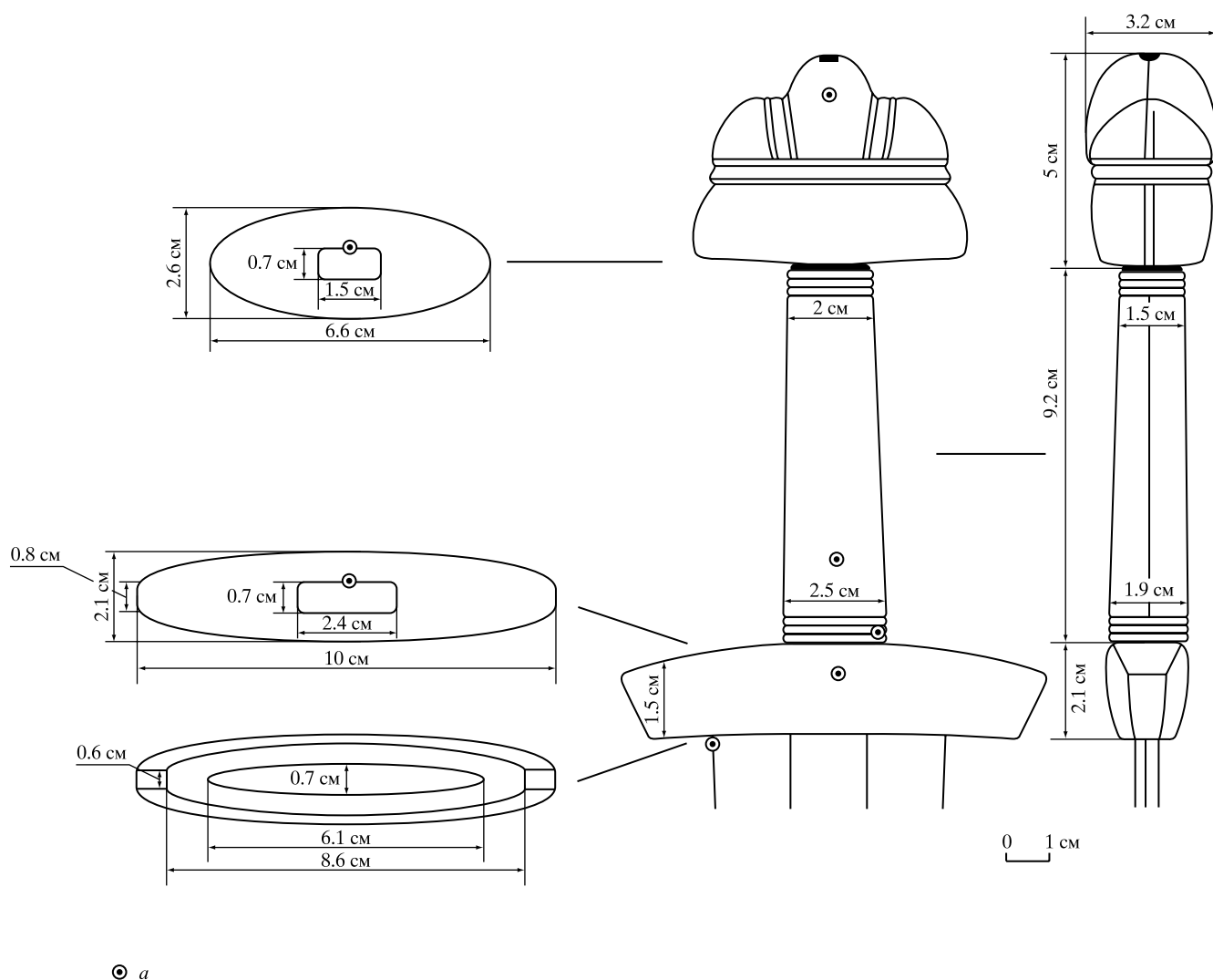

Рис. 3. Размеры (см) деталей рукояти меча из с. Пурдошки. Условные обозначения: а – места забора металла на пробы.

вание было проведено несколькими методами: микроскопии в отраженном свете; микрохимии; РФСА. Была выполнена фотофиксация проб. Усредненные результаты исследования приводятся в табл. 1.

Как мы видим из табл. 1, металлографический анализ показал, что перекрестие и навершие выполнены из похожего сплава, представляющего собой бронзу с довольно низким содержанием олова. В составе сплава трубки олова еще меньше, чем в бронзе перекрестия и навершия. Черновой орнамент нанесен с помощью сплава, содержащего свинец в значительно большем количестве, чем бронза основы. Он представляет собой темные окислы свинца и меди.

Для сравнения в качестве примера можно привести данные металлографического анализа фрагмента перекрестия меча из Visėtiškės, опубликованные В. Казакевичусом и представленные в табл. 2.

В случае с перекрестием меча из Visėtiškės применялось чернение медными сплавами, содержащими большие количества серы и небольшие свинца, кальция, олова и цинка. Таким образом, использовались медные сульфиды Cu_2S , CuS или их сплавы (Kazakevičius, 1992. P. 176).

Сравнение результатов металлографических анализов деталей рукояти меча из с. Пурдошки и фрагмента перекрестия меча из Visėtiškės показывает, что исследованные образцы, несмотря на различное содержание элементов, все-таки близки по составу. Это позволяет сделать предположение о том, что перед нами, вероятнее всего, продукция одного из ремесленных центров Древней Руси. К этому же выводу пришел и В. Казакевичус (Kazakevičius, 1992. P. 178). Ранее точка зрения о древнерусском происхождении мечей типа А-местный была высказана польским археологом В. Сарновской

Таблица 1. Результаты исследования состава (%) металла рукояти меча из с. Пурдошки

Элемент	Перекрестие		Навершие		Трубка	
	основа	чернь	основа	чернь	основа	чернь
Cu	~ 72.2	~ 55.7	~ 78.5	~ 76.5	~ 82.3	~ 59.8
Sn	~ 14.9	~ 3.6	~ 7.7	~ 1.8	~ 0.8	~ 0.3
Pb	~ 7.5	~ 31.9	~ 7.6	~ 22.6	~ 12.5	~ 34.8
Zn	~ 5.7	~ 9.3	~ 5.3	0	~ 4.1	~ 2.2
Fe	~ 0.4	~ 0.8	~ 0.8	~ 0.4	~ 0.3	~ 3.2

Таблица 2. Данные металлографического анализа (%) фрагмента перекрестия меча из Visėtiškės (по: Kazakevičius, 1992)

Элемент	Основа	Чернь
Cu	~ 83.5	~ 98.7
Sn	~ 8	~ 0.8
Zn	~ 8.3	~ 0.3

(Sarnowska, 1955. S. 318) и поддержана литовской исследовательницей Р. Волкайте-Куликаускаене (Volkaitė-Kulikauskienė, 1964. P. 213).

Как уже отмечалось выше, мечи типа А-местный датируются рубежом X–XI вв. Появление древнерусских мечей на землях, неподконтрольных русским князьям, рассматривалось А.Н. Кирпичниковым и В.Н. Шитовым как проявление военной активности Киева в восточном направлении. Косвенно в пользу этого свидетельствуют и подвески со знаками Рюриковичей, обнаруженные в Кельгининском могильнике в Примокшанье (Беговаткин, 2004. С. 447–450) и в Рождественском могильнике в Прикамье (Крыласова, 1995. С. 192–197).

Предложенная датировка соответствует хронологии кургана 12 в Visėtiškės, комплекс которого датируется в пределах X – XI вв. По мнению В. Казакевичуса, в конце X или в начале XI в. меч, сделанный в Киевской Руси, был привезен в Visėtiškės, где при неизвестных обстоятельствах был разбит, и фрагмент его перекрестия попал в курган 12 (Kazakevičius, 1992. P. 179).

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам по металлу ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря В.Е. Петрову и А.И. Сивову за реставрацию меча; заведующей сектором отдела физико-химических методов исследований ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря А.Я. Мaziной – за проведение металлографических исследований; сотруднику отдела оружия Государственного Исторического музея С.Ю. Каинову – за помощь при написании данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрощук Ф.А. К истории контактов между Швецией и Южной Русью в XI–XII веках // ДЫНЬСЛОВО. Київ, 2008.
- Артемova В.Д., Шитов В.Н. Два меча XI в. из Темниковского Примокшанья // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992 (Тр. Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики; Вып. 104).
- Беговаткин А.А. Погребения с геральдическими подвесками из Кельгининского могильника в Мордовии // STRATUM plus. 2003–2004. № 6.
- Каинов С.Ю., Стефутин С.А. Навершие меча из собрания Государственного Исторического музея // Образы времени. Из истории древнего искусства. М., 2012 (Тр. ГИМ; Вып. 189).
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // М.; Л., 1966 (САИ; Вып. Е1-36).
- Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2.
- Макарова Т.И. Черное дело Древней Руси. М., 1986.
- Флёрв А.В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М., 1981.
- Шитов В.Н. Мечи X–XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
- Kazakevičius V. The find of an East European sword quillon in a barrow in Visėtiškės, Anykščiai district, Lithuania // Fornvannen. 1992. № 87.
- Kazakevičius V. IX–XIII a. baltų kalavijai. Vilnius, 1996.
- Sarnowska W. Miesze wczesnośredniowieczne w Polsce // Światowit. T. XXI. Warszawa, 1955.
- Volkaitė-Kulikauskienė R. IX–XII amžių kalavijai Lietuvoje // Iš lietuvių kultūros istorijos. IV. Vilnius, 1964.

ОБ ЭТИЧЕСКОМ КОДЕКСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АРХЕОЛОГОВ (зарубежный опыт)

© 2013 г. В.А. Коренько

Государственный музей искусства народов Востока, Москва (korennyako@gmail.com)

Ключевые слова: *этика, этический кодекс, профессиональные археологи, коммерциализация археологии, интеллектуальная собственность и авторское право в археологии.*

This article considers the problem of establishing the Ethics Code for Russian archaeologists on the bases of the analysis of the Ethics Codes of the USA, Canada, European Union and the Ukraine. The Codes' texts are published in the translations of the author.

Основания для выработки кодекса. До сих пор в специальной литературе тема профессионального этического кодекса российских археологов практически отсутствует – как и сам кодекс. Но этические кодексы давно есть на Западе, а с недавних пор и на Украине. Нужен ли такой кодекс в России? Мысль о его необходимости порождена очевидностью кризисных явлений в современной российской археологии. В литературе последних двадцати лет их выявляют и анализируют все более активно (Косарев, 1994; Шер, 1999; Незаконные раскопки и археологическое наследие России, 2002; Смирнов, 2002; Сорокина, 2007; Коренько, 2004; 2010; Энговатова, 2012). Кодекс нужен, причем он должен быть плодом коллективных усилий всего сообщества археологов-профессионалов, осознавшего опасность и готового ей противостоять. Такой кодекс в форме крайне общих рассуждений или представлений, конечно, существовал и раньше. Но его нормы, якобы всем известные, почему-то до сих пор не декларированы и в современных условиях России просто не работают: отсутствие кодекса профессиональной этики маскирует нарушения под общепринятое поведение.

Только кодекс даст возможность осознать то или иное поведение как нарушающее профессионально-этические нормы. Кроме того, принятый кодекс позволит судить о масштабах кризиса (до сих пор все выявленные нарушения выглядят случайностями, а разрозненные наблюдения рефлексированных авторов кажутся неубедительными).

Важно, что принятие (или непринятие) профессионального кодекса археологами совершенно не зависит ни от государства, ни от представителей других научных дисциплин – это самостоятельный

и добровольный шаг научного сообщества, он прекрасно охарактеризует степень его зрелости и ответственности.

Строить этический кодекс предполагается по принципу ответов на конкретные вызовы и потенциальные опасности, чтобы перечень кодифицированных этических норм составил как бы зеркальную пару списку кризисных симптомов.

Ориентиром для разработки проекта этического кодекса могут быть кодексы, принятые в археологических сообществах зарубежных стран, где накоплен значительный положительный опыт по использованию кодексов для этического регулирования научного сообщества. Мы предлагаем ознакомиться прежде всего с рядом документов, принятых в 1990–2006 гг. Их восемь:

три действуют в США (Archaeological Institute of America в 1990 г. принял “Code of Ethics” (<http://www.archaeological.org/news/advocacy/130>) и “Code of Professional Standards” (<http://www.archaeological.org/news/advocacy/132>); в 1996 г. Society for American Archaeology приняло “Principles of Archaeological Ethics” (<http://www.saa.org/AbouttheSociety/PrinciplesofArchaeologicalEthics/tabid/203/Default.aspx>);

два носят общеевропейский характер (European Association of Archaeologists в 1997 и 1998 гг. приняла “Code of Practice” (http://e-a-a.org/EAA_Code_of_Practice.pdf) и “Principles of Conduct” (http://www.e-a-a.org/EAA_Princ_of_Conduct.pdf),

два приняты Canadian Archaeological Association (“Principles of Ethical Conduct” (<http://canadianarchaeology.com/caa/about/ethics/principles-ethical-conduct>) и “Statement of Principles for Ethical Conduct Pertaining to Aboriginal Peoples” (<http://canadianarchaeology.com/statement-of-principles-for-ethical-conduct-pertaining-to-aboriginal-peoples>)).

com/caa/statement-principles-ethical-conduct-pertaining-aboriginal-peoples);

“Кодекс этики професійного археолога” утвержден на заседании Ученого Совета Института археологии НАН Украины (Кодекс этики..., 2006).

Эти документы регулируют поведение профессиональных археологических сообществ и отдельных ученых на всей территории Северной Америки, Западной и Центральной Европы, а также части Восточной Европы, включая Украину.

Основные термины. Кодекс требует однозначно понимать используемые в нем опорные или часто употребляемые термины, поэтому необходимо их предварительно обсудить. Тем более, что в составе иноязычных кодексов есть термины, до сих пор практически не употребляющиеся в русском языке и не имеющие устойчивого русского аналога.

Кодекс. Употребляется в единственном (и наиболее распространенном сейчас) значении – свод, сборник, система нормативных актов, в том числе законодательных. Под законом обычно понимается “нормативный акт, принятый в особом порядке органом законодательной власти или референдумом”, роль которых в нашем случае играет научное сообщество или учреждение. При этом необходимо строго разделять сферу права как совокупности исходящих от государства правил и сферу нравственности (морали), принципы и нормы которой не зафиксированы в государственном законодательстве и воплощаются в нравах, обычаях, убеждениях, привычках. Изначальные значения слова “кодекс” в классической латыни (переплетенная книга, сборник, набор) также учитываются (см.: Бартошек, 1989. С. 71; Большая юридическая энциклопедия, 2005. С. 194, 195, 346, 420, 421, 448, 449, 537; Дворецкий, 1986. С. 153).

Этика, этический. В отечественной философской литературе утвердилось представление о том, что этика есть наука, объектом изучения которой является мораль, нравственность. Мораль же – форма общественного сознания, точнее, совокупность принципов, правил, норм, которыми люди руководствуются в поведении. В западной философии возобладала иная точка зрения, согласно которой этика и мораль (нравственность) суть практически тождественные понятия (Дробницкий, 1970. С. 582–588; Дробницкий, 1983. С. 387, 388; Дробницкий, Иванов, 1983. С. 808–811; Морозов, 1964. С. 499–502). Так что словосочетания “этический кодекс” и “моральный кодекс” можно воспринимать как синонимичные, но первое из них в России стало сейчас практически общепринятым.

Профессиональный археолог. Соответствующее определение имеется только в украинском “Кодексе этики профессионального археолога” (I. 1.): “Профессиональным археологом является лицо, которое получило соответствующее (археологическое, историческое) специальное образование в высшем учебном заведении, постоянно работает в учреждении, задачей которого являются изучение, охрана, распространение и пропаганда знаний об археологических источниках”. Определение не вполне бесспорное, но в общем приемлемое для проекта этического кодекса российских археологов.

Археологические данные (*archaeological record*). Термин фигурирует в этических кодексах. Развернутое определение содержится в “Принципах этического поведения” Канадской археологической ассоциации: “Археологические данные включают в себя находки и места раскопок, археологические коллекции, полевую документацию и отчеты”. Археологическими данными считаются и результаты раскопок, и места раскопок (очевидно, подвергающиеся раскопкам археологические памятники), и неясная категория “находки”. Кроме отчетов и археологических коллекций к археологическим данным следует отнести полевые чертежи, фотографии, рисунки – вообще все материалы – вторичные носители информации, связанные с археологическими разведками, раскопками, кабинетной обработкой их результатов.

Стюард, стюардшип (*steward, stewardship*) – термины, не использовавшиеся до сих пор в России и не имеющие адекватного перевода. Они часто встречаются в англоязычных документах (“Принципы археологической этики” Общества американской археологии, принцип № 1; преамбула “Кодекса практики” Европейской ассоциации археологов; название раздела (“Стюардшип”) в “Принципах этического поведения” Канадской археологической ассоциации). Стюардшип – многозначный термин. Он определяется как общий и главный принцип работы археологов, проявляющийся в сохранении (охране, защите) и управлении (заведовании, руководстве, надзоре, контроле, опеке, попечительстве) археологическим наследием. Возможно емкое и прямое, пусть и пафосное, толкование: *служение* памятникам. Сохранение археологического наследия – главная цель стюардшипа. Если полное сохранение памятника недостижимо, политика стюардшипа диктует поведение, обеспечивающее максимально осторожные раскопки с максимально точной фиксацией их результатов. Соответственно, стюард (попечитель) – лицо, осуществляющее политику и принципы стюардшипа.

Интерпретатор (*interpreter* – в значении “толкователь”, “комментатор”). Понятие, сопряженное с понятием “стюард” (в преамбуле “Кодекса практики” Европейской ассоциации археологов: “археологи являются интерпретаторами и стюардами археологического наследия”).

Коммодификация (*commodification* – превращение в товар (от *commodity* – товар, предмет или продукт потребления). Понятие, близкое современному русскому выражению “коммерциализация”, но более широкое (ср. “утилитарный подход”). Этические кодексы толкуют то и другое негативно, осуждая (и даже прямо запрещая) любую деятельность, повышающую “коммерческую ценность археологических объектов” (См.: “Этический кодекс” Археологического института Америки, “Кодекс профессиональных стандартов” Археологического института Америки, – П. 3, “Принципы археологической этики” Общества американской археологии – принцип № 3, “Кодекс практики” Европейской ассоциации археологов – 1.6 и 1.7; “Принципы деятельности” Европейской ассоциации археологов).

Термины *стюард* (*стюардшип*), *интерпретатор* и *коммодификация* – и, главное, стоящие за ними понятия должны быть учтены при составлении текста этического кодекса профессионального российского археолога.

Обратимся к анализу содержания зарубежных кодексов, чтобы установить, какие из основных проблем профессиональных археологических сообществ они решают, а какие не решают (во всяком случае в том виде, который удовлетворял бы российских специалистов).

Общие обязанности профессиональных археологов. Под общими обязанностями (принципами деятельности) целесообразно понимать те профессиональные обязанности, которые археолог исполняет или должен исполнять в любых ситуациях, причем различия в ситуациях не ведут к модификации этих обязанностей; общие обязанности практически не меняются в зависимости от обстоятельств. В изученных документах определены следующие общие обязанности профессиональных археологов, которые не являются специфичными и применимы к ученым и к гражданам в целом: (1) профессиональный археолог должен знать и соблюдать законы страны (стран), в которой он живет и работает; (2) отношение к коллегам и вообще к другим людям должно быть уважительным и чутким, выдержанным в духе сотрудничества и способствующим выполнению исследовательских проектов; (3) недопустима дискриминация по отношению к коллегам и к наемному персоналу по признакам пола, возраста, вероисповедания, расы, национального проис-

хождения, инвалидности, сексуальной ориентации; меры по расследованию жалоб о дискриминации или домогательствах должны приниматься незамедлительно; (4) выполнение исследовательских проектов должно сопровождаться уважительным отношением к национальным стандартам, касающимся условий и безопасности труда и социального страхования.

Основной *специфический* принцип деятельности профессионального археолога – стюардшип. Главная цель – сохранить археологическое наследие. Это предполагает воздержание от археологических раскопок и в случае крайней необходимости проведение их с крайней осторожностью и при максимально точной фиксации результатов. Принцип стюардшипа предполагает, во-первых, что все проекты археологических исследований должны содержать конкретные планы по сохранению археологических памятников и публикации данных о них. Во-вторых, в тех случаях, когда сохранение археологических памятников невозможно, археологические раскопки должны проводиться на высоком профессиональном уровне, а полученные при раскопках археологические данные должны сохраняться во всех аспектах и в долгосрочной перспективе. В-третьих, знания об археологическом наследии должны быть доступны, а результаты исследования археологических памятников необходимо точно фиксировать, публиковать или распространять любыми известными способами. В-четвертых, важная обязанность профессиональных археологов – привлечение внимания компетентных органов к угрозам археологическому наследию, в том числе к разграблению археологических памятников и мест археологических раскопок, к незаконной торговле древностями; археолог обязан для этого использовать все средства и убедиться, что соответствующие меры со стороны компетентных органов приняты.

Сразу заметим, что в России против принципов стюардшипа не стоит ожидать открытых возражений. В то же время часть этих принципов не совпадает с особенностями нашей практической археологии. Коллизии могут возникнуть уже в реализации первого, третьего и четвертого пунктов данного раздела. Хотя стратегия стюардшипа рекомендует воздерживаться от археологических раскопок, само широко используемое в России понятие “охранные раскопки” содержит противоречие в определении и демонстрирует противоположный подход. Эти противоречия и коллизии заслуживают гораздо более подробного разбора, который уже происходит (см.: Макаров, 2004; Энговатова, 2012).

Археология и высокие профессиональные стандарты. Общее место анализируемых докумен-

тов – тезис о приверженности профессиональных археологов высоким (даже “наивысшим”) профессиональным стандартам (вариант: “высоким стандартам этического и профессионального поведения”). Существенны и конкретные рекомендации – например, иметь “соответствующие подготовку, опыт, оборудование и прочую поддержку, необходимые для проведения любой программы исследования”. Или “быть в курсе развития знаний и методологий, связанных с их (археологов – В.К.) специализацией и методами полевой работы, консервацией [памятников], распространением информации, а также имеющих отношение к смежным областям”.

Гораздо более важная и широкая (до сих пор не до конца оцениваемая) этическая норма – “воздерживаться от поведения, которое может принести археологической профессии дурную славу”. Действительно, лет 30 назад в России слово “археолог” звучало гордо. Поэтому и сегодня именно эта норма должна быть положена в основу всего поведения ученого.

Предварительная оценка археологических исследовательских проектов. До начала раскопок (до “принятия ответственности за раскопки”) археологи должны решить, обладают ли они надлежащими подготовкой, поддержкой, ресурсами и средствами. Археолог не должен осуществлять проекты, для которых он недостаточно подготовлен и обучен. Археологические исследования должны проводиться под наблюдением квалифицированного персонала, а результаты таких исследований должны быть опубликованы (обнародованы). Нужно взвесить и целесообразность самих раскопок. Это делается на основании оценки целей, подходов и методов, особенностей ранее полученного археологического материала, возможных последствий работ и др.

Археологические исследования, связанные с контрактной системой финансирования. Для работ, финансирование которых осуществляется не из бюджета проводящего археологические исследования учреждения, а из средств, привлеченных благодаря контрактам (договорам) на археологические работы (в СССР и России за ними закрепились названия: “новостроечные”, “хоздоговорные”, “спасательные”), Европейская ассоциация археологов в 1998 г. приняла специальный документ “Принципы деятельности ЕАА для археологов, вовлеченных в археологические работы по контракту”. Основная часть документа включает четырнадцать принципов. Они высказаны вполне определенно и не нуждаются в комментариях. Главным в этих четырнадцати принципах, пожалуй, является непри-

емлемость любого снижения качества проводимых по контракту археологических работ, непереносимое соответствие этих работ “признанным профессиональным стандартам” и, в целом, ответственное отношение археологов к полевым исследованиям.

Обязанности профессионального археолога по отношению к археологическим материалам. В анализируемых документах рассмотрены обязанности археологов по отношению к результатам исследований, и среди них: (1) хранение и курирование археологических материалов в доступных хранилищах, где должны быть обеспечены постоянное (“долгосрочное”) хранение, защита, доступность широкому кругу заинтересованной общественности; (2) подготовка отчетов об археологических исследованиях в установленные сроки, в понятной форме, надежных и достойно заменяющих уничтоженные археологические памятники; (3) доступность данных археологических исследований “по истечении разумного периода” (или “по истечении начального периода конфиденциальности, не превышающего шесть календарных месяцев”) другим внушающим доверие (“законным”) исследователям; (4) обеспечение сохранности документов для будущих исследователей.

Проблемы интеллектуальной собственности, авторского права и публикаций. Область археологии, соответствующая понятиям интеллектуальной собственности и авторского права – это та область, в которой очевидна пагубная роль несогласованных, противоречивых и слабо обоснованных суждений. Именно здесь часто возникают “конфликты интересов”. Наиболее очевидны конфликты между руководителями полевых исследований (они желают закрепить за собой авторские права на максимальные сроки – например, пожизненно) и кабинетными исследователями, занятыми аналитической и обобщающей работой, качество которой определяет объем привлеченного фактического материала.

Ситуацию в России автор уже пытался охарактеризовать (Кореньяко, 2004; 2010), и положение несколько не улучшается с течением времени. Напротив, привлечение широкого круга документов показывает, что оно еще более противоречиво и обречено порождать конфликты.

В 1996 г. Государственная Дума приняла Федеральный закон Российской Федерации “О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации” (Федеральный закон Российской Федерации, 1998. С. 319–336), но, к сожалению, особенности этого документа не позволяют с его помощью решать встающие задачи. Так, статья 35 главы VI “Обеспечение доступности музейного фонда Российской Федерации” утвер-

ждает, что доступ к музейным предметам может быть ограничен по причине “нахождения музейного предмета в хранилище (депозитарии) музея”. Еще более определенный и негативный смысл имеет статья 36 “Публикация музейных предметов и музейных коллекций”. Она закрепляет “право первой публикации музейных предметов и музейных коллекций” за музеями и устанавливает, что “производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции... с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций ... осуществляется с разрешения дирекции музеев”. Мало помогает делу и статья 3 “Основные понятия”, трактующая публикацию как “одну из основных форм деятельности музея, предполагающую все виды представления обществу музейных предметов и музейных коллекций путем публичного показа, воспроизведения в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей”.

Приведенные положения закона “О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации” выдержаны если не в запретительном, то в ограничительном духе – они передают “право первой публикации” в руки музеев. Вспомним, что право на публикацию является личным неимущественным авторским правом (Большая Юридическая энциклопедия. С. 10–13, 328). Передача этого права (прав) музеям прямо противоречит другому закону Российской Федерации – закону “Об авторском праве и смежных правах” (Закон Российской Федерации об авторском праве и смежных правах. С. 9, 10, 13–17; Коренько, 2004. С. 40–42). Этот закон провозглашает, что “авторское право на произведение науки, литературы и искусства возникает в силу его создания”. Музеи же трудно заподозрить в том, что именно они создали хранящиеся в них музейные предметы. Я уже не упоминаю о такой “банальности”, что авторское право не может быть анонимным – именно поэтому закон “Об авторском праве и смежных правах” утверждал, что “произведения народного искусства не являются объектами авторского права”.

Закон “О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации” противоречит такому известному документу, как “Кодекс профессиональной этики” Международного совета музеев (ИКОМ). Руководящий принцип кодекса ИКОМ состоит в том, что “музеи являются общественным достоянием, и их ценность для общества прямо пропорциональна качеству оказываемых ими услуг”. Если российский закон “О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации” ограничивает доступ к музейным предме-

там по причине “нахождения музейного предмета в хранилище (депозитарии) музея”, то кодекс ИКОМ занимает противоположную позицию. Он призывает сотрудников музеев “давать внушающим доверие исследователям возможно более полный доступ к любому материалу и документации, порученной им, даже если объект и тема запроса со стороны затрагивают предмет их собственных изысканий и интересов” (Международный совет музеев, 1989. С. 5, 6, 13, 15–17; Коренько, 2004. С. 43).

Углубляясь в область интеллектуальной собственности и авторского права, мы легко обнаруживаем немало интересного и в зарубежных этических кодексах. Те из них, в которых отражена позиция археологических сообществ по отношению к интеллектуальной собственности, в той или иной степени отражают ограничивающую позицию. Это ограничение начинается с необходимого минимума – требования получать письменные разрешения для изучения неопубликованных археологических материалов (“Кодекс профессиональных стандартов” Археологического института Америки, “Кодекс практики” Европейской ассоциации археологов). Логично согласиться и с таким ограничением: “Ученые, стремящиеся получить доступ к неопубликованной информации, не должны рассчитывать на получение интерпретационных данных, если они также еще не опубликованы и находятся в работе” (“Кодекс профессиональных стандартов” Археологического института Америки, III. 5).

Пятый из принципов археологической этики Общества американской археологии сводится к тому, что исследователь “может получить первоочередной доступ к исходным материалам и документам в течение ограниченного и разумного срока, после чего эти материалы и документы должны стать доступными для других”. Этот “ограниченный и разумный срок” “Кодекс практики” Европейской ассоциации археологов определяет не более чем десятью годами: “по истечении десятилетнего периода документация должна стать открытой для анализа и публикации другими специалистами”.

Украинский “Кодекс этики профессионального археолога” (раздел III) наиболее подробно трактует проблемы интеллектуальной собственности и авторского права. Этот документ призывает авторов археологических работ к тому, чтобы материалы исследований “оглашались в самый короткий срок благодаря публикациям и иным средствам”. Декларируется компромисс: “как полный запрет доступа к последним (материалам – В.К.), так и работа с ними без авторского разрешения не допустимы”.

Реально же, согласно украинскому кодексу, руководитель археологических раскопок получает

бессрочное право на добытые материалы. В первые пять лет это право имеет исключительный характер, а после пятилетнего срока – характер приоритетный, “что предусматривает свободный доступ коллег к отчетам, а с разрешения автора и к его материалам”. После смерти руководителя раскопок право на использование материалов переходит к его соавторам, а “в случае отсутствия таких лиц материалы приобретают статус общедоступных, однако вопрос об их использовании и полной или частичной публикации может быть также поставлен специальным решением Ученого совета ИА НАНУ по рекомендации соответствующих научных отделов ИА НАНУ или учреждений, где работал владелец Открытого листа”.

В общем, вопросы интеллектуальной собственности и авторского права трактуются в этических документах археологических сообществ очень противоречиво, непоследовательно и даже тенденциозно. Из этого следует важный вывод: получение ответов на эти вопросы может быть результатом их специального обсуждения, вероятно, в широкой аудитории.

Подотчетность археологии обществу, обязанность популяризации археологических знаний. Речь не только о том, чтобы археологи непременно информировали о своей деятельности и намерениях коллег и директора проекта (“Кодекс профессиональных стандартов” Археологического института Америки, III. 7). Во всех этических кодексах говорится об обязанности археологов популяризировать знания среди самой широкой общественности и получать именно общественную поддержку. По определению “Кодекса практики” Европейской ассоциации археологов (1.3) археологи должны делать “активные шаги для информирования широкой общественности о целях и методах археологии вообще и отдельных проектов в частности”. Принцип № 4 (“Общественное просвещение и пропаганда”) Общества американской археологии подробно указывает на обязанности археологов и завершается трезвой рекомендацией: “Археологам, которые не могут самостоятельно и непосредственно заниматься просвещением общества, следует поощрять и поддерживать усилия других”.

Наиболее конкретен раздел “Государственное образование и поддержка” в “Принципах этического поведения” Канадской археологической ассоциации. Он содержит восемь принципов, соблюдение которых направлено на получение археологами общественной поддержки.

Отношение археологов к местным жителям и коренным народам. Документы содержат призывы, направленные на гармонизацию отношений иссле-

дователей и местного населения. Это призывы оценивать экологические и социальные последствия археологических работ, уважать достоинство и культурные традиции местных жителей, консультироваться с представителями местного населения, информировать это население о результатах исследований, приглашать местных жителей к участию в проектах.

Однако обнаруживается существенный пробел: не рассматривается национальная (этническая) специфика, связанная с расположением археологических памятников на территориях, населенных этническими меньшинствами. Есть лишь один обратный пример – “Заявление о принципах этического поведения по отношению к коренным народам” Канадской археологической ассоциации. В преамбуле появление “Заявления” объясняется, в частности, тем, что наследие коренных народов “составляет большую часть канадских археологических данных”. “Заявление” содержит двенадцать кратко сформулированных принципов, составляющих разделы “Обсуждение”, “Участие коренного населения”, “Культовые памятники и места”, “Коммуникация и интерпретация”.

Целесообразно ли принятие аналогичного “Заявлению” документа в России? Дать ответ непросто. Возможно, найдется немало сторонников отрицательного ответа. В пользу положительного приведу следующие соображения. Российская Федерация – страна с полиэтническим населением. Большое количество археологических памятников расположено на территориях со статусом автономной государственности (республики, автономные область и округа), а также в ареалах этнических меньшинств, не обладающих автономно-государственным статусом. Вполне возможны и конфликты, подобные тому, который возник в Республике Алтай из-за того, что находки из могильников долины реки Ак-Алаха (прежде всего останки мумифицированных погребенных) хранились не в Горно-Алтайске, а в Новосибирске (раскопки проводили сотрудники Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН). Это наиболее известный конфликт, но можно ли считать его последним?

Нарушения этических принципов. Системный анализ нарушений этических принципов (этических императивов) в отечественной профессиональной археологии – дело будущего. Проблемы профессиональной научной этики чрезвычайно разнообразны, так что сама их классификация затруднительна. Используя опыт иных исследователей, автор уже группировал проблемы научной этики в три основных блока (типа) (см. Кореняко, 2004; 2010).

Во-первых, проблемы, возникающие в процессе познавательной деятельности, в пределах субъект-объектных отношений. Во-вторых, проблемы, возникающие при субъект-субъектных отношениях (отношениях “ученый – ученый” и “ученый – научное сообщество”). В этот блок входит множество этических вопросов общения ученых, цитирования, полемики, дискуссий, соавторства, отношений в научном коллективе, рецензирования, разумного или оптимального количества публикаций и многое другое. В-третьих, проблемы, возникающие при взаимодействии исследователей, исследовательских коллективов и научного сообщества с обществом в целом (нравственные отношения по поводу управления, контроля, планирования и финансирования науки).

Существуют и иные способы систематизации девиаций (отклонений) от профессиональных этических требований. Например, можно выделить четыре типа научных публикаций, основываясь на степени соблюдения или несоблюдения этических принципов. Первый тип будет представлен обоснованными, вполне приемлемыми работами. Четвертый тип – это публикации, в которых явно и намеренно нарушаются этические нормы профессиональной научной деятельности. Соответственно четвертый тип демонстрирует основные и в общем хорошо известные проявления “девиантной науки”. Среди них следующие: (1) фальсификация результатов различными способами, в том числе: а) обработка данных (в основном исключение части данных) для того, чтобы они не противоречили друг другу (“приукрашивание”, “массаж”); б) подгонка данных к ожидаемым (“утюжка”); в) экстраполяция – выстраивание сложной кривой всего по двум-трем точкам, или, шире, обобщающий вывод при явном дефиците конкретных доказательств; г) “стряпня” (к имеющимся реальным фактам домысливаются другие); д) фабрикация или подлог (практически все данные недостоверны); (2) плагиат – публикация под своим именем чужих работ; (3) присвоение чужих экспериментальных данных; (4) намеренное нарушение правил проведения экспериментов с людьми и животными; (5) нарушение финансовых правил; (6) нарушение норм публикации, в том числе: а) “почетное” и “принудительное” соавторство; б) “мультипликация” (неоднократная публикация одного и того же материала, в том числе и с незначительными изменениями); в) публикация с целью, главным образом, увеличения печатных работ, одного исследования малыми порциями (“научная нарезка”, “салями-наука”); г) нарушение правил цитирования (замалчивание неудобных публикаций, ссылки на непрочитанные работы, заимствование библиографии, фальсификация библиографии и т.п.).

Бесспорно, возможны и иные классификации проявлений “девиантной науки”.

Список нарушений этических принципов профессиональной археологии необходимо дополнить по меньшей мере двумя девиациями. Первая – использование археологических данных для разжигания расовых, этнических и религиозных конфликтов. Вторая – участие профессиональных археологов в деятельности “черных археологов”, дилеров и частных коллекционеров, в торговле недокументированными древностями.

Требования к археологам воздерживаться от этих и подобных им девиаций никак не оспариваются и являются общим местом анализируемых документов. Вопрос ставится гораздо шире: археологи обязаны воздерживаться от всего, что стимулирует разрушение памятников и изъятие предметов из археологического контекста, приводит к разорению археологических памятников. Археолог также категорически обязан воздерживаться от любых действий, которые ведут к повышению коммерческой ценности археологических вещей, к коммерциализации археологических объектов и их эксплуатации в качестве товаров, используемых для личного потребления или получения прибыли.

Итак, мы видим довольно сложный и противоречивый массив информации. Отчетливый и непротиворечивый список нарушений этических принципов должен быть результатом коллективного обсуждения проблем.

Этическое регулирование археологического сообщества. Ход событий неизбежно покажет, что археологическому сообществу необходимы и методы этического регулирования, и сам регулятор – орган, наделенный сообществом необходимыми полномочиями. Разработка методов этического регулирования – это некий набор задач, которые будут решаться самим археологическим сообществом в ходе обсуждения. Создание и полномочия органа этического регулирования – более конкретный вопрос, ответы на который можно найти в существующих этических кодексах.

Например, “Кодекс практики” Европейской ассоциации археологов содержит следующее примечание: “В случае необходимости вопросы профессиональной этики и профессионального поведения можно поднять, связавшись с секретариатом, который поставит этот вопрос на рассмотрение Совета. Совет может созвать группу, состоящую из бывших президентов ЕАА, для консультации по конкретным вопросам, которые могут возникнуть”. Похожую картину мы видим в Обществе американской археологии с его

исполнительным комитетом и специальным комитетом по этике в археологии.

Украинский “Кодекс этики профессионального археолога” наделяет необходимыми правами Комиссию по этике при Институте археологии НАНУ “с участием представителей других археологических учреждений, которые поддерживают положения Кодекса”. “Эта Комиссия оглашает результаты рассмотрения тех или иных конфликтных ситуаций и выносит решения относительно нарушителей Кодекса в формах дружественного предупреждения, заявления или публичного осуждения”. Комиссия по этике рассматривает также “дополнения или примечания к отдельным разделам или статьям Кодекса”.

Существенным представляется вопрос о том, создается аналогичная комиссия (комитет) археологическим учреждением (как на Украине) или археологическим сообществом (как в США, Канаде, Западной Европе).

Основные выводы. Необходимость этического кодекса увеличивается по мере проявления разнообразных черт кризисного состояния науки, а именно это состояние мы наблюдаем в последние десятилетия.

Во многих зарубежных странах имеются этические кодексы для профессиональных археологов. Они могут служить основой разработки проекта этического кодекса профессиональных археологов России. Часть разделов такого кодекса сформулировать сравнительно легко. Однако для других разделов потребуется принципиальный выбор, который возможен лишь в ходе широкого обсуждения будущего кодекса (разделы о стюардшипе, проблемах интеллектуальной собственности и авторского права, нарушениях этических принципов, об этическом регулировании).

Приложение 1

Этический кодекс Археологического института Америки (АИА) 29 декабря 1997 г.

Нижеследующий Этический кодекс был утвержден Советом на заседании 29 декабря 1990 г. с поправками, внесенными 29 декабря 1997 г.

Предназначение Археологического института Америки состоит в более глубоком понимании археологии, в охране и сохранении мировых археологических ресурсов и содержащейся в них информации, а также в поощрении и поддержке археологических исследований и публикаций.

В соответствии с этими принципами, членам АИА следует:

1. Стремиться к тому, чтобы изучение археологических памятников велось в соответствии с самыми высокими стандартами под непосредственным наблюдением квалифицированного персонала, а результаты таких исследований были обнародованы;

2. Отказываться от участия в торговле недокументированными древностями и воздерживаться от действий, которые повышают коммерческую ценность таких предметов. Недокументированными древностями являются те артефакты, которые не были описаны как относящиеся к государственной или частной коллекции до 30 декабря 1970 г. (когда Совет АИА одобрил конвенцию ЮНЕСКО о защите культурных ценностей), или были раскопаны и вывезены из страны происхождения не в соответствии с законами этой страны;

3. Информировать соответствующие органы об угрозе или разорении археологических памятников, а также незаконном ввозе или вывозе археологических материалов.

Приложение 2

Кодекс профессиональных стандартов Археологического института Америки (АИА) 29 декабря 1997 г.

Нижеследующий Кодекс профессиональных стандартов был утвержден Советом на заседании 29 декабря 1990 г., с поправками, внесенными 29 декабря 1997 г.

Пreamбула

Настоящий Кодекс распространяется на тех членов АИА, которые играют активную профессиональную роль в обретении, хранении, исследовании или публикации археологических материалов, включая культурные объекты, находящиеся под водой. В институте они пользуются исключительным правом организовывать заседания ежегодных съездов и представлять на них доклады, читать лекции для местных обществ, участвовать в комитетах АИА, которые формируют и направляют дисциплину [*археологическую науку*], участвовать в службе занятости, а также быть внесенными в справочник “Профессионалы в археологии”.

Эти привилегии сопровождаются специальными обязанностями. Наши члены должны знать и соблюдать законы стран, в которых они живут и работают. Им следует относиться к другим людям дома и в поле с уважением и чуткостью.

В качестве главных стюардов археологических данных, они должны активно работать, чтобы сохранить эти данные во всей полноте и в долгосрочной перспективе, а также с должным вниманием относиться как к коллегам, так и прочим людям, чьи интересы оказываются затронутыми в результате проведения исследовательской работы.

АИА признает, что археология является дисциплиной, во всех своих аспектах имеющей дело с человеческим фактором, и что археологическое исследование должно учитывать противоречащие друг другу этические принципы. Настоящий Кодекс профессиональных стандартов не ставит целью регламентировать все аспекты профессионального поведения и учитывает противоречия, содержащиеся во многих из рассматриваемых проблем.

Кодекс устанавливает три основные зоны ответственности и для каждой из них приводит примеры возможных проблем и их решений. Он призывает всех профессиональных археологов помнить об этических соображениях, когда они планируют и проводят исследования.

I. Ответственность за археологические данные

Профессиональные археологи несут ответственность за археологические данные – материальные остатки (включая находящиеся под водой), а также за всю связанную с ними информацию.

1. В своих исследованиях и публикациях профессиональные археологи обязаны руководствоваться положениями Этического кодекса АИА в отношении артефактов, добытых незаконным путем.

2. Цели и последствия археологического исследования должны быть внимательно изучены до начала работы. Подходы и методы [исследования] должны быть выбраны с учетом минимального ущерба для археологических данных. Несмотря на то что иногда раскопки являются приемлемым способом исследования, археологические разведки, изучение ранее раскопанного материала и другие исследования должны быть проведены прежде, чем будет принято решение о проведении раскопок.

3. Извлечение и изучение археологических материалов любого периода следует проводить только под наблюдением квалифицированного персонала.

4. Археологи должны предусматривать и обеспечивать адекватное и доступное долгосрочное хранение и удобство курирования для всех археологических материалов, документов и архивов, в том числе машиночитаемых данных, требующих специального ухода и обслуживания.

5. Археологи должны своевременно обнаруживать результаты своих исследований и делать

данные доступными для других [исследователей], если публикация не осуществляется в разумные сроки.

6. Все исследовательские проекты с самого начала должны содержать конкретные планы по консервации, сохранению и публикации, и достижение этих целей должно быть обеспечено финансовыми средствами.

II. Ответственность перед общественностью

Поскольку археологические данные представляют собой общечеловеческое наследие, профессиональные археологи отвечают за разъяснение широкой публике значения археологических исследований и важности археологических ресурсов. У археологов также есть определенные обязанности как по отношению к населению мест, где проводятся исследования и полевые работы, так и по отношению к своим собственным учреждениям и сообществам.

Археологи должны учитывать культурные установки и обычаи и создавать, какое воздействие на местное население может оказать исследовательская и полевая работа как в процессе деятельности, так и после ее завершения. Такого рода соображения должны быть учтены при разработке стратегии проекта.

1. Профессиональные археологи должны быть активно вовлечены в связи с общественностью через лекции, популярные статьи, школьные программы и другие образовательные инициативы.

2. Планы полевых работ должны учитывать экологические последствия проекта и его общее воздействие на местное сообщество.

3. Профессиональные археологи не должны участвовать в проектах, основной задачей которых является получение личной выгоды.

4. При осуществлении полевых проектов археологи должны консультироваться с соответствующими представителями местного населения (на этапе планирования), приглашать местных жителей для участия в проекте, а также регулярно информировать местное население о результатах исследования.

5. Археологи должны уважать культурные обычаи и достоинство местных жителей в районах, где проводятся археологические исследования.

6. Обоснованное беспокойство людей, утверждающих свою преемственность или какую-либо другую связь с культурами прошлого, должно быть принято во внимание без нарушения целостности археологического исследования. Следует искать взаимно приемлемое решение.

III. Ответственность перед коллегами

Профессиональные археологи должны относиться с уважением к коллегам, воздавать им должное, стремиться всегда быть честными и не заниматься плагиатом.

1. Археологи, участвующие в совместных проектах, должны стремиться к гармонии и справедливости; археологи, наделенные полномочиями, обязаны вести себя уважительно по отношению к тем, кто находится под их руководством, в то время как все члены команды должны стремиться содействовать успеху общего дела.

2. Руководитель(-и) археологических проектов должен поддерживать приемлемый уровень безопасности и быть уверен, что сотрудники надлежащим образом застрахованы.

3. Профессиональные археологи должны сохранять конфиденциальность информации, полученной при рассмотрении заявок на получение грантов и из других, не подлежащих разглашению, источников.

4. Профессиональные археологи не должны заниматься дискриминацией или преследованием по половому признаку, вероисповеданию, возрасту, расе, национальному происхождению, инвалидности или сексуальной ориентации; организаторы проекта должны принимать меры для ликвидации и / или расследования жалоб о дискриминации или домогательствах.

5. Археологи должны выполнять разумные просьбы коллег о доступе к материалам и полевой документации, сохраняя [за собой] существующие права на публикацию, но делясь информацией, полезной для других специалистов. Ученые, стремящиеся получить доступ к неопубликованной информации, не должны рассчитывать на получение интерпретационных данных, если они также еще не опубликованы и находятся в работе.

6. Перед изучением и/или публикацией любых неопубликованных материалов археологи должны получить соответствующее разрешение, как правило, в письменной форме от директора проекта или назначенного представителя спонсорского учреждения, или органов власти, отвечающих за древности в стране происхождения [этих материалов].

7. Ученые, изучающие материалы, которые происходят из того или иного археологического памятника, должны информировать руководителя проекта о своей деятельности и намерениях; руководители проектов, в свою очередь, должны проявлять встречную учтивость.

8. Члены совместных проектов должны подготавливать отчеты в установленные сроки и коллегиальным способом.

Приложение 3

Общество американской археологии Принципы археологической этики

10 апреля 1996 г. исполнительный комитет ОАА (SAA – Society for American Archaeology) утвердил принципы археологической этики, приводимые ниже в том виде, как они были предложены комитетом по этике в археологии. Принятие этих принципов представляет собой кульминацию усилий, начавшихся в 1991 г. с образования специального комитета по этике в археологии. Комитет был создан из-за необходимости пересмотра существующих этических положений Общества. В 1993 г. результатом семинара по этике, который состоялся в Рино, стал проект принципов, представленный на форуме в 1994 г. во время ежегодного съезда в Анахайме. ОАА опубликовало проект принципов вместе с изложением позиции форума и историческими комментариями в специальном докладе “Этика и археология. Вызов 1990-х” под редакцией Марка Лайнотта (Mark J. Lynott) и Элисон Вайли (Alison Wylie) (Ethics in American Archaeology ..., 1995), который был разослан всем членам ОАА. Комментарии членов ОАА к докладу были получены после объявления, опубликованного в бюллетене ОАА, и во время двух сессий на стенде ОАА в 1995 г. на ежегодном съезде в Миннеаполисе. Окончательный вариант принципов, представленный ниже, является переработкой первоначального проекта с учетом замечаний членов Общества и исполнительного комитета.

Исполнительный комитет решительно поддерживает эти принципы и настоятельно призывает всех археологов использовать их “при обсуждении комплексной ответственности по отношению к археологическим ресурсам, а также ко всем, кто имеет интерес к этим ресурсам или оказывается затронут археологической практикой иным образом” (Ethics in American Archaeology ..., 1995. Р. 8). Совет выражает благодарность тем, кто внес вклад в развитие этих принципов, в частности, членам комитета по этике в археологии, возглавляемого Марком Лайноттом и Элисон Вайли, за квалифицированное решение этой сложной и важной задачи. Согласно изменению Устава, за которое только что проголосовали члены Общества, основывается новый постоянный комитет, комитет по этике, который будет заниматься этим важным делом.

Принцип № 1. Стюардшип

Археологические данные – археологические памятники и местонахождения археологических материалов, археологические коллекции, полевая документация и отчеты – незаменимы. Все археологи

обязаны работать ради долгосрочного сохранения и защиты археологических данных, используя и продвигая стюардшип археологических данных. Стюарды являются хранителями и защитниками археологических данных в интересах всех людей; поскольку они исследуют и интерпретируют [эти] данные, им следует применять свои специальные знания для того, чтобы получить общественное содействие и поддержку для долгосрочного сохранения археологического наследия.

Принцип № 2. Подотчетность

Ответственные археологические исследования на всех уровнях профессиональной деятельности требуют признания подотчетности обществу и обязательства добровольно делать все возможное для того, чтобы активно совещаться с заинтересованной(-ми) группой(-ми) для установления рабочих отношений, которые могут быть полезными для всех участвующих сторон.

Принцип № 3. Коммерциализация

Общество американской археологии давно признало, что покупка и продажа предметов, лишенных археологического контекста, вносит свой вклад в разрушение археологических данных на американских континентах и во всем мире. Коммерциализация археологических объектов – их эксплуатация в качестве товаров, используемых для [удовлетворения] личного интереса или получения прибыли – приводит к разрушению археологических памятников и контекстной информации, которая необходима для понимания археологических данных. Поэтому археологам следует тщательно взвешивать как полезные научные результаты проекта, так и ущерб в виде повышения коммерческой ценности археологических объектов, [который этот проект может принести].

По возможности они должны препятствовать и сами должны избегать деятельности, повышающей коммерческую ценность археологических объектов, особенно тех, которые не курируются государственными учреждениями или доступны для научных исследований, публичной интерпретации и показа.

Принцип № 4. Общественное просвещение и пропаганда

Археологи должны выходить на всех заинтересованных в археологических данных лиц и прилагать совместные усилия для улучшения охраны, защиты и интерпретации [этих] данных. В частности, археологи должны: 1) заручаться поддержкой общественности для контроля за состоянием архео-

логического наследия, 2) объяснять и поощрять использование археологических методов и подходов для понимания человеческого поведения и культуры, 3) сообщать археологические интерпретации прошлого. Существует множество сообществ, заинтересованных в археологии, в том числе: студенты и преподаватели; коренные американцы и представители других этнических, религиозных и культурных групп, которые находят в археологическом наследии важные аспекты своего культурного достояния; законодатели и чиновники; репортеры, журналисты и другие лица, связанные со средствами массовой информации; широкая общественность. Археологам, которые не могут самостоятельно и непосредственно заниматься просвещением общества, следует поощрять и поддерживать усилия других в этой [сфере] деятельности.

Принцип № 5. Интеллектуальная собственность

Интеллектуальная собственность, содержащаяся в знаниях и документах, полученных путем изучения археологических ресурсов, является частью археологических данных. Как таковая она должна рассматриваться скорее в соответствии с принципами стюардшипа, чем как вопрос личной собственности. Если имеется убедительное основание, и если отсутствуют юридические ограничения или конфликт интересов, исследователь может получить первоочередной доступ к исходным материалам и документам в течение ограниченного разумного срока, после чего эти материалы и документы должны стать доступными для других [исследователей].

Принцип № 6. Ответность перед обществом и публикация

В разумный срок знания, полученные археологами в результате исследования археологических данных, должны быть представлены в доступной форме (путем публикации или иным способом) максимально широкому кругу заинтересованной общественности. Документы и материалы, на которых основана публикация и другие формы публичной отчетности, должны быть помещены в подходящее место для постоянного хранения. Необходимо принимать во внимание задачу охраны и защиты археологических памятников при публикации и распространении информации об их характере и местонахождении.

Принцип № 7. Документация и хранение

Археологи должны активно работать для сохранения и долгосрочного доступа к археологическим коллекциям, документам и отчетам. Для этого они должны поощрять коллег, студентов и других лиц,

чтобы ответственное использование коллекций, документов и отчетов в их исследованиях было одним из средств сохранения археологических памятников. Это также должно послужить увеличению заботы и внимания к той части археологических данных, которая была извлечена [из земли] и включена в археологические коллекции, документы и отчеты.

Принцип № 8. Обучение и ресурсы

Учитывая разрушительный характер большинства археологических исследований, археологи должны иметь соответствующую подготовку, опыт, оборудование и прочую поддержку, необходимую для проведения любой программы исследований, инициированной ими в соответствии с вышеизложенными принципами и современными стандартами профессиональной практики.

Приложение 4

Канадская археологическая ассоциация Принципы этического поведения

Преамбула

Цели Канадской археологической ассоциации включают продвижение, защиту и сохранение археологического наследия Канады, а также распространение археологического знания. Канадские археологи ведут свою деятельность в соответствии с принципами научной практики и признают интересы групп, затронутых их исследованиями.

Стюардшип

Мы ожидаем, что члены КАА будут относиться с уважением к археологическим остаткам и тем, кто разделяет интерес к этим незаменимым и невозобновляемым ресурсам сейчас и в будущем. Археологические данные включают в себя находки и места раскопок, археологические коллекции, полевую документацию и отчеты. Стюардшип подразумевает наличие заботы и содействие сохранению археологических данных. Эти данные уникальны, конечны и хрупки. Члены КАА должны признать, что:

- доступ к знаниям о прошлом – важная часть наследия каждого;
- сохранение является предпочтительным вариантом;
- там, где сохранение невозможно, необходимо обеспечить точную фиксацию [данных] и доступность результатов [исследования];
- раскопки не должны быть в большей степени инвазивными/разрушительными, чем это определя-

ется обстоятельствами или всесторонними целями исследования;

- коммодификация мест археологических раскопок и артефактов путем продажи и торговли неэтична.

Отношения с коренными жителями

Признавая, что наследие коренных народов представляет собой большую часть канадских археологических данных, Канадская археологическая ассоциация приняла Заявление о принципах этического поведения по отношению к коренным народам. Члены ассоциации договорились соблюдать эти принципы.

Профессиональные обязанности

Археологические останки конечны, хрупки, невозобновляемы и уникальны. Прежде чем принять ответственность за любые раскопки, которые разрушают часть археологических данных, члены Канадской археологической ассоциации должны:

- быть в курсе достижений в своей специальности;
- обладать надлежащей подготовкой, поддержкой, ресурсами и средствами для проведения раскопок и анализа данных;
- создавать документы, адекватно заменяющие уничтоженные археологические памятники;
- представлять археологические материалы и результаты исследований своевременно и ответственно;
- сохранять документы так, чтобы они представляли ценность для будущих исследователей;
- соблюдать все законы и местные протоколы с коренными народами, как это описано в Заявлении о принципах этического поведения по отношению к коренным народам, в каждой провинции и/или территории;
- уважать коллег и сотрудничать с ними;
- не препятствовать выражению альтернативных взглядов на прошлое;
- осуществлять право на защиту своих собственных знаний;
- признавать, что документация об археологических данных должна по истечении разумного периода времени становиться доступной другим законным исследователям;
- представлять археологическую информацию объективно и компетентно во всех ситуациях.

Общественное просвещение и поддержка

Фундаментальная цель стюардшипа – распространение археологического знания среди широкой общественности и получение общественной поддержки. Членам КАА рекомендуется:

- сообщать о результатах археологических работ широкой аудитории;
- поощрять общественность к поддержке и участию в археологическом стюардшипе;
- активно сотрудничать с коренными народами в стюардшипе археологических памятников;
- поощрять общественный интерес к прошлому Канады и знанию о нем;
- рассказывать о надлежащих археологических методах и приемах заинтересованным лицам;
- продвигать археологию через систему школьного образования;
- поддерживать местные археологические и другие краеведческие группы;
- публиковаться на сайте КАА и продвигать электронную публикацию археологических материалов там, где это возможно.

Приложение 5

Канадская археологическая ассоциация Заявление о принципах этического поведения по отношению к коренным народам

Преамбула

Цели Канадской археологической ассоциации включают продвижение, защиту и сохранение археологического наследия Канады, а также распространение археологических знаний. Канадские археологи ведут свою деятельность в соответствии с принципами научной практики и признают интересы групп, затронутых их исследованиями. Поскольку наследие коренного населения составляет большую часть канадских археологических данных, этот документ представляет собой заявление о принципах, регулирующих отношения членов ассоциации с коренными народами. Члены КАА соглашаются соблюдать следующее.

I. Обсуждение

1. Признавать культурную и духовную связь коренных народов с археологическим наследием.
2. Признавать фундаментальный интерес коренных народов в области охраны и управления археологическими данными, их интерпретации и презентации.
3. Уважать позицию коренных общин в вопросах, касающихся их наследия.
4. Проводить переговоры об археологической деятельности, затрагивающей культуру коренных народов, и соблюдать протоколы, разработанные в процессе консультации с общинами этих народов.

II. Участие коренного населения

1. Стимулировать партнерство с общинами коренных народов в области археологических исследований, управления и образования на основе взаимного уважения и обмена знаниями и опытом.
2. Поддерживать официальные образовательные археологические программы для коренных жителей.
3. Поддерживать включение представителей коренных народов в ряды профессиональных археологов.

III. Культовые памятники и места

1. Уважать духовные связи, которые существуют между коренными народами и особыми местами и чертами ландшафта.
2. Признавать культурную значимость для коренных народов человеческих останков и связанных с ними объектов.
3. Соблюдать протоколы, регулирующие исследование, перемещение, хранение и перезахоронение человеческих останков и связанных [с ними] объектов.

IV. Коммуникация и интерпретация

1. Уважать культурное значение устной истории и традиционных знаний в интерпретации и представлении археологических данных коренных народов.
2. Сообщать общинам коренных жителей результаты археологических исследований своевременно и в доступной форме.

Приложение 6

Европейская ассоциация археологов Кодекс практики

Приведенный ниже текст был одобрен членами ассоциации на ежегодной деловой встрече, состоявшейся в Равенне (Италия) 27 сентября 1997 г., с поправками, внесенными на ежегодной деловой встрече в Рива-дель-Гарда (Италия) 19 сентября 2009 г.*

Преамбула

Археологическое наследие, как это определено в статье 1 Европейской конвенции о защите археологического наследия 1992 г., является наследием

* В случае необходимости вопросы профессиональной этики и профессионального поведения можно поднять, связавшись с секретариатом, который поставит этот вопрос на рассмотрение Совета. Совет вправе создать группу, состоящую из бывших президентов ЕАА, для консультации по возникающим конкретным вопросам.

всего человечества. Археология изучает и интерпретирует это наследие на благо общества в целом. Археологи являются интерпретаторами и стюардами этого наследия от лица всех [своих сограждан] мужчин и женщин. Цель настоящего кодекса – установление норм поведения для членов Европейской ассоциации археологов, каковым надлежит следовать при выполнении своих обязанностей по отношению к сообществу и коллегам.

Основное положение

Члены ассоциации должны придерживаться высоких стандартов этического и профессионального поведения в своей работе и воздерживаться от поведения, которое может принести археологической профессии дурную славу.

1. Археологи и общество

1.1. Все археологические работы должны проводиться в духе Устава по управлению археологическим наследием, утвержденного ИКОМОС (ICOMOS – International Council on Monuments and Sites) (МСОПИМ – Международный совет по охране памятников и исторических мест) в 1990 г.

1.2. Обязанность каждого археолога – обеспечение сохранности археологического наследия всеми законными способами.

1.3. Для решения этой задачи археологи принимают активные шаги для информирования широкой общественности о целях и методах археологии в целом и отдельных проектов в частности, используя все способы коммуникации, имеющиеся в их распоряжении.

1.4. Там, где сохранение [памятников] невозможно, археологи обязаны обеспечить самый высокий профессиональный уровень исследования.

1.5. Во время реализации таких проектов археологи там, где это возможно, и в соответствии с договорными обязательствами, которыми они могут быть связаны, проводят предварительную оценку экологических и социальных последствий своей деятельности для местного населения.

1.6. Археологи не должны заниматься какой бы то ни было формой деятельности, связанной с незаконной торговлей древностями и произведениями искусства, подпадающей под действие Конвенции ЮНЕСКО от 1970 г. “О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности”, а также допускать, чтобы их имена ассоциировались с подобной деятельностью.

1.7. Археологи не должны заниматься какой бы то ни было деятельностью, направленной на извлечение коммерческой прибыли из археологического

наследия или на получение прибыли в результате его эксплуатации, а также допускать, чтобы их имена ассоциировались с подобной деятельностью.

1.8. Археологи обязаны привлекать внимание компетентных органов к угрозам археологическому наследию, в том числе к разграблению археологических памятников и к незаконной торговле древностями, а также использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы убедиться, что соответствующие меры приняты компетентными органами.

2. Археологи и профессия

2.1. Археологи выполняют свою работу в соответствии с самыми высокими стандартами, признанными их коллегами.

2.2. Археологи обязаны быть в курсе развития знаний и методологий, связанных с их специализацией и методами полевой работы, консервацией [памятников], распространением информации, а также имеющих отношение к смежным областям.

2.3. Археологи не должны осуществлять проекты, для которых они недостаточно обучены или подготовлены.

2.4. Во всех проектах в качестве необходимого вступления должен быть сформулирован исследовательский план. Также до начала проекта должны быть приняты меры для последующего хранения и курирования находок, образцов и документов в доступных общественных хранилищах (музеях, архивных коллекциях и т.д.).

2.5. Надлежащая [полевая] документация в понятной и обеспечивающей ее сохранность форме должна составляться ко всем археологическим проектам.

2.6. Соответствующие отчеты по всем проектам должны быть подготовлены и представлены всему археологическому сообществу в подходящих традиционных и/или электронных средствах массовой информации с минимальной задержкой по истечении начального периода конфиденциальности, не превышающего шесть календарных месяцев.

2.7. Археологи имеют преимущественные права публикации по проектам, за которые они несут ответственность, в течение разумного срока, не превышающего десять лет. В это время они обеспечивают как можно более широкий доступ к результатам своего исследования и благожелательно относятся к запросам информации от коллег и студентов при условии, что последние не нарушают преимущественное право публикации. По истечении десятилетнего периода документация должна стать открытой для анализа и публикации другими специалистами.

2.8. В любой публикации для использования оригинальных материалов и для ссылок на источники должно быть получено письменное разрешение.

2.9. При наборе персонала для проектов археологи не должны практиковать любые формы дискриминации по полу, религии, возрасту, расе, инвалидности или сексуальной ориентации.

2.10. Управление проектами должно осуществляться с уважением к национальным стандартам, касающимся условий труда и безопасности.

Приложение 7

Европейская ассоциация археологов Принципы деятельности ЕАА для археологов, вовлеченных в археологические работы по контракту*

Приведенный ниже текст был одобрен членами ассоциации на ежегодной деловой встрече, прошедшей в Гётеборге (Швеция) 26 сентября 1998 г.

Члены ЕАА проголосовали за утверждение и принятие свода принципов деятельности для археологов, участвующих в контрактных археологических работах. Эти принципы были подготовлены рабочей группой по коммерческой археологии ЕАА и озвучены на заседании в Равенне в 1997 г., а затем опубликованы в виде проекта в “Европейском археологе” № 8 (зима 1997). Дальнейшее обсуждение проекта проходило во время круглого стола, проведенного на встрече в Гётеборге.

Текст, который был одобрен членами [ЕАА], приводится ниже. Принципы деятельности помогают установить стандарты, ожидаемые от профессиональных археологов в Европе.

В результате обсуждения в Гётеборге были сделаны два важных изменения. Во-первых, фраза “коммерческая археологическая работа” была заменена на “контрактную археологическую работу”. Это изменение отражает мнение, что археология не является, в конечном счете, коммерческой деятельностью (хотя часто осуществляется по контрактам различных видов). Во-вторых, был добавлен новый принцип (14). Он отражает важность продвижения принципов и создания возможностей для их практического применения. Необходимость адекватного регулирования контрактной археологии (как правило, государственными или муниципальными

властями, хотя решающую роль должны играть профессиональные ассоциации) является особенно важной.

1. Археологи обязаны понимать законы, регулирующие археологические работы, и действовать в рамках законодательства той страны, где эти работы проходят.

2. Археологи обязаны давать наилучшие советы застройщикам и проектировщикам и не должны консультировать по вопросам, выходящим за пределы их знаний и компетенции.

3. Археологи обязаны понимать структуру археологических ролей и обязанностей, отношения между этими ролями и их место в структуре.

4. Археологи должны избегать конфликта интересов, когда они дают консультации в качестве регулирующей инстанции, и когда они выступают в качестве лиц, проводящих (или предлагающих провести) работу по контракту.

5. Археологи не должны предлагать проведение контрактных работ, для которых они или их организации не имеют необходимого оборудования, персонала или опыта.

6. Археологи должны применять соответствующие методы контроля (академический, финансовый, качества, времени) по отношению к работе, которую они проводят.

7. Археологи должны придерживаться признанных профессиональных стандартов археологических работ.

8. Археологи должны придерживаться как соответствующих законов, так и этических норм в области конкурентной борьбы между археологическими организациями.

9. Археологи, участвующие в археологической работе по контракту, должны обеспечить полную завершенность [исследования] и общедоступность результатов.

10. Археологи, участвующие в археологической работе по контракту, должны удостовериться в том, что археологическая информация не скрывается необоснованно или на неопределенный срок (застройщиками или археологическими организациями) в коммерческих целях.

11. Археологи, участвующие в археологической работе по контракту, в условиях тенденции к фрагментации [исследования] при контрактной системе работы должны сознавать необходимость сохранения научной согласованности в археологии.

12. Археологи, руководящие археологической работой по контракту, должны сознавать свои обя-

* Многие из этих принципов в равной степени относятся ко всем видам археологических работ, но данный кодекс рассматривает вопросы, связанные именно с контрактной системой финансирования.

занности, касающиеся заработной платы, условий труда и обучения, а также возможности продвижения по службе археологов в связи с конкуренцией между археологическими организациями в этих вопросах.

13. Археологи, участвующие в археологической работе по контракту, должны признавать необходимость демонстрации преимуществ поддержки археологических работ застройщикам и обществу в целом.

14. Везде, где существует контрактная археология, все археологи (особенно, обладающие влиянием) должны содействовать применению этого кодекса и развитию средств для его эффективной работы, особенно соответствующих систем регулирования.

Приложение 8

Кодекс этики профессионального археолога (принятый на заседании ученого совета Института археологии НАН Украины 09.11.2006 г.)

Институт археологии Национальной академии наук Украины (далее – ИА НАНУ) как государственное археологическое учреждение, которое организывает, осуществляет и координирует научные и научно-спасательные исследования, ввиду современных негативных тенденций в сфере охраны археологического наследия принимает Кодекс этики профессионального археолога (далее – Кодекс).

Главная цель Кодекса – определение основных морально-этических норм деятельности профессиональных археологов и их отношения к археологическому наследию, друг к другу, а также к обществу, заинтересованному в получении достоверной информации о давнем прошлом. Это должно способствовать выполнению задач и обязанностей, поставленных перед украинскими археологами Законодательством Украины об охране археологического наследия (Конституция Украины, законы “Об охране культурного наследия” от 08.06.2000 г., “О ратификации европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)” № 1369-IV от 10.12.2003 г., “Об охране археологического наследия” от 18.03.2004 г. и тому подобное).

Во время разработки Кодекса принят во внимание ряд документов, уже апробированных на международном уровне (Кодекс практики Европейской ассоциации археологов от 27.09.1997 г., Этический кодекс ИКОМ для музеев от 4.11.1986 г. и тому подобное).

Раздел I

I.1. Профессиональным археологом является лицо, которое получило соответствующее (археологическое, историческое) специальное образование в высшем учебном заведении, постоянно работает в учреждении, задачей которого являются изучение, охрана, распространение и пропаганда знаний об археологических источниках. Он является ответственным за свою научную репутацию и обязанным избегать действий и высказываний, способных прямо или опосредованно скомпрометировать его коллег, их достижения и науку в целом.

I.2. Все положения Кодекса распространяются на представителей других научных дисциплин, которые принимают непосредственное участие в археологических исследованиях.

I.3. Кодекс предусматривает моральную ответственность за его нарушения. Конкретные случаи нарушений рассматриваются Комиссией по этике, созданной при ИА НАНУ с участием представителей других археологических учреждений, которые поддерживают положения Кодекса. Эта Комиссия оглашает результаты рассмотрения тех или иных конфликтных ситуаций и выносит решения относительно нарушителей Кодекса в формах дружественного предупреждения, заявления или публичного осуждения.

Раздел II

Отношение к археологическим источникам

II.1. Профессиональный археолог и члены его семьи не должны заниматься частным коллекционированием археологических предметов и хранить археологические материалы за пределами археологических учреждений, в частности дома.

II.2. Необходимо препятствовать незаконному изъятию или перемещению, включая экспорт и импорт, археологических предметов и уведомлять специально уполномоченные органы исполнительной власти в сфере охраны культурного наследия и иные уполномоченные органы культурного наследия об опасности криминального разрушения археологических памятников. Учитывая, что купля, продажа, обмен и коллекционирование археологических предметов стимулируют грабительские раскопки и приводят к разрушению археологических памятников, профессиональный археолог не должен принимать в них участие, в том числе и как научный консультант, а также прямо или опосредованно пропагандировать деятельность “черных археологов”, дилеров и частных коллекционеров. В случаях, когда археологические предметы не имеют достоверной родословной (информации о месте

и обстоятельства находки) или появились в обращении после 1970 г., их следует считать незаконно изъятыми из археологического контекста.

П.3. Перед началом раскопок рекомендуется всегда тщательно взвешивать их целесообразность и то, имеется ли достаточное обеспечение для дальнейшей обработки и своевременной научной публикации полученных материалов. Оригиналы научных отчетов, где зафиксированы результаты археологических раскопок и разведок, не могут храниться за пределами государственного учреждения.

П.4. Средства на раскопки, лабораторные исследования, публикацию археологических материалов от зарубежных и отечественных частных лиц, организаций, общественных фондов могут быть получены лишь официально через государственное учреждение и при условиях, что те, кто предоставляет средства или помощь в каком-нибудь ином виде, не вмешиваются в процесс раскопок, изучение добытых материалов и их общеисторическую интерпретацию.

Раздел III

Публикация и использование материалов раскопок

III.1. Профессиональный археолог, под руководством которого проведены археологические раскопки на основании квалификационного документа (Открытого листа), имеет бессрочное право на добытые во время раскопок материалы. В течение первых пяти лет это право имеет исключительный характер и используется для обработки находок. В дальнейшем право руководителя раскопок на публикацию и использование материалов приобретает приоритетный характер, что предусматривает свободный доступ коллег к отчетам, а с разрешения автора и к его материалам. Как полный запрет доступа к последним, так и работа с ними без авторского разрешения не допустимы. Материалы исследований должны быть оглашены в самый короткий срок благодаря публикациям и иным средствам*.

III.3. В случаях, когда раскопки осуществляются группой археологов, руководитель раскопок, на имя которого выдан Открытый лист, обеспечивает этим археологам доступ к использованию полученных материалов. Условия такого доступа могут быть предусмотрены перед началом работ в специальном соглашении. После смерти исследователя пра-

во на использование материалов раскопок переходит к соавторам исследования с учетом содержания соглашения с ними и воли руководителя раскопок. В случае отсутствия таких лиц материалы приобретают статус общедоступных, однако вопрос об их использовании и полной или частичной публикации может быть также поставлен специальным решением Ученого совета ИА НАНУ по рекомендации соответствующих научных отделов ИА НАНУ или учреждений, где работал владелец Открытого листа.

III.4. Продолжение раскопок на ранее открытых или исследованных памятниках обязательно согласовывается с их предыдущими исследователями, кроме случаев, указанных в статье 15 раздела IV “Закона об археологическом наследии”.

Раздел IV

Пропаганда археологических знаний

IV.1. Пропаганда археологических знаний – одна из основных форм связи науки с обществом и направлена на рост уважения к археологическим памятникам Украины и всего мира, их сохранение и охрану. Профессиональный археолог отвечает за качество полученной во время полевых или лабораторных работ информации и распространение знаний благодаря обучению, лекционной деятельности, публикациям в научных изданиях и СМИ. При этом следует избегать высказываний и оценок, которые могут стимулировать нездоровый ажиотаж вокруг находок и археологических памятников.

IV.2. Намеренная или скрытая фальсификация археологических данных, откуда и от кого она бы не поступала, должна незамедлительно разоблачаться как искажающая давнюю историю.

IV.3. Профессиональный археолог публично противодействует использованию археологических данных для разжигания расовых, этнических, религиозных конфликтов.

Раздел V

Заключительные положения

V.1. ИА НАНУ призывает археологов всех иных учреждений Украины присоединиться к данному Кодексу, т.е. содействовать приданию ему статуса Кодекса этики профессионального археолога Украины.

V.2. Дополнения или примечания к отдельным разделам или статьям Кодекса рассматриваются Комиссией по этике и в случае целесообразности вносятся в него, о чем извещаются все сотрудники ИА НАНУ и археологи иных учреждений, которые руководствуются Кодексом в своей деятельности.

* В публикации Кодекса допущена ошибка или опечатка: после статьи III.1 следует статья III.3, т.е. формально отсутствует статья III.2. Не зная и не выясняя причин этого, я публикую русский перевод Кодекса в том виде, в каком это было сделано журналом “Археологія” в 2006 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989.
- Большая юридическая энциклопедия. М., 2005.
- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Около 50.000 слов. Издание 3-е, исправленное. М., 1986.
- Дробницкий О.Г.* Этика // Философская энциклопедия. Т. 5. Сигнальные системы – Яшты. М., 1970.
- Дробницкий О.Г.* Мораль // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Дробницкий О.Г., Иванов В.Г.* Этика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Закон Российской Федерации об авторском праве и смежных правах. Постановление Верховного Совета Российской Федерации о порядке введения в действие Закона Российской Федерации “Об авторском праве и смежных правах”. М., 1993.
- Кодекс этики професійного археолога (прийнятий на засіданні вченої ради Інституту археології НАН України від 09.11. 2006 р.) // Археологія. 2006. № 4.
- Кореняко В.А.* Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. М., 2004.
- Кореняко В.А.* Проблемы этики и проявления кризиса в современной археологии (шесть лет спустя) // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
- Косарев М.Ф.* Археология и нравственность // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994.
- Макаров Н.А.* Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. М., 2004.
- Международный совет музеев (ИКОМ). Кодекс профессиональной этики. М., 1989.
- Морозов В.* Мораль // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964.
- Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала “Российская археология” // РА. 2002. № 4.
- Смирнов А.С.* Сохранение археологического наследия России. История и проблемы // РА. 2002. № 4.
- Сорокина И.А.* Археологические коллекции: формирование, хранение, изучение // Альманах – 7. Музеи Российской академии наук. М., 2007.
- Федеральный закон Российской Федерации “О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации” // Альманах – 1998. Музеи Российской академии наук. М., 1998.
- Шер Я.А.* Некоторые вопросы археологического образования // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999.
- Энговатова А.В.* Спасательная археология в России (к 40-летию охранных раскопок Института археологии РАН // РА. 2012. № 4.
- Archaeological Institute of America. AIA Code of Ethics // <http://www.archaeological.org/news/advocacy/130>
- Archaeological Institute of America. Code of Professional Standards // <http://www.archaeological.org/news/advocacy/132>
- Canadian Archaeological Association. Principles of Ethical Conduct // <http://canadianarchaeology.com/caa/about/ethics/principles-ethical-conduct>
- Canadian Archaeological Association. Statement of Principles for Ethical Conduct Pertaining to Aboriginal Peoples // <http://canadianarchaeology.com/caa/statement-principles-ethical-conduct-pertaining-aboriginal-peoples>
- Ethics in American Archaeology: Challenges for the 1990's / Eds M.J. Lynott, A. Wylie. Washington, D.C., 1995 (SAA Special Report)
- European Association of Archaeologists. The EAA Code of Practice // http://e-a-a.org/EAA_Code_of_Practice.pdf
- European Association of Archaeologists. The EAA Principles of Conduct // http://www.e-a-a.org/EAA Princ_of_Conduct.pdf
- Society for American Archaeology (SAA) / Principles of Archaeological Ethics // <http://www.saa.org/AbouttheSociety/PrinciplesofArchaeologicalEthics/tabid/203/Default.aspx>

“СИЛОАМСКИЙ МОНОЛИТ” И “ВЕРХОТУРА”: АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ УЧАСТКОВ В ГРАДЕ ДАВИДОВОМ

© 2013 г. Я. Чехановец

Служба Древностей Израиля, Иерусалим

В начале 2013 г. Служба Древностей Израиля выложила в свободный сетевой доступ значительную часть своего архива: тысячи оцифрованных фотографий, планов, карт, служебных записок и научных отчетов, датирующихся годами британского правления в Палестине (1918–1948), – бесценный материал для изучения истории палестинской археологии и самих памятников древности. Несколько архивных документов касаются истории русского имущества в Иерусалиме – двух древних гробниц, расположенных в д. Силуан – библейском Силоаме. Оба участка – “Силоамский монолит” и “Верхотура” – относятся к категории археологических приобретений конца XIX в. архимандрита Антонина (Капустина). Последующие исследования показали, что речь идет о ключевых погребальных памятниках железного века, дающих стратиграфический код к пониманию истории всего городского некрополя. Пользуясь случаем, опишем сами памятники и историю их исследования, весьма непростою.

В британском Департаменте Древностей. Работа по сбору данных о древностях Святой Земли была начата немедленно после установления контроля британской армией над Палестиной в 1918 г. (“Декрет об охране древностей” от 01.XII.1918 г.: Ashbee, 1921. Р. 78, 79). В декрете были определены принципы будущей научной работы и составлен список памятников, требующих особого внимания, – крепостных стен Иерусалима, цитадели и главных святынь (мечети Храмовой Горы, храм Гроба Господня).

В июне 1922 г. Великобритания получила от Лиги Наций мандат на управление Палестиной. Пункт 21 постановления оговаривал необходимость принятия закона об охране памятников древности и создания компетентной службы с целью их сохранения и изучения. Также было решено создать в Иерусалиме археологический музей, включающий выставочные галереи, библио-

теку, архив и хранилища¹. Главой Департамента Древностей стал Дж. Гарстанг (1876–1956) – основатель Британской археологической школы в Иерусалиме, имевший богатый опыт раскопок на Ближнем Востоке. На службу принимались британские и местные археологи, арабы и евреи. Начиная с 1929 г. (Antiquities Ordinance № 51) все работы сотрудников департамента фиксировались, подробно описывались и сдавались в архивы вместе с графо- и фотоматериалом. На основе собранных данных принимались решения о проведении спасательных раскопок и выдаче разрешений на научные исследования (Gibson, 1999; 2011; Seligman, 2011).

Одним из первых больших проектов британской Службы Древностей стало исследование памятников д. Силуан, находящейся к югу от стен Старого города. Название этой арабской деревни происходит от Силоамской купели, известной по текстам Писания (Исх. 8:6, Иоан. 9:7–11). Именно здесь, возле родника Геон, когда-то был основан Иерусалим, тут располагалось историческое ядро древнего города, “Град Давидов” (2 Цар. 5:9). С востока город был ограничен руслом потока Кедрон, на берегах которого уже в ветхозаветные времена находился некрополь Иерусалима или “общенародное кладбище” (4 Цар. 23:6; Иер. 31:40), “простонародные гробницы” (Иер. 26:23). Дома арабских жителей деревни строились прямо на скальных захоронениях, к XIX в. давно разграбленных и пустых.

“Силоамские троглодиты”. Древние погребальные пещеры, в том числе самая заметная и лучше всего сохранившаяся “Пещера с карнизом” или

¹ Нестандартная для колониального правления практика была призвана подчеркнуть особый статус Палестины и Иерусалима, отличный от колоний Британской империи. В 1929 г. на щедрое пожертвование Дж.Д. Рокфеллера началось строительство, музей был открыт в 1938 г. В 1948 г. британской структуре наследовали израильская и иорданская, действовавшие на основании тех же законодательных актов.

Рис. 1. Силоамский монолит. Гравюра Л. Маера, 1804.

“Гробница дочери фараона”, давно привлекали внимание исследователей Иерусалима. Заметный изда- лека каменный куб гробницы с плоской крышей впервые был зарисован Л. Маером (Maer, 1804. Р. 41) и неоднократно изучался и измерялся (рис. 1). В 1873 г. пещеру с карнизом (“Силоамский моно- лит”) на северном краю д. Силуан приобрел архи- мандрит Антонин (Капустин), чуть позже побли- зости был выкуплен еще один участок с древними захоронениями (Россия в Святой Земле, 2000. Т. 2. С. 208, 280, 281; Беляев и др., 2009. С. 52).

Несмотря на значимость погребальных памят- ников, большая часть европейцев предпочитала разглядывать их изда- лека, с высокого западного берега Кедронского ручья. Мало кто отваживался спуститься в деревню: записки западных путеше- ственников полны самых нелестных отзывов о си- луанских жителях, обитателях жалких лачуг, обле- пивших скалистые склоны, и о древних пещерах, в которых живут люди и держат скот. Вот харак- терное для XIX в. описание Силуана: “Сегодня в гробницах в страшной нищете, грязи и злодействе обитает двести троглодитов” (Newman, 1868. Р. 93). Известный исследователь Ч. Уоррен выразился еще категоричнее: “Жители Силуана – беззаконная шай- ка, несомненно самые бессовестные головорезы во всей Палестине” (Warren, 1876. Р. 149).

К началу британского правления обстановка в Силуане мало изменилась. Однако в Граде Дави- довом, несомненно находившемся в числе главных приоритетов британского Департамента Древно- стей, новая власть решила немедленно навести по- рядок. Началась фиксация памятников и подготовка к первым в Иерусалиме масштабным археологиче- ским раскопкам. В 1920 г. особым распоряжением Департамента вся территория между южной стеной Харам аль-Шариф (Храмовой горы) и Силоамской купелью была официально признана “местом древ- него Града Давидова, содержащим памятники исто-

рии, представляющие интерес для всего цивилизо- ванного мира” (*The archive of the Israel Antiquities Authority (IAA archive), British Mandatory section: Jerusalem, Ophel. Электронная версия: <http://www.iaaarchives.org.il>*)².

В этом контексте следует рассматривать пуб- ликующуюся ниже служебную переписку между директором Департамента Древностей Дж. Гар- стангом и губернатором Иерусалима Р. Сторрсом³. Документы хранятся в архиве Службы древностей Израиля (IAA archive, British Mandatory section: Jerusalem, Silwan: Confiscation of Antiquities, 2. Электронная версия: <http://www.iaaarchives.org.il>). Они составлены на канцелярском, хотя и не ли- шенном юмора английском языке. В первых пись- мах используется библейское название местности – Силоам, в дальнейшем появляется и современное арабское название – Силуан. Первые четыре пись- ма напечатаны на пишущей машинке, последнее написано от руки.

Письмо 1. Директор Департамента Древностей – губернатору Иерусалима

Иерусалим, 19 декабря 1922

Губернатору, Иерусалим

Тема: Гробницы и пещеры в Силоаме

Вчера г. Ори, младший инспектор Департамента, посещал Силоам с поручением проинспектировать указанные пещеры и гробницы, в особенности ту, что известна как Гробница дочери фараона.

С большим трудом проникнув туда, он обнару- жил упомянутую выше гробницу в отвратительном состоянии, приспособленной под хранение навоза. Речь идет об одном из немногих памятников, сохра- нившем следы надписи периода до Пленения (т.е. до 586 г. до н.э., – *Я.Ч.*) и представляющем значи- тельный интерес. Насколько я понимаю, он принад- лежит русской общине на Масличной горе. Я был бы очень рад, если бы Вы могли дать им соответ- ствующее распоряжение о расчистке.

Что касается других пещер, видимо, также при- надлежащих русским, то и они сегодня заняты си- лоамскими жителями, категорически отказавши- мися допустить туда инспектора и требовавшими бакшиша. Не могли бы Вы выделить полицейско- го для сопровождения г. Ори в деревню на среду, 20 декабря? В этот день г. Ори явится в админи-

² Раскопки в Граде Давидовом были начаты в 1923 г. Р.А.С. Ма- калистером и Дж. Г. Дунканом.

³ Сэр Р. Сторрс (1881–1955), в 1917–1921 гг. – первый британ- ский военный губернатор, в 1921–1926 – гражданский губер- натор Иерусалима.

страцию к 9 часам. Следует также проинструктировать мухтара, что он обязан обеспечивать доступ ко всем древним памятникам на своей территории представителям Департамента по предъявлении соответствующих удостоверений.

Директор

Письмо 2. Губернатор Иерусалима –
директору Департамента Древностей
Директору, Департамент Древностей,
Иерусалим

Тема: Гробницы и пещеры в Силоаме
В ответ на Ваше письмо от 19.12.1922

1. Я так и не получил Вашего письма, пока в администрацию не явился сам г. Ори. Меры приняты, командующий полиции Иерусалимского округа выделил полицейского для сопровождения. Полагаю, этого достаточно.

2. Я поговорил с мухтаром Силоама об отказе жителей деревни пропустить г. Ори к силоамским пещерам. Мухтар весьма сожалел об этом инциденте и предложил, чтобы каждый инспектор, желающий посетить пещеры, заранее предупреждал бы его. Тогда он лично будет сопровождать инспектора и убедится, что никаких сложностей не возникнет.

3. Название “Дочь фараона” в Вашем письме, равно как фраза о “русской общине на Масличной горе”, недостаточно точны, чтобы позволить мне определить ответственных лиц и распорядиться об очистке гробницы. Мухтару Силоама не известна гробница с таким названием, принадлежащая русской общине; имущественно многие древние гробницы в этом районе принадлежат еврейской общине. Буду Вам признателен, если Вы как можно скорее дадите мне знать: а) какую именно гробницу Вы имеете в виду; б) название общины, являющейся законным владельцем.

от имени губернатора (подпись)
Иерусалим, 4 января 1923

Письмо 3. Директор Департамента Древностей –
губернатору

Иерусалим, 18 января 1923
Губернатору, Иерусалим

Тема: Гробница дочери фараона в Силуане
В ответ на Ваше письмо от 04.01.1923

Эта гробница известна здесь как Кабр Бинт эль-Фараун; видимо, она принадлежит Русской Миссии, которой, насколько я понимаю, руководит архимандрит Узлиц, Русские Постройки, Иерусалим.

Инспектор Департамента посетил гробницу вместе с мухтаром Силоама, который теперь вполне уверен: прежде он просто не понял г. Самуэля, решив, что в письме говорилось о могиле Авессалома, которую в Силоаме называют Тантур Фараун.

Директор

Письмо 4. Губернатор Иерусалима –
директору Департамента Древностей
Директору, Департамент Древностей
29 января 1923

Тема: Гробница дочери фараона в Силуане

В ответ на Ваше письмо от 18.01.1923 и предыдущую корреспонденцию

Боюсь, что вопрос по-прежнему остается неясным. Я был проинформирован посетившим меня архимандритом Мелетием⁴ с Русских Построек в Иерусалиме, что:

- а) никакого архимандрита Узлица не существует;
- б) в районе Силуана русской общине принадлежат только две гробницы – Мугарет эз-Зуннар и Хакурет эль-Биядр;
- в) эти гробницы снабжены воротами и к ним приставлен сторож.

Письмо 5 (записка на память, от руки)

Письмо губернатора от 29.01.1923

Русская община владеет в районе Силуана двумя гробницами – Мугарет эз-Зуннар, Хакурет эль-Биядр (Каср Бинт эль-Фарун).

Последний документ, казалось бы, показывает, что вопрос можно считать решенным: британская администрация разобралась с русским имуществом в Силуане. Речь идет только о двух гробницах. Третье название, записанное в скобках, – то самое, из-за которого и началась эта нелепая история. Для европейцев и арабских жителей деревни оно обозначало разные памятники. У Силоамского монолита действительно было несколько названий – “Пещера пилы” (Магарет эль-Миншар), “Пещера с поясом” (Магарет эль-Зуннар) и даже эль-Москобийя. Однако “Могилой дочери фараона” ее стали называть европейцы, причем название закрепилось только к концу XIX в. Арабские жители деревни по сей день называют так совсем другой памятник – “Столп

⁴ Архимандрит Мелетий (Розов) (1872–1952) – служил в Русской Духовной Миссии с 1908 по 1952 г., в 1918–1922 гг. был временно исполняющим обязанности начальника миссии (Алехина, 2012. С. 6–27).

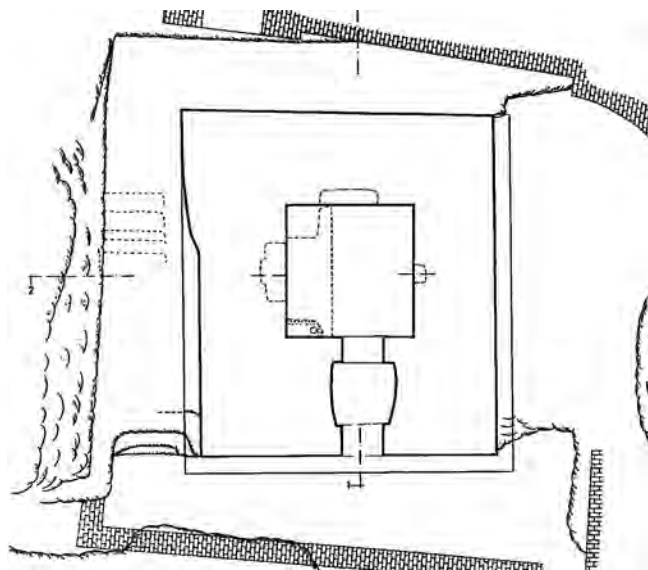

Рис. 2. Силоамский монолит, план гробницы. Ussishkin, 1993.

Авессалома” – гробницу, расположенную к северу по течению Кедрона и датирующуюся I в. до н.э. – I в. н.э. По-видимому, фараон оставил неизгладимый след в памяти силуанских жителей – соседняя гробница семейства Хезир называлась “Гостиней фараона” (Диуан Фарун), гробница Авессалома – “Могилой дочери фараона” (Кабр Бинт Фарун), а гробница пророка Захарии, увенчанная пирамидкой, – “Могилой жены фараона” (Кабр Зауджат Фарун).

Силоамский монолит – история исследования (рис. 2). Первое подробное описание самого внутреннего и наиболее полно сохранившегося памятника древнего некрополя Иерусалима было составлено маркизом де Соси (Сольси) в 1851 г. 30 лет спустя он опубликовал зарисовку монолита и его описание с замерами (de Saulcy, 1882. Р. 203–206). Отталкиваясь от “египетского” характера памятника, де Соси (Сольси) предположил, что это небольшое святилище, построенное царем Соломоном для одной из своих многочисленных жен – дочери фараона (3 Цар.3:1). Памятник кратко упоминает Ч. Уилсон (Wilson, 1865. Pl. XXIV, 4, 5). В 1884 г., уже после приобретения участка архимандритом Антоном, внимательно изучивший место Ш. Клермон-Ганно первым верно определил характер памятника и назвал его “гробницей”, относящейся к периоду израильской монархии (об одной из многочисленных погребальных пещер большого некрополя см. Clermont-Ganneau, 1884. Р. 89–100). За умеренную мзду он договорился с хозяевами нескольких участков о расчистке гробниц. Незадолго до этого Ш. Клермон-Ганно удалось обнаружить в Силуане другую погребальную пещеру с надписью палеоив-

ритским письмом: “Это [гробница] ... ягу, который над домом [царским]. Здесь нет ни серебра, ни золота, а только кости его и его жены. Будь проклят человек, который откроет” (ср. Ис. 22:15-16: “Ступай, пойди к этому царедворцу, к Севне, начальнику дворца, и скажи ему: что у тебя здесь, и кто здесь у тебя, что ты здесь высекаешь себе гробницу? – Он высекает себе гробницу на возвышенности, вырубает в скале жилище себе”).

Внимательно изучив Силоамский монолит, французский исследователь рассмотрел над входом в гробницу следы похожей погребальной надписи, к тому времени почти исчезнувшей (Clermont-Ganneau, 1884. Р. 90). Сохранился только ее левый край: четко видна последняя буква *resh*, и предшествующая ей – *dalet*, *koף* или *resh* – довольно большие по размеру – высотой 12 см. Судя по длине каменной панели над входом, в оригинале текст включал около 20 букв. Эпиграфический анализ показал, что буквы современны “Силоамской надписи”, найденной в 1880 г. и датирующейся царствованием ветхозаветного царя Езекии (727–698 гг. до н.э., 4 Цар. 20:20). Ш. Клермон-Ганно установил, что погребальная надпись Силоамского монолита была сбита еще в древности, в результате работ по расширению входа, вероятно, монахами, приспособившими гробницу под келью.

В то же время сведения о монументе публикуют англичане Ч. Уоррен и К.Р. Кондер. Версия Ш. Клермон-Ганно ими полностью отвергается: они утверждают, что гробница не была достроена и не использовалась по назначению. Сомневаясь в погребальном характере надписи, они датируют гробницу как памятник, “созданный не ранее хасмонейского периода”, т.е. не ранее II в. до н.э. (Warren, Conder, 1884. Р. 313–316). В самом деле, близость некрополя хасмонейского и раннеримского периода с его монументальными гробницами, располагающимися вверх по течению Кедрона, долгое время мешала исследователям осознать, что дома арабской деревни Силуан стоят на гораздо более древних погребальных памятниках. Заметим, что споры о датировке силуанского некрополя велись на протяжении всей первой половины XX в.

В период британского мандата “Гробница дочери фараона”, как и другие древние захоронения Силуана, была исследована о. Л.У. Винсеном – главой доминиканской École Biblique (Vincent, Steve, 1954–1956) и Н. Авигадом (Avigad, 1954) из Иерусалимского университета. Обе научные работы запоздали на целое десятилетие: своевременной публикации помешали разразившаяся Мировая война, а затем и раздел Иерусалима. Наконец, последнее по времени исследование, суммирующее резуль-

таты многолетней археологической разведки на территории Силуана, публикуется в начале 1990-х годов Д. Усышкиным (Ussishkin, 1993).

Датировка силуанских пещер оставалась проблематичной и в Новое время. Гробницы были разграблены еще в древности и не сохранили ни человеческих останков, ни следов погребальной утвари. За 2500 лет они бесчисленное количество раз меняли свое назначение, захламлялись и перестраивались — тем не менее постоянно использовались.

Комплексное исследование всех 50 сохранившихся силуанских гробниц показало, что прежде они составляли единый погребальный ансамбль, датирующийся эпохой железа (VIII–VII вв. до н.э.).

Гробница железного века. На сегодняшний день памятник огорожен невысоким каменным забором, выстроенным в конце XIX в. Чтобы немного расширить пространство вокруг погребальной пещеры, чуть ниже фасада гробницы была возведена подпорная арка, немало смущающая современных посетителей, пытающихся понять, какое отношение она имеет к самому монументу. Подойти к памятнику можно с востока, со стороны деревни, или с запада, карабаясь вверх по крутому склону Кедрона, усыпанному мусором. Ниже и левее в скалистом склоне видны квадратные выходы еще двух древних погребений.

Фасад монолита открыт только с запада, а с остальных трех сторон окружен скальной массой, от которой был когда-то отделен. По форме могила напоминает каменный куб, немного расширяющийся книзу. По верхней части всех стен, кроме задней, проходит так называемый египетский карниз. Высота фасада гробницы достигает 3.75 м, ширина — 5.14 м, по карнизу — чуть шире — 5.58 м (здесь и далее приводятся наиболее точные замеры памятников: Ussishkin, 1993). Расчистка плоской крыши показала, что в древности памятник действительно венчала каменная пирамида высотой около 2.5 м (Avigad, 1954. Р. 11–23). Более того, эта пирамида, по меньшей мере, ее низ, также являлась частью монолита. Спустя несколько столетий пирамиды становятся чуть ли не обязательным элементом иудейской монументальной гробницы. Так, согласно описанию Иосифа Флавия, пирамидами увенчивались могилы Маккавеев в Модиине и царей Адиабены в Иерусалиме. Пирамида сохранилась и совсем рядом с Силуаном, над “гробницей Захари” в русле Кедрона.

Вход в гробницу расположен чуть правее центра, возможно, из-за нарушающего симметрию погребального ложа, находящегося внутри. В древности, после разграбления гробницы, вход в нее был зна-

Рис. 3. “Верхотура”. Ussishkin, 1993.

чительно расширен: порог и притолоку сбили, уничтожив при этом большую часть каменной панели с погребальной надписью. Правая и левая стороны панели сохранились, уцелели и последние буквы надписи. Высота входа сегодня составляет 1.50 м. Его оригинальные размеры можно восстановить по размерам второго, внутреннего проема, к которому снаружи ведет узкий лаз. Высота внутреннего входа — 72 см, ширина — 68.

Внутри гробница однокамерная, со сводчатым, слегка заостренным потолком. Длина погребальной камеры составляет 2.19 м, ширина — 2.13, высота в средней части — 2.11 м. Остатки погребального ложа сохранились с левой стороны от входа, в углах камеры. В оригинале ложе шириной в 75 и высотой в 15 см шло вдоль всей стены. Видны следы желоба — возможно, указывающего на подголовник. Видимо, покойник был похоронен головой на запад, и если бы встал — оказался бы лицом к востоку. Следы каменных подголовников видны в нескольких иерусалимских гробницах, причем направление положения тела варьируется (Barkay, 2000. Р. 85–106). С этой же левой стороны просматривается углубление 11 см в диаметре и 5 см в глубину. Похожее углубления возле головного ложа есть и в других гробницах. По предположению исследователей, они предназначались для возлияния благовоний или воскурений (Barkay, 1994. Р. 96–164; ср. с библейским описанием похорон иудейского царя Асы: “И похоронили его в гробнице, которую он устроил для себя в городе Давидовом; и положили его на одре, который наполнили благовониями и разными искусственными мастьями, и сожгли их для него великое множество” (2 Пар.16:14)).

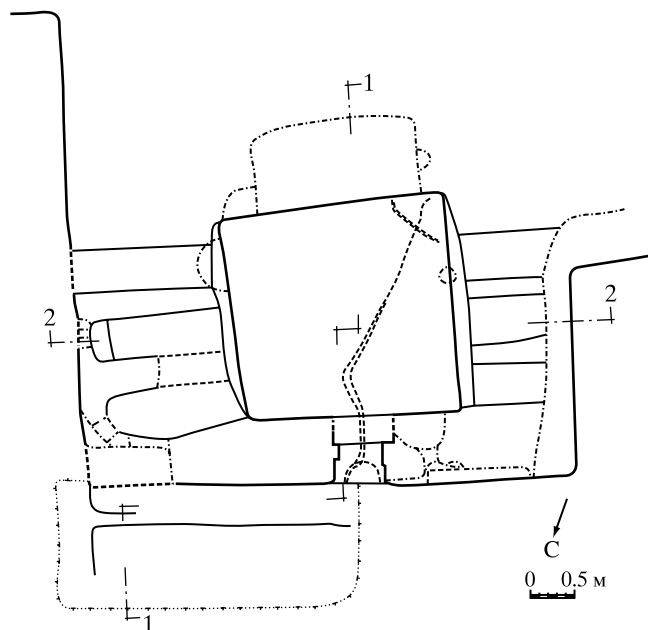

Рис. 4. “Верхотура”, план гробницы. Ussishkin, 1993.

В кладке забора, выстроенного в XIX в. вокруг Силоамского монолита, обнаружился обломок крышки большого каменного саркофага. В конце 1960-х годов дети выковыряли интересный камень и, наигравшись, сбросили его вниз, к подножию гробницы. Техника обработки каменной поверхности вызывает ассоциации с инструментами мастеров, высекавших погребальные памятники. По размерам сегмента крышки была восстановлена оригинальная ширина саркофага – 64 см; предполагаемая длина колеблется от 1.88 до 2.35 м.

Каменоломня. Спустя несколько веков скалистый склон Кедрона стали использовать для добычи строительного камня. Вероятнее всего, это произошло уже после разрушения Иерусалима римлянами в 70 г. н.э.: законы иудейской веры запрещают разрушение надгробий и не позволяют пользоваться “имуществом мертвых” даже спустя сотни лет. Во II–III вв. н.э., когда город отстраивался заново как римская колония Элия и заселялся язычниками, в некрополе могли быть устроены каменоломни. Следы каменотесной деятельности видны повсюду на открытой площадке, окружающей Силоамский монолит. Тогда же была уничтожена и венчавшая памятник пирамида. На плоской поверхности крышки гробницы четко просматриваются желобки, разделявшие каменные блоки и места их отрыва. Форма памятника позволила каменотесам выламывать блоки ровными рядами. Один из угловых блоков был отбит неудачно, повредив небольшой фрагмент карниза. Сняв несколько слоев каменных блоков, каменотесы пробили в потолке гробницы дыру,

проверяя, можно ли снимать следующий слой, не рискуя провалиться (Ussishkin, 1993. Р. 51–54).

Отшельники. Через некоторое время в заброшенной и изуродованной гробнице поселились люди. Снаружи в стенах было выдолблено несколько ниш разного размера и формы, вход в погребальную пещеру был расширен и чтобы облегчить спуск к монолиту, слева в скале высекли ступени. Внутри гробницы тоже претерпела изменения: погребальное ложе было сломано, в стенах появились небольшие ниши для светильников и горизонтальные углубления для установки полок. В открытом дворике рядом с гробницей была заселена еще одна, совсем небольшая пещера, древнее назначение которой не известно. В малую пещеру ведет лаз высотой около 1 м и шириной 60 см. Сама пещера длиной чуть более 3 м имеет трапециевидную форму, к дальней стене расширяясь и становясь ниже. В левой стене пещеры прорублено небольшое окно, в стенах – несколько ниш разного размера (Loffreda, 1965–1966. Р. 97, 100).

Силоамский монолит – не единственный памятник, превращенный в жилую пещеру. Большая часть древних захоронений Иерусалима уже в начале византийского периода становится прибежищем христианских отшельников. О монашеской практике селиться в пещерах и древних гробницах свидетельствуют многочисленные византийские источники. В могиле пророчицы Хульды на Масличной горе подвизается Св. Пелагия, в пещере неподалеку – Св. Епифаний. В повествовании Антиоха Стратига “Пленение Иерусалима персами” говорится о том, что в 614 г. возле кедронских гробниц было вырезано 1400 христиан. О новом назначении пещер свидетельствуют прорубленные переходы, вентиляционные и световые отверстия, небольшие апсиды, высеченные на стенах кресты и надписи. Монашеское присутствие не прерывается и в раннеисламский период. “Перечень церквей”, составленный Иерусалимской церковью для Карла Великого в 808 г., упоминает монахов, живших на склонах Масличной горы и Кедрона. С археологической точки зрения особенно богатый христианский материал был обнаружен во второй “русской пещере” Силуана – “Верхотуре” (Уллие), на участке Хакурет аль-Биядер.

“Верхотура” (Уллие) (рис. 3). Начало изучения пещерных христианских древностей Силуана было положено известным исследователем Иерусалима К. Шиком. В 1890 г. до него дошли слухи о том, что в Силуане нашли церковь, а в ней – древнюю надпись, которую никто не может прочесть. После долгих переговоров с хозяевами участка, К. Шик смог договориться о расчистке пещер.

Так, в центре Силуана была открыта целая группа древних иудейских гробниц, впоследствии перестроенных в часовни. Тайнственная надпись оказалась греческой, в тексте упоминалось имя пророка Исаяи (Schick, 1890. Р. 16–18; см. также Ussishkin, 1993. Р. 116–153. № 20–27). Находка вызвала огромный интерес в церковных кругах, а участок был приобретен орденом францисканцев.

Вскоре архимандриту Антонину удалось купить другой участок в северной части деревни, известный под названием “Пшеничное поле” (Хакурет эль-Биядер) или “Верхотура” (Уллие). Земля, расположенная чуть севернее Силоамского монолита, принадлежала нескольким хозяевам и с ее покупкой и оформлением возникли сложности – процесс приобретения затянулся на долгие годы⁵.

До приобретения места архимандритом Антонином (Капустиным) пещера практически не привлекала внимания исследователей. Единственным, кто удостоил ее кратким упоминанием, был капитан Кондер (Conder, 1872. Р. 170, 171).

Новые хозяева выстроили вокруг участка каменный забор, посадили масличные деревья, а затем и расчистили пещеру. “Верхотура” оказалась, без преувеличения, одним из самых сложных для толкования археологических памятников Иерусалима. Восстановить этапы его использования и многочисленных перестроек стало возможным только благодаря современному комплексному анализу всего силуанского некрополя. Весьма ценным источником по изучению памятника являются записи российского консула А.Г. Яковлева, составившего в 1900 г. подробное его описание (Россия в Святой Земле, 2000. Т. 2. С. 279–281) и пригласившего для осмотра гробницы ведущих археологов Иерусалима – К. Шика и о. Л.У. Винсена. К середине XX в. многого из описанного ими уже не существовало. В отличие от Силоамского монолита, стоящего на самом краю берега Кедронского ручья, Верхотура расположена в гуще современной застройки. Сегодня памятник вовсе не доступен для исследования: несколько лет назад вход в пещеру был закрыт, а сама она заслонена новым жилым домом.

Древняя гробница. Изначально Верхотура была частью ветхозаветного силуанского некрополя. Когда-то впечатляющий погребальный памятник сильно пострадал от последующих переделок (Ussishkin, 1993. Р. 154–164. № 28). Гробница, в

Рис. 5. Современный вид силуанских гробниц. “Силоамский монолит” справа внизу, “Верхотура” закрыта новым жилым домом слева.

оригинале имевшая форму куба, вырезана в высокой части скалистого склона на восточном берегу Кедрона. У подножия склона высечен небольшой дворик, сильно выступающий за край утеса. Справа и слева каменный куб сильно разрушен позднейшими каменоломнями. Крыша гробницы – плоская, вровень с высотой естественного склона. Исследование показало, что и здесь прежде имела надстройка – возможно, пирамида, как и на Силоамском монолите. Левее в 5 м можно рассмотреть еще одну разрушенную гробницу, от которой остался только остов. Замеры и пробные раскопки у подножия памятника позволили высчитать его оригинальные размеры: высота – 7.65 м (на сегодняшний день – высота фасада составляет 6.75 м), ширина – 5.70 м (на сегодняшний день – около 5 м). Вход в гробницу располагался на высоте 4 м от земли – чтобы попасть вовнутрь, приходилось использовать лестницу. В поздние периоды вход в пещеру был расширен, однако декоративное простое обрамление позволяет реконструировать его высоту – 1.08 м. Справа от входа видна гладкая панель (1.25×0.68 м), предназначенная для погребальной надписи. Была ли в древности нанесена надпись, определить невозможно. Внутри гробница состоит из одной погребальной камеры высотой около 2.5 и шириной около 2.4 м. Оригинальный уровень пола не сохранился, стены пещеры довольно грубо обработаны (рис. 4, 5).

“Слуги над домом царским”. Обе приобретенные архимандритом Антонином гробницы представляют собой искусно высеченные в скальной породе монолиты, возвышающиеся над землей. Среди 50 погребальных памятников древнего силуанского некрополя могил этого типа всего 4: 2 “русские”,

⁵ См. донесения от 1895 и 1899 гг. иерусалимского консула А.Г. Яковлева послан в Константинополе (Россия в Святой Земле, 2000. Т. 2. С. 245, 263). Процесс оформления документов завершился только к 1900 г., и владение тотчас было переведено на имя председателя ИППО вел. кн. Сергея (Беляев и др., 2009. С. 52).

располагающиеся в северной части Силуана, и еще 2 – в центре деревни (могила того, “кто над домом царским” (Ussishkin, 1993. № 35), и соседствующая с ней гробница с фрагментом другой погребальной надписи – № 34). Эти гробницы, несомненно, являются важнейшими в силуанском некрополе. На двух сохранился внешний карниз; две, а, возможно, и три гробницы такого типа были увенчаны пирамидами. Все они были рассчитаны на небольшое число умерших (возможно, на одного). Другие монументальные гробницы этого времени, найденные в Иерусалиме, высекались с расчетом на погребение множества людей (Barkay et al., 2000. P. 119–127). Пожалуй, самая важная отличительная черта таких гробниц – надписи: на трех могилах они есть, а на четвертой для надписи приготовлено место. Эпитафий того времени не обнаружено больше ни в одном из захоронений Иерусалима.

Вполне вероятным кажется предположение о том, что гробницы-монолиты предназначались для важных сановников, придворных, царских слуг (Ussishkin, 1993. P. 266, 267; Barkay, 1994. P. 144–147). В ветхозаветном тексте содержится рассказ об устройстве гробницы в русле Кедрона Авессаломом, сыном царя Давида: “Авессалом еще при жизни своей взял и поставил себе памятник в царской долине; ибо сказал он: нет у меня сына, чтобы сохранилась память имени моего. И назвал памятник своим именем” (2 Цар. 18:18).

Локулы. В позднееллинистический и ранний римский периоды склоны Кедрона по-прежнему используются для захоронений. Сильно разросшемуся Иерусалиму нужны большие кладбища, так что вместе с городом увеличивается и некрополь. На берегах Кедрона найдено множество пещер, высеченных в скалистой породе, рассчитанных на семейное погребение (Kloner, Zissu, 2007). Меняется и похоронный обряд: теперь это повторное захоронение, и потому всякая погребальная пещера содержит множество костных ящиков, оссуариев и ниш для их хранения – локул. Древние пещеры используют редко: как правило, они слишком тесны и узки для новых семейных захоронений. Верхотура представляет собой один из редких примеров переделки древнего погребального памятника. Консул А.Г. Яковлев в своем отчете верно отмечал, что с двух сторон в стенах гробницы высечены локулы, “какие мы встречаем во всех здешних древнееврейских гробницах” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. 2. С. 280). Действительно, в I в. до н.э. – I в. н.э. в стенах было прорублено шесть закругленных сверху ниш – по три с каждой стороны. Правые, разрушенные в более поздний период, сегодня имеют вид окошек (Kloner, Zissu, 2007. P. 247). Остается

только гадать, что побудило античных строителей к перестройке древней гробницы: ее размеры, толщина стен, позволявшая высечь локулы, а возможно, и близость к центру нового некрополя – великолепным памятникам Кедрона – так называемым могилам Захарии, Авессалома и Иосафата.

Каменоломня. Следы каменотесной деятельности заметны и во дворике, и на крыше гробницы, и на внешних ее стенах. Поскольку они повредили и части оригинальной конструкции гробницы, и более поздние локулы, можно утверждать, что каменоломни датируются периодом после 70 г. н.э. и, вероятнее всего, относятся к римскому периоду.

Удивительным образом гробница позволяет выстроить настоящую стратиграфию, имеющую значение и для понимания других памятников силуанского некрополя: оригинальная гробница ветхозаветного периода (VIII–VI вв. до н.э.), переделки раннего римского периода (I в. до н.э. – I в. н.э.), более поздние римские каменоломни (II–III вв. н.э.). Последними в этой череде становятся монахи.

“Маленькая церковь”. Невозможно с точностью определить, когда пещеру заняли монахи. Ряд признаков свидетельствует в пользу сравнительно поздней датировки: конец византийского – начало раннеисламского периода. Новые насельники расширили вход, превратили разбитые локулы в окна и опустили пол. В конце XIX в. были особенно заметны переделки вне пещеры. К. Шик, посетивший участок в 1890 г., предположил, что между гробницей и несохранившимся памятником с левой стороны от нее когда-то была возведена хижина или другая простейшая постройка (Schick, 1890. P. 11–13). С юга – левая стена Верхотуры, с севера – правая стена соседней погребальной пещеры и с востока – гладкий вертикальный склон между ними. Четвертая, восточная внешняя стена, не сохранилась, так что К. Шик предположил, что она была выложена из камня. В левом углу стоял большой валун – возможно, столб, на котором держалась крыша. К. Шик рассмотрел также несколько ниш разной формы, горизонтальный желоб для крепления полки и круглые углубления для деревянных балок – те самые “большие и малые отверстия”, в которых консул А.Г. Яковлев справедливо отказывался видеть голубятню. Снаружи, перед гробницей, была выбита цистерна. На левой стене, между нишами, были заметны следы цветной штукатурки: “Роспись представляла собой квадратную рамку глубокого красного цвета, темно-синее поле и на нем семь строк четкой надписи, выполненной белой краской. Строки располагаются не горизонтально, а вертикально, большая часть – уже не отчетливы, но что-то еще можно разобрать. Буквы похожи на

еврейские, но общая композиция производит впечатление христианской” (Schick, 1890. P. 12).

К. Шик скопировал надпись и приложил ее к отчету, однако рисунок так и не был опубликован. Надпись осмотрел и о. Винсен (Vincent, 1912. P. 62), признавшийся, что не может ее прочесть. О. Винсен и есть “знаменитый ученый здешний доминиканец”, консультировавший консула А.Г. Яковлева. Консул добавляет: “Хотя в отношении комнаты он решительно ничего не мог мне сказать, но переписал для меня надпись (его заметка хранится в архиве Генерального консульства)”. Яковлев приводит несколько вариантов идентификации текста: христианское восточно-сириакское или квадратное еврейское письмо I–II в. по Р.Х. и добавляет, что для сохранности засыпал надпись землей (Россия в Святой Земле, 2000. Т. 2. С. 281).

Сегодня от надписи нет и следа. Остается надеяться, что когда-нибудь будут найдены копии, снятые К. Шиком и о. Винсеном. Вероятно, зарисовка первого хранится в архиве Palestine Exploration Fund (Лондон), а рисунок второго – в одном из российских архивов.

По предположению Л.Ди Сеньи, надпись была сделана на палестинском арамейском – диалекте христианского населения Палестины (Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palaestinae, 2012. P. 538). Первые свидетельства об этом диалекте датируются VI в. н.э., но предполагается, что язык сформировался примерно на 200 лет раньше. Большая часть известных сегодня текстов на христианском палестинском арамейском относится к VIII–IX вв. В археологическом контексте подобные надписи были открыты в Иордании (Puech, 2001. P. 61–72; Griffith, 1997. P. 11–31). Особенно интересно, что неподалеку от Верхотуры, в Вифании, в пещере, полной паломнических надписей, сохранилась надпись на христианском палестинском арамейском, выполненная вертикально (Benoit, Boismard, 1951. P. 200–251). В “Перечне церквей” 808 г. упомянуты подвизавшиеся в кедронских пещерах монахи: “Одиннадцать поют псалмы по-гречески, четверо – по-грузински, шестеро – по-сирийски, двое – по-армянски, пятеро – на латыни, и один – по-арабски”. Несомненно, поющие псалмы по-сирийски – это местные христиане, пользовавшиеся христиано-палестинским арамейским (McCormick, 2011. P. 143).

Таким образом, две русские гробницы, упоминавшиеся в служебной переписке британского Департамента Древностей Палестины, оказались единственными памятниками силуанского некрополя, имеющими археологическую стратиграфию. Тщательное изучение этих монументов, начавшееся уже в конце XIX в. и продолжавшееся в течение

почти всего XX, позволило точно датировать древнейшее известное кладбище ветхозаветного города и проследить его судьбу вплоть до конца византийского периода. Весьма вероятно, что современное научное исследование других объектов русской Палестины окажется значительным не только для истории русского присутствия на Святой Земле, но и для истории самой Святой Земли и ее древних памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алехина Л.И. “Когда нет более православной России, особенно тяжел пост Начальника Миссии” // Святая Земля 1 (2). Русская Палестина: люди и судьбы. К 165-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Иерусалим, 2012.
- Беляев Л.А., Бутова Р.Т., Лисовой Н.Н. Археологические памятники Русской Палестины по архивным материалам 1870–1910-х годов // РА. 2009. № 4.
- Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., подгот. текста, вступ. статья и ком. Н.Н. Лисового. 2 т. М., 2000.
- Ashbee C.R. Archaeological needs of the Holy City // Jerusalem 1918–1920: Deing Report of the Pro-Jerusalem Council during the Period of the British Military Administration. L., 1921.
- Avigad N. Ancient Monuments in the Kidron Valley. Jerusalem, 1954 (hebrew).
- Barkay G. Burial Caves and Burial Practices in Judah in the Iron Age // Ed. I. Singer. Graves and Burial Practices in Israel in the Ancient Period. Jerusalem, 1994.
- Barkay G. Excavations at Ketef Hinnom, Jerusalem // Ed. H. Geva. Ancient Jerusalem Revealed. Jerusalem, 2000.
- Barkay G., Kloner A., Mazar A. The Northern Necropolis of Jerusalem during the First Temple Period // Ed. H. Geva. Ancient Jerusalem Revealed. Jerusalem, 2000.
- Benoit P., Boismard M.E. Un ancien sanctuaire chrétien à Béthanie // Revue Biblique. 1951. 58.
- Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palaestinae / Eds H.M. Cotton, L. Di Segni, W. Eck et al. V. I: Jerusalem. P. 2. Berlin; Boston, 2012.
- Clermont-Ganneau C. Genuine and False Inscriptions in Palestine // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. 1884. 16.
- Conder C.R. Rock Indications in Jerusalem // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. 1872. 4.
- de Saulcy F. Jérusalem. Paris, 1882.
- Gibson S. British Archaeological Institutions in Mandatory Palestine, 1917–1948 // Palestine Exploration Quarterly. 1999. 131.
- Gibson S. British Archaeological Work in Jerusalem between 1865 and 1967: An Assessment // Eds K. Galor, G. Avni,

- Unearthing Jerusalem: 150 Years of Archaeological Research in the Holy City. Winona Lake, 2011.
- Griffith S.H.* From Aramaic to Arabic: The Languages of the Monasteries of Palestine in the Byzantine and Early Islamic Periods // *Dumbarton Oaks Papers*. 1997. 51.
- Kloner A., Zissu B. The Necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period. Leuven; Dudley, MA, 2007.
- Loffreda S. Il Monolito di Siloe. Monumento incopiuto del periodo ellenistico-romano // *LA*. 1965–1966. 16.
- Mayer L.* Views in Palestine from the Original Drawings of Luigi Mayer with an Historical and Descriptive Account of the Country and Its Remarkable Places. L., 1804.
- McCormick M.* Charlemagne's Survey of the Holy Land: Wealth, Personnel, and Buildings of a Mediterranean Church Between Antiquity and the Middle Ages. Washington, D.C., 2011 (Dumbarton Oaks Research Library and Collection).
- Newman J.P.* From Dan to Beersheba – or the Land of Promise as It Now Appears. N.Y., 1868.
- Puech P.* Notes d'épigraphie christo-palestinienne cisjordanienne // *Revue Biblique*. 2001. 108.
- Schick C.* Discovery of Rock-Hewn Chapels at Silwân // **Palestine** Exploration Fund Quarterly Statement. 1890. 22.
- Seligman J.* The Department of Antiquities and the Israel Antiquities Authority (1918–2006): The Jerusalem Experience // Eds K. Galor, G. Avni. Unearthing Jerusalem: 150 Years of Archaeological Research in the Holy City. Winona Lake, 2011.
- Ussishkin D.* The Village of Silwan: The Necropolis from the Period of the Judean Kingdom. Jerusalem, 1993.
- Vincent L.H.* Jérusalem. Paris, 1912.
- Vincent L.H., Steve M.-A.* Jérusalem de l'Ancien Testament. Recherches d'archéologie et d'histoire. Paris, 1954–1956.
- Warren C.* Underground Jerusalem. L., 1876.
- Warren C., Conder C.R.* The Survey of Western Palestine: Jerusalem. L., 1884.
- Wilson C.W.* Ordnance Survey of Jerusalem. L., 1865.

ГОРДОН РАНДОЛЬФ УИЛЛИ – ОСНОВОПОЛОЖНИК “ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ” В США

© 2013 г. В.И. Гуляев

Институт археологии РАН, Москва

В текущем году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося американского археолога, профессора Гарвардского университета, признанного главы латиноамериканской археологии, автора концепции “поселенческой археологии” (*settlement pattern archaeology*) и ряда важнейших теоретических и практических работ в области археологических исследований в США и странах Латинской Америки (Гватемале, Белизе, Гондурасе, Никарагуа, Панаме, Перу) Гордона Рандольфа Уилли.

Г.Р. Уилли родился 7 марта 1913 г. в небольшом городке Чаритон (штат Айова), в семье местного аптекаря. В 1925 г. родители переехали в Калифорнию, где в г. Лонг Бич Гордон закончил среднюю школу. Для получения степеней бакалавра и магистра ему пришлось отправиться в Тусон (штат Аризона) и пройти полный курс обучения в Аризонском университете. Его научным руководителем стал известный полевой археолог Байрон Каммингс, изучавший археологические памятники на юге США и в Мексике. В 1935 и 1936 гг. степени были получены и молодой выпускник выехал в г. Мейкон (штат Джорджия) для проведения охранно-спасательных раскопок местных древностей под руководством археолога Артура Келли. В 1938–1939 гг. Г.Р. Уилли вел такие же работы уже в штате Луизиана вместе с Джеймсом А. Фордом, ставшим впоследствии широко известным благодаря трудам по типологии и классификации археологических находок.

Когда для молодого ученого пришла пора задуматься о подготовке докторской диссертации, случилось так, что некоторые университеты (в том числе и Гарвардский, где Г.Р. Уилли будет работать впоследствии) отказали соискателю в поддержке. Только в 1939 г. он сумел получить положительный ответ на свою заявку из Колумбийского университета (Нью-Йорк), где его научным руководителем стал известный в США археолог Уильям Д. Стронг. Докторская диссертация (в США – это степень “Philosophy Doctor” или Ph.D. – “доктор философии”) называлась “Раскопки в долине Чанкай, Перу” и была успешно защищена в 1942 г. Почему именно Перу? У.Д. Стронг в те годы вел интенсив-

ные полевые исследования в Южной Америке, преимущественно в Перу. Вполне естественно, что для реализации проектов он привлек и своего ученика. В 1941–1942 гг. они копали в Анконе, Супе и Пачекамаке (Перу). В 1942 г. Г.Р. Уилли продолжил раскопки самостоятельно. И вновь крутой поворот судьбы – молодому ученому предложили перебраться на “кабинетную работу” в столицу страны Вашингтон. С 1943 по 1950 г. Г.Р. Уилли занимал должность антрополога (в американском значении этого термина) в Бюро американской этнологии Смитсоновского института, где активно работал вместе с известным этнологом Джулианом Х. Стюардом над подготовкой и изданием многотомного фундаментального труда “Справочник по индейцам

Южной Америки” (“Handbook of South American Indians”, 1949–1953), а также вел полевые исследования на севере Перу, в горной долине Вирү.

В 1950 г. Гордона Уилли назначают на вновь созданный пост “Баудич профессор” по Мексиканской и Центральноеамериканской археологии в Музее археологии и этнологии Пибоди при Гарвардском университете. В стенах Гарварда он задержался более чем на столетие: как “Баудич профессор” – с 1950 по 1983 г., как ведущий профессор по антропологии – с 1983 по 1987 г.; как “Почетный Баудич профессор” – с 1987 по 2002 г.

В этот наиболее насыщенный период своей жизни Г.Р. Уилли предпринял очень важные полевые исследования (и во многом они были первыми профессиональными работами в этом малоизвестном регионе) в Белизе, Гватемале, Гондурасе, Панаме и Никарагуа и стал ведущим специалистом по культуре древних майя. Он получил все возможные академические награды и почести, какие только мог пожелать ученый, включая почетные степени и звания, золотые медали и выборные руководящие должности в Американском философском обществе, Национальной академии наук США, Американской академии искусств и наук, Британской академии наук (член-корреспондент), а также посты председателя в Американской антропологической ассоциации и в Обществе американской археологии.

Вклад Гордона Уилли в археологию Нового Света необычайно велик как в практическом, так и в теоретическом плане. Вероятно, в первом случае таковым следует считать его монографии (основанные в основном на результатах собственных полевых исследований), посвященные древностям Флориды и Луизианы в США, Панамы, Гондураса, Белиза, Гватемалы и Перу. Во многом они сохраняют свое значение и по сей день, хотя некоторые из них вышли в свет более чем полвека назад.

Профессор Уилли получил также широкую известность в научном мире как великолепный мастер синтеза и обобщения огромных пластов археологической информации самых разных эпох и территорий. Особую популярность снискала его двухтомная монография “Введение в американскую археологию” (Willey, 1966; 1971). Большой резонанс среди американистов вызвали и его проблемные обобщающие статьи, особенно “Ранние великие стили искусства и появление доколумбовых цивилизаций” (Willey, 1962) и “Мезоамериканская цивилизация и идея трансцендентальности” (Willey, 1976).

Но если обратиться к теоретическим трудам ученого, то главной его работой здесь, вероятно, следует считать скромную по объему монографию “Характер доисторических поселений в долине Вирү, Перу” (Willey, 1953), где впервые в американской археологии были четко сформулированы основные концепции “поселенческой археологии”, “археологии поселений”, а еще точнее – “археологии изучения способов человеческого расселения”. Г.Р. Уилли – основоположник и признанный лидер этого направления в археологической науке. Под влиянием идей Джулиана Стюарда он в конце 40-х годов XX в. осуществил новаторский комплексный проект по изучению древних поселений в перуанской долине Вирү. Впервые в практике археологии Нового Света памятники доколумбовой эпохи целого географического района (горная долина) подверглись сплошному обследованию.

Для всей территории долины были составлены подробные карты выявленных древностей, для чего широко использовалась аэрофотосъемка. Хронологические рамки бытования поселений и их культурная принадлежность определялись как раскопками, так и с помощью шурфовок и сбора подъемного материала. В результате исследований Г.Р. Уилли установил основные изменения в характере расселения человеческих групп в пределах сравнительно небольшой горной долины на протяжении свыше полутора тысяч лет (от рубежа нашей эры до испанского завоевания в XVI в.) и “увязал” эти изменения с социально-экономическими процессами и историческими событиями (Willey, 1953). Позднее разработанные в Перу методы были успешно применены им при изучении поселений древних майя в Белизе – проект Бартон Рамье (Willey et al., 1965). Именно тогда окончательно и сложились основные концепции археологии поселений, занимающей и поныне весьма важное место в повседневной деятельности археологов США и Западной Европы.

Суть их состояла в признании огромной роли изучения древних поселений для реконструкции социально-экономических институтов оставшего их общества. “Поселения, – подчеркивал Г.Р. Уилли, – представляют собой более прямое отражение социальной и экономической деятельности древнего человека, чем большинство других аспектов культуры, доступных археологу” (Willey, 1956).

Сам ученый определял термин “*settlement pattern archaeology*” как “способ, которым человек размещает себя на окружающей местности. Это относится к жилищам, их местонахождению, к характеру и расположению других зданий, связанных

с жизнью общины. Поселения отражают природную среду, уровень технологии, на котором действуют их строители и различные институты социального взаимодействия и контроля для поддержания стабильности данной культуры” (Willey, 1956. P. 1).

Методически этот новый подход к анализу древних поселений выразился в использовании трех структурных уровней исследования: микроуровень (анализ отдельных построек, выявление их функционального назначения и времени бытования); уровень целого памятника (поселение как единый и сложный социальный организм, развивающийся по определенным хронологическим этапам); макроуровень (региональное изучение синхронных памятников) (Green, 1973. P. 311). По мнению многих зарубежных археологов, “археология поселений” – это изучение изменяющегося характера поселений во времени и пространстве; оно является частью общего анализа адаптивных взаимосвязей между человеком и его природным окружением. Характер поселений определяется многими факторами, важнейшие из которых – природная среда, хозяйственная система, уровень технологии, демография и социальная организация (Fagan, 1981. P. 379).

Археологию поселений не следует отрывать от археологии традиционной. Интерес к древним поселениям – давнее явление в археологической науке. Еще с XIX в. археологи снимали планы изучаемых памятников, наносили их на карту, а в ряде случаев исследовали расположение поселка на местности в условиях определенного природного ландшафта. Однако верно и то, что до сравнительно недавнего времени в археологии почти не появлялось трудов, в которых древнее поселение служило бы главным объектом широкого социологического рассмотрения или изучалось бы размещение отдельных элементов культуры в пределах данного памятника и анализировалась бы их взаимосвязь. Отсутствовали и работы, посвященные исследованию поселений в рамках определенного географического района, выделению иерархических рядов поселений. Все это появилось в американской археологии лишь в 50–60-х годах XX в. и, в немалой степени, благодаря влиянию идей Г.Р. Уилли. И хотя он не был ни автором самого термина “*settlement pattern archaeology*” (его подсказал ему Джулиан Стюард), ни изобретателем методов широкого сплошного обследования определенных территорий (их уже давно применяли географы), ему удалось стать первым археологом, который наметил и осуществил крупномасштабный полевой проект по изучению древних памятников в

долине Вирú. Он же сумел убедить своих коллег в пользу подобного подхода в археологии. Очень важно и то, что он одним из первых доказал важность и эффективность стратегии региональных исследований, когда сбор подъемного материала сочетается с частичными раскопками и широким применением картографии и аэрофотосъемки для решения крупных исторических проблем.

Справедливости ради надо упомянуть, что многие идеи сторонников археологии поселений для отечественной исторической науки были отнюдь не новы. Еще в 20–30-е годы XX в. наши археологи всячески подчеркивали в своих трудах необходимость широкого изучения поселений для успешной социально-экономической реконструкции структуры древних обществ и успели некоторые свои взгляды воплотить в реальности (Брюсов, 1926; Киселев, 1929).

Нельзя не отметить и такое важное событие в развитии теоретической мысли американских археологов, как появление в 1958 г. монографии Г.Р. Уилли (в соавторстве с Ф. Филлипсом) “Метод и теория американской археологии” (Willey, Phillips, 1958). Первая часть этой работы посвящена методическим и процедурным вопросам, помещенным в общие рамки умонастроений того времени в гуманитарных науках США. Авторы разделили археологическое исследование на три оперативных уровня: 1) наблюдение (полевые исследования); 2) описание (культурно-историческая интеграция); 3) объяснение (процессуальная интерпретация). Они определяют культурно-историческую интеграцию как «...почти все, что археолог делает для организации своих первичных данных: типология, таксономия, создание археологических “комплексов” (*units*), изучение их взаимосвязей в контекстах функции и природного окружения, определение их внутренних параметров и внешних связей во времени и пространстве» (Willey, Phillips, 1958. P. 5). Кроме того, Г.Р. Уилли и Ф. Филлипс впервые предложили в своей книге общую периодизацию доколумбовых культур Нового Света. Она выглядит так: “литический” период (или палеолитический, или первобытного человека); “архаический” (пост-плейстоценовые охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ группы); “формативный” (оседлые общины ранних земледельцев); “классический” (начало городских цивилизаций в Мезоамерике и Перу); “пост-классический” (эра империй или империалистических государств).

Четкое выражение новых тенденций, наметившихся в послевоенные годы в американской археологии, содержится в юбилейном докладе Г.Р. Уилли, посвященном 25-летию археологии Мезоамерики

и Анд. К их числу ученый относит, прежде всего улучшение хронологии всех археологических работ, совершенствование важнейших методов датировки (общеизвестно, что 50-е годы XX в. – время подлинной революции в хронологии древних культур Старого и Нового Света, вызванной появлением радиоуглеродного метода датировки); рост интереса археологов к историческому процессу, причинному объяснению событий; упорядочение терминологии (большая точность и ясность в определениях); комплексный (мультидисциплинарный) подход к изучению археологических объектов (Willey, 1961).

Воздействие работы Уилли на дальнейшую деятельность археологов США, причем даже на тех, кто работал в Старом Свете, было весьма ощутимым. Достаточно вспомнить здесь блестящие исследования Роберта Мак Адамса в Южной Месопотамии (Ирак), воплотившие все основные достижения археологии поселений (Adams Mc, Nissen, 1972). Но, естественно, еще больше это влияние отразилось на ученых, занимающихся древними культурами Мезоамерики, и, в частности, культурой майя. В качестве примера сошлюсь на экспедицию Музея антропологии Пенсильванского университета (США), исследовавшую в 1956–1970 гг. руины древнего майяского г. Тикаля в Северной Гватемале. Один из руководителей Тикальского проекта, У.Р. Ко, подчеркивал, что в целях подлинно научного и объективного изучения цивилизации майя необходимо отказаться от одностороннего увлечения эффектной храмовой архитектурой, скульптурой и эпиграфикой, отражающих лишь культуру верхов общества – аристократов и жрецов. Полное представление о жизни индейцев майя даст только всестороннее изучение древностей, оставленных основной частью населения: простых жилищ, ремесленных мастерских, систем жизнеобеспечения, орудий труда, иерархии всех поселений – от небольших деревушек и до столичных городских центров. С 60-х годов XX в. основные идеи археологии поселений прочно вошли в практику исследований всех экспедиций, работавших на территории цивилизации древних майя. Не обошлось без этого влияния и в деятельности двух крупнейших комплексных археологических экспедиций, изучавших крупнейший центр классических цивилизаций Мезоамерики – Теотихуакан: картографический проект Р. Миллона (Millon, 1966) и эколого-археологический проект У. Сандерса (Sanders et al., 1979).

И лучшей наградой от благодарных коллег к 70-летию Г.Р. Уилли стал выход в свет двух фундаментальных сборников статей, один из которых

подчеркнуто получил название “Характер доисторических поселений” (Vogt, Leventhal, 1983), а другой – “Цивилизация в древней Америке” (Leventhal, Kolata, 1983).

Значительный вклад Гордон Рандольф внес и в изучение цивилизации древних майя, осуществив многолетние масштабные исследования в двух важных майяских городских центрах в долине р. Пасьон в Гватемале – Алтар де Сакрифисьюс и Сейбаль, а также в Копане (Гондурас) (Willey, Smith, 1969; Willey, et. al., 1975; Willey et.al., 1994). Причем, практически все полученные в ходе раскопок огромные материалы были своевременно опубликованы в серии великолепных монографий еще в 60–70-е годы XX в. (Willey, 1973; Willey, Leventhal, 1978; 1979), где, помимо обычных данных по архитектуре, скульптуре, эпиграфике, керамике, о каменных орудиях труда и оружии, были представлены подробные топографические планы всех выявленных построек в центральных зонах городов и их округе. Особенно важны сведения о количестве рядовых жилищ (*house-mounds*), что позволило (более или менее точно) определить численность местного населения.

Помимо собственных исследований руин ряда майяских городов Гватемалы, Белиза, Гондураса, Гордон Уилли известен своим умением организовывать и проводить представительные обсуждения наиболее значимых и спорных проблем археологии майя: происхождение майяской цивилизации и причины гибели культуры классического периода в Центральной области майя (Гордон Уилли всегда подводил итоги этих совещаний в стенах знаменитой Школы американских исследований в Санта-Фе, Нью-Мексико: см. Adams, 1977; Culbert, 1973). Не оставил без внимания Г.Р. Уилли и важную проблему историографии американской археологии. В 1974 г. он (совместно с Дж.А. Сабловым) выпустил в свет фундаментальную “Историю американской археологии”, которая выдержала уже три издания (Willey, Sabloff, 1974; 1980; 1993).

В 1991 г. на страницах журнала “Вестник древней истории” (в рамках международного круглого стола “Цивилизации доколумбовой Мезоамерики: новые открытия и новые интерпретации”) Г.Р. Уилли выступил со статьей “Политическая жизнь древних майя”, в которой высказал ряд важных идей относительно новых подходов к изучению цивилизации древних майя. “Политическая жизнь древних майя – в особенности характер их государственного устройства и взаимосвязи между отдельными государствами, – пишет он, – наиболее интересное направление в современных историко-археологических исследованиях. Это произошло в

результате успешного перевода иероглифических текстов майя – достижения, ставшего нашим достоянием всего лишь одно-два десятилетия назад” (Уилли, 1991. С. 105). Ученый откровенно говорит о том, что он сам майяские иероглифы читать не может и все исторические сведения о майя черпает из трудов лингвистов (в том числе и российских – например, Ю.В. Кнорозова). Но, будучи прекрасным знатоком громадного археологического материала, он (с учетом данных иероглифических текстов) приходит к очень важным выводам. Во-первых, отмечает он, “майя, начав как простые оседлые земледельцы, достигли уровня городской жизни за одно-два столетия до начала нашей эры” (Уилли, 1991. С. 106). Во-вторых, данные археологии указывают на наличие на майяской территории в I тыс. н.э. конгломерата сравнительно небольших и политически автономных государств, ведущих между собой постоянную борьбу за господство в регионе. В-третьих, как археологические, так и эпиграфические данные позволяют, по предположению Г.Р. Уилли, говорить о наличии в этот период и более крупных политических единиц – “царств” или “региональных государств”, вроде Тикаля, Караколя, Дос Пилас-Агуатеки. В-четвертых, общество майя в I тыс. н.э. имело сложную иерархическую структуру и состояло не только из жрецов-правителей и земледельцев-общинников, но и из ремесленников, торговцев, мелких чиновников, учителей, охотников, рыбаков и земледельцев (Уилли, 1991. С. 114–116).

Человек больших знаний, высокой личной культуры, открытый и дружелюбный Гордон Уилли пользовался заслуженным авторитетом и уважением как среди коллег разных поколений, так и среди своих аспирантов и студентов. За долгие годы своего профессорства в Гарварде он воспитал и дал путевку в большую науку многим десяткам специалистов по доколумбовой Латинской Америке. Г. Уилли с глубокой симпатией относился к своим собратьям по профессии – археологам-американистам: почти всех их он знал лично. В итоге на свет появилась его великолепная книга “Портреты в американской археологии (воспоминания о некоторых выдающихся американистах)” (Willey, 1988), в которую вошли рукописные портреты 16 выдающихся представителей археологической науки США, в том числе – Байрон Каммингс (1860–1954), Джеймс Альфред Форд (1911–1968), Джулиан Хейнес Стюард (1902–1972), Альфред Марстон Тоззер (1877–1954), Уильям Дункан Стронг (1899–1962), Альфред Льюис Кребер (1876–1960).

В 1987 г., как бы подводя итоги своей многосторонней деятельности по изучению цивилизации древних майя, Г.Р. Уилли выпустил в свет обобщаю-

щую монографию “Очерки по археологии майя” (Willey, 1987), в которой, шаг за шагом, проследил постепенное развитие своих взглядов на сущность одной из самых ярких и загадочных индейских культур доколумбовой Мезоамерики. В книге рассмотрены такие сложные проблемы, как происхождение майяской цивилизации, причины ее гибели в Южной Мексике и Северной Гватемале в IX–X вв. н.э., экономическая основа местных городов-государств, система поселений – от небольших деревушек до крупных городских центров – столиц автономных и вечно соперничавших государств-“номов”. В заключительной главе, озаглавленной “Меняющиеся концепции по истории культуры майя”, исследователь прямо говорит о том, что по мере накопления новых важных данных претерпевали изменения и некоторые собственные его взгляды: например, до знакомства с впечатляющими результатами многолетних раскопок экспедиции Пенсильванского университета (США) в майяском г. Тикале (Северная Гватемала), он не считал майяские ритуально-административные центры, даже достаточно крупные по размерам, настоящими городами, с сильной политической властью, развитыми торгово-ремесленными секторами экономики и с постоянным многотысячным населением. Не признавал прежде Г.Р. Уилли истинными государствами и майяские политии классического периода (I тыс. н.э.), называя их “сложными вожествами” (*chiefdoms*). И лишь новые открытия в быстро развивающейся майянистике заставили ученого отказаться от старой точки зрения и скорректировать свои представления о майя в соответствии с “веяниями конца XX века”.

Мне посчастливилось познакомиться с Гордоном Уилли в 80-х годах прошлого столетия, когда я проходил стажировку в Гарвардском университете. И, надо сказать, что несмотря на большую разницу в возрасте и положении, маститый профессор отнесся ко мне очень приветливо и радушно. Возможно, здесь сыграл свою роль и неподдельный интерес к первому встреченному им археологу-американисту из России. В дальнейшем наши дружеские и научные контакты только возрастали и укреплялись как во время моих командировок в США (довольно частых в конце 80 – начале 90-х годов), так и через переписку (обмен письмами и публикациями). Во время наших личных встреч Гордон раскрылся предо мной и совсем с другой стороны – как человек с тонким юмором, великолепный рассказчик и шутник (именно от него я впервые услышал американские анекдоты на острые темы того времени). К тому же он обладал и несомненным литературным талантом: в свободное от науки (хотя и весьма ограниченное) время он успевал писать фантасти-

ческие рассказы (среди которых особой популярностью пользовалась новелла “Селена” с сюжетом, основанным на собственном археологическом опыте Гордона в период его пребывания во Флориде), а также тексты для пьес и мюзиклов, ставившихся в популярном среди интеллигенции Бостона и Кембриджа (штат Массачусетс) клубе “Серебряный Медведь” (другое название “Tavern Club”). Президентом клуба сроком только на один год избирался всегда какой-то уважаемый и коммуникабельный человек из членов клубного сообщества. Примечательно, что Гордона Уилли выбирали президентом (в явном нарушении клубного устава) три года подряд! На протяжении всей своей жизни Г.Р. Уилли оставался истинным джентльменом и в науке, и в жизни. И не случайно, что один из его учеников, сам ныне известный археолог, Джереми А. Саблов, написал в некрологе от 28 апреля 2002 г.: “Со смертью Гордона Уилли американская археология потеряла одного из своих гигантов”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюсов А.Я. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926.
- Киселев С.В. Поселение. Социологический очерк. М., 1929.
- Уилли Г.Р. Политическая жизнь древних майя // ВДИ. 1991. № 2.
- Adams R.E.W. (ed.). The Origins of Maya Civilization. Albuquerque, 1977.
- Adams R. McC., Nissen H. The Uruk Countryside. Chicago, 1972.
- Culbert T.P. (ed.). The Classic Maya Collapse. Albuquerque, 1973.
- Fagan B.M. In the beginning: An introduction to archaeology. Boston, 1981.
- Green E.L. (ed.). In Search of Man. Boston, 1973.
- Leventhal R.M., Kolata A.L. (eds). Civilization in the Ancient Americas. Essays in Honor of Gordon R. Willey. Cambridge, Mass., 1983.
- Millon R. The Teotihuacan mapping project // Ancient Mesoamerica: Selected Readings. Palo Alto, 1966.
- Sanders W.T., Parsons J.R., Santley R.S. The Basin of Mexico. N.Y., 1979.
- Vogt E.Z., Leventhal R.M. (eds.). Prehistoric Settlement Patterns: Essays in Honor of Gordon R. Willey. Cambridge, Mass., 1983.
- Willey G.R. Prehistoric settlement patterns in the Virú valley // Bureau of American Ethnology Bulletin. № 155. Washington, DC, 1953.
- Willey G.R. Prehistoric settlement patterns in the New World // Viking Fund Publications in Anthropology. № 23. Pt. 1. N.Y., 1956.
- Willey G.R. Developments in archaeology of Nuclear America: 1935–1960 // American Antiquity. V. 27. № 1. Salt Lake City, 1961.
- Willey G.R. The early great styles and the rise of the pre-Columbian civilizations // American Anthropologist. V. 64. № 1. Menasha, 1962.
- Willey G.R. An Introduction to American Archaeology. V. 1: North and Middle America. Englewood Cliffs, NJ, 1966.
- Willey G.R. An Introduction to American Archaeology. V. 2: South America. Englewood Cliffs, NJ, 1971.
- Willey G.R. Mesoamerican civilization and the idea of transcendence // Antiquity. V. 1. L., 1976.
- Willey G.R. Essays in Maya Archaeology. Albuquerque, 1987.
- Willey G.R. Portraits in American Archaeology: Remembrances of Some Distinguished Americanists. Albuquerque, 1988.
- Willey G.R., Mc Gimsey C. The Monagrillo Culture of Panama // Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. V. 49. № 2. Cambridge, Mass., 1954.
- Willey G.R., Phillips P. Method and Theory in American Archaeology. Chicago, 1958.
- Willey G.R., Bullard W., Glass John B., Gifford James C. Prehistoric Maya settlements in the Belize Valley // Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. V. 54. Cambridge, Mass., 1965.
- Willey G.R., Smith A.L. The Ruins of Altar de Sacrificios, Department of Petén, Guatemala: An Introduction // Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. V. 62. № 1. Cambridge, Mass., 1969.
- Willey G.R., Sabloff J.A. A History of American Archaeology. L., 1974.
- Willey G.R., Sabloff J.A. A history of American archaeology. San Francisco, 1980.
- Willey G.R., Sabloff J.A. A History of American Archaeology. 3-rd ed. N.Y., 1993.
- Willey G.R., Smith A.L., Tourtellot G., Graham I. Excavations at Seibal, Department of Petén, Guatemala: Introduction // Memoirs of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. V. 13. № 1, 2. Cambridge, Mass., 1975.
- Willey G.R., Leventhal R.M. Prehistoric settlement at Copan // Eds N. Hammond, G.R. Willey. Maya Archaeology and Ethnology. Austin, 1979.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧЕЧНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х годов XX в.

© 2013 г. Х.М. Мамаев, Р.Х. Мамаев

*Институт гуманитарных исследований Академии наук
Чеченской Республики, Грозный*

Хронологические рамки рассматриваемой темы – части истории археологического изучения Чечни в XX в. – определяются двумя обстоятельствами. Начало относится ко времени восстановления нормального функционирования научных учреждений в стране после окончания Великой Отечественной войны, совпавшему, однако, с депортацией чеченцев и ингушей в феврале 1944 г. и упразднением автономии Чечено-Ингушетии – событием, оказавшим серьезное негативное воздействие не только на судьбы выселенных народов, но и на процессы археологического исследования края, включенного после 1944 г. в состав Грозненской обл.¹ Завершение приходится на начало второй половины 50-х годов прошлого века, когда в ходе восстановления Чечено-Ингушской АССР на территории Чечни под руководством Е.И. Крупнова начала свою деятельность Объединенная Северокавказская археологическая экспедиция (СКАЭ) Института археологии (ИА) АН СССР, Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) и Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Следует заметить, что изучение деятельности научных и научно-просветительских учреждений Чечни этого периода (как, впрочем, более раннего и более позднего) ныне сталкивается с серьезным препятствием – гибелью основной массы архивов и музейных фондов в ходе военных действий 1994–2000 гг. на территории ЧР (Магамадов, Пыльцин, 2006; Асталов, 2009).

Известно, что успешно проведенные в 1936–1939 гг. экспедициями Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) – Института истории материальной культуры (ИИМК) археологические исследования на территории Чечни непосредственного дальнейшего развития не получили –

ни в виде продолжения полевых работ, ни в виде издания полученных результатов (исключая несколько кратких публикаций: Мамаев Х.М., 2008а. С. 91, 92, что прежде всего объясняется гибелью в годы Великой Отечественной войны ведущих исследователей – А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого, А.В. Мачинского, С.Н. Аносова (Крупнов, 1971. С. 21; Мамаев Х.М., 2008а. С. 91).

Работы в республике специалистов ИИМК АН СССР также не привели к появлению в Грозном собственных археологов или хотя бы ориентированных на изучение памятников древности сотрудников в таких организациях, как Чечено-Ингушский НИИ языка и истории (ЧИНИИЯИ) и Чечено-Ингушский музей краеведения (ЧИМК), уже существовавших в это время. Правда, последний приобрел республиканский статус лишь в 1940 г. и квалифицированных специалистов не имел (Пономарева, 1975. С. 15). Что касается ЧИНИИЯИ, то достаточно заметить, что в указанных выше работах ГАИМК – ИИМК и только в 1936 г. принял участие один неназванный сотрудник института (Круглов, 1938. С. 4), хотя последний считался одним из организаторов этих исследований (Багаев, 2008а. С. 15).

Иными словами, представления о больших успехах в изучении археологии Чечни в довоенное время, встречающиеся в литературе (Джамбулатова, 1974. С. 193), преувеличены и могут быть отнесены лишь к деятельности указанных экспедиций (Мамаев Х.М., 2008а. С. 90; Багаев, 2008а. С. 15). В целом ситуация с археологическими исследованиями в крае в 20–30-х годах XX в. уже рассматривалась нами (Мамаев Р.Х., 2012а; б) и к этому можно лишь добавить, что грозненские краеведы (в том числе те, кто работал с дооктябрьской поры), причастные к археологии Чечни и еще активные в 20-е годы, в 30-х годах деятельность, видимо, прекратили².

¹ Авторы рассматривают историю изучения памятников археологии (прежде всего формы организации работы) в указанный период, главным образом, применительно к той территории бывшей Грозненской обл., которая ныне входит в административные границы Чеченской Республики (ЧР).

² Покинул Грозный и единственный человек, занимавшийся раскопками в эти годы, А.В. Уэльс, работавший в Чеченском областном музее (Мамаев Х.М., 1990; 2008б).

Поэтому когда во время войны, еще в конце 1942 – начале 1943 г., ЧИНИИЯИ и ЧИМК “в целях экономии средств” были объединены в одну организацию (Казаков, 1989. С. 81), археологов в ее составе не оказалось. Это слияние фактически носило формальный характер, тем более что после февраля 1944 г. эта организация была ликвидирована и вместо нее появился Грозненский областной институт и музей краеведения (ГОИиМК). Реальные исследовательские возможности новой структуры определялись одним существенным обстоятельством: даже к 1948 г. в нем насчитывалось всего 10 научных сотрудников (Белогуров, 1950. С. 191)³. Ведущую роль в этом тандеме занимал музей, получивший название Грозненского краеведческого.

Для полноты картины нужно также иметь в виду, что открытый в 1938 г. Чечено-Ингушский (далее Грозненский) педагогический институт, несмотря на наличие кафедр исторического профиля – всеобщей истории и истории народов СССР (Чеченский ..., 2012. С. 30, 31), возможностями для участия в археологическом изучении сначала Чечено-Ингушской АССР, а затем и Грозненской обл. также не располагал из-за слабого научного потенциала (Исаева, 2006. С. 323).

Поэтому вполне объясним тот факт, что первым послевоенным археологическим мероприятием на территории Чечни оказались разведки памятников в долине р. Сунжа, проведенные специалистом из г. Ставрополь Т.М. Минаевой весной 1945 г. Последняя по просьбе Грозненского музея обследовала ряд уже известных к этому времени городищ – Алхан-Калинское (Ермоловское), Закан-Юртовские, Самашкинские, Серноводское (Михайловское), Троицкое и другие, содержащие слои эпох раннего железа – средневековья, а также открыла несколько новых поселений, датированных золотоордынским временем, – Закан-Юртовское, Самашкинское, Чернореченские (Минаева, 1949; 1958). К сожалению, при публикации полученных материалов она допустила ошибки, которые внесли путаницу в дальнейшую историко-культурную интерпретацию этих археологических объектов (Мамаев Х.М., 2008а; 2012).

В этих исследованиях принял участие и работавший в музейной части ГОИиМК Н.И. Штанько, для которого (как и для представляемого им учреждения) с этого момента фактически и началось археологическое краеведение (Госданкер, Виногра-

дов. 1997. С. 8)⁴. Во всяком случае, в небольшой статье, написанной им несколькими годами позже, отмечалось, что “Грозненский областной институт и музей краеведения начал работу по выявлению и изучению ... археологических памятников только с 1945 года” (подчеркнуто автором, – Х.М., Р.Х.) (Штанько, 1950. С. 173).

Основными задачами ГОИиМК в части археологии были сбор материалов для музейных экспозиций, а также создание карты памятников – археологических и исторических – вновь образованной Грозненской обл. (Штанько, 1950. С. 173). Первые (после экспедиции Т.М. Минаевой) сведения были получены уже в 1946 г., когда Н.И. Штанько обнаружил у с. Луговое поселение со слоями энеолита и раннего железа (Крупнов, 1960. С. 154).

Иной – научно-исследовательской – была направленность полевых работ московского ученого Е.И. Крупнова, уже известного к этому времени на Северном Кавказе специалиста, вернувшегося к активному изучению местных древностей (прежде всего, памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа) почти сразу после окончания войны.

Его археологические исследования 1946 г. не затронули основную часть территории собственно Чечни, хотя работы экспедиции ИИМК и Государственного Исторического музея (ГИМ), традиционно, еще с довоенной поры называвшейся “Северокавказской” (Северокавказская П..., 1939. С. 29), проходили только в пределах Грозненской области (Крупнов, 1946. С. 1). Они были связаны с продолжением начатых еще в 1938 г. раскопок могильника эпохи раннего железа в Сунженском р-оне у ст. Нестеровская и выявлением в этом же районе двух средневековых поселений – Скалы и Мокрая Балка (Крупнов, 1948б. С. 72), а также с началом разведок в отдаленных северных степных районах области, ранее, до 1944 г., не входивших в состав Чечено-Ингушской АССР (окрестности с. Бажиган, Ачикулак и др.; Крупнов, 1948б; Научно-отраслевой архив..., 2009. С. 30).

Часть экспедиционного маршрута 1946 г. пролегла через равнинную территорию Чечни – окрестности Грозного, ст. Червленую, Шелковскую, Старогладковскую, Каргалинскую, где Е.И. Крупнов зафиксировал наличие многочисленных курганов. В целом работы проводились при действенном участии Грозненского областного музея краеведе-

³ В связи с этим непонятно упоминание в качестве участника археологических исследований на рассматриваемой территории с 1949 г. Чеченского НИИ (Сорокина, 2008. С. 103): такого учреждения в это время не существовало.

⁴ Поэтому ссылка на открытие в 1939 г. Н.И. Штанько одного из гехинских поселений (Крупнов, 1960. С. 161), скорее всего, является опиской: имелся в виду, видимо, 1949 г. Тем не менее это утверждение вошло в литературу (Бурков, 2012. С. 184).

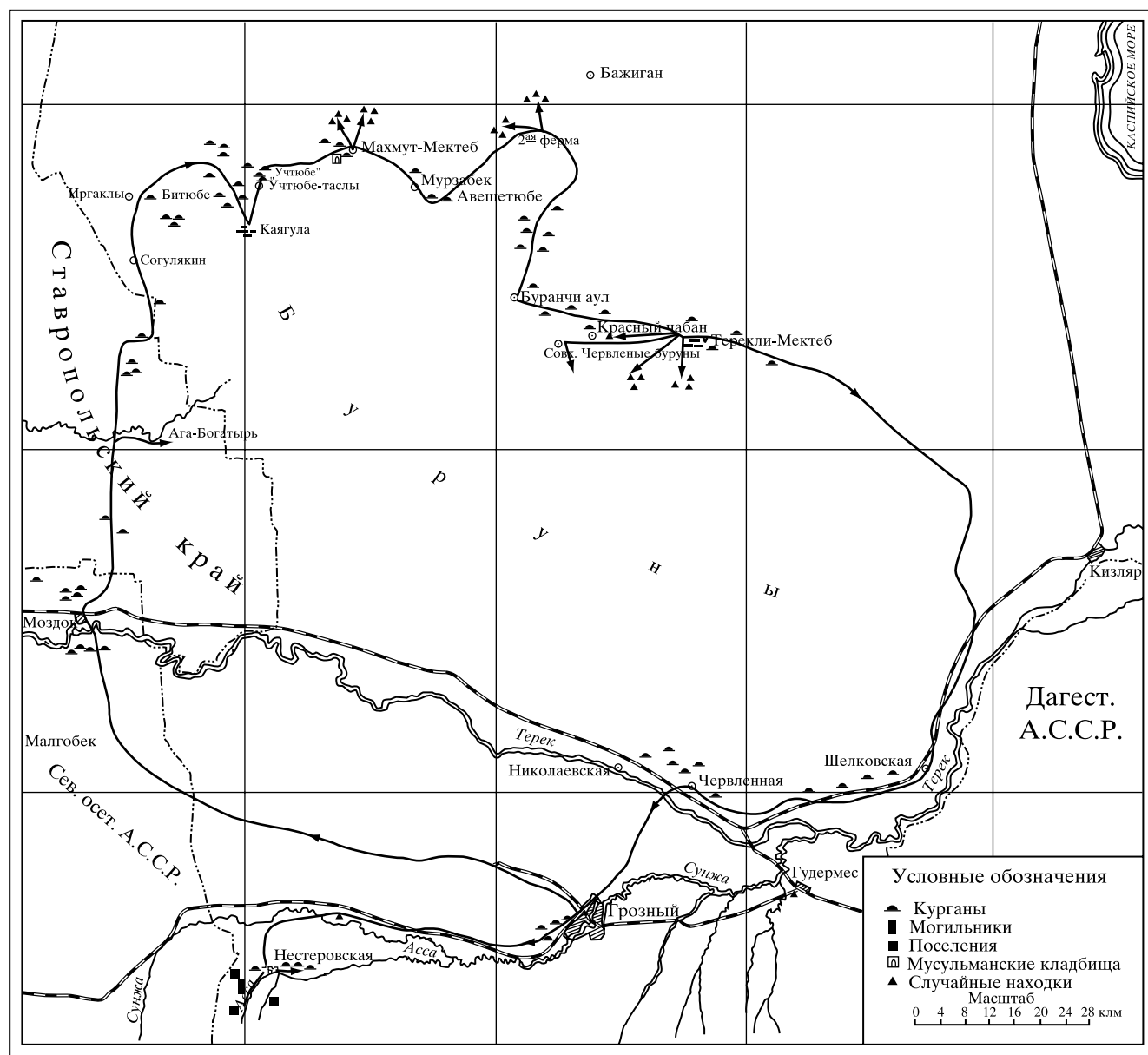

Рис. 1. Карта маршрута СКАЭ 1946 г. (по: Крупнов, 1946).

ния (ГОМК) (Крупнов, 1946. С. 1; Крупнов, 1948б. С. 57). Правда, это участие грозненцев носило, видимо, больше хозяйственный характер, заключааясь в обеспечении деятельности экспедиции, причем Е.И. Крупнов отметил в отчете, что разведки в северных (т.е. отдаленных) районах области стали возможными только благодаря предоставленной объединением “Грознефтезаводы” (видимо, при содействии И.Ф. Мутовина) грузовой автомашине (Крупнов, 1946. С. 32) (рис. 1).

С этого времени и началось активное сотрудничество Е.И. Крупнова с грозненскими краеведами. Уже в 1947 г. Н.И. Штанько и еще один краевед –

М.П. Севостьянов, которого первый и вовлек в археологическое краеведение, передали кавказоведу сведения об известных им поселениях скифского времени и многослойных городищах на территории Чечни, являвшихся в то время предметом специального интереса археолога (Крупнов, 1949. С. 37; Крупнов, 1960. С. 152).

Такое взаимодействие профессионала и краеведов, безусловно, было полезным: последние приобретали необходимый опыт работы с разнообразными археологическими объектами, особенно в ситуации отсутствия специалистов, тем более квалифицированных, в Грозном. Эффективность этого

сотрудничества неоднократно отмечал и сам кавказовед (Крупнов, 1960. С. 164).

Вторая экспедиция Е.И. Крупнова, состоявшаяся в 1947 г., повторила маршрут предшествующего сезона в части исследования тех же дальних районов Грозненской обл. (Терекли-Мектеб, Бажиган, Ачикулак). Двигаясь на север, она прошла через Алханчуртскую долину, а на обратном пути отряд вернулся в Грозный через станицы, расположенные на р. Терек, проводя наблюдения за распространением курганов и курганных могильников (Крупнов, 1947. Карта; Научно-отраслевой архив..., 2009. С. 49) (рис. 2). В этот раз грозненскую часть ее участников снова представлял Н.И. Штанько. Кстати, тогда же в полевом отчете впервые появилось и упоминание о совместном проведении археологических исследований на территории области ГОИиМК и московской экспедицией (Крупнов, 1947. С. 1–2).

Опыт, полученный Н.И. Штанько за три полевых сезона, позволил ему в том же году организовать и первые самостоятельные разведки ГОИиМК. Судя по названию отчета (сам текст, к сожалению, не сохранился), работа экспедиции прошла в долинах р. Сунжа и Асса (Марковин, Кузнецов, 1961. С. 95), что позволило пополнить экспозицию музея новыми археологическими материалами (Белогуров, 1950. С. 200).

Нужно иметь в виду, что эти работы ГОИиМК и тогда, и позже представляли собой не столько стационарные полевые исследования, сколько разведки и серии выездов сотрудников, в основном связанные с сообщениями о случайно разрушенных памятниках.

Важно также отметить, что не меньший объем сведений об археологических объектах собирался в эти годы самостоятельно действовавшими краеведами, особенно М.П. Севостьяновым, в ходе работы со школьниками. В результате были обнаружены и зафиксированы десятки различных, в первую очередь бытовых памятников (Севостьянов, 1950; 1956), подъемный материал с которых регулярно пополнял фонды краеведческого музея.

Так, например, члены кружка краеведов при городском Дворце пионеров и школьников, которым руководил М.П. Севостьянов, в 1948 г. открыли и заново обследовали 14 археологических памятников (среди них – Старо-Сунженское поселение скифского времени, многослойные городища у ст. Ильиновской и Петропавловской, пос. Черно-речье, с. Рубежного (Герменчук) и т.д.) и передали в областной музей большую коллекцию керамики (Штанько, 1950. С. 175). При этом первичный

набор сведений о приемах и навыках полевой работы (при небольшом еще в целом опыте самого М.П. Севостьянова) обеспечивался использованием методических пособий вроде “Спутник юного туриста в археологической разведке” (Севостьянов, 1950. С. 177). В областном краеведческом музее был даже создан специальный раздел экспозиции под названием “Уголок юного краеведа”, включавший карту с указанием мест расположения открытых памятников, глазомерные планы, зарисовки и фотографии, подъемный материал (Белогуров, 1950. С. 199). Безусловно, при этом надо иметь в виду, что представления краеведов о том, что все эти объекты были обнаружены впервые именно ими, возникали, как правило, из-за отсутствия или недоступности соответствующих публикаций о проведенных ранее археологических исследованиях (Мамаев Х.М., 2008а. С. 91).

Содействовать расширению краеведческих исследований на территории области, в том числе и археологических, было призвано и созданное в конце 1947 г. Грозненское областное научное общество краеведения (ГОНОК), среди организаторов которого был и ГОИиМК, не оставившее, однако, заметных следов своей деятельности, за исключением опубликованного малым тиражом собственного “Устава” (б.г.).

В 1948 г. Северо-Кавказская экспедиция Е.И. Крупнова, как и в предшествующем сезоне, продолжила работы на территории Грозненской обл. Число грозненцев среди членов экспедиции заметно выросло – это были И.Ф. Мутовин, Н.И. Штанько, Г.В. Бовт и Е.Г. Дозоров.

Основной маршрут работ 1948 г. пролегал уже в известном направлении с юга на север – от памятников Сунженского и Первомайского р-нов до селений Ачикулак и Бажиган (Крупнов, 1948в; Научно-отраслевой архив..., 2009. С. 96) (рис. 3). На терском его отрезке Е.И. Крупнов обратил особое внимание на курганные группы в окрестностях ст. Николаевская и Мекенская. Тогда же, очевидно, было осмотрено и почти разрушенное поселение скифского времени у с. Айвазовское (Алхан-Юрт) на берегу р. Сунжа в окрестностях Грозного, обнаруженное весной того же года М.П. Севостьяновым (Крупнов, 1960. С. 162).

В результате всех этих усилий уже к середине 1949 г. на территории Грозненской обл. было зафиксировано 118 памятников (Штанько, 1950. С. 174), среди которых оказался и ряд бытовых объектов скифского времени (Крупнов, 1960. С. 161 и сл.), в том числе и обследованных самим Е.И. Крупновым. В работе же СКАЭ на территории Грозненской обл. наступил перерыв до 1952 г.

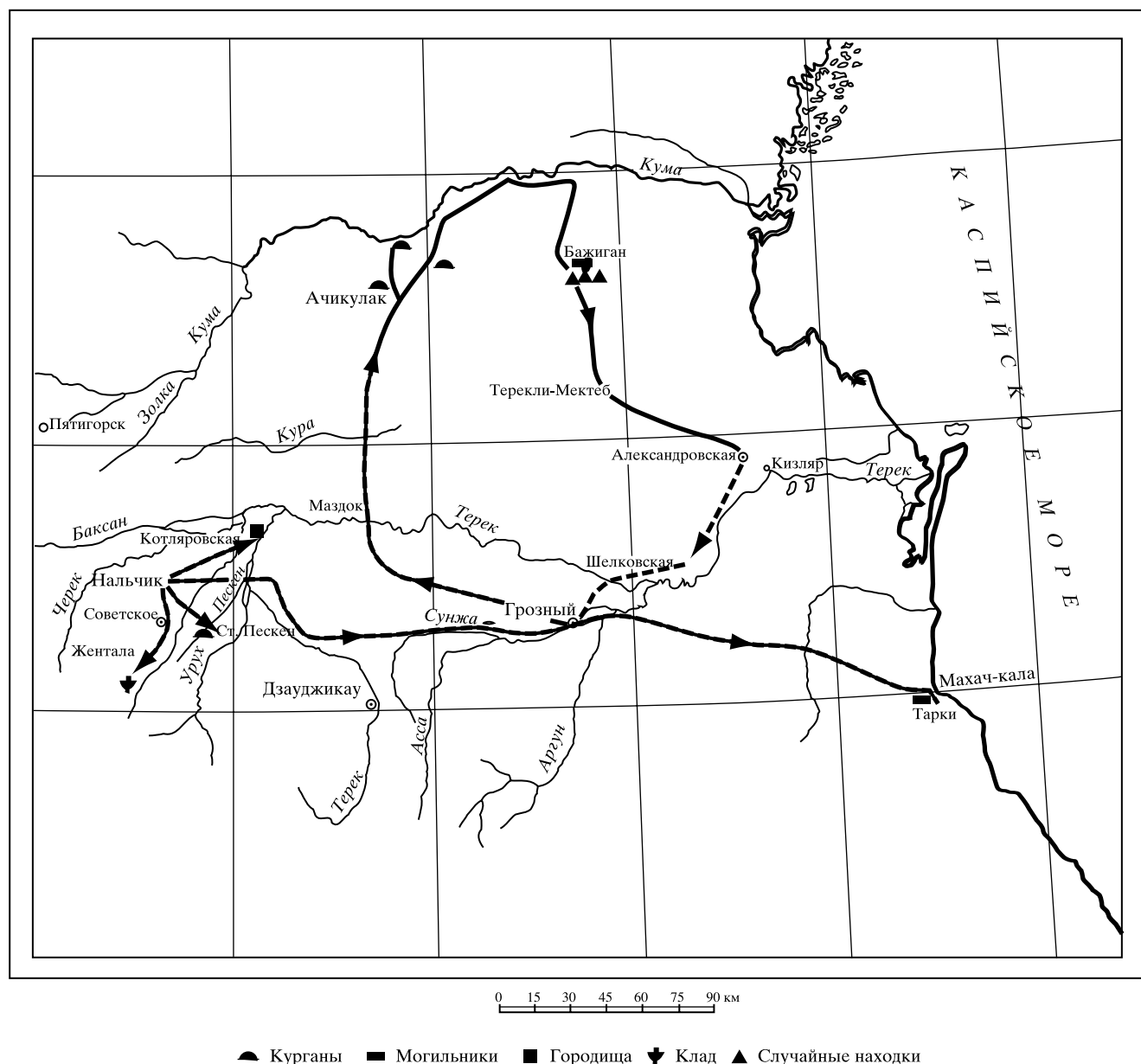

Рис. 2. Карта маршрута СКЭ 1947 г. (по: Крупнов, 1947).

Судя по некоторым данным, следующая самостоятельная экспедиция ГОИиМК, которую проводил М.П. Севостьянов, состоялась в 1949 г. Кстати, в том же году по данным архива Отдела полевых исследований (ОПИ) ИА РАН получил открытый лист на исследования археологических памятников Грозненской обл. Н.И. Штанько, но отчет им представлен не был и проводил ли он какие-либо работы, осталось неясным⁵.

⁵ Авторы выражают признательность Р.М. Мунчаеву, указавшему на данный факт, а также сделавшему ряд полезных замечаний при подготовке статьи к публикации.

По сведениям, отраженным позже в уже упоминавшейся монографии Е.И. Крупнова (1960), основным результатом этой экспедиции стало изучение правобережной зоны среднего течения р. Терек. Вначале М.П. Севостьянов практически повторил основную часть маршрута экспедиции ГАИМК 1936 г. (Круглов, 1938), но затем, переместившись дальше на восток, выявил ряд новых бытовых памятников со слоями эпох раннего железа–средневековья: два городища у с. Правобережного, два (?) городища у с. Горячеисточненское и др.

В 1950 г. очередная экспедиция ГОИиМК должна была заняться поиском археологических памятни-

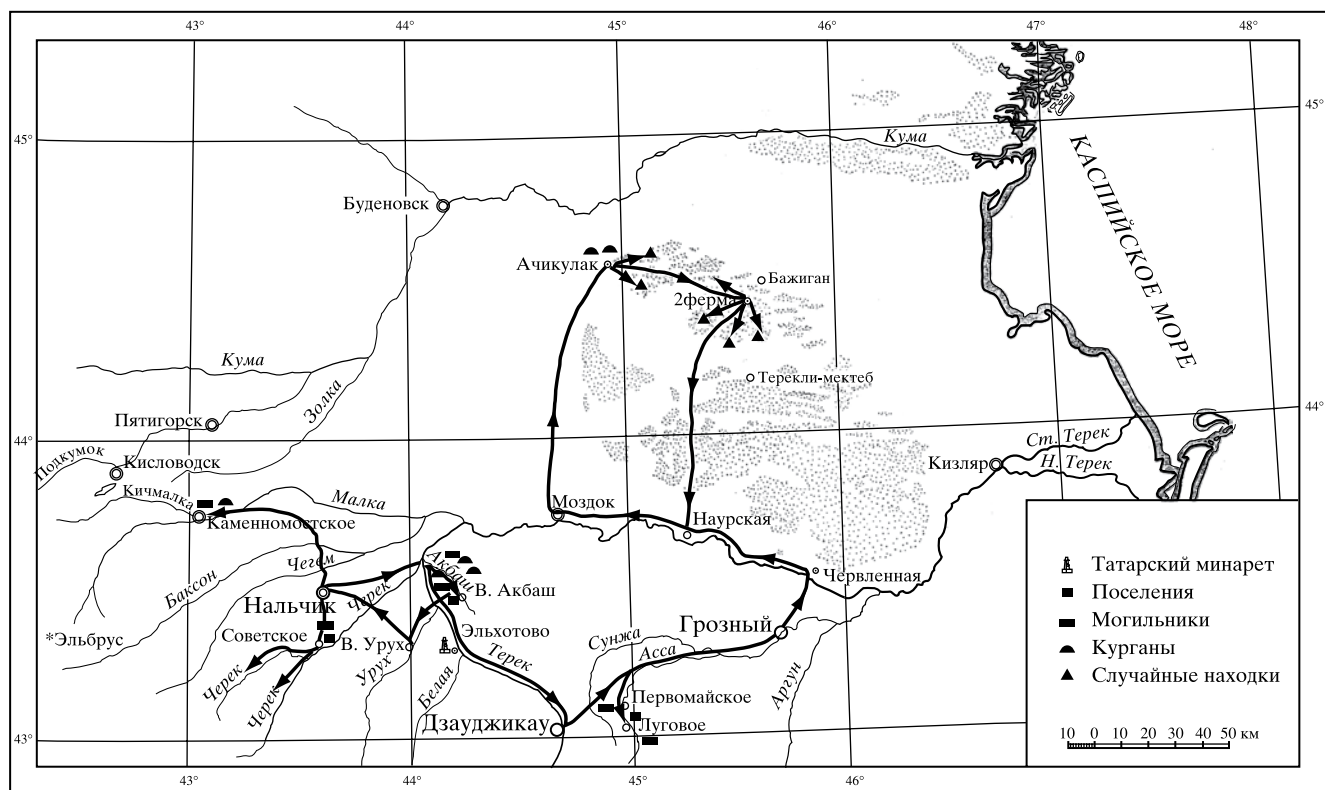

Рис. 3. Карта маршрутов СКЭ 1948 г. (по: Крупнов, 1948а).

ков уже в зоне предгорий – так называемых Черных гор (Штанько, 1950. С. 174), однако она, видимо, не состоялась – во всяком случае, сведений о ее проведении обнаружить не удалось. Поэтому, кстати, утверждение Н.И. Штанько о ежегодно проводимых экспедициях было известным преувеличением (1950. С. 173).

Следующий полевой сезон на рассматриваемой территории Е.И. Крупнов провел в 1952 г., и на этот раз в составе экспедиции от ГОМК (похоже, что к этому времени ГОИиМК в своем первоначальном виде уже не существовал) участвовали И.Ф. Мутовин, Е.Г. Дозоров, Б.С. Рахман, Н.И. Штанько, М.П. Штанько, Б.С. Черняев, Г.В. Бовт (Крупнов, 1954. С. 95). На затеречном (степном) участке в основном был повторен маршрут 1948 г., в ходе которого вновь осматривались курганные группы в окрестностях ст. Николаевская и Мекенская (Крупнов, 1957. С. 163, 164).

Необходимо отметить, что в 1952 г. экспедиция стала называться Прикаспийской археологической (ПАЭ)⁶, что, видимо, отразило намечавшееся в

дальнейшем перемещение основного направления ее деятельности на исследование степных районов Северо-Западного Прикаспия (в пределах тогдашних границ Грозненской обл. и Дагестанской АССР). Но именно в это время начались раскопки Лугового могильника эпохи раннего железа в предгорной части Сунженского р-она (последний был обнаружен Н.И. Штанько и М.П. Севостьяновым весной 1949 г.; Крупнов, 1954. С. 95), ставшего в последующем одним из опорных памятников в процессе исследования восточного варианта кобанской культуры (Крупнов, 1960. С. 243). С этого года началось и активное участие в изучении местных древностей одного из крупнейших российских кавказоведов и востоковедов Р.М. Мунчаева (Багаев, 2008б; Мунчаев, 2011. С. 8).

После этого в работах СКАЭ (ПАЭ) в Грозненской обл. снова возникла пауза, во время которой в 1953 г. ГОМК организовал еще одну собственную экспедицию под руководством М.П. Севостьянова, целью которой был поиск археологических объектов и исторических памятников – российских укреплений времен Кавказской войны – в двух районах области – Горячеисточненском и Гудермесском. В ее ходе в окрестностях г. Гудермес был обнаружен ряд многослойных городищ I тыс. до н.э. –

⁶ Похоже, что сам Е.И. Крупнов особого значения смене названия экспедиции не придавал – позже он неоднократно относил материалы исследований ПАЭ 1952 и 1955 гг. к деятельности СКАЭ.

I тыс. н.э.: Гумси-Корт, Качкалыковские и др. (Севостьянов, 1953; Мамаев и др., 2012).

В том же году на р. Ярык-Су, у бывшего с. Зандак (тогда Дагбаш), вошедшего в состав Дагестана после 1944 г., сотрудник ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР М.И. Пикуль впервые обследовала могильник эпохи раннего железа (Марковин, 2002. С. 8–12).

Необходимо отметить, что основными археологическими памятниками, выявленными в ходе экспедиций ГОИиМК/ГОМК (в отличие от СКАЭ/ПАЭ), были бытовые памятники – городища и поселения. Отчасти это было связано с тем, что разведочные работы краеведов осуществлялись без Открытых листов (исключение – 1949 г.) – сбор подъемного материала и составление схематических планов позволяли обходиться без них; отчасти с тем, что смена и резкое сокращение численности населения в сельских районах (особенно в первые годы после депортации) привели к уменьшению объемов хозяйственной деятельности, в ходе которой, как правило, открывались погребальные памятники. Похоже также, что попытки самостоятельных раскопок грозненских краеведов особо не поощрялись и Е.И. Крупновым, авторитет которого был непререкаем. Во всяком случае, можно отметить лишь немногие случаи, когда последние докапывали разрушающиеся погребения (Луговой – 1947, 1952 гг.), хотя сведения о таких объектах и сами находки из них в эти годы время от времени поступали в краеведческий музей Грозного.

В середине 50-х годов прошлого века археологическая деятельность на территории Грозненской обл. стала активизироваться. В 1955 г. ПАЭ во главе с Е.И. Крупновым провела здесь новый успешный полевой сезон, продолжив раскопки Ачикулакского курганного и Лугового могильников и обследовав разрушенные курганы у ст. Николаевская и Мекенская (Крупнов, 1957). Одновременно в планах экспедиции, отраженных в преамбуле полевого отчета за 1955 г., впервые появились пункты, не просто связанные с исследованием археологических памятников широкого хронологического диапазона, но и с изучением проблем этногенеза депортированных коренных народов Северного Кавказа. Это было явным знаком грядущих перемен в судьбах последних, наступивших в конце 1956 г. (Бугаев, 2012. С. 66)⁷.

⁷ В это же время появилось и первое за рассматриваемый период диссертационное исследование, связанное с древностями Чечни – работа Л.Г. Нечаевой об алхан-калинских памятниках (1956).

Показательно, что в указанном и следующем годах среди грозненских участников экспедиции помимо “ветеранов” И.Ф. Мутовина, Е.Г. Дозорова, М.П. Севостьянова появились и новые лица – И.С. Пономарева, Д.С. Васильев, Т.И. Сливков, Н.И. Мальченко, В.Б. Виноградов, Х.М. Магзумов (Крупнов, 1955. С. 1–4; 1957. С. 162; Крупнов, Мерперт, 1963. С.10).

Кардинальные изменения в деятельности Е.И. Крупнова и возглавляемой им экспедиции еще определенной обозначились в полевом сезоне 1956 г. Во-первых, основные исследования теперь переместились на территорию собственно Чечни; во-вторых, другим стал формат экспедиции: в ее составе появились два отряда – Грозненский (под руководством Р.М. Мунчаева) и Разведочный (под руководством В.И. Марковина). Изучение древностей Чечни стало одной из приоритетных задач экспедиции. К этому времени Е.И. Крупнов уже наметил основные контуры будущей широкой и многолетней программы археологического изучения края (Мунчаев, 2006. С. 26, 27). Поэтому возвращение коллективу его первоначального названия – Северокавказская экспедиция – представлялось вполне закономерным.

Появление в составе СКАЭ нескольких отрядов обозначило возможность перехода к новой тактике одновременных раскопок и разведок сразу в разных районах. В ситуации 1956 г. это было изучение курганов у ст. Мекенская (Крупнов, Мерперт, 1963), первые разведки многочисленных памятников широкого хронологического диапазона в горной части в ущельях р. Аргун (Марковин, Кузнецов, 1961; Марковин, 1980. С. 184 и сл.). Одновременно продолжались и работы на Луговом могильнике и поселении и т.д.

Иными словами, с этого времени в археологии Чечни начался новый этап, который был связан с деятельностью Объединенной Северокавказской археологической экспедиции (СКАЭ), созданной несколько позднее ИА АН СССР, Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом при Совете Министров ЧИАССР и Чечено-Ингушским республиканским краеведческим музеем.

Можно отметить, что по прошествии времени представления о начале работ СКАЭ в Чечено-Ингушетии у ее участников стали несколько различаться. Сам Е.И. Крупнов относил это событие к 1958 г. (1969. С. 7), впрочем, тут скорее описка, поскольку в этой же итоговой статье полевой сезон 1967 г. был отмечен как десятый. Р.М. Мунчаев определенно указал на 1957 г. (2006, С. 30; Древности ..., 1963. С. 6, сн. 1).

Правда, в своей последней работе Е.И. Крупнов начал отсчет деятельности СКАЭ в Чечено-Ингушетии с 1935 г. (1971. С. 21), но он, видимо, имел в виду экспедицию ГИМ с таким же названием, работавшую под его руководством с указанного года в Ингушетии (Мамаев Х.М., 2008а. С. 91). В.И. Марковин же затем, без каких-либо пояснений, перенес этот вывод на Чечню (1980. С. 184), до этого датируя начало деятельности СКАЭ здесь 1956 г. (Марковин, Кузнецов, 1961. С. 95; Марковин, 1963. С.243).

Подводя итоги в целом, можно констатировать, что в рамках рассмотренного десятилетия активное археологическое изучение территории Чечни, начатое в предвоенное время, продолжалось несмотря на имевшиеся сложности. При этом возникло вполне гармоничное сочетание возможностей и интересов профессиональных археологов и краеведов, что, на наш взгляд, стало одной из причин последующего успешного исследования разнообразных и многочисленных древностей этой части региона Северокавказской археологической экспедицией в 60–70-х годах прошлого века.

Изучение работы СКАЭ, составившей особую эпоху в исследовании памятников древней и средневековой материальной культуры Чечни, представляется следующей важной и актуальной, хотя и в значительной мере уже освещенной ее участниками темой в истории археологии Чеченской Республики XX в. (Мунчаев, 2006; здесь же основная историография).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астало В.А.* Музейное строительство в Чеченской Республике на рубеже XX–XXI вв. // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. “Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития” (г. Грозный, 25–26 июня 2009 г.). Т. I. Грозный, 2009.
- Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М., 2008а.
- Багаев М.Х.* К 80-летию исследователя: вклад Р.М. Мунчаева в изучение древней истории и культуры Чечни // РА. 2008б. № 3.
- Белогуров В.А.* Грозненский областной институт и музей краеведения в 1948 г. // Изв. Грозн. ин-та и музея краеведения. Вып. 2–3. Грозный, 1950.
- Бугаев А.М.* Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012.
- Бурков С.Б.* К истории полевого изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века на территории Чечни // Историко-археологический альманах. Вып.11. Армавир; Краснодар; М., 2012.
- Госданкер В.В., Виноградов В.Б.* Татьяна Максимовна Минаева. Армавир; Ставрополь, 1997.
- Джамбулатова З.К.* Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 гг.). Грозный, 1974.
- Древности Чечено-Ингушетии.* М., 1963.
- Исаева Р.М.* Вузовская наука Чечни в 1920–1930 годах: этапы становления // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность: Матер. Всерос. науч. конф. Москва, 19–20 апреля 2005 г. М., 2006.
- Казаков А.И.* Страницы истории города Грозного. Грозный, 1989.
- Круглов А.П.* Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИЯИ. Т. I. Грозный, 1938.
- Крупнов Е.И.* Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции 1946 г. // Архив ИА РАН. 1946. Р-1. № 58.
- Крупнов Е.И.* Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции о работах, проведенных на территории Кабардинской АССР, Грозненской обл. и Дагестанской Республики в 1947 г. // Архив ИА РАН. 1947. Р-1. № 163.
- Крупнов Е.И.* Полный научный отчет о результатах Северо-Кавказской археологической экспедиции 1948 года // Архив ИА РАН. 1948а. Р-1. № 280.
- Крупнов Е.И.* Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. // КСИИМК. 1948б. XX.
- Крупнов Е.И.* К историко-археологическому изучению Грозненской области // Изв. Грозн. обл. НИИ и музея краеведения. Вып.1. 1947. Грозный, 1948в.
- Крупнов Е.И.* К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе // КСИИМК. 1949. XXIV.
- Крупнов Е.И.* Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1954. 55.
- Крупнов Е.И.* Полный научный отчет о работах Прикаспийской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Грозненского областного музея краеведения 1955 года // Архив ИА РАН. 1955. Р-1. № 1186.
- Крупнов Е.И.* Первые итоги изучения восточного Предкавказья (по матер. экспедиций 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957. № 2.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов Е.И.* Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969.
- Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.

- Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы у ст. Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Магамадов С.С., Пыльцин Д.В.* Государственные музеи Чеченской Республики в период российско-чеченской войны 1994–1996 гг. // Культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2006.
- Мамаев Р.Х.* К истории археологического изучения Чечни в 20–30-х годах XX в. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2012а. № 2.
- Мамаев Р.Х.* К историографии археологии Чечни (конец XIX – начало XX в.) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации: XXVII Крупновские чтения. Матер. междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012б.
- Мамаев Х.М.* Раскопки кургана в г. Грозном в 1929 г. (к истории новостроечных археологических исследований в Чечено-Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.
- Мамаев Х.М.* Из истории археологического изучения Чечни (К 70-летию начала работы Чечено-Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестн. АН Чеченской Республики. 1. Грозный, 2008а.
- Мамаев Х.М.* Еще раз о раскопках кургана 1929 г. в г. Грозном // Вестн. АН Чеченской Республики. 1. Грозный, 2008б.
- Мамаев Х.М.* К историко-культурной интерпретации Алхан-Калинского городища (археологические реалии) // Северокавказский город в региональном историческом процессе: Матер. междунар. науч. конф. 18–19 сентября 2012 г. Каспийск; Махачкала, 2012.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И.* Археологические памятники Гудермесского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестн. АН Чеченской Республики. 2012.1(16).
- Марковин В.И.* Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Марковин В.И.* Зандакский могильник эпохи раннего железа на р. Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ. М., 2002.
- Марковин В.И., Кузнецов В.А.* Археологические разведки в ущельях р. Ассы и Аргуна в 1956 г. // Изв. ЧИРКМ. Вып. 10. Грозный, 1961.
- Минаева Т.М.* Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности // МИСК. Вып. 1. Ставрополь, 1949.
- Минаева Т.М.* Археологические разведки в долине реки Сунжи // Сб. тр. СГПИ. Вып.13. Ставрополь, 1958.
- Мунчаев Р.М.* К истории археологического изучения Чечни. Из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1958 гг. // Культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2006.
- Мунчаев Р.М.* Слово о Валентине Ивановне Козенковой / Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М., 2011.
- Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог 1945–1954 гг. М., 2009.
- Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956.
- Пономарева И.З.* Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Изв. Чечено-Ингуш. республ. краевед. музея. Вып. XI. Грозный, 1975.
- Севостьянов М.П.* Из опыта экскурсионно-туристической работы с учащимися // Изв. Грозн. ин-та и музея краеведения. Вып. 2–3. Грозный, 1950.
- Севостьянов М.П.* Отчет о проделанной работе во время экспедиции по уточнению и выявлению укреплений периода Кавказской войны и археологических памятников в Гудермесском и Горячеисточненском р-нах. Грозный, 1953 // Архив ЧИРКМ.
- Севостьянов М.П.* Маршруты экскурсий и походов по Грозненской области (в помощь руководителям походов) // Изв. Грозн. обл. краеведческого музея. Вып. 7–8. Грозный, 1956.
- Северокавказская II экспедиция // КСИИМК. I. М.; Л., 1939.
- Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.
- Устав Грозненского областного научного общества краеведения. Б.м., б.г.
- Чеченский государственный университет. Грозный, 2012.
- Штанько Н.И.* Выявление и изучение исторических и археологических памятников Грозненской области // Изв. Грозн. ин-та и музея краеведения. Вып. 2–3. Грозный, 1950.

**POPULATION DYNAMICS IN PREHISTORY AND EARLY HISTORY.
NEW APPROACHES USING STABLE ISOTOPES AND GENETICS / Eds
E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin; Boston, 2012. 353 p. (Topoi; V. 5).
ISBN 978-3-11-026629-0**

В конце 2012 г. в свет вышла коллективная монография “Динамика населения в доисторическую и раннюю историческую эпохи. Новые подходы в использовании стабильных изотопов и генетики” под редакцией Э. Кайзера, И. Бургера и В. Шьера. Она объединила материалы международной конференции “Миграции в доисторические времена и в ранней истории. Стабильные изотопы и популяционная генетика – новые ответы на старые вопросы?”, которая была проведена Свободным университетом Берлина (Freie Universität Berlin) в марте 2010 г. Форум был организован в рамках работы исследовательской группы АП “Пространственные влияния и технологические инновации и изменения образа жизни” суперкластера Topoi.

Книга подразделена на три тематических части: “Генетика”, “Стабильные изотопы и генетика”, “Стабильные изотопы”.

Первая часть открывается теоретической статьей М. Каррет (с. 3–16) “Последствия экспансий населения в генетическом разнообразии Европы” (Лаборатория антропологии, генетики и истории расселения Департамента генетики и эволюции Женева университета). В ней рассматриваются генетические модели последствий внедрения мигрантных популяций в среду аборигенного населения. Автором показано, что один и тот же факт, фиксируемый методами генетического исследования, может быть результатом различных исторических процессов. В частности, рассматривается известный вектор генетической изменчивости с юго-востока на северо-запад Европы. Автор предлагает анализировать его не только в рамках привычной концепции миграции неолитического населения Восточного Средиземноморья и дальнейшего его распространения, принесшего в Европу первые традиции производящей экономики, но и учитывать более ранние события сложения генетической изменчивости европейского населения в эпоху финального плейстоцена. Он подчеркивает, что само по себе моделирование, основанное на мощных возможностях современных компьютерных программ, не обеспечит весомый результат, если не будет подкреплено фактами, позволяющими оценить демографическую специфику, плотность населения, размеры популяций и другие сведения, которые могут быть получены лишь благодаря систематизации археологических данных.

П. Гекрбауль, М. Леонарди, А. Павелл, К. Вебер, Н. Венеке, И. Бургер, М. Томас – генетики и археологи из Университетского колледжа Лондона (Великобритания), Университета им. Иоганна Гутенберга в Майнце (Германия) и Германского археологического института (Берлин, Германия) – представили главу “Одомашнивание и миграции: использование митохондриальной ДНК для изучения процессов одомашнивания козы и лошади” (с. 17–30). В ее основу положены обширные материалы. Ранее были секвенированы геномы различных пород современных евразийских лошадей, а также древняя митохондриальная (мт) ДНК позднелепестовых лошадей (17–12 тыс. л.н.). При моделировании истории одомашнивания коз были обобщены данные о современных диких и домашних

представителях рода *Capra*. В работе рассмотрено несколько моделей размеров исходной популяции (популяций), на основании которой(ых) инициировались процессы одомашнивания этих животных. Так, предположительно, есть различия между исходными размерами популяций лошади и козы. Вероятно, численность популяции дикой козы была достаточно велика, возможно, даже таких популяций было несколько. Что касается лошади, то есть основания предполагать, что численность исходной популяции была невелика, а практика использования диких кобыл для получения потомства от домашних жеребцов могла иметь широкое распространение. Авторы очень осторожны в высказывании своих предположений, основанных на ряде моделей. Они указывают на то, что модели будут тем успешнее, чем большее число параметров, полученных при изучении археологических памятников, будет в них заложено.

Г. Ларсон (Департамент археологии, Даремский университет, Соединенное Королевство) представил главу “Использование сведений о свиньях как путь реконструировать особенности миграции людей” (с. 31–40), содержащую обзор основных достижений генетики в изучении одомашнивания и древних миграций свиньи. Автор констатирует, что к настоящему времени не остается сомнений в том, что в отличие от домашних козы и лошади, свиньи имели два очага доместикации, один из которых был связан с Ближним Востоком. Оттуда в ходе неолитической миграции домашнее животное попадает в Европу, где, вероятно, имели место его неоднократные метисации с представителями европейского дикого кабана. Юго-Восточная Азия была родиной предков домашних свиней Океании. Интересно, что их генетическое разнообразие настолько велико, что предполагается существование нескольких независимых линий домашней свиньи. Возраст одомашнивания, судя по палеогенетическим расчетам, насчитывает не менее 7 тыс. лет. Г. Ларсон высказывает мнение о том, что подробное исследование линижей домашних свиней может послужить хорошим инструментом для изучения древних миграций человека.

Заметка И. Вейсман Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана (Германия) “Плохая сохранность ДНК костных остатков быка из Гебекли-Тепе докерамического неолита (Юго-Восточная Турция): краткое сообщение” (с. 45–54) посвящена описанию извлечения ДНК из костной и зубной тканей. Исследовательница предприняла попытку выделить мтДНК из 40 образцов, однако результаты оказались отрицательными. По мнению автора, температурный режим пагубно сказался на сохранности молекул. Возможно, более успешными будут работы с образцами из более глубоких слоев.

А. Шу, К. Георг, А. Шульц, И. Бургер, Н. Венеке из Университета им. Иоганна Гутенберга и Германского археологического института подготовили главу “Прибытие домашних животных в Юго-Восточную Европу по данным древней ДНК” (с. 45–54). В ней авторы исходят из известного предположения о том, что первые домашние животные появляются

в Европе на Балканах. Сравнивая генетические показатели домашних видов из Анатолии, с территории Кавказа, исследователи сформулировали гипотезу о структуре “инициального стада” и его дальнейшей судьбе. Сокращение вариативности генетических параметров у коров с юго-востока на северо-запад Европы указывает на пошаговое сокращение части их генофонда, “прибывшего” из Азии. Исследователи связывают это с деятельностью носителей традиций культуры линейно-ленточной керамики, которые могли усилить отбор, формируя молочное животноводство. Малая изменчивость генетических параметров среди овец, вероятно, связана с малым размером первоначально перевезенной группы. Напротив, изменчивость аналогичных параметров, определенная для коз, очень велика. Это может быть обусловлено как высокой численностью мигрантной популяции, так и частым возвратным скрещиванием с дикими козами на ранних стадиях одомашнивания. Для домашней свиньи отмечены четкие свидетельства неоднократных скрещиваний с аборигенными дикими кабанами Европы. Также авторы отмечают, что демографические процессы, имевшие место в популяциях этих домашних животных на протяжении I тыс., процесса доместикации, сильно отличаются. Реконструкция этих демографических трендов на основании генетических признаков поможет лучше понять, как именно люди эпохи неолита добивались улучшения таких показателей животных, как количество молока, цвет и качество шерсти и пр.

Завершает первую часть глава Л. Аурен-Шмица (Университет Ханзе Гронинген, Нидерланды) “Популяционная динамика, культурная эволюция и климатические изменения в доколумбово время на западе Южной Америки” (с. 55–73). В ней приводятся результаты исследования 300 индивидов, происходящих из археологических памятников 1000 BC–1400 AD южного побережья Перу и высокогорья Анд. Показано влияние социальных и климатических факторов на характер изменчивости параметров мтДНК. Продemonстрировано сокращение численности и генетического разнообразия исходного аборигенного населения этих регионов.

Вторая часть представлена тремя главами. Она открывается работой М. Лилли, И. Потехиной, Ч. Бада и А. Никитина “Доисторическое население Украины: миграции эпохи перехода от позднего мезолита к неолиту” (с. 77–92). Этот международный коллектив авторов уже давно работает над заявленной темой и имеет большой опыт (см., например: Tegen et al., 2002; Lillie et al., 2011). При изучении палеоантропологических материалов из погребальных памятников Вовниги I, II, Вольнянка, Осповка, Николаевское I, Ясиноватка, Васильевка II, Капуловка, Дериевка были применены методы краниометрии, определения стабильных изотопов, некоторых гаплотипов гиперварибельного участка мтДНК. В работе обсуждаются возможности выявления аборигенных жителей и мигрантов, происхождение различных групп европейского населения. Результаты выделения мтДНК из шести образцов костной ткани людей из Ясиноватки показали, что у них встречаются гаплотипы, наиболее распространенные у жителей Ближнего Востока, Западной Евразии в целом, Кавказа. У двух индивидов обнаружен гаплотип C, часто встречающийся у коренного населения Восточной Евразии.

Большая группа российских исследователей из Института археологии и этнографии СО РАН – В.И. Молодин, А.С. Пилипенко, А.Г. Ромашенко, А.А. Журавлев, Р.О. Трапезов, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков – представила главу “Миграции населения в южной части Западносибирской низменности в бронзовом веке: археологические, палеогенетические, антропологические данные” (с. 93–112). В основу публикации положены результаты обобщения обширных археологических исследований памятников IV–I тыс. до н.э. лесостепной зоны

Западной Сибири. Секвенирование мтДНК человека было проведено на 92 образцах, полученных из костей и зубов индивидов из погребений различных эпох и культур. Выявлены данные о встречаемости ряда гаплогрупп гиперварибельной части мтДНК. Данные археологии, антропологии и генетики свидетельствуют о существовании древнейшего аборигенного населения в эпохи ранней и средней бронзы, а также о двух волнах миграций в более позднее время. Наиболее достоверно фиксируется миграция, связанная с андроновской культурой и высокой частотой встречаемости T гаплогруппы. Вторая миграционная волна имела место при переходе от эпохи бронзы к раннему железному веку. Она маркируется появлением гаплогрупп U1a, U3, H и ассоциируется с юго-западным влиянием.

Завершается часть главой, подготовленной исследователями из Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана К. Софесом, М. Вобергером, А. Висновски, Б. Паффген, М. Харбек, – “Проверка археологической гипотезы: исследование происхождения и генеалогических линий в элитном обществе Верхней Боварии римского времени (Эрдинг, Клеттхаммер Фельд)” (с. 113–130). Согласно гипотезе, индивиды из одновременных захоронений, содержащих многочисленные ценные находки (фибулы и другие предметы с четкой культурной и временной атрибуцией), могли относиться к социальной верхушке общества и представлять единую в генетическом отношении группу. Результаты изотопных исследований ($^{13}/^{12}\text{C}$, $^{15}/^{14}\text{N}$, $^{18}/^{16}\text{O}$, $^{87}/^{86}\text{Sr}$) продемонстрировали единство территории проживания и характера питания всех индивидов (за исключением одной молодой женщины). Генетический анализ (мтДНК и Y-хромосомы) показал, что индивиды (за исключением двух) относятся к разным линидам и не могут быть объединены в одну семейную или родственную группу. На основании полученных результатов первичная гипотеза была отвергнута. Индивиды из высоко-статусных погребений отнесены к представителям римской военной группировки.

Наиболее объемная, третья, часть книги посвящена, собственно, изотопным исследованиям и содержит 13 глав.

Раздел открывается совместной работой нескольких авторитетных исследователей каменного века Европы – М. Жвелебил, М. Лилли, Дж. Монтгомери, А. Лакес, П. Петит, М. Ричардс – “Появление культуры линейно-ленточной керамики: миграции, память и значение перехода к земледелию” (с. 133–148). Исследование посвящено памяти известного специалиста в области позднего каменного века Европы профессора Марка Жвелебила, скончавшегося в июле 2011 г. в возрасте 59 лет. В работе предпринят комплексный изотопный анализ с использованием данных о ^{13}C , ^{15}N , ^{14}S , $^{87}/^{86}\text{Sr}$, а также определены концентрации Sr. Выявлены индивиды, мигрировавшие в район памятника (Ведровице, Моравия, Чехия). Территориями истока миграции признаны Нижняя Австрия и ближайшие горные массивы. На основании сопоставления данных по кости и зубным тканям выявлены индивиды, проводившие детство в других районах, а последнее десятилетие жившие уже на поселении Ведровице. Авторы представляют индивидуальные биографии погребенных, на персональном уровне характеризую их перемещения на протяжении жизни, характер питания, культурную атрибутику. Около 10% группы представлены пришлыми индивидами. По мнению исследователей, могильник относится к эпохе складывания традиций производящей экономики и должен быть отнесен к эпохе раннего неолита.

К. Так, Б. Кобер, Дж. Конти и Ф. Хаак из Гейдельбергского университета им. Рупрехта и Карла (Германия) озаглавили свое сообщение “Далеко путешествующие люди” в Херксхайме? Изотопы стронция как индикаторы мобильности” (с. 149–164). Данные о $^{87}/^{86}\text{Sr}$ в эмали зубов индивидов из памятника ранней

стадии культуры линейно-ленточной керамики соотносены с данными, полученными по костям местных животных. Показано, что большинство индивидов в период формирования зубной эмали жили в иной местности, связанной с выходами вулканических пород. Таким образом, предполагается, что для населения этого и подобных поселков были характерны миграции в горные районы, что, возможно, было связано с поисками ценного каменного сырья.

Коллектив, объединивший К. Герлиг, У. Хейд, А. Пайк, Е. Банффи, Дж. Дани, К. Лехлер, Г. Кулцар, Э. Кайзер, В. Шаер из Германии, Соединенного Королевства и Венгрии, представил работу “Идентификация курганных погребений Восточной Венгрии: курган в свете исследований изотопов стронция и кислорода” (с. 165–176). Проблематика этого исследования имеет прямое отношение к концептуальному осмыслению крупных культурных явлений эпохи бронзы, активно обсуждающихся в среде отечественных специалистов (Гей, 2011; Мимоход, 2011; Клещенко, 2011). В публикации рассматриваются восемь погребений бронзового века из кургана Сарретудвари-Ерхалом (Венгрия). Авторы на основании археологической атрибутики предполагают, что погребения позднего этапа существования кургана (около 2900 BC) имеют черты пришлой культуры, возможно, связанной с регионом Северного Причерноморья. Изотопный анализ зубной эмали подтвердил предположение о том, что люди из поздних погребений – мигранты. Ближайший район, где они могли провести свое детство, – Прикарпатье.

Группа исследователей из России и Великобритании (Н. Шишлина, В. Севастьянов, Р. Хеджес) представила масштабную работу “Исследование изотопного соотношения в образцах из евразийских прикаспийских степей бронзового века”, объединившую данные об изотопном составе около 100 индивидов, происходящих из памятников энеолита–средней бронзы. Для построения палеодиетологических реконструкций использованы также обширные данные об изотопном составе коллагена животных и растений. Исследователи прослеживают динамику изотопных показателей в зависимости от климатических изменений. Убедительно показана связь повышения аридизации с увеличением значений дельта как по углероду, так и по азоту. Также сформулирована гипотеза формирования трех моделей питания – смешанной со значительной долей растительного компонента, смешанной с преобладанием белкового компонента (мясо-молочные продукты) и включающей значительную долю пресноводной и морской рыбы. Отмечу, что этот авторский коллектив – один из немногих, систематически обращающихся к возможности изотопного анализа с целью реконструкции типа питания и миграционных путей степного населения эпохи бронзы (см., например: Shishlina et al., 2009).

Две другие главы – коллективный труд И. Ирргехер, М. Тешлер-Никола, К. Летгеб, К. Вейсса, Д. Керн, Т. Прохаска “Миграции и мобильность в позднем неолите Нижней Австрии (Трэйзен Валли): анализ изотопов стронция” (с. 199–212) и работа Д. Керн “Миграции и мобильность в позднем неолите Нижней Австрии (Трэйзен Валли): археология” (с. 213–224) представляют интересный опыт сопоставления возможностей традиционных и новых методов, анализ причин возникающих противоречий. Первое исследование презентует результаты определения $^{87/86}\text{Sr}$ соотношения в образцах эмали постоянных зубов 49 представителей из 4 памятников культуры шнуrowой керамики и позднего этапа культуры колоколовидных кубков. Согласно им, отмечена более высокая мобильность мужчин по сравнению с женщинами, а также наличие мигрантов в группе погребений шнуrowой керамики, в то время как среди индивидов из погребений культуры колоколовидных кубков все индивиды были местными жителями. Этот результат прихо-

дит в противоречие с принятыми представлениями о том, что носители традиций колоколовидных кубков вели подвижный образ жизни. Доводы в их пользу обсуждаются во втором исследовании. Автор, приводя подробный индивидуальный анализ исследованных погребений, приходит к выводу о том, что собранная выборка пока не репрезентативна, и полученные результаты – этап работы, а не ее завершение.

Ю. Кох из Университета Лейпцига (Германия) и К. Капке из Института эволюционной антропологии общества Макса Планка (Лейпциг, Германия) публикуют главу “Реконструкция этапов жизни мобильных индивидов общества Центральной Европы в раннем бронзовом веке: концепция проекта и первые результаты для некрополя Синген (Германия)” (с. 225–240). В работе обосновывается концепция индивидуальных этапов жизни, своего рода социальная карьера, которую проходит (или не проходит) индивид на протяжении жизни. Для этой цели было предпринято сопряженное исследование качества и состава питания и богатства погребального сопровождения для нескольких индивидов из раннебронзового некрополя Синген. Показано, что выражена гендерная и возрастная динамика как качества питания, так и богатства погребального инвентаря.

А. Нафплиоти в статье “Позднеминойские IV разрушения и культурный переворот на Крите: биоархеологические перспективы” (с. 241–265) проверяет гипотезу, согласно которой в период 1400–1470 гг. до н.э. имело место микенское вторжение на Крит. В качестве инструмента используются данные изотопного анализа ($^{87/86}\text{Sr}$), а также краниологии. Основываясь на первых, автор приводит факты, указывающие на несостоятельность гипотезы микенской миграции, подтверждая свое мнение краниологическими разработками.

Масштабное исследование большой группы авторов научных центров Германии и США – Э. Стефан, К. Книппер, К. Шатц, Т.Д. Прайс, Э. Хегнер – “Изотопы стронция в фаунистических остатках: свидетельства стратегий землепользования в раннем железном веке по материалам памятника Эбердинген-Хольшоф (Баден-Вюртемберг, Германия)” (с. 265–286) представляет результаты анализа $^{87/86}\text{Sr}$ в образцах эмали зубов животных из раннекельтских и раннелатенских слоев городищ и селищ в одном из предгорных регионов земли Баден-Вюртемберг. На основании высокой изменчивости изотопных показателей обосновывается мнение об отсутствии постоянных пастбищ для выпаса коров, овец и свиней. Авторы осторожны в выводах, так как местная геологическая ситуация – очень пестрая. Однако они едины во мнении относительно того, что выпас животных проводился не далее, чем в 15–30 км от поселений.

Игровое название “Мобильность в Тюрингии или мобильные жители Тюрингии: исследование изотопа стронция в Центральной Германии в эпоху раннего средневековья” получила статья, представленная К. Книппер, А.-Ф. Маурер, Д. Петерс, К. Мейер, М. Браунс, Ш. Галер, У. фон Фриден, В. Шоне, Г. Меллер, К. Альт из Германии (с. 287–310). Работа посвящена изучению миграций лангобардов эпохи Великого переселения народов (V–VI вв. н.э.). Основу составили образцы эмали зубов 28 человек, происходящие из ряда погребальных памятников Тюрингии. Результаты определения изотопов стронция показали, что, за редким исключением, все погребенные – местные жители. Большое количество импортных вещей в погребениях свидетельствует о налаженных межрегиональных связях, а не о миграциях населения.

Особого внимания заслуживает статья “Изотопы и мобильность: исследования больших серий образцов” (с. 311–322), подготовленная международным коллективом, возглавляемым одним из основателей биоархеологического направления в ар-

хеологии Т. Дугласом Прайсом (Лаборатория археологической химии Университета Висконсин – Мэдисон (США) и Департамент археологии Университета Эбердин (Великобритания)). Пожалуй, это наиболее обобщающая работа, объединившая исследователей из Дании – К.М. Фрей (Саксонский институт и Центр изучения текстиля Копенгагенского университета); Мексики – В. Тейслер (Независимый университет Мехико, Юкатан); Исландии – Х. Гестдеттир (Институт археологии, Рейкьявик, Исландия). Во-первых, рассмотрена история формирования населения Кампече (Мексика, XVI в.), связанная с потоками миграции из Испании и Африки. Анализ $^{87/86}\text{Sr}$ и $^{13/12}\text{C}$ в эмали зубов позволил выявить мигрантов среди детей и взрослых. Затем оценены миграции в формировании населения Исландии дохристианского времени и периода христианизации с использованием $^{87/86}\text{Sr}$ данных и радиоуглеродного анализа. Показано, что доля мигрантов в ранний период была значительно выше, чем в поздний. Продемонстрировано, что заселение Исландии шло из нескольких независимых географических центров. Последнее предположение хорошо согласуется с результатами палеогенетических исследований, показавших, что современное население Исландии по генетическим показателям ближе к аборигенным жителям Гебридских о-ов, Ирландии, Шотландии, чем к местному населению Норвегии. Хочется отметить, что работа отличается точностью формулировок задач, адекватностью выбора аналитических инструментов и, пожалуй, в наибольшей степени демонстрирует плодотворные пути применения аналитики в исследованиях миграций.

“Новое о 30-летней войне: места происхождения солдат, сражавшихся в битве под Виттштоком 4 октября 1636 г. Исследования стабильных изотопов стронция и кислорода” – работа германских исследователей из Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана под руководством широкоизвестного специалиста в области применения аналитических методов в биоархеологических исследованиях Г. Грюпе (в соавторстве с С. Эйкхофф, А. Гроте и В. Юнгклаус). Проведя изотопные ($^{87/86}\text{Sr}$ и $\delta^{18}\text{O}$) исследования образцов костной ткани 88 индивидов из массового захоронения на месте битвы при Виттштоке и сопоставив результаты с геохимическими характеристиками Швеции, Финляндии, Шотландии, Франции, Германии, Испании, Италии, авторы выявили индивидов, происхождение которых, предположительно, связано с территорией Германии, Шотландии, Финляндии, Швеции, стран Балтии. Тем самым были уточнены районы, из которых формировались наборы в шведскую армию и в армии Священной Римской империи и Саксонии, которые приняли участие в этом сражении, закончившемся победой протестантов. Было бы чрезвычайно интересно провести подобное исследование на базе уникальных коллекций солдат наполеоновской армии, полученных в результате охранных работ Института археологии РАН в Калининграде.

Я. Лаффун и М. Хугланд (Лейденский университет, Нидерланды) в статье “Миграции и мобильность в Циркум-Карибском регионе: интеграция археологии и изотопного анализа” (с. 337–353) рассматривают возможности ($^{87/86}\text{Sr}$, $^{13/12}\text{C}$, $^{15/13}\text{N}$) для реконструкции миграционных процессов на Карибских о-вах в период с 1000 по 1350 г. н.э. На материалах ряда погребальных памятников показана высокая доля мигрантов (до 28%) из различных независимых районов, выявлена определенная корреляция между географическим местом происхождения группы индивидов и их пищевой традицией. Авторы отмечают, что необычайно высокая локальная изменчивость

изотопов стронция даже на маленьких островах существенно осложняет выявление местных жителей и мигрантов.

Таким образом, коллективная монография “Динамика населения в доисторическую и раннюю историческую эпохи. Новые подходы в использовании стабильных изотопов и генетики” представляет основные направления, в которых развиваются два актуальнейших направления аналитических работ в археологии: генетическое и изотопное. Очевидно, что все исследования (за исключением обзоров) выполнены большими междисциплинарными коллективами. Это, безусловно, базовое условие, обеспечивающее качество работы, а также получение новой информации, а не только подтверждение уже известных фактов. Думается, что большинство коллег, скрупулезно исследующих памятники, содержащие костные останки людей и животных, захотели бы получить дополнительную информацию относительно генетического и географического происхождения населения и домашних животных, степени подвижности их образа жизни, возрастных и гендерных различий питания и пр. Она может быть получена только с использованием определенных аналитических методов. Более того, реконструкция миграции населения на основании погребального инвентаря имеет шанс привести к ошибочным выводам. Важно отметить, что две масштабные публикации в монографии подготовлены отечественными коллективами (или с преобладанием российских специалистов). В одном случае продемонстрированы эффективные взаимодействия генетиков, антропологов и археологов (В.И. Молодин и соавторы), в другом – специалистов в области изотопной геохимии, экологии и археологии (Н.И. Шишлина с соавторами).

Далеко не все работы, представленные в монографии, вернее, их выводы, могут быть восприняты однозначно, но они рождают новые вопросы. Однако, по мнению ее рецензента, без интенсивного развития этих направлений междисциплинарных исследований дальнейшее развитие археологии невозможно. Эта задача состоит как в осознании потребности объединения усилий представителей разных наук в исследовании и сохранении археологического и исторического наследия нашей страны, так и в организации временных творческих коллективов взамен устаревшей практики выполнения заказных анализов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гей А.Н. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. 2011. Вып. 253.
- Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 253.
- Клеценко А.А. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. 2011. Вып. 253.
- Lillie M.C., Budd C.E., Potekhina I.D. Stable isotope analysis of prehistoric populations from the cemeteries of the Middle and Lower Dnieper Basin, Ukraine // *Jr. Archaeolog. Science*. 2011. V. 38 (1).
- Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., van der Plicht J. et al. Paleoecology, subsistence, and ^{14}C chronology of the Eurasian Caspian steppe Bronze Age // *Radiocarbon*. 2009. V. 51. № 2.
- Telegin D.Ya., Potekhina I.D., Lillie M.C., Kovaliukh M.M. The Chronology of the Mariupol-type cemeteries of Ukraine re-visited // *Antiquity*. 2002. V. 76.

ГРУЗИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ 2003–2006 гг.

Включенные в данный обзор публикации содержат информацию о результатах археологических исследований, проводившихся в Республике Грузия в последние годы, нашедших отражение на страницах серии журналов, сборников и монографий, вышедших в 2003–2006 гг.

Археология Кавказа. № 1 / Гл. ред. К. Пицхелаури. Тбилиси, 2006. 390 с.

Журнал “Археология Кавказа”, изданный Институтом археологии им. Отара Лордкипанидзе Грузинской академии наук, задуман как общекавказский научный журнал по проблемам кавказской археологии. Он призван наладить тесный обмен регулярной научной информацией с целью укрепления деловых контактов между различными научными центрами всего Кавказа. Наиболее острая проблема, стоящая сегодня перед археологами региона, – ограниченность рамок исследования политическими границами, в результате чего одни и те же феномены и материалы трактуются совершенно по-разному, нередко в угоду политической конъюнктуре. Назначение нового журнала – введение в научный оборот археологических материалов и их интерпретация, организация научных встреч в международном масштабе для обсуждения актуальных направлений в кавказоведении и поиска конструктивных путей их осуществления. Важно отметить, что журнал издан на русском языке; было декларировано: журнал находится вне политики, редакция обязалась внимательно следить за появлением конъюнктурных статей и не печатать их.

Первый номер журнала посвящен информации об археологических исследованиях, проводившихся на Кавказе. Он открывается статьей А. Калантаряна, посвященной основным результатам полевых работ в Армении в 1990–2003 гг., которые проводились на памятниках от эпохи палеолита до развитого средневековья. Значительная часть работ осуществляется в сотрудничестве с европейскими научными центрами Франции, США, Германии, Бельгии, Италии, Израиля, причем совместные экспедиции проводят систематическое изучение памятников археологии. В результате этого сотрудничества достигнуты ощутимые успехи в области полевых исследований, формируется новая фактологическая база радиоуглеродных дат и палеозоологических данных. Среди актуальных проблем армянской археологии разрабатываются вопросы периодизации и хронологии.

Итогам и перспективам археологических исследований 1990–2004 гг. в самой восточной провинции Грузии – Кахети посвящена статья К. Пицхелаури. Наиболее животрепещущей проблемой в археологическом изучении региона является вопрос о взаимосвязи куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы и марткопи-беденской группы памятников (вторая половина III тыс. до н.э.). Ряд полученных данных позволяет говорить о синхронности этих культур. Несомненный интерес представляет изучение поселений правобережья Алазанской долины, на которых прослеживается непрерывное напластование слоев с эпохи ранней бронзы до начала I тыс. до н.э. Важные работы проводились в восточной части Иорского плоскогорья на поселениях Цискараант гора и Усахело гора, уничтоженных в VII в. до н.э. во время скифского нашествия. Впоследствии жизнь здесь возрождается и продолжается до IV в. до н.э. По мнению автора, археологическая культура Иорского плоскогорья конца II – начала I тыс. до н.э. представляет собой единый, крепко сплоченный организм боль-

шого политического объединения с высокоразвитой социальной структурой.

Статья Д. Лордкипанидзе и А. Векуа посвящена обнаружению в 2001 г. черепа и нижней челюсти древнего гоминида на известном местонахождении в Дманиси (Южная Грузия). Всего в коллекции останков гоминидов в Дманиси к настоящему времени считается более 50 образцов (в том числе 4 черепа и 4 нижние челюсти). Антропологические находки подтверждают несомненную близость дманисского человека к африканским формам, известным под видовым названием *Homo ergaster*. По мнению исследователей, до более подробного исследования ископаемых остатков предпочтительней рассматривать дманисского гоминида как *Homo ex gr. erectus*.

В работе Л. Челидзе рассматриваются древнейшие этапы земледелия на территории Грузии, зарождение которого относится к эпохе неолита, а в энеолите распространившегося по всему Закавказью.

Изучению древнейших гончарных печей Азербайджана посвящено исследование И. Нариманова и Т. Ахундова, проведенное на материалах поселений конца V – начала IV тыс. до н.э. Лейлатепе и Аликемектепеси. На основании изучения 17 печей авторы выделяют 4 их типа.

Работа В. Майсурадзе посвящена хронологии и периодизации поселения Илто (Алазанская долина). На основании изучения стратиграфии, а также керамического материала поселения отнесено к куро-аракской культуре.

В объемной статье Л. Джигладзе рассматриваются поселения Колхидской низменности (Западная Грузия) в эпоху бронзы. Всего зафиксировано 191 поселение. Уделяется внимание планиграфии поселений, вещевому материалу (прежде всего керамике и металлическим изделиям, украшениям), обнаруженному во время раскопок, взаимосвязи различных культур бронзового века. При рассмотрении вопросов хронологии и периодизации автор опирается как на абсолютные даты, так и на сравнительные методы хронологии, что позволяет ему выделить семь ступеней в развитии прото- и древнеколхидских культур XXV–VII вв. до н.э. Также внимание уделяется соотношению археологических и глоттохронологических данных, автор связывает протоколхидскую культуру со сванским и занским этносами.

Вещевой материал из некрополя Лори Берда (Армения) рассматривается в работе С. Деведжян. Памятник датируется от среднего бронзового века до урартского периода (конец III – середина I в. до н.э.) и отличается богатыми погребениями и элитарными артефактами, что свидетельствует о высоком социально-политическом и культурном уровне общества Лори Берда – существовании местной цивилизации, основанной на прочном экономическом базисе.

Вопросам освоения и развития культуры железа на Южном Кавказе посвящена статья Г. Инанишвили. Автор выделяет четыре ступени в истории развития производства черных металлов в XII–I вв. до н.э., сравнивая уровень развития и организации производства с периодами гальштадской и латенской культур обработки черных металлов в Европе.

Историко-археологическому изучению античных памятников археологии в долине р. Риони (Фасис) в Западной Грузии посвящено исследование Г. Гамкрелидзе. Автор подробно

рассматривает все памятники археологии указанного периода, привлекая данные письменных источников.

Материалам из могильника эллинистического времени Намари гора I в местности Удабно (Кахети) посвящена работа К. Джавахишвили. Все открытые погребения грунтовые, некоторые перекрыты каменными плитами. Погребенные ориентированы головой на восток. На основании изучения погребального обряда и инвентаря могильник датируется IV–III вв. до н.э.

В статье Г. Гошгарлы на основании обширных археологических материалов, полученных в ходе археологических исследований в зоне строительства Мингечаурской гидроэлектростанции на р. Кура, представлена широкая панорама торговых связей Кавказской Албании в VII в. до н.э. – I–II вв. н.э. По мнению автора, начиная с эллинистического периода в зоне Мингечаура функционировал крупный город – центр торгового ремесленного производства.

Открытиям в Армазихе – резиденции грузинских царей в Мцхета, посвящена статья Г. Кипиани. Прежде всего это остатки шестиапсидного языческого храма IV в. н.э., открытого в 1996 г. Храм помимо культового назначения выполнял функцию ворот, через которые можно было попасть на один из участков городской территории. Интересна находка серебряного позолоченного пенала, украшенного золотыми деталями и рельефами, с греческой владельческой надписью, сообщающей, что пенал принадлежал царям Устамосу и Евгению. Предмет был обнаружен в женском погребении III–IV вв. у основания храма Свети-Цховели.

Ряд небольших работ в журнале посвящен двум бронзовым человеческим фигуркам III в. до н.э., обнаруженным на городище Вани (Д. Качарава, Г. Квирквелия); одной из надписей-графити на стене дома в Помпеях, в которой, возможно, упоминается гладиатор-вольноотпущенник из Кавказской Албании (М. Гаджиев); журналу “Кавказская старина”, издававшемуся в 1872–1873 гг. в Тифлисе и оставившему свой след в археологии Кавказа (Г. Лорткипанидзе).

Несомненный интерес представляет археологическая библиография Южного Кавказа, занимающая заключительную, значительную часть журнала. Здесь представлены выходные данные всех статей и монографий по археологии и смежным дисциплинам, изданных учеными Азербайджана в 2000–2005 гг. (448 наименований), Армении в 1990–2004 гг. (988 наименований) и Грузии в 1993–2003 гг. (1689 наименований). В условиях практически полного разрыва научных связей и фактического прекращения книгообмена говорить о ценности данного раздела излишне.

Хотелось бы надеяться, что издание этого полезного журнала будет продолжено.

Журнал грузинской археологии. № 1. / Гл. ред. О. Лорткипанидзе. Тбилиси, 2004. 244 с. (на англ. и нем. яз.).

Выпуск журнала открывается информацией о Центре археологических исследований Грузинской академии наук, основанном в 1971 г. проф. Отаром Лорткипанидзе. Описываются ведущие позиции Центра в изучении археологии Грузии, его структура и научная деятельность. Постулируется и основная задача журнала: ознакомить западных ученых с работой их грузинских коллег.

Журнал открывается статьей А. Юстуса и М. Ниорадзе, в которой представлен выразительный обзор каменной индустрии верхнепалеолитической стоянки Дманиси.

Набор украшений из пещеры Сагварджиле представлен в исследовании Л. Небиеридзе. Украшения в основной своей массе относятся к эпохе энеолита.

В большой работе Л. Челидзе и Д. Годелия всестороннее рассмотрение получили материалы раскопок раннеземледельческого городища Арухло I (Болниси), представляющего собой сложный жилой комплекс из семи строительных горизонтов круглых кирпичных строений с куполообразными крышами. Показано, что ранние земледельцы были приспособлены к проживанию и ведению интенсивного сельского хозяйства в условиях сухого субтропического климата.

Очаги и очажные подставки куро-аракской культуры по грузинским материалам исследуются А. Орджоникидзе.

В свете изучения проблемы завершения куро-аракской культуры и перехода к среднему бронзовому веку З. Махарадзе на основе анализа материалов городища Цихиагора (Шида-Картли) приходит к выводу, что куро-аракская культура в Восточной Грузии существовала до III тыс. до н.э. на заключительном этапе, сосуществуя с культурой Бедени.

Результаты изучения каменной площадки для обмолота зерна эпохи средней бронзы из Восточной Грузии представлены А. Рамишвили. Констатируется, что подобные площадки существовали на территории Грузии до начала XX в.

Г. Нариманишвили в своей работе рассматривает дороги, выложенные камнем и подводящие к курганам триалетской культуры.

Посмертная статья О. Лорткипанидзе (1930–2002) посвящена “кладам” бронзы колхидской культуры позднего бронзового века с территории Грузии. Находки этих кладов предоставляют интересную и многостороннюю информацию для характеристики религиозной, социально-экономической и культурной жизни носителей культуры.

Работа В. Личели вводит в широкий научный оборот материалы богатого погребения XVI в. до н.э. из Атсури.

В статье Р. Рапуашвили публикуется коллективное погребение второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э. из могильника Эргети II (Зугдиди).

Запасы импортных монет в Колхиде IV в. до н.э. – IV в. н.э. рассматриваются Г. Дундуа. Автор констатирует, что основной поток монет шел из Малой Азии, по морю, из Трапезунда. Медные монеты циркулировали в прибрежных районах, монеты же из драгоценных металлов поступали во внутренние районы Колхиды.

Исследование И. Гагошидзе посвящено раскопкам царского дворца и материалам IV–I вв. до н.э. в Деоплис Гора (Шида-Картли). В другой работе В. Джапаридзе рассматривает новые археологические данные о крепости Шорапани, известной как Сорapanis Страбона.

В статье Д. Качарава публикуются бронзовая фигурка и украшения III в. до н.э. из раскопок Вани.

Статья Г. Болквадзе представляет реконструкцию первой христианской церкви в Мцхета Святая Святых (первая половина IV в.), предшествовавшей храму Светицховели, построенную св. Ниной и царем Иберии Мираном.

В работе Г. Гамкрелидзе представлен обзор истории грузинской археологии в XIX – начале XX в.

Завершается журнал библиографией работ Центра археологических исследований, увидевших свет в 2001 г.

Дзиебани. Журнал Центра археологических исследований Академии наук Грузии. № 12. / Ред.-сост. В. Джапаридзе. Тбилиси, 2003. 124 с. (на груз. яз.).

№ 13-14. / Ред.-сост. В. Джапаридзе. Тбилиси, 2004. 184 с. (на груз. яз.).

№ 15-16. / Ред.-сост. Б. Майсурадзе. Тбилиси, 2005. 236 с. (на груз. яз.).

№ 17-18. / Ред.-сост. Б. Майсурадзе. Тбилиси, 2006. 240 с. (на груз. яз.).

Журнал “Дзиебани” (Разыскания) издается Центром археологических исследований АН Грузии, существует с 1998 г. и выходит с известной периодичностью. Параллельно отдельными монографиями издаются приложения (*supplements*) к журналу.

Номер 12 журнала открывается статьей М. Габуния и Л. Церетели, в которой обосновывается выделение пяти мезолитических областей на территории Грузии и Северного Кавказа (Триалети, Джавахети, побережье Черного моря, бассейн Риони и Чохи).

Л. Цитладзе изучает остатки культового сооружения II тыс. до н.э., открытого во время работ на многослойном поселении в Душети. Данная находка позволяет предполагать, что в указанное время местные племена поклонялись небесным светилам. Погребальным гравированным топорам с поселения Нацаргора в Шида-Картли VIII – первой половины VII в. до н.э. посвящена статья А. Рамишвили.

Д. Апакидзе рассматривает проблемы абсолютной хронологии колхидской культуры, а также ее внешние связи на основании изучения керамики. Р. Папуашвили представляет результаты изучения экспорта колхидской бронзы с памятников колхидской культуры поздней бронзы – раннего железного века на территории Армении, Турции и Ирана. Импортные фибулы VIII–VI вв. до н.э. и пути их поступления в Колхиду публикуются Н. Сулава. Статья К. Джавахишвили посвящена изучению материалов глиптики в контексте истории взаимоотношений Иберского царства и Египта в римское время. Материалы погребальных комплексов II–III вв. н.э. из Дзвери (Имеретия) приводятся в работе З. Брагвадзе.

В. Чихладзе изучен погребальный комплекс могилы 364 (I в. н.э.) грунтового могильника Жинвали, часть инвентаря которого произведена в мастерских Рима, Египта и Сирии, что свидетельствует о вовлечении Иберии в международную торговлю. Из того же комплекса М. Лордкипанидзе рассматривает костяное кольцо-печатку. Сборник завершает статья Т. Чиковани, в которой автор поднимает вопрос о семантике некоторых терминов, обозначающих детали зданий.

В № 13-14 “Дзиебани” представлены следующие работы. Т. Бугианишвили рассматривает историю изучения, а также общую характеристику памятников среднего и нижнего палеолита, областей, граничащих с Грузией (Россия, Осетия, Армения, Азербайджан). В работе Л. Челидзе продемонстрирована определенная преемственность каменного инвентаря и керамики культур Восточной Грузии в энеолите и раннем бронзовом веке.

Наиболее древний и широко распространенный тип очажных подставок с рогообразными выступами куро-аракской культуры Кавказа и Ближнего Востока рассматривается Г. Пхакадзе. А. Орджоникидзе приводит типологию кремневых и обсидиановых наконечников стрел широкого хронологического диапазона: позднего неолита – раннего железного века. Автором представлены периодизация и особенности распространения этих наконечников на территории Грузии. Л. Чабашвили исследует курган 4 могильника Тетри-Квеби (Сагареджо, Кахетия), датированного эпохой средней бронзы. Работа о значении обсидиана в погребальном обряде культур раннего бронзового века на территории Южного Кавказа представлена Н. Шаншашвили. Коллектив авторов (Л. Джибладзе, Р. Папуашвили, Р. Хвистани) исследует коллекцию бронзовых предметов

XVIII–XV вв. до н.э. из разрушенного некрополя у с. Гагида (Гальский р-н). Т. Чанишвили изучен погребальный инвентарь (керамика, оружие, украшения) могилы 18 некрополя в Мухатверди (Михета), датированного поздней бронзой – ранним железным веком.

К вопросам типологии, хронологии и генезиса кавказских фибул – одного из наиболее древних (IX–VIII вв. до н.э.) продуктов кавказской металлургии, обращается Н. Сулава. Н. Каландадзе исследуются колхидские гравированные застежки раннего железного века (VII–VI вв. до н.э.). Отмечено, что присутствие большого количества застеек в погребальных памятниках населения Колхиды указывает на их использование в ритуалах. Статья И. Гагошидзе посвящена всадникам I в. н.э. Работа базируется на анализе богатой археологической коллекции вооружения и 25 изображений вооруженных всадников на костяных пластинках, обнаруженных при раскопках царского дворца в Дедоплис Гора. М. Сагинашвили рассматриваются стеклянные артефакты в виде округлых завитков, обнаруженные во многих областях Грузии. Высказывается предположение, что эти изделия являются булавочными иглами и относятся к I–II вв. н.э.

На основании археологических и письменных источников М. Калаваши и Е. Кахидзе реконструируют историю г. Апсароса (Гонио) IV–V вв. н.э. Т. Тодуа вновь обращается к стеле, представляющей собой греческую надпись-эпитафию IV–V вв. из раскопок Сухуми. Надпись рассматривается в культурно-историческом контексте. Статья Т. Чиковани – о подземных зернохранилищах, раскопанных на территории Триалети и Самцхе-Джавахети. Зернохранилища представляли собой каменные конструкции внушительных размеров, способные вместить до 5 т зерна.

Следующий выпуск “Дзиебани” (№ 15–16) открывается работой М. Габуния и А. Векуа, которая посвящена динамике изменения окружающей среды вулканической высокогорной области Южной Грузии в плейстоцене – раннем голоцене. Т. Бугианишвили изучаются нижнепалеолитические стоянки северо-восточного района Триалети. Л. Челидзе изучает культурно-стратиграфические слои стоянки Ай-Илья (высокогорное плато в районе Цалки). Приводятся технико-типологические особенности инвентаря.

Работа К. Каландадзе посвящена изучению многослойного поселения Огасхура (район Кутаиси), датирующегося широким хронологическим диапазоном от эпохи мустье до средневековья. Поселение Урта (район Зугдиди) исследовано Г. Тортладзе. Выразительная коллекция инвентаря, собранная во время разведок, свидетельствует о датировке поселения поздним неолитом – VII тыс. до н.э. Л. Небиеридзе публикует материалы исследования энеолитического поселения на холме Дзвери. Результаты сравнительно-типологического анализа свидетельствуют о принадлежности поселения раннеземледельческой культуре. Близкие параллели находятся в Сагварджиле и на других западногрузинских поселениях этого периода.

Исследование Т. Чиковани посвящено сосудам с гребневидными венчиками, распространенным на раннеземледельческих поселениях V – второй половины IV тыс. до н.э. в Восточной Грузии. А. Орджоникидзе представлены результаты раскопок слоев раннего бронзового века многослойного поселения Орхосани. Сравнительно-типологический анализ керамики привел автора к выводу, что поселение являлось местом сосуществования в указанное время керамических традиций Восточной и Западной Грузии.

Ряд работ посвящен проблемам изучения куро-аракской культуры. Так, Н. Шаншашвили рассматривает функциональное значение символов на керамике. Автор отмечает сходство

этих знаков с иероглифическими знаками древних цивилизаций: шумерской, протоэламской, протоиндийской, египетской, хеттско-лувийской и эгейской. Отмечается, что эти знаки в силу социально-экономических условий не смогли развиваться в систему письма. Как и в других ранних культурах бронзового века, эти символы использовались в качестве знаков в священных действиях и ритуалах. М. Глonti рассматриваются металлические артефакты с городищ куро-аракской культуры, датированные второй половиной III тыс. до н.э. Изучению культа изобилия посвящена работа Г. Мирцхулава. Прослежено развитие фаллического культа от эпохи палеолита до куро-аракской культуры.

Вопросы контактов предгорья Шида-Картли с внешним миром в эпоху бронзы на примере керамики XV–XIV вв. до н.э. разрабатываются Л. Цитладзе. Коллектив авторов (И. Джапаридзе, Р. Папуашвили, Г. Инанишвили) рассматривает производство цветного металла Колхиды в эпоху поздней бронзы. Ряд бронзовых предметов XVII–XV вв. до н.э. из разрушенного погребения в Гагиде (Гали) вводит в научный оборот Л. Джигладзе.

Погребения могильника Эли-Баба в Триалети публикуются Б. Мурванидзе. Всего было раскопано 127 погребений; большинство из них – каменные ящики с каменными кругами (кромлехами) вокруг них. Согласно погребальному инвентарю могильник датируется VII–VI вв. до н.э. Материалы из раскопок в Восточной Малой Азии (позднехеттские царства) первой половины I тыс. до н.э. рассмотрены Н. Бахсолиани. А. Кахидзе и М. Халваши исследуют вопросы хронологии одной из групп хиосских амфор V в. до н.э. из раскопок некрополя Пичвнари.

К. Джавахишвили рассматривает гранатовую гемму на золотом кольце II в. н.э. с изображением головы Александра Македонского. Бронзовая статуэтка Сепариса II–III вв. из Гонио-Аспароса публикуется Т. Тодуа. В работе Д. Лекашвили представлены позолоченные посеребренные бусы I–IV вв., происходящие из некрополя Мхета. Предполагается, что часть этих бус была импортирована в Грузию из Сирии и Египта, другая же часть произведена в местных мастерских в Мцхета – значительном центре стеклodelия.

В работе К. Рамишвили публикуются две сасанидские буллы IV–V вв. с городища Светицховели (Мцхета) – достаточно редкие находки на территории Грузии. Железные булавы IV–VIII вв. из некрополя Жинвали, представленные 15 типами, изучаются В. Чихладзе. В статье Т. Кинцурашвили и Н. Каландадзе показана методика реконструкции фрагментированного стеклянного сосуда III–IV вв., происходящего из раскопок в деревне Квели (Колхети).

Очередной выпуск “Дзиебани” (№ 17-18) открывается статьей к юбилею О. Лордкипанидзе.

В статье Т. Мешвелиани и др. публикуется первое верхнепалеолитическое погребение человека на Кавказе из Котиас Клде (Чиатура). Две верхнепалеолитические стоянки рассмотрены в работах М. Габуния – Чорати (Ахалцихе) и Г. Тортладзе – Ахалсопели (Ткибули). Стоянка эпохи неолита в долине Лехидари (Цхалтубо) представлена К. Каландадзе.

Работа О. Джапаридзе посвящена дольменам Северо-Западной Колхиды. В. Варазашвили рассмотрено поселение Саханлиле (Кахети) второй половины IV тыс. до н.э. Сосуды с рельефным орнаментом второй половины III тыс. до н.э. из долины Арагви публикуются М. Глonti. Автор связывает эти сосуды с культом изобилия.

Г. Нариманишвили исследует могильник Сапхар-Хараба (Триалети) XV–XIV вв. до н.э., в котором выявлены 115 богатых погребений.

Археологическая карта из 130 могильников энеолита, бронзового и раннего железного веков в Колхети представлена Н. Папуашвили и др.

С. Харабадзе публикует бронзовую фигурку сидящего человека с рогом в руке (вероятно, пьющего вино) VII–VI вв. до н.э. из с. Инашаури (близ Вани). Бронзовые серьги V–IV вв. до н.э. из некрополя Варсимаанткари (Душети) исследованы Н. Мухигулашвили. В статье Н. Дзнеладзе рассматриваются терракотовые статуэтки из Пичвнари и Цихисдзири, связанные с культом Деметры.

Т. Тодуа и М. Барамидзе публикуют терракотовый алтарь из с. Клде (Ахалцихе), датированный I–II вв. н.э. и связанный с культом Митры.

В большой работе Д. Кассаб Тезгор представлены раскопанные в Демиричи (Синоп) мастерские амфор второй половины II – VI в. н.э., производившие различные типы этих сосудов. Публикация Н. Мамаишвили и К. Джавахишвили представляет богатое погребение VI–VII вв. из с. Дархети (Гурджаани). В работе И. Бердзенишвили рассмотрены четыре антропоидных саркофага VI в. из Абхазии. Археологическая карта средневековой Сванетии, на которую нанесено 242 памятника, представлена Ш. Чартолани.

Блок статей в журнале объединяет естественно-научные исследования. Работа Т. Кинцурашвили посвящена результатам радиоструктурных исследований керамики эпохи поздней бронзы из Мсхети. К. Ломоури публикует итоги палеоантропологического исследования могильника Ахалцихе-Шорати III–II вв. до н.э. Коллективом авторов (Р. Гамбашидзе и др.) проведены геофизические исследования в низовьях бассейна р. Арагви. Н. Попорадзе и др. проведены минералогическое и петрографическое исследования глиняной посуды из Вани.

Во всех выпусках “Дзиебани” публикуются историографические обзоры, материалы по истории археологии, персоналии, дискуссии, рецензии, хроника научной жизни, некрологи и списки работ умерших исследователей. В частности, присутствует информация о последних археологических открытиях в Грузии.

Выпуски “Дзиебани” дают широкую панораму ранней истории и археологии Грузии и Закавказья в целом.

Иберия-Колхида. Археологические исследования античного периода в Грузии. № 1 / Ред.-сост. Г. Гамкрелидзе. Тбилиси, 2003. 198 с. (Дзиебани, Supplement IX) (на груз. яз.).

№ 2. К 75-летию Отара Лордкипанидзе / Ред.-сост. Г. Гамкрелидзе. Тбилиси, 2005. 206 с. (Дзиебани, Supplement XIV) (на груз. яз.).

Первый номер журнала предваряется информацией об отделе классической археологии Центра археологических исследований АН Грузии, основанном в 1959 г.: его истории, структуре и научной деятельности.

Ряд работ связан с раскопками города Вани. Статья Д. Ахвеледiani посвящена исследованию баллист, располагавшихся на крепостных стенах эллинистического времени. Части золотого головного украшения из храма в Вани II в. до н.э. публикуются Н. Матиашвили. М. Пирцхалава представлена группа сакрального инвентаря, происходящая с городской территории Вани. Керамические изделия связаны с культовым комплексом II–I вв. до н.э.

В публикации Дж. Гветадзе представлены материалы новых раскопок поселения Кавчисхеви (близ Цихизагора) VI–IV вв. до н.э. Работа Г. Гвинчидзе посвящена погребениям IV в. до н.э. – VI в. н.э. с поселений бассейна р. Техури.

К.Р. Рамишвили рассматривается образ волка или волкодава, изображенного на предметах IV–III вв. до н.э., происходящих из долины Арагви. Отмечается, что эти образы связаны с древними верованиями, в частности, в бога-покровителя охоты.

Г. Кипиани исследует сельскохозяйственную хору Мцхета. Рассматривается планировка башенного строения I–II вв. н.э., открытого к северо-западу от Мцхета. Исследование Л. Дзидзигури посвящено железным пахотным орудиям I в. до н.э. – I в. н.э., обнаруженным на территории Иберии.

В статье Р. Путиридзе рассмотрено происхождение и изготовление колхидских амфор IV–I вв. до н.э. В статье Т. Тодуа исследуются погребения в 65 амфорах III–IV вв. н.э. из раскопок Бичвинта (Питиунт). Публикация М. Сагинашвили посвящена стеклянной посуде I в. н.э. из Мцхета.

В исследовании Е. Гиголашвили представлены четыре бронзовые цедилки из Западной Грузии. Три из них имеют этрусское происхождение и датируются V в. до н.э., одна цедилка из Вани – греческая, первой половины IV в. до н.э. Фибулы арочной формы V–IV вв. до н.э., обнаруженные в с. Казбеги, анализирует Н. Сулава. В статье А. Чкония представлена золотая сережка I в. до н.э. с подвеской в виде Эрота из окрестностей Дзегви (Мцхета). К.И. Рамишвили рассматривает металлический перстень-печатку с портретом сасанидского чиновника IV в., происходящий из Сатрихала (Сагареджо).

В. Шатберашвили рассматривает инвентарь погребений с оружием IV–III вв. до н.э. из раскопок в Квемо-Картли. Богатое погребение воина конца IV – начала III в. до н.э. из Жинвали (Душети) опубликовано В. Чихладзе. Т. Чанишвили публикует погребение с бронзовым щитом IV в. до н.э. из Камарахеви (Цисамури). С. Харабадзе исследует материалы воинского погребения I–II вв. н.э. из Зедгора (Вани). Погребение римского legionera из Бичвинта III в. публикуется Н. Кигхурадзе.

Г. Дундуа исследованы колхидские тетрадрахмы (“колхидки”) конца VI – IV в. до н.э. Автор расширяет эмиссию монет до III в. до н.э. Также рассмотрены вопросы иконографии колхидок. Предполагаемое место их чеканки – Фасис. В работе И. Цухишвили картографируются места находок медных монет Восточной Римской империи IV–V вв. на территории Грузии.

В работе Г. Гамкрелидзе основное внимание уделено проблеме расположения города Фасис, который греко-латинские источники локализуют в устье р. Риони.

В завершении журнала приведен библиографический обзор литературы по археологии Иберии-Колхиды за 1990–2002 гг., изданной сотрудниками Отдела классической археологии.

Журнал № 2 приурочен к 75-летию О. Лордкипанидзе. Номер открывается работой М. Пирцхалава, в которой представлена типология железных наконечников копий VI–III вв. до н.э. В работе Т. Чанишвили рассмотрены типология и хронология миниатюрных колокольчиков VIII–I вв. до н.э. из Восточной Грузии. Первоначально колокольчики использовались в лошадиной упряжи, однако затем применялись в культовых и ритуальных действиях. Богатые погребальные комплексы III в. до н.э. из Кведа Цихесолури (близ Вани) – предмет исследования С. Харабадзе.

К. Рамишвили рассматривает бронзовые украшения в виде фигурок птиц II в. до н.э. из Арагвской долины. Семантические изображения птиц связаны с культом Солнца. Гравированный серебряный сосуд первой половины V в. до н.э., происходящий из богатой могилы в Саирхе, представлен в исследовании Е. Гиголашвили. Статья В. Личели посвящена поселению V в. до н.э. – I в. н.э. Месхети. В работе Л. Дзидзигури анализируется функциональное назначение плоского топора из некропо-

ля Нацаргора V–III вв. до н.э. Высказывается предположение, что топор использовался в качестве мотыги и тесла. Т. Тодуа публикует железные инструменты (пилу и лопаты) I в. н.э. из раскопок Дедоплис Гора.

В исследовании Н. Кигхурадзе представлен анализ 114 погребений некрополя Бичвинта II–IV вв. н.э. Погребения принадлежали римским legioneram-ветеранам и членам их семей. В работе В. Николаишвили представлена историческая топография столицы Иберии древнего Мцхета. Импортные штампованные четырехгранные стеклянные сосуды римского времени из Мцхета изучаются М. Сагинашвили.

З. Брагвадзе исследованы погребения II–IV вв. н.э. в долине Квира. Погребальный обряд и инвентарь позволяют относить погребения к языческо-христианским. Статья Н. Матишвили представляет жертвенные алтари из храма II–I вв. до н.э., открытого на нижней террасе Вани. Алтари связаны с культом Кибелы. Бронзовая статуэтка из Вани, связанная с культом Диониса, опубликована Г. Квирквелия.

Стеклянные медальоны и бусы, обнаруженные в могильнике Жинвали, рассмотрены В. Чихладзе. Предметы датируются III–IV вв. н.э. и произведены в Иберии. Янтарные бусы из погребений в Мцхета изучены Д. Лекишвили. В статье Д. Ахведиани на примере Пичвнари, Фасиса и Диоскурии рассматривает керамический и нумизматический импорт из Средиземноморья и Южного Причерноморья в Колхиду в V–II вв. до н.э. Обзор монетного обращения Иберии в I–IV вв. н.э. предпринят Г. Дундуа.

Г. Гамкрелидзе посвятил статью истории навигации в античный период в восточночерноморском бассейне. Отмечается, что благодаря морю и выгодным гидрографическим условиям колхидской низменности, водный транспорт играл ведущее место в развитии Колхиды. Проблемы экспорта золота в Колхиду поднимает А. Чкония.

Исследование Н. Мирианшвили посвящено городищу Дзалиса (близ Мцхета). Памятник датирован I–VII вв., являлся резиденцией спаспета (военачальника) Картлийского царства, а в период двоевластия – одной из столиц. Работа М. Чаркваiani посвящена исследованиям Е. Такайшвили памятников классического периода на территории Грузии в XIX в.

Журнал завершается рецензией Г. Дундуа на монографию Г. Гамкрелидзе “Колхида (культурно-исторический очерк)”. Тбилиси, 2002.

Проблемы археологии бронзы – железного века на Кавказе. К 75-летию Ростова Абрамишвили / Ред.-сост. Б. Майсурадзе, Н. Ахведиани. Тбилиси, 2003. 112 с. (Дзиебани, Supplement X) (на груз. и англ. яз.).

Сборник открывается вступительной статьей Д. Мухелишвили, в которой представлены основные научные вехи творческого пути юбиляра.

Работа самого Р. Абрамишвили посвящена вопросам датировки предметов из могильника Самтавро позднего бронзового века – начала массового применения железа. Автором выделены следующие хронологические периоды: 1. XIII–XII вв. до н.э.; 2. XI–X вв. до н.э.; 3. IX – начало VIII в. до н.э.; 4. VIII – первая половина VII в. до н.э.; 5. Первая половина VII – VI в. до н.э. К работе прилагается хронологическая таблица предметов из погребений Самтавро и других пунктов Восточной Грузии.

Достаточно представительный блок сборника посвящен проблемам изучения куро-аракской культуры. Так, Е. Гогодзе, рассматривая вопросы контактов и процесса взаимосвязей доисторических культур Грузии, отмечает, что территория Квемо-Картли со смежными областями была одной из обла-

стей формирования куро-аракской культуры. В статье Г. Пхакадзе предложена периодизация культуры на примере стратиграфии поселения Аргвети в Западной Грузии. Г. Гогохури и М. Глонти исследуют могильник Цихетгори в горном Хевсурети. М. Джалабадзе рассмотрен один из видов глиняной посуды, встречающейся только на поселении Бериклдееби (Шида-Картли). Находки этих сосудов в так называемых ритуальных комплексах позволяют связывать их с культом изобилия.

Еще в одной группе работ рассматриваются различные аспекты изучения триалетской культуры. В статье М. Абрамишвили высказывается возможность отнесения верхнего хронологического рубежа культуры (II фаза) к середине XIX в. до н.э. В своем исследовании М. Путуридзе на примере развития культур среднего бронзового века Южной Грузии высказала мнение, что триалетская культура имеет яркие отличия от кармирбердской, севано-узерликской, кызилванкской культур. При этом и перечисленные культуры имеют между собою гораздо больше различий, чем сходства.

Ряд исследований касается изучения позднего бронзового века. Работа Н. Ахвледiani посвящена инвентарю из погр. 28 могильника Трели (Самтавро). По аналогии вещам из могильника Нареквави инвентарь (керамика, оружие) отнесен к XIV–XII вв. до н.э. И. Султанишвили публикует погребения с лошадьми и колесницами из Цителгори (Лагодехи) XIII в. до н.э. Н. Гомелаури анализирует бронзовую пластическую скульптуру (олени, бараны) XII–VI вв. до н.э. и ее распространение в культурах Восточной Грузии. А. Рамишвили исследует погр. 223 из Нацаргора (Хашури), содержавшее разнообразный погребальный инвентарь. Погребение датируется XI в. до н.э. В статье Л. Цитланадзе рассматриваются предметы, относимые к культуре Самтавро, обнаруженные в с. Хикаани (Душети).

Работа Б. Майсурадзе и Г. Инанишвили посвящена результатам химико-технологического анализа металлического инвентаря из Шилда (Кахети).

В заключительной статье М. Пирцхалава освещены проблемы археологии скифской культуры в трудах Р. Абрамишвили.

Цкитишвили Г. Храмовый комплекс Цихиагора. Тбилиси, 2003. 152 с. (Дзиебани, Supplement XI) (на груз. яз.).

В монографии рассмотрен храмовый комплекс конца IV – III в. до н.э. на многослойном памятнике Цихиагора в Шида-Картли (правобережье р. Кура, западнее Тбилиси). Памятник представляет собой холм высотой до 12 м, а мощность культурного слоя достигает 6 м. Общая датировка культурного слоя – III в. до н.э. – эллинистическая эпоха. В верхнем слое мощностью до 4 м и был выявлен храмовый комплекс, в который входили храм, зернохранилище, марани (винохранилище), мукомольня, другие хозяйственные и жилые постройки. Весь комплекс окружен крепостной стеной с башнями, фундаменты двух из которых были открыты. Стены возведены из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте. Сам храм был двухэтажным. Первый этаж возведен из камня, сухой кладкой с применением деревянных конструкций, второй – из сырцовых кирпичей. Храм перекрыт черепицей. Во внутреннем дворе стоял алтарь огня, сложенный из камней. В слое обнаружено большое количество керамики. Вокруг памятника на площади 7 га расположены синхронное поселение и несколько частично изученных могильников.

Междисциплинарные исследования / Ред.-сост. В. Джанпаридзе. Тбилиси, 2004. 132 с. (Дзиебани, Supplement XII) (на груз. яз.).

Издание содержит главным образом материалы применения естественно-научных методов в археологии. Сборник открывают статьи, в которых идет речь об определении эффективности ранней сельскохозяйственной экономики методом изучения каменной индустрии (К. Эсакия), а также изучение каменных орудий стоянки Ай-Илия при помощи технико-морфологических методов (К. Эсакия, М. Маргвелашвили).

Результаты палинологических и палеокарпологических исследований отложений из могильного холма памятника Ткемлара (регион Цители-Цкаро) публикуются Е. Квавадзе и др. Отмечается, что климат в период второго пика голоцена в Грузии был намного более теплым и влажным, чем в настоящее время.

Группой междисциплинарного отдела Археологического исследовательского центра под руководством Г. Инанишвили проведены исследования железных изделий из археологических памятников: предложена терминология для оценки металла и интерпретации технологической схемы производства, а также рассмотрены сами технологические процессы получения, структуры и некоторых свойств железных предметов древней Грузии.

Еще одной группой исследователей (М. Гетсадзе и др.) изучены бронзовые скульптуры эллинистического Вани. На основе анализа технологического процесса изготовления скульптур показано их местное происхождение. Во второй работе продемонстрирован метод сохранения и восстановления железных предметов из раскопок Вани. В следующей статье рассматривается опыт консервации серебряных монет с учетом сохранности объекта и химического состава материала.

Проблемы происхождения скифских мечей в Закавказье рассматриваются Г. Инанишвили и др. Отмечается, что в течение VII–VI вв. до н.э. на фоне типичных форм местного оружия из стали высокого качества скифские мечи – нетипичное оружие. Материальной и технологической основой их создания служат образцы скифского металлического производства архаического периода.

В большой статье Г. Инанишвили рассматриваются различные аспекты производства железа на территории Грузии в XII–I вв. до н.э. Выделены стадии развития железа: 1. Ранний период производства (XII–XI вв. до н.э.); 2. Второй период (X–VIII вв. до н.э.); 3. Период широкого распространения культуры железа (VII–VI вв. до н.э.); 4. Период универсального распространения культуры железа (V–I вв. до н.э.).

Завершается сборник результатами исследования при помощи археомагнитного метода напряженности геомагнитного поля городищ Грузии, изучаемых группой под руководством В. Джанпаридзе.

В целом можно констатировать, что достаточно плодотворные исследования, проводившиеся в Грузии, имеют широкий хронологический диапазон от раннего палеолита до Нового времени. Публикуются материалы как ранних, так и недавних раскопок. При этом археологическая периодика сгруппирована вокруг нескольких больших тем. В журнале “Дзиебани” предпочтению отдается эпохам от палеолита до раннего железного века; “Иберия-Колхида” в основе посвящена античной археологии. Ряд изданий нацелен на обмен научной информацией между различными научными центрами. Есть и издания междисциплинарной направленности. Обязательно присутствуют монографические исследования, затрагивающие большое количество проблемных тем в археологии.

О ВЫСТАВКЕ “ИСКУССТВО ЛЕДНИКОВОЙ ЭПОХИ: ПОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЫШЛЕНИЯ” В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

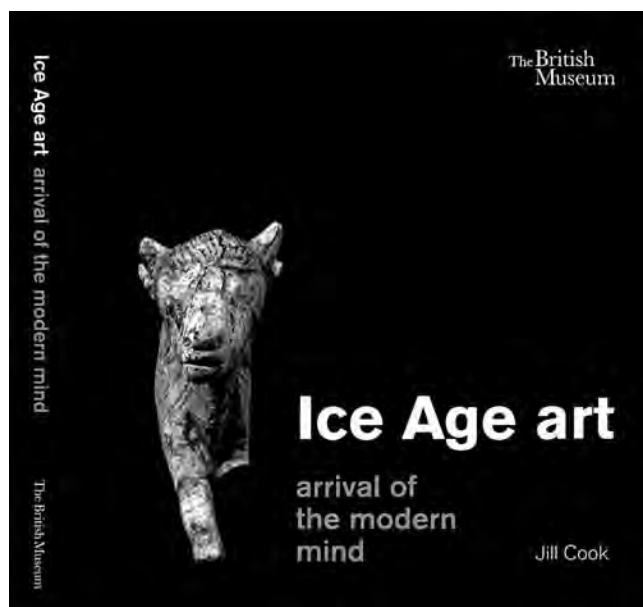
В 2013 г. в Британском музее с огромным успехом прошла выставка “Искусство ледниковой эпохи: появление современного мышления”.

Куратором выставки, Джил Кук, были объединены палеолитические объекты мелкой пластики, относящиеся к временному интервалу от 40 до 10 тыс. л.н., и произведения современного искусства из различных музейных собраний Англии, Германии, Франции, Австрии, России и др. Палеолитические Венеры на выставке соперничали с кустодиевскими пышнотелыми красавицами, а голова лошади с фронтона Парфенона сочно оттеняла изображения лошадей из пещеры Истюриц. Хорошо известно, что работы Пабло Пикассо 1930-х годов, некоторые из которых были представлены на выставке, были инспирированы впечатлениями от Венеры из Леспюг, возраст которой – 23 тыс. лет.

Авторский каталог заслуживает особого анализа, выходящего за рамки информационной заметки, однако следует подчеркнуть, что сквозная идея выставки, приемы экспонирования материала и аналитическая часть каталога ориентированы на то, чтобы понятными средствами донести достоверные данные по древней изобразительной деятельности (Cook, 2013). Название сразу позиционирует концепцию проекта: создатели представленных на выставке древних произведений искусства в своих познавательных и креативных способностях не уступали ее посетителям.

Весьма удачно использование мобильных устройств в экспозиционном показе: они выдаются каждому посетителю и позволяют не только прослушать разнообразные сведения и комментарии, но и гарантируют индивидуальность и камерность осмотра. Наиболее существенное преимущество заключается в том, что на экране мультимедиагида можно рассмотреть не только целиком изображения, но и их фрагменты со значительным увеличением, что недостижимо при помощи других традиционных способов экспонирования. Каждый зритель на своем устройстве может разглядеть представленные вещи в мельчайших, неразличимых невооруженным глазом деталях.

Выставка продемонстрировала преимущества масштабной реконструкции, предпринятой в 2000-х годах в Британском музее. Лестницы вели в расположенное в центре огромного зала неброское сооружение, в котором скрывались замысловатые выгородки, удачно разработанные для непростого в музейном показе материала. Небольшие неярко освещенные залы, плавные переходы из одного пространства в другое создавали благоприятную атмосферу для восприятия шедевров первобытного искусства. Эти экспозиционные приемы позволили приблизиться к созданию эффекта таинственности, которым окутаны пещерные памятники. Своего рода приглашением в экспозицию, преддверием знакомства с ней послужила модель пары бизонов из Тюк д’Одубер. Благодаря прекрасному воспроизведению глиняного макета в пещере складывается полноценное зрительное представление о необычном произведении палеолитической пластики, выявление которого дало столь мощную

подпитку для понимания назначения произведений первобытной изобразительной деятельности – около двух сотен отпечатков стоп стали осязаемым документированным свидетельством растворившегося в тысячелетиях танца, исполненного пятью или шестью участниками в 20 м от глиняной скульптуры.

Показ в музеях моделей пещерного искусства имеет весьма значительную историю и немалые достижения. Сегодня расписной плафон Альтамиры, создававшийся для Германского музея науки в Мюнхене и бывший долгое время гордостью этого значительного собрания, не производит столь мощного впечатления, как посещение пещеры-дублера Альтамиры-2, где, по современным технологиям, но с использованием палеолитических рецептов пигментов, воспроизведена одна из наиболее известных композиций в истории искусства (Дэвлет, 2004).

Авторы выставки в Британском музее не ставили задачи экспонировать именно пещерное искусство, но задействовали удачные реминисценции, напомним о том, что помимо разнообразно представленной мелкой пластики были освоены и другие формы, материалы и измерения. Перемещаясь внутри экспозиционного пространства и приближаясь к сумеречному коридору, посетитель слышит стук капель, чувствует, что его окутывают холодные потоки воздуха, вырывающиеся из темного небытия, и, заинтригованный, попадает в небольшое помещение, где показ видеоматериала позволяет совершить путешествие во временном интервале от 14 до 34 тыс. лет по памятникам пещерного палеолитического искусства – Шове, Пеш Мерль, Нио (Франция), Эль Кастильо (Испания). Этот

прием позволил наглядно, без излишней дидактичности, продемонстрировать отношение древних художников к поверхностям, на которых они творили – от грандиозных освоенных панелей со множеством изображений до укрытых в нишах крохотных одиночных фигур.

Звуки, сопровождавшие человека палеолита, – еще один ключевой прием реконструкции прошлого. На выставке представлены музыкальные инструменты, выявленные по материалам музейных собраний. Их возвращение из небытия произошло благодаря тщательной работе с археологическими коллекциями памятников юго-западной Германии: множество фрагментов были сложены вместе и воплотились в флейты. Моделирование древних инструментов, выполненных с применением разнообразнейших технических приемов, из костей лебедя, грифа и из бивня мамонта, позволило услышать удивительные звуки (Conard, 2011).

Звуковой ряд, который, по-видимому, сопровождал каждодневную действительность реконструируемого прошлого, записан в ходе археологического эксперимента по выполнению статуэток из бивня и других материалов, и также звучит в залах. Эксперименты, представленные на небольших экранах в экспозиции и подробно описанные в каталоге, дали важные результаты относительно возможных временных затрат на создание скульптуры и применявшихся технологических приемов (Cook, 2013). Однако раздел не проиграл бы от включения в него данных российских исследований в этой области (Хлопачев, 1998; Хлопачев, Гиля, 2010). Другое бесспорное преимущество целесообразного функционального использования экранов демонстрирует пластина из Тойфельсбрюке (Тюрингия, Германия). С двух ее сторон расположены изображения, возраст которых может составлять около 16 тыс. лет. Они столь хаотичны, что разбор палимпсеста на составляющие фигуративные элементы представляется непростой задачей даже для специалиста. Использование экрана дает существенное преимущество – знаменитый объект можно видеть одновременно с обеих сторон, а возникающее тонирование позволяет проследить детали и обозначить составляющие фигуры, помогая понять, что же изображено.

На выставке немало германских материалов, включенных в научный оборот в последние годы, а также тех, сведения о которых существенно дополнены. Редкое исключение в пользу экспонирования в столь авторитетном музее реплик, а не оригиналов предметов было сделано неслучайно и продиктовано вовсе не намерением воспроизвести в музее объекты монументального искусства. Причиной послужили выдающиеся открытия, сделанные в последние годы не только в ходе полевых работ, но и при внимательном изучении музейных коллекций. Для знаменитого скульптурного изображения человека-льва из Холенштейн-Штадель (около 40 тыс. лет) после 1989 г. удалось еще раз дополнить недостающие фрагменты со спины фигуры. В целом материалы из юго-западной Германии заняли свою достойную нишу в истории первобытного искусства.

Выставка в Британском музее снискала заслуженный успех бизону из Зарайска, изображение которого попало на обложку каталога, постер выставки и стало своего рода “лицом” звериных образов первобытного искусства. По отзывам прессы этот шедевр древней изобразительной деятельности, обнаруженный экспедицией Института археологии РАН в 2001 г., оказался самым любимым экспонатом посетителей выставки (Амирханов, Лев, 2003; 2009, а, б) и по праву получил высокую оценку

научного сообщества (Амирханов, Лев, 2008; 2009; Bahn, 2012). Хочется надеяться, что коллекция образцов древней мелкой пластики будет неуклонно пополняться, в том числе благодаря новым полевым исследованиям Института археологии РАН (Гаврилов, 2011; Gavrilov, 2012).

Прекрасный подбор первоклассных экспонатов, тонкая подача материала и научных аннотаций, умение связать древнее искусство с современными экспозиционными стандартами и общественными устремлениями снискали выставке в Британском музее заслуженный успех, ее увидело более 100 тыс. человек и она была продлена из-за огромного наплыва посетителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения // РА. 2003. № 1.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А // Исследования палеолита в Зарайске. 2000–2005 гг. М., 2009а.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Скульптурка бизона из Зарайской стоянки // Зверь и человек. Древнее Изобразительное творчество Евразии. СПб, 2009 (Тр. ГЭ; Вып. XLIV).
- Гаврилов К.Н. Новые произведения искусства малых форм из раскопок стоянки Хотылево 2 (пункт В) // КСИА. 2011. Вып. 225.
- Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М., 2004.
- Хлопачев Г.А. Два подхода к построению фигуры женских статуэток на восточно-граветийских стоянках Русской равнины // Восточный гравет / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М., 1998.
- Хлопачев Г.А., Гиля Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб, 2010.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю. New finds of art objects from the site of Zaraysk (Russia) // Antiquity. 2008. V. 82.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Une statuette de bison découverte dans le site de Zaraysk // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 2009. № 3.
- Bahn P.G. New developments in Pleistocene art, 2005–2009 // Rock Art Studies: News of the World IV / Eds P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker. Oxford, 2012.
- Conard N. World Heritage and the evolution of modern human behavior // Human Evolution: Adaptation, Dispersals and Social Developments (HEADS). 2011 (World Heritage papers. UNESCO; V. 29).
- Cook J. The Ice Age Art: arrival of the modern mind. L., 2013.
- Gavrilov K.N. New female figurines from the site Khotylevo 2 // L'art pléistocène dans le monde / Pleistocene art of the world / Arte pleistoceno en el mundo: Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010. № spécial de Préhistoire, Art et Sociétés. Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées, T. LXV–LXVI, 2010–2011, L., 2012.

Институт археологии РАН, Москва

Е.Г. Дэвлет

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧЕСТЬ 80-ЛЕТИЯ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ “ДРЕВНЕЕ СВАТИЛИЩЕ УСТЬ-ПОЛУЙ”.

Салехард, 28–30 ноября 2012 г.

В г. Салехард (Ямало-Ненецкий автономный округ), на базе сектора археологии Научного центра изучения Арктики, 28–30 ноября 2012 г. прошла конференция, посвященная 80-летию открытия уникального памятника археологии, вошедшего в литературу в середине 1930-х годов XX в. под именем “городище Усть-Полуй”. Памятник был открыт в 1932 г. и впервые раскапывался ленинградским археологом В.С. Адриановым, репрессированным по делу С.М. Кирова в 1936 г. Публикации В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской коллекций этого памятника, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого “Кунсткамера” РАН (МАЭ РАН), общеизвестны и востребованы уже более 60 лет. Раскопки на Усть-Полуе были возобновлены в 1990-е годы XX в. Ямальской археологической экспедицией и ведутся до сих пор.

В работе конференции приняли участие более 60 исследователей из разных центров Санкт-Петербурга, Москвы, Сыктывкара, Ижевска, Перми, Уфы, Екатеринбурга, Тюмени, Томска, Новосибирска, Кемерово, Новокузнецка, Ханты-Мансийска, Салехарда, а также Финляндии (Хельсинки), Германии (Геттинген) и Венгрии (Будапешт, Сегед). Конференция проходила в здании Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, где вниманию участников, кроме стационарных экспозиций по палеонтологии, археологии и этнографии западносибирской Арктики и Субарктики, была предложена специальная выставка, посвященная берестяным изделиям (I в. до н.э. – XIX в. н.э.). В эти же дни в выставочном зале музея работала межрегиональная выставка косторезного искусства “Душа Севера”, на которой экспонировались работы мастеров от Чукотки до Архангельска. Выставка пользовалась большим и заслуженным успехом участников конференции.

Работа конференции началась с показа фильма “Усть-Полуй”, созданного студией “Этнографическое бюро” (режиссер – Иван Головнев, оператор – Дмитрий Ходаковский, сценарий – Наталья Федорова и Андрей Головнев, продюсер – Андрей Головнев). В ходе жаркого обсуждения фильма участники конференции единодушно признали его высокий уровень, несомненный интерес, который он представляет как для академической, так и для самой широкой аудитории, что бывает достаточно редко. После этого состоялись два пленарных заседания, на первом из которых выступили Я.А. Шер (Москва) с докладом “О состоянии современного археологического образования в России”, В.А. Иванов (Уфа) с докладом “Понятие этнокультурный ареал (ЭКА) как инструментальный для адекватной оценки этнокультурных процессов в древности и средневековье”, И. Фодор (Будапешт, Венгрия) с докладом “Венгерские исследователи об археологии Западной Сибири”. Наибольший отклик вызвали грустные размышления Я.А. Шера об исчезновении в наших ВУЗах такой специальности, как археология, и о повсеместном сокращении полевой археологической практики.

Второе пленарное заседание, посвященное результатам исследований древнего святилища Усть-Полуй, предварялось докладом А.В. Головнева (Екатеринбург) “Усть-Полуй: реконструкция от антропологии движения”, в котором был предложен новый подход к пониманию древностей рубежа эр на своеобразном геополитическом перекрестке. Далее была сделана серия докладов историка А.Б. Мазурина (Салехард), археологов А.В. Плеханова, А.В. Гусева, Н.В. Федоро-

вой, Ал.В. Гусева (Салехард); А.П. Бородавского (Новосибирск), Ю.В. Ширина (Новокузнецк), Е.М. Данченко (Омск), Ю.П. Чемякина (Екатеринбург), Н.А. Алексащенко и Н.Н. Скакун (Санкт-Петербург), палеозоологов и палеоклиматологов П.А. Косинцева, О.П. Бачура, Р.М. Хантемирова (Екатеринбург), антропологов Д.И. Ражева, А.Н. Багашева (Тюмень), в которых авторы излагали результаты изучения Усть-Полуя, его планиграфии и стратиграфии за все время проведения раскопок, косторезного и бронзолитейного производств на территории святилища, палеозоологических и экспериментально-трассологических исследований. Д.И. Ражев и А.Н. Багашев рассказали о результатах комплексного исследования антропологических остатков, обнаруженных на святилище, и предложили вариант графической реконструкции женщины, захороненной здесь. Р.М. Хантемиров доложил о результатах работ по дендрохронологическому и радиоуглеродному датированию древесины из культурного слоя памятника. Е.М. Данченко подвел итог, прочитав доклад “Усть-Полуй в системе древностей Западной Сибири”.

Дальнейшая работа конференции проходила по отдельным секциям, о чем и организаторы, и участники очень сожалели, так как одновременно слушать два доклада (даже в одном здании) ни у кого не получилось. Работали секции “Древние святилища севера Евразии”, “Древнее и средневековое искусство Севера Евразии”, “Формирование хозяйственных адаптаций по материалам изучения памятников археологии в арктической и субарктической зонах Евразии”, “Археология в музее, проблемы музеефикации и инвентаризации памятников археологии. Реставрация органических материалов”.

На секции “Древние святилища севера Евразии” было сделано 15 докладов. Три были посвящены феномену древних святилищ Зауралья – О.Н. Корочковой и В.И. Стефанова (Екатеринбург), Ю.Б. Серикова (Нижний Тагил), В.Д. Викторовой (Екатеринбург). Е.А. Окладникова (Санкт-Петербург) прочитала доклад “Древние святилища Кольского полуострова”. Н.М. Чаиркина (Екатеринбург) посвятила свое выступление комплексу деревянных сооружений и культовой атрибутике шестого разреза Горбуновского торфяника, а Е.М. Черных (Ижевск) – сакральной топографии ананьинских поселений (на примере Зуевключевского городища). В.А. Семенов, А.М. Мурыгин, А.Л. Багин (Коми НЦ и Университет) представили результаты своих исследований древних и средневековых святилищ Северо-Востока Европы. К. Карпелан и П. Уйно (Хельсинки, Финляндия) выступили с презентацией “Археология средневековой саамской культуры в финской Лапландии: поселения и святилища”. Й. Шнеевайс (Геттинген, Германия) рассказал о магических действиях древних германцев. К. Ласло (Будапешт, Венгрия) представил доклад на тему “Жертвенники и жертвенные обряды у финно-угорских и самодийских народов (исторические источники)”. А.В. Плеханов (Салехард) поделился своими впечатлениями о современных ненецких святилищах Северного Ямала.

Секция “Древнее и средневековое искусство северной Евразии” работала в диапазоне от палеолита (доклад В.В. Питулько (Санкт-Петербург), подготовленный по результатам исследований Янской стоянки) до средневековья (доклады А.М. Белавина (Пермь) “Антропоморфные фигуры северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум” и Н.Б. Крыласовой

(Пермь) “Урало-сибирские зооморфные навершия рукояток плетей”). Серия докладов была посвящена зооантропоморфной бронзовой пластике Урала и Западной Сибири: *А.Ф. Мельничука* (Пермь), *Е.Н. Дувакина* (Москва), *С.Н. Паниной* и *Ю.П. Чемякина* (Екатеринбург), *Т.Ю. Туркиной* (Сыктывкар). *А. Тюрк* (Сегед, Венгрия) и *Б.А. Раев* (Краснодар) исследовали торевтику эпохи раннего средневековья. *И.В. Калинина* (Санкт-Петербург) поделилась с коллегами итогами изучения соотношения образов медведя и лося в древнем искусстве. Новый, крайне интересный материал, представила *О.С. Тупахина* (Салехард), рассказав о глиняной пластике энеолитического поселения Горный Сомотнел 1.

Секция “Формирование хозяйственных адаптаций по материалам изучения памятников археологии в арктической и субарктической зонах Евразии” не была такой насыщенной докладами, как предыдущие, но зато доклады отличались “длинной” хронологией – от мезолита до раннего средневековья. Работа секции началась с доклада *Г.Н. Параниной* (Санкт-Петербург), представившей древние каменные сооружения Северной Евразии (лабиринты и гномоны) как солярные календари, часы и компасы в системе полярной навигации. Доклады *М.Г. Жилина* (Москва), *А.В. Волокитина* и *В.Н. Карманова* (Сыктывкар) были посвящены проблемам адаптаций к меняющимся условиям окружающей среды и трасологическому изучению костяных наконечников стрел в эпоху камня. *Л.Л. Косинская* (Екатеринбург) проанализировала хозяйственные системы древнего населения бассейна р. Пяку-Пура (Пуровский р-он ЯНАО). *А.Н. Саранулов* (Пермь) продемонстрировал средневековые детали костяной упряжи из Пермского Предуралья.

О.В. Кардаш и *М.А. Усолкина* (Нефтеюганск) рассказали об исследованиях памятников усть-полуйского времени в районе г. Салехард и в устье р. Сось. *А.Л. Белицкая* (Сыктывкар) доложила об исследованиях раннесредневекового комплекса на Ибском городище в бассейне р. Сысола.

Наконец, последняя секция с длинным названием “Археология в музее, проблемы музеефикации и инвентаризации памятников археологии. Реставрация органических материалов” собственно, была посвящена различным аспектам проблемы сохранения и актуализации археологического наследия. Доклады *Т.И. Щербаковой* (Санкт-Петербург), *А.И. Бобровой* и *Л.А. Тимофеевой* (Томск) представили макет жертвенного места и выставки отдельных коллекций в системе музейного пространства. *Е.Г. Дэвлет* и *Е.А. Миклашевич* поделились опытом популяризации наскального искусства на примере петроглифов на р. Пегтымель (Чукотка), *И.С. Гребенюк* (Екатеринбург) представила результаты своей работы по консервации в полевых условиях артефактов из органических материалов, *О.В. Зайцева* и ее коллеги говорили об инвентаризации объектов культурного наследия в Ямальском районе ЯНАО и о новых возможностях исследования тундровых памятников.

Все представленные доклады соответствовали заявленной тематике. В результате работы конференции была принята резолюция, одобренная ее участниками. После завершения конференции ее организаторы получили много откликов от участников, содержащих высокую оценку прошедшего мероприятия.

Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа “Научный центр изучения Арктики”, Салехард

Н.В. Федорова

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

5–8 сентября 2012 г. в г. Барнаул прошел II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей, организованный Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Алтайским государственным университетом (АлтГУ), Казанским (Приволжским) федеральным университетом (К(П)ФУ). В работе конгресса приняли участие около 100 специалистов из разных научных центров России, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Молдовы, Монголии, Китая, Польши, Румынии, Украины, Франции и Японии. Участников форума приветствовали Государственный Советник РТ М.Ш. Шаймиев, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.С. Хакимов, ректор АлтГУ С.В. Землюков, директор Института истории К(П)ФУ Р.Р. Хайрутдинов, отметившие научную значимость события для изучения прошлой степной Евразии и связанных с ней регионов.

К началу Конгресса был издан сборник научных трудов “История и культура средневековых народов степной Евразии” (Барнаул, 2012. 248 с.). В статьях, отражающих основное содержание докладов, были продемонстрированы результаты современных исследований в области археологии, истории и антропологии средневековых народов степной Евразии. В галерее “Universum” сотрудниками Музея археологии и этнографии АлтГУ была подготовлена выставка “Алтай средневековый”,

собранная из материалов новых раскопок, иллюстрирующих богатейшую культуру населения Алтая эпохи средневековья. Выделялись яркие вещевые комплексы, связанные с периодом формирования ранних тюрок.

Обсуждаемые на конгрессе доклады были объединены стержневой темой – методологические и методические аспекты изучения степных цивилизаций и кочевых империй. Так, в докладе *Н.Н. Крадина* (Владивосток) были рассмотрены вопросы развития древних и средневековых кочевых империй Центральной Азии в связи с экологическими изменениями и роли культурных контактов с окружающим их земледельческим миром. Проблематика взаимодействия кочевого и оседлого мира была также обозначена в докладе *С.А. Васютина* (Кемерово). В развитие этой темы им же в отдельном выступлении был рассмотрен вопрос о социально-политической трансформации и урбанизации кочевых империй. На широком историческом материале и данных археологических исследований докладчик представил концепцию влияния спадов и подъемов китайской цивилизации на политическое развитие кочевого мира Центральной Азии периода раннего средневековья. Динамика отношений Китая и Восточно-тюркского каганата на основе китайских и других нарративных и актовых материалов была продемонстрирована в докладе *Р.Т. Ганиева* (Екатеринбург).

Новые подходы в изучении происхождения и формирования традиций болгар Восточной Европы были изложены *Ф.Ш. Хузиным* (Казань). Он обратил внимание на своеобразие материальной культуры средневековых болгар Восточной Европы, сохранившееся на протяжении долгого времени, несмотря на территориальную удаленность их отдельных групп. *Б.Д. Борисов* (Велико Тырново, Болгария), на основе новых материалов, полученных при археологических исследованиях в Болгарии и на соседних территориях, представил обширный комплекс маркирующих находок, свидетельствующих о продвижении ранних болгар на территорию Болгарии. В своем докладе *И. Фодор* (Будапешт, Венгрия) показал степень влияния населения Евразийских степей, в частности, Хазарского каганата на сложение первого государства венгров в Восточной Европе, а также на Среднем Дунае. Опираясь на данные арабо-персидских источников и существующие методические разработки по истории развития степной Евразии, *Т.М. Калинина* (Москва) изложила свое понимание признаков кочевничества и оседлости в Хазарском каганате. О своеобразии возникновения и развития ранних средневековых городов Башкортостана рассказал *Н.А. Мажитов* (Уфа).

Чжан Цзяньлинь (Сиань, Китай) сделал анализ археологического материала по результатам исследований крепости Пор-Бажины в Туве. По его мнению, это сооружение было построено в период с середины VIII до середины IX в. в качестве дворца уйгурского кагана. Рассмотрение методов изучения новых объектов археологии на территории Китая было продолжено в выступлении *А.И. Соловьева*, *С.А. Комиссарова* и *Е.А. Соловьева* (Новосибирск), показавших на материалах полевых исследований изваяний Синьцзяна их региональную специфику и историко-культурный генезис.

Об истории развития археологической науки на Алтае и значительном вкладе ученых Алтайского университета в изучение памятников археологии эпохи средневековья Южной и Западной Сибири шла речь в докладе *Ю.Ф. Кирюшина* и *В.В. Горбунова* (Барнаул).

В серии выступлений были затронуты проблемы, посвященные особенностям степных социумов, нашедшие отражение в антропологии средневекового населения. Так, *И.Р. Газимзянов* и *С.С. Тур* (Казань; Барнаул) представили новые данные по палеоантропологии населения Тянь-Шаня, начиная от финала раннего железного века и заканчивая поздним средневековьем, указывающие на изменения в антропологическом облике населения и приведшие к увеличению доли монголоидных черт. Анализ антропологического материала также изложили *А.В. Прын* и *В.В. Маврич* (Луганск, Украина), показавшие своеобразие физического облика населения на основе краниологических исследований черепов из средневековых могильников VIII–IX вв. Среднего Подонцовья.

С.Э. Зубов и *П.В. Новаленко* (Самара) исследовали социальный аспект погребений с конем и конским снаряжением в памятниках праболгар Средней Волги конца VII – VIII в. Отмеченные комплексы, по мнению докладчиков, отражают процесс дифференциации войска и становления прослойки профессиональных конных воинов-дружинников.

Доклад *Н.Н. Серегина* (Барнаул) был посвящен вопросам интерпретации археологических материалов с применением методики моделирования социальной структуры населения Алтая-Саянской горной страны второй половины V – XI в. Близкие проблемы поднимались в докладе *Б. Тотева* (Добрич, Болгария), показавшего влияние Западного Тюркского каганата на элитарную культуру староболгарской аристократии. *Л.И. Шерстова* (Томск) рассказала о джунгарском этнокультурном наследии в Горном Алтае XVI–XX вв.

Несколько докладов было посвящено взаимодействию культур и взаимопроникновению традиций в предтюркское и тюркское время. *Н.А. Константинов* (Горно-Алтайск) показал многообразие материалов археологии для изучения охотничьей деятельности населения Горного Алтая в I тыс. н.э. *Тэцу Масумото* (Осака, Япония) всесторонне проанализировал типы китайских зеркал периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.), найденных на территории Сибири. С интересом были приняты доклады, посвященные вопросам этнокультурного взаимодействия в евразийских степях в эпоху средневековья. *С.Г. Боталов* (Челябинск), в частности, изложил свое видение процессов культурогенеза населения урало-казахстанских степей периода Западно-тюркского каганата и формирования болгарского, мадьярского и кипчакского средневековых этносов. Культурные традиции Дунайской Болгарии VII–X вв., связанные с тюркским наследием, были проанализированы *П.П. Георгиевым* (Шумен, Болгария). Докладчик подчеркнул значительное влияние на формирование этих традиций средневекового Ирана. Вопросы этнокультурных контактов тюрков Евразии и народов Волго-Камья в VIII–XIV вв. были рассмотрены в докладе *К.А. Руденко* (Казань). Новые материалы по археологии Среднего Поволжья эпохи Казанского ханства представил *А.Г. Ситдииков* (Казань). О результатах исследований левобережных памятников Нижнего Посурья периода Золотой Орды доложили *Н.Н. Грибов* и *Ф.А. Ахметгаллин* (Нижний Новгород; Казань). Интересные данные о своеобразии средневековых культур лесостепного Зауралья привела *Н.П. Матвеева* (Тюмень). Опираясь на анализ материальной культуры населения южно-таежного Притоболья, *И.Ю. Чукунова* (Тюмень) обратила внимание коллег на особую роль буферной зоны между культурными образованиями лесостепной и степной зон. Обзор музейных коллекций Беларуси, содержащих привозные изделия из центральных регионов Золотой Орды, сделала *К.А. Лавыш* (Минск, Беларусь).

В ряде докладов рассматривались разные аспекты истории вооружения населения степной Евразии в раннем и развитом средневековье. Изучение видов вооружения средневекового населения Кузнецкой котловины позволило *А.М. Илюшину* (Кемерово) составить свое представление о динамике их развития на протяжении V–XVII вв. Особенности защитного вооружения на примере ламеллярного панциря IV–V вв. н.э. из недавних раскопок комплекса Яломан-II ярко продемонстрировали *А.А. Тишкин* и *В.В. Горбунов* (Барнаул). *В. Йотов Василев* (Варна, Болгария) предложил коллегам сравнительную типологию стремян степной зоны и Византии VII–XII вв., известных на территории Болгарии. В докладе *В.В. Горбунова* (Барнаул) были проанализированы типы и реконструированы способы боевого захвата оружия таранного удара бронированной тюркской конницей. Вопросы использования боевых ножей кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов по материалам могильника Степушка-I были рассмотрены в докладе *А.А. Тишкина*, *С.С. Матренина* и *А.В. Шмидта* (Барнаул). *М.В. Горелик* (Москва) ознакомил коллег с результатами изучения парадных монгольских шлемов XIII–XIV вв.

Ряд выступлений участников конгресса был посвящен проблемам изучения фортификационных сооружений. *В.И. Соенов* и *С.В. Трифанова* (Горно-Алтайск), обследовавшие в последние годы алтайские каменные шибе, сделали попытку определить их хронологию и историко-культурную интерпретацию как фортификационных сооружений. *А.М. Губайдуллин* (Казань) сделал сообщение, посвященное глубоким традициям средневекового военного зодчества Волжской Булгарии домонгольского времени. Интересные сведения о развитии фортификационных сооружений г. Каффы в период ее военного конфликта с Крымским улусом Золотой Орды, известного как

Солхатская война, привел в своем выступлении *С.Г. Бочаров* (Симферополь, Автономная Республика Крым).

Серия докладов также была посвящена вопросам изучения городской культуры, торговли и торговых путей степной Евразии в X–XIII вв. В докладе *Р.Р. Валиева* и *А.Г. Ситдикова* (Казань) были обобщены материалы многолетних исследований застройки береговой линии Селитренного городища. Проблемам взаимодействия городского населения золотоордынского Азака с кочевниками и их интеграции в городскую жизнь был посвящен доклад *А.Н. Масловского* (Азов).

Отдельным объектом рассмотрения для докладчиков стала структура размещения средневековых поселений в пространстве и времени. *Н.Д. Руссев* (Кишинев, Молдова) изложил итоги изучения городской культуры в западном пограничье степной Евразии XIII–XIV вв., обозначив особенности их развития. На основе пространственного анализа археологических памятников X–XV вв., расположенных в сельскохозяйственной округе Биляра, *З.Г. Шакиров* (Казань) показал динамику изменений поселенческой структуры микрорегиона, оценив его ресурсный потенциал. *М.Б. Шигапову* (Казань) удалось выявить особенности топографии золотоордынских поселений в Западном Предкамье.

Доклады *Л.Ф. Недашковского* (Казань) и *Л.В. Яворской* (Москва) содержали богатый материал, показывающий уровень развития земледелия, скотоводства и промыслов в XIII–XIV вв. в золотоордынских городах Нижнего Поволжья.

Институт истории Казанского (Приволжского) федерального университета, Национальный центр археологических исследований АН РТ

Алтайский государственный университет

Национальный центр археологических исследований АН РТ

Объектом научного обсуждения стали и вопросы развития народов степной Евразии в контексте мировой культуры. *Аmano Тэцуя* (Саппоро, Япония) представил доклад об отношении населения к образу бурого медведя в восточной и западной частях Евразии. На основании новой копии петроглифов из урочища Хар-Хад в Монгольском Алтае *А.А. Тишкин*, *В.В. Горбунов*, *А.Н. Мухарева* (Барнаул; Кемерово) сделали сообщение о ранее не отмечавшихся деталях. Еще один доклад *М.В. Горелика* (Москва) был посвящен анализу декора монгольского костюма XII–XIV вв. *Ю.Б. Полидович* и *А.Н. Усачук* (Донецк, Украина) рассмотрели отраженные в этнографической действительности XVIII–XX вв. образы каменных скульптур восточноевропейских средневековых кочевников. По проблемам историографии исследований средневековых памятников Западной Монголии во второй половине XIX – начале XX в. был сделан доклад *Е.В. Шелеповой* (Барнаул).

В прениях по докладам выступили Н.Н. Крадин, И. Фодор, В. Йотов, А.А. Тишкин, Ф.Ш. Хузин, С.Г. Боталов, С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов, К.А. Руденко и др. Они отметили высокий научный уровень прослушанных сообщений, важность дальнейшего и более активного сотрудничества специалистов разных направлений в исследовании актуальных проблем археологии кочевых народов Евразии и от имени участников конгресса выразили благодарность его организаторам.

По завершении заседаний была проведена экскурсия по Чуйскому тракту с осмотром памятников археологии Алтая.

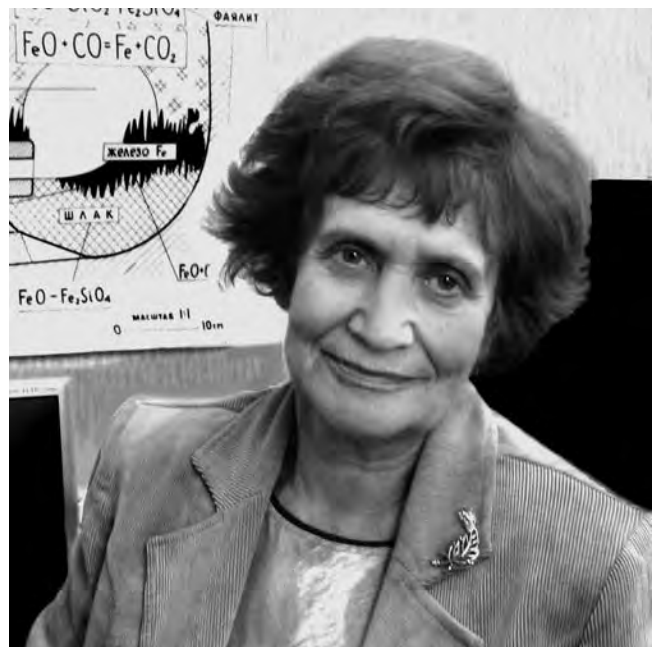
А.Г. Ситдилов

А.А. Тишкин

Ф.Ш. Хузин

К ЮБИЛЕЮ НАТАЛИИ НИКОЛАЕВНЫ ТЕРЕХОВОЙ

19 июня 2013 г. отметила юбилей Наталия Николаевна Терехова, старший научный сотрудник Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. Именно с лабораторией связана научная деятельность Наталии Николаевны. Закончив в 1957 г. исторический факультет МГУ, она поступает в Институт археологии и вливается в группу молодых ученых, ставших костяком формирующегося научного подразделения. Экспедиционная деятельность Наталии Николаевны в эти годы связана с Южной Сибирью и Забайкальем. Общение с С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой определили тему исследований. Уже в 1959 г. в журнале «Советская археология» выходит первая статья Н.Н. Тереховой «Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае». По инициативе Б.А. Колчина Наталия Николаевна начинает изучать проблему технологии изготовления древних изделий из чугуна. Для овладения методами металлографии Н.Н. Терехова прослушала курс лекций в Московском институте стали и сплавов. Изучение монгольских и китайских изделий из чугуна привело исследовательницу к выводу о том, что в столице монгольской империи Каракоруме существовал местный центр чугунолитейного производства, продукция которого не только использовалась для местных нужд, но и экспортировалась в другие центры (Технология изготовления первых металлических орудий у древних земледельцев Южной Туркмении // СА. 1974. № 1). К сожалению, политическая

ситуация не позволила Н.Н. Тереховой завершить начатую работу. Приоритетным направлением в ее исследованиях становится история ранней металлургии Средней Азии. Итог работ – кандидатская диссертация “История металлообработки производящего производства у древних земледельцев Южной Туркмении”, защищенная в Институте археологии в 1975 г. Значимость полученных в ходе этого исследования выводов была оценена не только отечественными учеными, но и нашла признание на международном уровне, что проявилось в публикации основных результатов в США (*Terekhova N.N. A History of Metallworking Production Among Ancient Agriculturalists of Southern Turkmenia // The Bronze Age Civilization of Central Asia. N.Y., 1981*).

Наталья Николаевна долгие годы являлась ученым секретарем лаборатории, возглавляла группу металлографии. Ее исследованиям присущ историзм, умение видеть за мелкими фактами сложные процессы, протекавшие в древнем ремесле. В своих работах она постоянно подчеркивает, что металлография – лишь метод для решения культурно-исторических задач. Под научным влиянием Н.Н. Тереховой в 70–80-е годы XX в. сформировались такие молодые исследователи, как В.И. Завьялов, Ю.А. Семькин, Т.С. Мехтиев.

Для научной деятельности Натальи Николаевны характерна широта взглядов. В 1980-е годы она приступает к изучению проблемы ранней железной индустрии народов Восточной Европы. При разработке этой темы был сделан важный вывод о существовании на Северном Кавказе одного из наиболее ранних центров железообработки на территории Восточной Европы и о его влиянии на сложение черной металлургии племен Среднего Поволжья (*Терехова Н.Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3*).

Наталья Николаевна обладает редкой способностью бесконфликтно работать в коллективе. Не подавляя чужого мнения, она умеет находить верное направление, объединяющее различные точки зрения. Именно благодаря ее такту и науч-

ному видению стала возможной подготовка и публикация коллективной монографии “Очерки по истории железообработки в Восточной Европе”, где были систематизированы, обобщены и осмыслены многочисленные, но разнородные и разнообразные данные по технике и технологии обработки черных металлов в Восточной Европе, начиная с древнейших веков и до эпохи средневековья (*Терехова Н.Н., Розанова Л. С. Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997*).

В дальнейшем именно Наталья Николаевна наметила основные направления работы группы металлографии: “Традиции и инновации в производственной культуре древних народов (на примере кузнечного ремесла)”, “Сложение производственных традиций в древнерусском кузнечестве”, “Этнокультурные взаимодействия в производственной сфере”, “Модели технологического развития кузнечного производства”. Результаты работы над этими темами нашли отражение в серии монографий, в написание которых Наталья Николаевна внесла большой вклад (*Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в Золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007; Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М., 2009; Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012*).

Более 40 лет отдала Н.Н. Терехова журналу “Советская археология”. Редакторская работа во многом определила стиль Натальи Николаевны, для которого характерны ясность изложения, четкость формулировок, обоснованность выводов.

И сегодня Н.Н. Терехова в научном поиске. Заканчивая работу над очередной монографией, она уже обдумывает план следующего научного проекта. Пожелаем же Натальи Николаевне творческого долголетия и новых успехов в выбранном научном направлении.

В.И. Завьялов

К 80-ЛЕТИЮ СВЕТАНЫ ВИКТОРОВНЫ ОШИБКИНОЙ

Светлана Викторовна Ошибкина родилась в Казани 6 августа 1933 г. Ее детские годы (1934–1946) прошли на Дальнем Востоке. В 1951 г. после окончания с золотой медалью Московской школы № 201 им. Зои Космодемьянской она поступила на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Здесь вместе с ней на кафедре археологии учились впоследствии известные археологи М.Х. Алешковский, В.В. Волков, И.К. Голунова-Лабутина, Д.В. Деопик, В.Б. Ковалевская, Б.Я. Маршак, Г.Ф. Никитина, Э.А. Новгородова и М.А. Романовская. На летних каникулах Светлана Ошибкина ездила на практику в Камскую экспедицию (руководитель О.Н. Бадер), а также Дальневосточную и Ангарскую экспедиции, которые возглавлял А.П. Окладников. В 1954 г. во время разведок на Тихоокеанском побережье в бухте Тетюхе вместе с Р.В. Чубаровой-Козыревой и Э.А. Новгородовой ею был открыт замечательный поздненеолитический памятник, материалы раскопок которого экспедицией под руководством А.П. Окладникова послужили основой ее дипломной работы.

После окончания Московского университета в 1956 г. Светлана Викторовна работала сначала научным сотрудником

Переяславль-Залесского краеведческого музея, а затем научным сотрудником в музее архитектуры им. А.В. Щусева при Академии строительства и архитектуры СССР (НИИ АСИА) (1956–1961 гг.) и в 1962 г. – научным сотрудником Института информации АСИА. Это был интереснейший период в жизни С.В. Ошибкиной, когда были заложены основы ее нестандартного мышления и независимости суждений.

В 1962 г. исполнилась давняя мечта Светланы Ошибкиной: она поступила в аспирантуру Института археологии АН СССР, где обучалась вместе с С.А. Астаховым, Н.О. Бадером, В.А. Башиловым, В.В. Бжанием, Г.П. Григорьевым, В.И. Гуляевым и М.А. Дэвлет. Ее научным руководителем стал А.Я. Брюсов, а темой будущей диссертационной работы выбраны материалы неолитических и энеолитических стоянок Европейского Севера СССР. По окончании аспирантуры в 1966 г. и по настоящее время Светлана Викторовна работает в Институте археологии АН СССР (ИА РАН), сначала в секторе неолита и бронзы, затем в отделе археологии каменного века. За эти годы она прошла должности младшего, старшего (с 1983 г.) и ведущего научного сотрудника (с 1995 г.). С.В. Ошибкина –

член Ученого совета ИА РАН и Ученого совета Государственного Исторического музея (ГИМ).

В 1967 г. ею была успешно защищена кандидатская диссертация по теме «Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла», а в 1986 г. – докторская диссертация по монографии «Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья». В основу обеих диссертаций были положены систематизированные и обобщенные материалы открытых и изученных ею памятников.

Начиная с 1968 г. Светлана Викторовна проводила обширные полевые исследования. В 1968–1991 гг. она возглавляла Северную экспедицию, которая с 1978 г. вела масштабные работы по Проекту переброски на юг рек Русского Севера. Благодаря этому были обследованы бассейны многих озер и рек Вологодской и Архангельской областей и открыты десятки стоянок, поселений и могильников разных эпох: мезолита, неолита, раннего металла и средневековья. На многих памятниках каменного века были проведены масштабные раскопки. Наиболее сенсационные результаты получены при изучении стоянок Веретье I, Сухое и могильников Песчаница и Попово. Необходимо отметить, что эти раскопки зачастую велись в труднейших условиях заболоченных территорий и были связаны с обширными осушительными работами. В силу этого много внимания уделялось выработке методики полевых исследований торфяниковых памятников. Этот опыт имеет непреходящее значение.

Одновременно в 1970–1983 гг. С.В. Ошибкина руководила еще и Вятской экспедицией. На юге Кировской области у ма-

рийского с. Тюм-Тюм ею обнаружены и раскопаны два грунтовых могильника. Нижний из них содержал комплексы раннего железного века и был отнесен к азелинской археологической культуре, над ним располагался могильник XVII–XVIII вв. Всего было исследовано 169 погребений. Монография, посвященная ранним материалам, была подготовлена и опубликована С.В. Ошибкиной в 2010 г.

Помимо собственных Светлана Викторовна неоднократно принимала участие в работе Прибалтийской экспедиции В.С. Титова, Западно-Сибирской М.Ф. Косарева, Южно-Уральской Г.Н. Матюшина, Верхневолжской Д.А. Крайнова и Чебоксарской экспедиции Ю.А. Краснова. В последней из них, в зоне строительства Чебоксарского гидроузла в Нижегородской области, Светлана Викторовна исследовала интереснейшую неолитическую стоянку Гавриловка-Д.

Основная часть материалов, полученных в результате собственных раскопок, была введена Светланой Викторовной в научный оборот. Всего ею опубликовано свыше 150 печатных работ. Среди них – семь монографий и разделы в трех монографиях серии «Археология СССР». Каждая из этих книг представляет собой событие в научном мире.

В 1960–1970-е годы она занималась изучением неолитических памятников Севера, в том числе могильников Мыс Бревенный и Сухое. Этой тематике посвящена монография «Неолит Восточного Прионежья», изданная в 1978 г. Огромной заслугой Светланы Викторовны является редактирование ею тома «Неолит Северной Евразии» (1996 г.), изданного в серии «Археология СССР» (в 20-ти томах).

В 1980–1990-е годы ее внимание и усилия были направлены на изучение мезолитических памятников севера Восточной Европы. Этой тематике посвящены четыре книги и десятки статей. В фундаментальной монографии «Мезолит Сухоны и Восточного Прионежья» (1983 г.) Светлана Викторовна общилась с исчерпывающей полнотой все накопленные к тому времени материалы, впервые осветив ранее практически неизвестный период мезолита этой территории. Монографии С.В. Ошибкиной «Веретье I. Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы» (1997 г.), «Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье» (2006 г.) и «На переломе эпох» (2009 г., в соавторстве с А.Н. Сорокиным и А.В. Трусковым) посвящены публикации и систематизации мезолитических материалов Восточного Прионежья, добытых за долгие годы полевых изысканий на Русском Севере. Здесь ее внимание было сосредоточено на выделении и обосновании мезолитической культуры веретье. В них детально охарактеризованы поселенческие и погребальные комплексы, с исчерпывающей полнотой проиллюстрированы орудия труда и вооружение, обработана, систематизирована и введена в научный оборот большая коллекция предметов искусства. Выявлены структура поселений, принципы организации территории, реконструированы жилища, детально описаны, проиллюстрированы и систематизированы данные могильников Песчаница и Попово, изучен погребальный обряд населения культуры веретье. В монографиях систематизирована и опубликована информация, которую возможно добыть, исследуя органические остатки естественно-научными методами. Благодаря этому источниковедение культуры веретье получило свое фундаментальное обоснование.

Работы Светланы Викторовны позволили создать основной фонд источников по мезолиту и неолиту Русского Севера, что позволило заполнить значительное белое пятно на карте древних культур Европейской России. Особой заслугой С.В. Ошибкиной служит, без сомнения, тот факт, что ею были открыты и

изучены первоклассные мезолитические памятники. Чего стоит одно только Веретье I с потрясающими изделиями из кости, рога и дерева. Не меньшее значение имеют открытые и изученные ею уникальные мезолитические погребения могильников Песчаница и Попово. Материалы этих феноменальных памятников, открытых, раскопанных и систематизированных С.В. Ошибкиной, осветили проблемы заселения и формирования древних народов Европейского Севера, позволили во многом пересмотреть традиционные представления об исторических процессах, происходивших в древности в этом регионе. Эти исследования вызывают заслуженный интерес не только у нас в стране, но и за рубежом.

Светлана Викторовна как археолог многогранна. Она хороший разведчик, а это очень ценное качество для специалиста по каменному веку. Свидетельство тому – многие открытые ею стоянки и могильники. Она прекрасный полевой исследователь. Ее раскопки отличаются тщательностью, скрупулезностью и методической безупречностью. Вместе с тем она и высококвалифицированный кабинетный ученый: печатная продукция, вышедшая из-под пера Светланы Викторовны, охватывает значительный круг тем, отражающих широту

Институт археологии РАН, Москва

Государственный Исторический музей, Москва

кругозора и интересов их автора. Много времени и внимания она уделяла и уделяет рецензированию, редактированию, оппонированию работ и подготовке аспирантов. Не оставляет вне поля зрения научно-популяризаторскую работу, оказывала и оказывает содействие работникам многих периферийных музеев.

Светлана Викторовна Ошибкина всю свою жизнь увлеченно занималась и занимается археологическими исследованиями. Однако что бы ею ни обсуждалось, даже за незамысловатой арифметикой черепков и каменных изделий, монотонными спектрами пыльцы и сухими наборами радиоуглеродных дат неотступно стоит древний человек с его мыслями, чаяниями, достижениями и неудачами. Благородной задаче постижения Человека посвятила всю свою научную деятельность Светлана Викторовна Ошибкина – неутомимый исследователь древностей Севера, первооткрыватель культуры веретье. Эта мезолитическая культура – уникальный феномен, чьи богатейшие памятники составляют золотой фонд мировой науки. Светлана Викторовна по достоинству принадлежит к славной плеяде русских археологов, составляющих гордость нашей науки.

М.П. Зимина, А.Н. Сорокин

С.В. Студизцкая

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА МАТВЕЕВА

24.04. 2013 г. после тяжелой болезни ушел из жизни талантливый ученый и замечательный человек, доктор исторических наук, профессор Александр Васильевич Матвеев. Он был блестящим археологом и прекрасным организатором научных исследований. Кроме того, А.В. Матвеев оставил яркий след как преподаватель, воспитавший сотни студентов-историков и немало аспирантов.

А.В. Матвеев родился 9 ноября 1955 г. в Новосибирске. Закончив школу, он поступил в Новосибирский государственный педагогический институт (НГПИ), который окончил в 1978 г. Еще студентом Матвеев начал профессиональную деятельность в качестве лаборанта при учебном археологическом музее НГПИ, а по окончании вуза переехал в Тюмень, где в 1978 г. организовал хозяйственную научно-исследовательскую археологическую экспедицию при Тюменском государственном университете (ТюмГУ), в котором вел преподавательскую деятельность.

Научной работой А.В. Матвеев начал заниматься еще в студенчестве под руководством д-ра ист. наук, проф. Т.Н. Троицкой. Уже в это время им были подготовлены и опубликованы первые научные доклады и статьи, он получил свой первый Открытый лист и провел самостоятельные разведки и раскопки в Новосибирской области.

В 1981 г. после службы в армии А.В. Матвеев поступил в заочную аспирантуру при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, где его научным руководителем стал д-р ист. наук, проф. Р.С. Васильевский. Кандидатская диссертация А.В. Матвеева была посвящена поселениям ирменской культуры эпохи поздней бронзы Приобья, теме, которой он был увлечен еще со студенчества. Итогом работы стала разработанная им новая хронология и периодизация древностей эпохи поздней бронзы Новосибирского Приобья. Исследователем предложены графические реконструкции каркасно-столбовых жилищ ирменской культуры. Позднее все это вошло в его первую монографию «Ирменская культура в лесостепном Приобье», вышедшую в свет в 1993 г.

В университете первым крупным проектом, выполнявшимся молодым научным коллективом под руководством А.В. Матвеева, стало создание в 1995 г. археологической карты юга Тюменской области. Кроме того, А.В. Матвеев берется за

изучение своей любимой эпохи бронзы, исследуя памятники малоизученных в 70-80-е годы алакульской, черкаскульской и бархатовской культур, а также красноозерской культуры переходного периода к раннему железному веку. А.В. Матвеев одним из первых проявил интерес к саргатской культуре раннего железного века западносибирской лесостепи, начав здесь раскопки элитных курганов и выполнив реконструкцию саргатского жилища. Полученные в результате работ его экспедиции уникальные материалы частично демонстрируются в Государственном Эрмитаже, частично составили основу учебного музея при ТюмГУ.

Затем А.В. Матвеев перешел на работу в Институт проблем освоения Севера (ИПОС) СО РАН, в котором работал в должности заместителя директора по науке с 1990 по 2001 г. Александр Васильевич стал инициатором и создателем гуманитарных подразделений института: лабораторий археологии, антропологии и этнографии, палеоэкологии человека. Здесь он подготовил и в 2000 г. блестяще защитил докторскую диссертацию. В 1998 г., подводя первые итоги многолетнему изучению эпохи бронзы в регионе, он издал монографию «Первые андроновцы в лесах Зауралья», а в 2009 г. совместно со своей ученицей О.М. Аношко – «Зауралье после андроновцев». Обладая широким кругозором и интуицией, Александр Васильевич провел работы по поиску неизвестных тогда в регионе погребальных памятников неолита–энеолита, открыв и исследовав уникальный комплекс с захоронением в ладье на могильнике Бузан 3 и святилище культа камня в местечке Остров.

В 2001 г. А.В. Матвеев был приглашен в университет для подготовки кадров и заведования вновь созданной кафедрой археологии, антропологии и этнографии. Одной из главных задач, стоящих перед А.В. Матвеевым, стала организация при университете Научно-исследовательского института гуманитарных исследований, который он успешно возглавлял в течение 10 лет. В эти годы ученый разрабатывал проблемы культурогенеза Западной Сибири в древности, успешно работал над совершенствованием методики археологических раскопок и анализа данных, извлекаемых из источников. В последние годы его увлекла новая тема, связанная с изучением освоения Сибири русскими землепроходцами. Особое место в научном творчестве А.В. Матвеева заняло исследование культурных слоев первой сибирской столицы – города Тобольска. Под его руководством Тюменская археологическая экспедиция провела в 2007–2012 гг. шесть блестящих полевых сезонов, результатом работ которых стало обнаружение насыщенного находками стратифицированного культурного слоя, частокольной стены тюремного замка, подземного хода, нескольких линий фортификации изначальной деревянной крепости, нескольких ярусов жилых и хозяйственных строений, торговых лавок, уникальных предметов культуры первых тоболяков. В центре внимания ученого был такой актуальный для археологической

и исторической науки вопрос, как урбанизация, в частности, им обосновано значительное удревнение времени возникновения первых городов в Сибири. Вместе с университетскими историками была написана книга «Со времен князя Самара», выдержавшая два издания. Его работы были также посвящены установлению даты похода и места гибели Ермака, этапам застройки Тобольска и развитию культуры его жителей.

В сферу интересов Александра Васильевича входили популяризация археологических открытий и развитие научного туризма. Он был первооткрывателем уникального комплекса древностей «Ингальская долина» и инициатором многих учебно-научных, просветительских, военно-патриотических программ, выполненных на этом научном полигоне. Перу А.В. Матвеева принадлежат около 170 научных и научно-популярных работ, в том числе 16 книг и брошюр. Под его редакцией начал выходить «Вестник археологии, антропологии и этнографии», издающийся уже 16 лет и получивший впоследствии статус рейтингового журнала. А.В. Матвеев был автором десятков статей в энциклопедиях Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа–Югра, Ямало-Ненецкого автономного округа, редактором ряда сборников статей и монографий.

По жизни его вела огромная увлеченность наукой, стремление открыть неизвестные страницы далекого прошлого и рассказать об этом самому широкому кругу читателей. Александр Васильевич был прекрасным рассказчиком, хорошим педагогом и чутким педагогом, подготовившим десятки археологов, студентов и аспирантов как в ТюмГУ, так и в ИПОС СО РАН. Всегда вокруг него была атмосфера доброжелательности, юмора, розыгрыша, он проявлял внимание и находил способ поддержать сотрудника, коллегу, охотно уделял время журналистам, краоведам, активистам национальных объединений, казачьего движения, организаторам школьных археологических лагерей. Спокойная благожелательность и обаяние, соединявшиеся с научной и человеческой взыскательностью, всегда привлекали к нему людей.

Будучи воспитанником новосибирской археологической школы, А.В. Матвеев продолжал и развивал ее лучшие традиции во всех учебных и академических институтах Тюмени, где ему довелось трудиться. Результатами глубоких и разносторонних историко-археологических исследований Александра Васильевича Матвеева были заполнены многие лакуны в древней и новой истории Западной Сибири, последовательно сформированы три самобытных научно-исследовательских коллектива, воспитаны два поколения тюменских археологов.

Александр Васильевич навсегда останется в нашей памяти как удивительный Человек, сочетавший в себе высоконравственные качества и подлинный талант ученого, педагога, верного ученика и друга.

Новосибирский государственный педагогический университет

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета

Т.Н. Троицкая

А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак

Н.П. Матвеева

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (новые требования выделены курсивом)

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (Открытого листа) или несданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **двух** экземплярах, распечатанных через **1.5 интервала** (шрифт Times New Roman, кегль 14) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат – 290×210) с одной стороны листа, **с обязательным приложением электронной версии** (на диске). К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском языке** (*не более 1 стр.; можно приложить дополнительно англоязычный авторский перевод*) и **ключевые слова** (**не более 10**). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

На отдельной странице приводятся **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 илл.** Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные работы должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

*НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ САЛТОВ-IV*

© 2012 г. **И.К. Решетова**

*Институт археологии РАН, Москва
(reshetovairina@yandex.ru)*

Ключевые слова

Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии – на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, особенно плохой сохранности (чертежи и пр.), только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. через точку с прописной буквы. Например, (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке (*необходимо указывать всех авторов статей и монографий и редакторов сборников независимо от их количества*) на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К Списку литературы должен быть приложен Список сокращений на отдельной странице. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города и названия *издательства* издания (если в дореволюционных изда-

ниях указание на издательство отсутствует, дается название типографии) в конце сноски *указывается общее количество страниц тома. Следует обязательно указывать ответственного редактора или составителя у сборников.*

При ссылках на статьи в сборниках и периодические издания необходимо указать том, №, выпуск, страницы публикации, включая иностранные издания. Например,

монография: Кренке НА. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.;

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.;

статья в сборнике: Коваль В.Ю. “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57;

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136;

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.: АН СССР, 1941. 147 с.;

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные распечатанный и электронный варианты публикации должны сопровождаться подписанным договором о передаче авторских прав на публикацию издательству “Наука”. Текст Договора размещен на сайте Издательства “Наука” <http://www.naukaran.ru/>. Подготовленный для отправки в журнал “Российская археология” вариант договора можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: <http://www.archaeolog.ru/media/rosarkh/Dogovor-new.doc>.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС ГЭ	– Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Л.; СПб
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
МИСК	– Материалы по истории Ставропольского края
МОАИ	– Материалы охранных археологических исследований. М.
НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры РАН
СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
СППИ	– Ставропольский государственный педагогический институт
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique
CAG	– Carte archéologique de la Gaule
CRAI	– Comptes-rendus des seances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
DHA	– Dialogues d’histoire ancienne
EM	– Etudes massaliètes
INRAP	– Institut National des recherches archeologiques Preventifs
LAMPEA	– Laboratoire Méditerranéen de Préhistoire Europe-Afrique
REA	– Revue des études anciennes. Bordeaux

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2013 г.

- Автушкова А.Л.** По следам экспедиции В.В. Радлова в Барабинской лесостепи. № 2, 154
- Албегова З.Х., Корневский С.Н., Коробов Д.С., Леонова Е.В., Малашев В.Ю., Гаджиев М.С.** XXVII “Крупновские чтения” (Махачкала, 2012). № 2, 180
- Алексеев А.С.** Саркофаг Патриарха Никона: результаты гео-литологического исследования. № 4,
- Амирханов Х.А.** Орудия-гигантолиты в индустрии олована Дагестана. № 3, 5
- Амирханов Х.А.** см. Саблин М.В.
- Афанасьев Г.Е.** Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? № 3, 13
- Бадеев Д.Ю., Русаков П.Е., Майорова Е.В.** Старый деревянный дворец и Каменные палаты Ново-Иерусалимского монастыря: археологические исследования 2009–2011 гг. № 1, 59
- Базалийский В.И., Лозей Р.Д., Пежемский Д.В., Гарвье-Лок С., Жермонпре М., Леонард Д.А.** Комплекс эпохи мезолита с погребением волка в Прибайкалье. № 3, 92
- Бахшалиев В.Б.** Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана. № 4,
- Бахшалиев В.Б.** Протокуро-аракская керамика Нахчывана. № 3, 105
- Беговаткин А.А.** Новые данные о древнерусских мечех типа А-местный. № 4,
- Беляев Л.А., Капитонова М.А.** Погребение Патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре: исследование 2012 г. № 4,
- Беляев Л.А.** Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени. № 1, 30
- Беляев Л.А.** см. Макаров Н.А.
- Берсенева Н.А.** Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура). № 1, 22
- Битнер-Врублевская А., Скворцов К.Н.** Ежи Окулич-Козарин (1931–2012). № 2, 187
- Блохин В.Г., Петров П.А.** Средневековые комплексы с височными подвесками из Волгоградского Поволжья. № 3, 37
- Болелов С.Б.** Новые материалы по археологии Узбекистана Ремесло Древнего Хорезма по археологическим данным. Этапы становления. № 2, 77
- Борзунов В.А.** Политические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья. № 4,
- Бытковский О.Ф.** см. Ткачев В.В.
- Ван дер Плихт Й.** см. Шишлина Н.И.
- Вилисов Е.В.** см. Шорин А.Ф.
- Воронова О.А.** Фундаменты Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. № 1, 53
- Гаджиев М.С.** см. Албегова З.Х.
- Гаибов В.А., Кошленко Г.А.** Храмы огня на территории Южного Туркменистана. № 4,
- Галиева З.С.** Новые материалы по археологии Средней Азии. Типология керамических сфероконусов Средней Азии. № 4,
- Гарвье-Лок С.** см. Базалийский В.И.
- Глазунова О.Н.** Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, атрибуция. № 1, 68
- Горбаненко С.А.** Палеознотботанические материалы с памятников юхновской культуры. № 2, 62
- Горин А.Н.** Подражание оболам Евкратиды с городища Кампыртепа. № 2, 87
- Гуляев В.И.** Гордон Рандольф Уилли – основоположник “поселенческой археологии” в США. № 4,
- Гуляев В.И.** К 250-летию скифской археологии. № 3, 146
- Гусев К.А.** К 120-летию Международного конгресса по антропологии и доисторической археологии. № 3, 155
- Гуцалов С.Ю.** Позднепрохоровское погребение из Нагорненского курганного могильника в Западном Казахстане. № 3, 108
- Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В.** Глиняные ядра с городища Кампыртепа. № 2, 92
- Двуреченская Н.Д.** Об одном типе антропоморфных статуэток Маргианы (по материалам САЭ 1980–2003 гг.). № 4,
- Двуреченский О.В.** см. Двуреченская Н.Д.
- Демкин В.А.** см. Матвеева Н.П.
- Деревянко А.П.** см. Троицкая Т.Н.
- Дзаттиаты Р.Г.** Керамический сосуд в виде барана из Едыса. № 4,
- Диденко С.В.** см. Могилов А.Д.
- Длужневская Г.В.** см. Савинов Д.Г.
- Добровольская М.В.** Population Dynamics in Prehistory and Early History. New approaches using stable isotopes and genetics / Eds E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin; Boston, 2012. № 4,
- Доде З.В.** III Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Г.К. Шамба. Сухум, 2011. № 3, 175
- Домжальский К., Журавлев Д.В.** Фрагменты понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса. № 2, 137
- Дэвлет Е.Г.** О выставке “Появление современного мировоззрения: искусство каменного века” (Британский музей, Лондон). № 4,
- Еремеев А.А.** см. Коваль В.Ю.
- Жермонпре М.** см. Базалийский В.И.
- Журавлев Д.В.** III Международный керамический рабочий семинар “Столовая посуда Эгейского побережья Анатолии от позднего эллинизма до средневековья – производство, имитации, использование”. Nieborów, Польша, 2012. № 3, 183

- Журавлев Д.В.** см. Домжальский К.
- Жушиховская И.С.** С. Melvin Aikens, Thomas Connolly, Dennis L. Jenkins. Oregon Archaeology. Corvallis, 2011. № 1, 187
- Завьялов В.И.** К юбилею Наталии Николаевны Тереховой. № 4,
- Зазовская Э.П.** см. Шишлина Н.И.
- Зими́на М.П., Сорокин А.Н., Студзицкая С.В.** К 80-летию Светланы Викторовны Ошибкиной. № 4,
- Зыков А.П.** см. Шорин А.Ф.
- Ильясов Дж.Я.** Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-Гыр 2. № 2, 96
- Каменецкий И.С.** Погребение черняховской культуры на Дону. № 1, 172
- Капитонова М.А.** Архитектурно-археологическая стратиграфия и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря. № 1, 42
- Капитонова М.А.** см. Беляев Л.А.
- Кардаш О.В.** “Остяцкие шашки” из Полуйского (Обдорского) городка XVI–XVII вв. № 1, 146
- Клещенко А.А.** Керамический комплекс закубанского варианта северокавказской культуры. № 2, 37
- Коваль В.Ю., Медынцева А.А., Еремеев А.А.** Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского. № 3, 134
- Кореневский С.Н.** см. Албегова З.Х.
- Коренько В.А.** Законодательство в области охраны археологического наследия: зарубежный опыт. № 4,
- Коренько В.А.** Об этическом кодексе профессиональных археологов: зарубежный опыт. № 4,
- Коробов Д.С.** Chris Wickham. Framing the Early Middle Ages. Europe and the Mediterranean, 400–800. Oxford, 2005. № 3, 162
- Коробов Д.С.** см. Албегова З.Х.
- Король Г.Г.** Фантастические животные в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая. № 3, 26
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.** Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.). № 1, 87
- Кошеленко Г.А.** см. Гаилов В.А.
- Кренке Н.А., Чаукин С.Н.** Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке. № 1, 106
- Кропотов В.В.** см. Мульд С.А.
- Крыласова Н.Б.** Роговые топоры с Рождественского городища. № 3, 125
- Кузнецов П.Ф.** Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы. № 1, 13
- Кузьмин Я.В.** Современные тенденции в радиоуглеродном датировании археологических объектов (обзор трудов конференций 2008–2009 гг.). № 1, 182
- Кулаков В.И.** Коралленберге (Хвойное). Стратиграфия и хронология раннесредневекового поселения в Калининградской области. № 4,
- Леонард Д.А.** см. Базалийский В.И.
- Леонова Е.В.** см. Албегова З.Х.
- Лозей Р.Д.** см. Базалийский В.И.
- Лурье П.Б.** Еще раз о “капеллах” Пенджикента и Верхнего Зеравшана. № 4,
- Лычагина Е.Л.** Новые данные по радиоуглеродному датированию позднеэнеолитических памятников на территории Среднего Прикамья. № 1, 168
- Майорова Е.В.** см. Бадеев Д.Ю.
- Макаров Н.А.** Археология и грабительские раскопки: комментарий к общеизвестному. № 2, 191
- Макаров Н.А., Мунчаев Р.М., Беляев Л.А.** Журнал и охрана археологического наследия. № 4,
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В.** Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме. № 4,
- Малашев В.Ю.** см. Албегова З.Х.
- Мамаев Р.Х.** см. Мамаев Х.М.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.** Археологические исследования в Чечне во второй половине 40-х – первой половине 50-х годов XX в. № 4,
- Матвеева Н.П., Демкин В.А.** IV Научная конференция “Экология древних и традиционных обществ” в Тюмени. № 2, 186
- Матвеева Н.П.** см. Троицкая Т.Н.
- Медынцева А.А.** см. Коваль В.Ю.
- Михайлов К.А.** см. Орфинская О.В.
- Мкртычев Т.К.** Буддийский монастырь Фаяз-тепе (Северная Бактрия) по исследованиям последних лет. № 2, 119
- Могилев А.Д., Диденко С.В.** Курган V в. до н.э. у с. Турция в Днепровской правобережной лесостепи. № 4,
- Модин Р.Н.** Находки подвесок “гнездовского типа” в бассейне Верхней Оки. № 3, 129
- Молодин В.И.** см. Троицкая Т.Н.
- Молодин В.И., Шуньков М.В.** К юбилею академика А.П. Деревянко. № 1, 5
- Морозов В.М., Стефанов В.И., Ченченкова О.П.** Эска находка (каменное зооморфное изображение из таежного Обь-Иртышья). № 1, 165
- Мульд С.А., Кропотов В.В.** Склеп 96 могильника Левадки (Центральный Крым). № 3, 114
- Мунчаев Р.М.** Выдающийся исследователь археологии Евразии. К 90-летию Николая Яковлевича Мерперта. № 1, 157
- Мунчаев Р.М.** см. Макаров Н.А.
- Мягкова О.А.** Новые материалы по археологии Узбекистана Реконструкция оссуария с городища Дурмен в Центральном Согде. № 3, 51
- Ожерельев Д.В.** см. Саблин М.В.
- Олейников О.М., Руденко К.А.** Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода. № 2, 144
- Омельченко А.В.** Цитадель Пайкенда в III–V вв. № 2, 105
- Орфинская О.В., Михайлов К.А.** “Древнерусское платье” из Изяславля: новая атрибуция. № 4,
- Осипов Д.О.** Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы). № 1, 141
- Осипов Д.О.** Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.) Екатеринбург, 2011. № 2, 176
- Остапенко А.А.** Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2010 гг.). № 1, 130
- Пежемский Д.В.** см. Базалийский В.И.
- Петров П.А.** см. Блохин В.Г.

- Пигарёв Е.М.** Находки скорлупы птичьих яиц на средневековом могильнике “Маячный Бугор”. № 1, 179
- Пидаев Ш.Р.** Новые находки гемм и их оттисков с городища Старый Термез. № 3, 57
- Пилипко В.Н.** Материалы из раскопок поселения эллинистического времени Дашлы 45 (Каахкинский район, Туркменистан). № 4,
- Полин С.В., Эрлих В.Р.** К юбилею Александра Михайловича Лескова. № 3, 188
- Полосьмак Н.В.** см. Троицкая Т.Н.
- Попова Е.А.** Назначение привратных святилищ в ритуальной практике IV–III вв. до н.э. (по материалам городища “Чайка” в Крыму). № 4,
- Попов А.С.** Grotowski P. Arms and armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovations in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden; Boston, 2010. № 3, 168
- Рафикова Я.В.** Е.В. Куприянова. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как “текст” (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008. № 2, 164
- Родионов А.М.** Технология получения микропластинок на стоянке Костёнки XI (культурный слой 1а). № 1, 162
- Руденко К.А.** см. Олейников О.М.
- Русаков П.Е.** см. Бадеев Д.Ю.
- Саблин М.В., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В.** Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения. № 4,
- Савельев Н.И.** “Корона Джанибека” в отечественной и зарубежной историографии. № 2, 67
- Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.** Белек Марианне Арташировне Дэвлет. № 2, 149
- Савченко И.А.** J. Žralka. Terminal Classic Occupation in the Maya Sites Located in the Area of Triangulo Park, Peten, Guatemala. Krakow, 2008. № 3, 160
- Сангулия Г.А.** см. Скаков А.Ю.
- Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И.** Керамика и вопросы хронологии жилого квартала Пайкенда VII–VIII вв. № 3, 66
- Сверчков Л.М.** Горная Уструшана и некоторые вопросы исторической географии Средней Азии. № 3, 80
- Сергин В.Я.** Новые данные о жилищно-хозяйственном комплексе 3 Межирицкого поселения верхнего палеолита. № 2, 5
- Серигов Ю.Б.** Луговская находка и дискуссия о возможности охоты на мамонтов. № 2, 18
- Сидтиков А.Г., Тишкин А.А., Хузин Ф.Ш.** II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. № 4,
- Скаков А.Ю., Сангулия Г.А., Требелева Г.В.** Памяти Анзора Семеновича Агумаа (1958–2012). № 2, 189
- Скворцов К.Н.** см. Битнер-Врублевская А.
- Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В.** Среднеэпогические материалы в бассейне Верхнего и Среднего Дона. № 2, 126
- Смирнов А.С.** Вторая международная научная конференция “История археологии: исследователи и научные центры (к 165-летию со дня рождения Ф.К. Вовка)”. Киев, 2012. № 3, 179
- Смольянинов Р.В.** см. Скоробогатов А.М.
- Стефанов В.И.** см. Корочкова О.Н.
- Стефанов В.И.** см. Морозов В.М.
- Супренков А.А.** Сельская территория Массалия в VI–III вв. до н.э.: основная проблематика. № 4,
- Тишкин А.А.** см. Сидтиков А.Г.
- Ткачев В.В., Умрихин С.М., Бытковский О.Ф.** Новый синкретический могильник на западе андроновской общности (Южное Зауралье). № 1, 97
- Торгоев А.И.** см. Сапаров Н.Ж.
- Требелева Г.В.** см. Скаков А.Ю.
- Троицкая Т.Н., Деревянко А.П., Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Матвеева Н.П.** Памяти Александра Васильевича Матвеева, № 4
- Умрихин С.М.** см. Ткачев В.В.
- Успенский П.С.** Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда). № 4,
- Федорина А.Н.** см. Макаров Н.А.
- Федорова Н.В.** Конференция в честь 80-летия открытия памятника археологии “Древнее святилище Усть-Полуй” (Салехард, 2012 г.). № 4,
- Федоров В.К.** Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников. № 2, 44
- Хузин Ф.Ш.** см. Сидтиков А.Г.
- Цветкова Т.Г.** Неизвестный орнаментальный мотив в резьбе по ганчу из Варахши. № 3, 76
- Цетлин Ю.Б.** К 50-летию группы “История керамики”. № 3, 185
- Чаукин С.Н.** см. Кренке Н.А.
- Ченченкова О.П.** см. Морозов В.М.
- Чехановец Я.** “Силоамский монолит” и “Верхотура”: археология русских участков в граде Давидовом. № 4,
- Чхаидзе В.Н.** Грузинская археология в свете новых публикаций (2003–2006 гг.). № 4,
- Шишлина Н.И., Ван дер Плихт Й., Зазовская Э.П.** Костяные булавки бронзового века: результаты радиоуглеродного датирования. № 4,
- Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В.** Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье). № 1, 119
- Шорин А.Ф.** О параллелях между неолитическим культовым комплексом Кокшаровский холм и святилищами коренных народов Урала XIX–XX вв. № 2, 27
- Шполянский С.В.** см. Макаров Н.А.
- Шуныков М.В.** см. Молодин В.И.
- Щавелев С.П.** А.В. Орешников. Дневник. 1915–1933. В 2 кн. / Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М., 2010–2011. № 2, 170
- Яценко В.С.** Погребения Койсугского курганного могильника северной периферии майкопско-новосвободненской общности. № 1, 78
- Авторский указатель за 2013 г. № 4, 190
- Правила для авторов. № 3, 190
- Правила для авторов. № 4, 188
- Список сокращений. № 1, 192
- Список сокращений. № 4, 189